

ИНСТИТУТ СЛАВЯНОВЕДЕНИЯ РАН

ВЗГЛЯД ЧУЖЕЗЕМЦА

Дипломаты, публицисты,
ученые-путешественники
между Востоком и Западом
в XVIII – XXI вв.

Нестор-История
Москва • Санкт-Петербург
2020

УДК 94
ББК 63.3(4)
В406

Издание подготовлено при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований в рамках работы над исследовательским проектом № 18-09-00346а

Авторы:

*Г. В. Александров, А. К. Александрова, О. Е. Алтеев, А. О. Бурцева,
Л. Я. Гибянский, А. Гребикова, Н. С. Гусев, И. Е. Иванова, Е. В. Каменская,
Л. А. Кирилина, Ф. И. Мелентьев, В. В. Никитин, Е. Э. Носенко-Штейн,
О. Е. Петрунина, Е. Е. Полянская, А. А. Силкин, А. С. Стыкалин,
М. М. Фролова, Н. И. Храпунов, Л. П. Черникова, Г. Н. Энгельгардт*

Редколлегия:

О. В. Хаванова (отв. ред.), А. А. Леонтьева, К. В. Мельчакова

Редактор

Л. А. Авакова

Рецензенты:

доктор исторических наук *Велихан Салманханович Мирзаханов*
кандидат исторических наук *Юлия Владимировна Лобачева*

В406 Взгляд чужеземца : Дипломаты, публицисты, ученые-путешественники между Востоком и Западом в XVIII–XXI вв. / Г. В. Александров, М. М. Фролова, Ф. И. Мелентьев [и др.] ; под общ. ред. О. В. Хавановой (отв. ред.), А. А. Леонтьевой, К. В. Мельчаковой. — М. : Институт славяноведения РАН ; СПб. : Нестор-История, 2020. — 376 с., ил.

ISBN 978-5-4469-1767-9

DOI 10.31168/4469-1767-9

Коллективный труд посвящен изменению и усложнению процесса сбора и осмысления информации о народах и странах Запада и Востока. В нем отражены биографии и профессиональные достижения дипломатов, публицистов и ученых, внесших вклад в знания о политических системах, методах хозяйствования, культурных особенностях народов Запада и Востока; рассмотрен вклад дипломатической и консульской служб в сбор, накопление и анализ информации о природных условиях, экономике, народонаселении, общественно-политическом строе, культуре; особое внимание уделено роли публицистики (журналистики) в формировании общественного мнения и распространении достоверной (или недостоверной) информации.

ISBN 978-5-4469-1767-9

9 785446 917679

© Коллектив авторов, 2020
© Институт славяноведения РАН, 2020
© Дизайн обложки П. К. Донской, 2020
© Издательство «Нестор-История», 2020

Содержание

Предисловие	9
-------------------	---

ГЛАВА 1

ИСТОРИЯ ОДНОГО ПУТЕШЕСТВИЯ

Глеб Владимирович Александров

«Страна, которую я давно мечтал увидеть...»: Англия Олауды Эквиано	13
---	----

Марина Михайловна Фролова

Путешествие А. Д. Черткова по Италии и Сицилии в 1823–1825 гг. в контексте его общественно-политических воззрений	23
--	----

Федор Ильич Мелентьев

Почему наследник престола швырнул лампу? Сравнительный анализ описаний путешествия цесаревича Александра Александровича по России в 1869 г.	43
--	----

Ирина Евгеньевна Иванова

Черногория, Босния, Герцеговина в записках А. Авело и Ж. де ла Незьера	55
---	----

ГЛАВА 2

ВЗГЛЯД ДИПЛОМАТОВ, ПУТЕШЕСТВЕННИКОВ, ЖУРНАЛИСТОВ НА СТРАНУ ПРЕБЫВАНИЯ

Анежка Гребикова

Стефан Вильгельм Кинский — дипломат Священной Римской империи в России в 1721–1722 гг.	71
--	----

Никита Игоревич Храпунов

Крым между Западом и Востоком в записках британских путешественников конца XVIII — начала XIX в. 81

Ольга Евгениевна Петрунина

Греки в восприятии греческих дипломатов на российской службе (на примере А. А. Мустоксиди и К. М. Базили) 101

Александр Сергеевич Стыкалин

Межэтнические трения в Трансильвании конца XIX — начала XX в. глазами русских наблюдателей 115

Екатерина Владимировна Каменская

«Прага в эти дни»: чехословацкий конфликт в сообщениях специальных корреспондентов советских газет 136

Виктор Викторович Никитин

Внешняя политика России времен Б. Н. Ельцина глазами словацких дипломатов (1993–1999) 151

ГЛАВА 3**В ШАГЕ ОТ ВОЙНЫ: НАБЛЮДЕНИЯ, ВПЕЧАТЛЕНИЯ, ОЦЕНКИ****Олег Евгеньевич Алпеев**

Вооруженные силы и стратегические планы Великобритании в Центральной и Южной Азии в оценках офицеров российского Генерального штаба (конец XIX — начало XX в.). 173

Никита Сергеевич Гусев

Русские корреспонденты — авторы книг о Первой балканской войне в Болгарии в 1912–1913 гг. 185

Елизавета Евгениевна Полянская (Артюшкова)

Восприятие природы и населения Кавказского театра военных действий (1914–1917) представителями русской медико-санитарной службы 208

Леонид Янович Гибианский

Некоторые наблюдения и размышления посланника Югославии в Москве Милана Гавриловича о советской политике и положении СССР в канун Великой Отечественной войны. 226

ГЛАВА 4

ДИПЛОМАТИЯ И КУЛЬТУРНАЯ ПОЛИТИКА**Александр Александрович Силкин**

«Культурная дипломатия» в отсутствие дипломатических отношений,
возвращение в Россию пушкинской «Тетради Всевожского» 251

Алла Олеговна Бурцева

Туркмения 1930-х годов глазами советского писателя: язык и перевод ... 269

Лариса Петровна Черникова

Взгляд на Китай и формирование доктрины отношений:
отличительные черты имперской и советской культурной
политики взаимодействия..... 287

ГЛАВА 5

ЭТНОГРАФИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ НАБЛЮДЕНИЙ**Елена Эдуардовна Носенко-Штейн**

А. А. Рафалович и его «Записки русского врача»
как историко-этнографический источник 307

Любовь Алексеевна Кирилина

Практиканты общества «Русское зерно»
о поездках в словенские земли (1909–1913 гг.) 321

Георгий Николаевич Энгельгардт

От Крымской войны до Дейтона — устойчивость различий
стратегических ориентаций боснийских общин 345

Анна Константиновна Александрова

История Греции в современном российском нарративе
(на примере книги Н. Ниссен «Греческая мозаика:
История. Люди. Путешествия») 368

A Stranger's Gaze: Diplomats, Journalists, Scholars 377

Contents

Foreword	9
----------------	---

CHAPTER 1

HISTORIES OF SINGLE JOURNEYS

Gleb V. Aleksandrov

“The place I had long desired exceedingly to see...”: Olaudah Equiano’s England	13
--	----

Marina M. Frolova

Aleksandr Chertkov’s travel in Italy and Sicily in 1823–1825 in the context of his social and political views	23
--	----

Fedor I. Melentev

Why did the heir to the throne throw a lamp? Comparative Analysis of the Descriptions of Tsesarevich Alexander Alexandrovich’s Journey around Russia in 1869	43
--	----

Irina Ye. Ivanova

Montenegro, Bosnia, and Herzegovina in travel writing by H. Avelot and J. de la Neziere	55
--	----

CHAPTER 2

VIEWS OF DIPLOMATS, TRAVELLERS, AND JOURNALISTS ON THEIR COUNTRY OF RESIDENCE

Anežka Hrebiková

Stephan Wilhelm Kinsky —an imperial diplomat in Russia in 1721–1722 . . .	71
---	----

Nikita I. Khrapunov

The Crimea between East and West according to Late Eighteenth and Early Nineteenth Century British Travelogues	81
---	----

Olga Ye. Petrunina

Greeks as perceived by Greek diplomats in the Russian service
(using the examples of A. Mustoxidi and C. Basili) 101

Aleksandr S. Stykalin

Interethnic contradictions in Transylvania (middle of the nineteenth –
early twentieth centuries) as seen through the eyes of Russian observers . . 115

Ekaterina V. Kamenskaya

“Prague these days”: the Czechoslovakian conflict in the reports
of special correspondents of Soviet newspapers 136

Viktor V. Nikitin

Russia’s foreign policy in the age of Boris Yeltsin through the eyes
of Slovak diplomats (1993–1999) 151

*CHAPTER 3****A STEP AWAY FROM THE WAR: OBSERVATIONS, IMPRESSIONS, ESTIMATIONS*****Oleg Ye. Alpeev**

Estimates of the Armed Forces and war plans of Great Britain in Central
and South Asia by officers of the Russian General Staff in the late
nineteenth and early twentieth centuries. 173

Nikita S. Gusev

Russian correspondents – authors
of the books on the First Balkan War in Bulgaria in 1912–1913. 185

Elizaveta E. Polianskaya (Artyushkova)

Perception of the nature and population of the Caucasian theatre
of war by representatives of the Russian health service 208

Leonid Ia. Gibianskii

Some observations and reflections by Yugoslavia’s Minister in Moscow,
Milan Gavrilović, on Soviet policy and the position of the USSR
on the eve of the Great Patriotic War. 226

*CHAPTER 4****DIPLOMACY AND CULTURAL POLICY*****Aleksandr A. Silkin**

“Cultural diplomacy” in the absence of diplomatic relations:
Pushkin’s “Vsevolozhsky Writing book” returns to Russia. 251

Alla O. Burtseva

Soviet Turkmenia through the eyes of the Soviet writer:
 language and translation. 269

Larisa P. Chernikova

A look at China and the formation of the doctrine of relations: distinctive
 features of the imperial and Soviet cultural policy of interaction. 287

CHAPTER 5**ETHNOGRAPHIC ASPECTS OF OBSERVATIONS****Elena E. Nosenko-Shtein**

Artemy Rafalovich and his *Essays by Russian Doctor*:
 Historical and ethnographic source. 307

Lyubov A. Kirilina

Interns of the “Russian Grain” company on their trips to Slovenian lands
 (1909–1913). 321

Georgi N. Engelhardt

Bosnian ethnic communities’ long-term foreign policy affiliations:
 from the Crimean War to Dayton 345

Anna K. Aleksandrova

Greece and its history in *The Greek mosaic: History, people, travels*
 by Natalia Nissen: A contemporary Russian narrative 368

A Stranger’s Gaze: Diplomats, Journalists, Scholars. 377

Предисловие

Коллективный труд «Взгляд чужеземца: дипломаты, публицисты, ученые-путешественники между Востоком и Западом в XVIII–XXI вв.» объединил историков и филологов, изучающих процесс становления систематического научного и «околонаучного» знания об отдельных народах, государствах и регионах и формирования представлений о родной стране или стране пребывания в Новое и новейшее время.

Объектом изучения послужили наблюдения, сделанные дипломатами, публицистами и учеными-путешественниками в странах Востока и Запада. Верхняя граница исследований определяется появлением на рубеже XVII–XVIII вв. новой научной дисциплины «статистики» (англ. *statistics*, нем. *Staatenkunde*), призванной определить количественные показатели мощи того или иного государства в сравнении с его соперниками; нижняя — это политические процессы в меняющемся мире последних десятилетий. Главной целью авторского коллектива было показать, как дипломаты, публицисты и ученые верифицируют источники информации о природных ресурсах и народонаселении, состоянии промышленности и торговли, армии и флота и системе образования, искусстве и науке; как наблюдения, зафиксированные в набросках дипломатических реляций, путевых дневниках ученых, журналистских блокнотах, становятся чеканными фразами отчетов, газетных публикаций, научных и научно-популярных трудов. Отчеты главам дипломатических ведомств, статьи в периодической печати и научные труды составляют тот богатый эмпирический и сравнительный материал, по которому можно проследить, как менялась и корректировалась внешняя политика, какие последствия имели наблюдения, ставшие научным или профессиональным знанием, для развития промышленности и торговли, военных реформ и пр. В результате складывается цельная картина, как

дипломаты, публицисты и ученые-путешественники непосредственно (в силу близости к властным структурам) или опосредованно (через СМИ) могли влиять на внешнюю и внутреннюю политику своей страны.

Если изучение «образа другого» или систематизация тревелогов (описаний путешествий) прочно заняли место в отечественной историографии, то разнообразные формы трансфера знаний оставляют достаточное поле для внедрения новых исследовательских методик. Иностранные дворы, политические элиты и профессиональные группы, материальные и людские ресурсы как объект описания и изучения оказались в центре внимания ученых, историков международных отношений и культурных антропологов относительно недавно. Исследования, проводимые в этом направлении, часто ограничиваются одной страной или конкретным регионом (Россия, Западная Европа, Северная Америка, страны Азии). Предлагаемый труд показывает сходные явления на пространстве между Востоком и Западом с преимущественным вниманием к России как участнице межгосударственных союзов, континентальных войн, культурных процессов и инициатив.

Книга разделена на пять проблемно-тематических глав. В первой главе на основании эго-документов — путевых заметок и дневников, воспоминаний и писем — реконструированы истории отдельных путешествий. Во второй главе предлагается анализ механизмов формирования у дипломатов, публицистов, ученых впечатлений о стране пребывания, рассматривается проблема дистанцирования от иной социальной среды, выработки более четких представлений о собственной уникальности. Третья глава включает исследования, посвященные фактору войны в межгосударственных отношениях и судьбах отдельных людей, деятельности военных аналитиков, фронтовых корреспондентов и сотрудников Красного Креста. Четвертая глава посвящена культурной политике и дипломатии, роли, которая в диалоге стран и народов отведена как послам, так и общественным деятелям, писателям, ученым. Наконец, в пятой главе говорится об этнографических аспектах ученых наблюдений, о сборе информации, знакомстве с иной культурой.

Книга подготовлена в рамках работы над исследовательским проектом Российского фонда фундаментальных исследований «Дипломаты, публицисты, ученые-путешественники о Восточной, Центральной и Юго-Восточной Европе Нового времени: от наблюдений к знаниям» (18-09-00346а).

ГЛАВА 1

История одного путешествия

Глеб Владимирович Александров

Кандидат исторических наук, научный сотрудник, Международный центр антропологии, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва, Россия. 105066, Старая Басманная ул., 21/4.
E-mail: glaleksandrov@gmail.com

«Страна, которую я давно мечтал увидеть...»: Англия Олауды Эквиано

В статье рассматривается образ Англии в «Интересном рассказе о жизни Олауды Эквиано, или Густава Вазы, Африканца», автобиографии бывшего раба и видного аболициониста, сыгравшего заметную роль в развитии этого движения в конце XVIII в. Попавший в рабство в подростковом возрасте, Эквиано был прекрасно знаком как с бытом рабов в Вест-Индии и Америке, так и с жизнью широких слоев населения Англии, в том числе образованных и обеспеченных граждан метрополии. С одной стороны, книга Эквиано — несомненно, часть европейской литературной традиции, а сам Эквиано — именно английский общественный деятель. С другой, повествование человека, родившегося в Африке, выросшего в Америке и, несмотря на принятие христианства и европейской культуры, активно пытавшегося сохранить связь со своими африканскими корнями, неизбежно оказывается в некоторой степени взглядом на Европу «со стороны», взглядом, может быть, не путешественника, а скорее иммигранта. Вопрос идентичности самого Эквиано и его влияние на развитие аболиционизма подробно рассмотрены в историографии, но взгляды автора на Британскую империю, на отношения метрополии и периферии, их сходства и различия, изучены слабо. В статье рассматриваются и образ Англии как таковой, и восприятие автором имперских институтов и имперской культуры.

Ключевые слова: Британская Атлантика, Черная Атлантика, работорговля, Олауда Эквиано

Олауда Эквиано, также известный как Густав Ваза, родился в 1745 г. на территории современной Нигерии и в возрасте 11 лет был похищен работорговцами. После непродолжительного

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-09-00075 «“Черное наследие”: историческая роль африканцев и их потомков в культурной памяти США».

путешествия по Африке подростка продали в Вест-Индию и позже в Виргинию. Там его купил лейтенант английского флота и забрал с собой в Англию. За следующие несколько лет Эквиано успел креститься, обучиться грамоте, пожить в различных районах Англии и послужить на нескольких английских судах во время Семилетней войны (1756–1763). Позже он снова был продан в Вест-Индию, а в 1766 г. выкупил свою свободу. Проработав какое-то время торговым агентом у своего бывшего владельца, Эквиано вернулся в Англию. Он продолжал периодически наниматься на корабли, участвовал в качестве помощника д-ра Чарлза Ирвинга в одной из первых экспедиций в Арктику, много путешествовал и был, правда недолго, представителем британской короны в миссионерской компании в Западной Африке.

С начала 1780-х гг. Эквиано становился все более активным деятелем аболиционистского движения, в том числе одним из ключевых участников группы «Сыны Африки», и продолжал работу на этом поприще вплоть до своей смерти в 1797 г. Важнейшим моментом аболиционистской деятельности Эквиано считается публикация в 1787 г. его автобиографии «Интересный рассказ о жизни Олауды Эквиано, или Густава Вазы, Африканца»¹. Книга приобрела значительную популярность, была переведена на несколько европейских языков², многократно переиздавалась еще при жизни автора и превратилась в один из ключевых документов раннего аболиционизма.

Хотя в XIX — начале XX в. история Эквиано несколько утратила популярность, в последние десятилетия интерес к личности Эквиано и его главной книге возродился и не угас по сей день. Как справедливо заметил Джанель Коллинс:

Внимание исследователей со всего мира, направленное на Эквиано, столь интенсивно и столь разнообразно, что “изучение Эквиано” вполне можно считать отдельной дисциплиной в рамках изучения жанра “невольничьих рассказов”³.

---

¹ *Equiano O. The Interesting Narrative of the life of Olaudah Equiano, Or Gustavus Vassa, The African. London: T. Wilkins, 1789.*

² В том числе и на русский: *Эквиано О. Жизнь Олаудаха Эквиано, или Густава Вазы Африканского, родившегося в 1745 году, им самим написанная. М.: Тип. Селивановского и товарища, 1794. Ч. 1–2.*

³ Collins 2006.

Ключевые вопросы, интересующие большинство исследователей, — проблема идентичности Эквиано, соотношения ее африканского и европейского компонентов, место Эквиано в сложном культурном ландшафте Британской Атлантики⁴, а также его место и роль в развитии аболиционизма. Дискуссии о проблемах идентичности Эквиано особенно обострились после публикации нескольких статей, а затем биографического исследования В. Карреты, в котором африканское происхождение Эквиано ставилось под сомнение. Ученый утверждал, что Эквиано был родом из Каролины, а его африканские воспоминания — результат реконструкции на основе рассказов других невольников⁵. Хотя аргументы В. Каррета вызвали сомнения у многих исследователей, и в целом большинство склоняется к тому, что Эквиано все же африканец⁶, само обсуждение этих вопросов, несомненно, придало дискуссии новое звучание. Биография и творчество Эквиано активно рассматриваются и в отечественной историографии⁷, в частности в работах И. М. Удлер, вписывающей автобиографию Эквиано в общий ход развития жанра «невольничьих рассказов» и подчеркивающей его место в истории афроамериканского сообщества⁸.

Рассматривая вопрос идентичности Эквиано, большинство исследователей видят в ней две ключевые составляющие: африканскую и английскую. Эмили Филд настаивает, и вполне обоснованно, на необходимости учитывать также и возможное влияние на Эквиано коренных американцев⁹, и вообще предлагает включать еще один, американский, компонент в сложносочиненную идентичность выдающегося аболициониста. С другой стороны, подавляющее большинство исследователей вовсе игнорирует еще один ключевой аспект культуры, в которой жил Эквиано, а именно имперский. Как справедливо отмечает М. Мейер, часто не различаются даже категории «английское» и «британское» в восприятии Эквиано, хотя для современников это различие было, несомненно, важным¹⁰. Его ясно осознавал

⁴ См., например: Boulukos 2007; Kelleter 2004; Meyer 2002; Bozeman 2003.

⁵ Carreta 2005.

⁶ Acholonu 1987.

⁷ См., к примеру: Блинова 2016; Блинова 2018; Удлер 2008.

⁸ Удлер 2005: 94–97.

⁹ Field 2009.

¹⁰ Meyer 2002. См. также вторую главу фундаментального исследования идеологии Британской империи: Armitage 2000.

и сам Эквиано, четко разделявший британцев (например, шотландцев, которые для него являются европейским аналогом не знакомых с достижениями цивилизации африканцев) и англичан¹¹.

Так или иначе, к середине XVIII в., когда жил и писал Эквиано, идеологическая основа Британской империи уже вполне оформилась, и граждане ее — по крайней мере, белые граждане — осознавали себя в первую очередь британцами¹². Хотя разложение этой идеологической структуры, особенно в Америке, началось практически одновременно с ее появлением, для современников Эквиано ощущение империи было нормой. Политическая и общественная жизнь той эпохи, контекст, в котором работал Эквиано, во многом определялись именно империей. Причем, если большинство вывозимых из Африки невольников существовали в среде, которую П. Гилрой определил как «Черная Атлантика»¹³, частично с империей перекрещивающейся, Эквиано очевидно вышел за ее рамки (или расширил их), и ему ближе именно имперский контекст. В рамках данной статьи рассмотрен образ Англии в автобиографии Эквиано. Меня будет интересовать восприятие автором и Англии как таковой, и Англии как метрополии, и ее взаимоотношения с имперской периферией.

Первое, на что следует обратить внимание: Англия у Эквиано — это именно Англия. По «Интересному рассказу» понять, что вообще существовала Британская империя, довольно сложно. Англия, Америка и Вест-Индия оказываются совершенно разными пространствами. Фактически все повествование о жизни в колониях сводится к сравнению их с Англией, и сравнение это явно не в пользу колоний. Эквиано все время писал о своем стремлении сначала попасть, а потом вернуться в старую добрую Англию (*Old England*)¹⁴. Тема связи колоний с метрополией у него не поднималось вовсе. Более того, между тремя основными пространствами, отчетливо выделенными Эквиано, выстраивается строгая иерархия. Вест-Индия в ней стоит в самом низу, здесь царили бесправие и беззаконие, а появляющиеся в повествовании (и в жизни автора) белые оказывались, за исключением одного-двух человек, средоточием всех пороков колониального общества¹⁵. Следующей идет Америка,

¹¹ *Equiano O. The interesting narrative. P. 79.*

¹² Подробнее см: Armitage 2000.

¹³ Gilroy 1993.

¹⁴ *Equiano O. The interesting narrative. P. 166, 194, 233.*

¹⁵ *Ibid. P. 122, 149.*

в первую очередь Филадельфия, «столица» квакеров, к которым Эквиано относился с большой симпатией. И наконец, на вершине — Англия, где неэтично ведущий себя человек оказывался исключением, а не правилом. Возможно, автор просто рассчитывал потешить самолюбие английской публики. Но положение Англии в предложенной Эквиано иерархии стран Британского мира само по себе не объясняет нехарактерного для образованных людей той эпохи отсутствия представления о единстве империи и акцентирования внутриимперских различий.

Образ империи у Эквиано построен в первую очередь через контраст составляющих ее частей. Империя у Эквиано — сплошное противоречие, ее ключевая особенность — различия между метрополией и колониями. Если для большинства английских авторов эти противоречия не существовали или тщательно маскировались, для Эквиано они вышли на первый план и заменили собой имперское единство. Причем речь идет о противоречиях в образе жизни и мировосприятии, проявившихся в том числе в отношении к рабам, рабству, вольноотпущенникам и свободным чернокожим. Эквиано, возможно, был единственным из авторов своего времени, кто столкнулся с ними достаточно близко и рассмотрел в мельчайших деталях. Еще при жизни Эквиано эти различия привели к многочисленным трениям и конфликтам между метрополией и колониями. Возможно, опубликованный уже после Войны за независимость США «Интересный рассказ» отчасти призван был оправдать Англию в этом конфликте, доказать правоту англичан — но территориям США в нем уделено не так уж много внимания, основной контраст возникает между Англией и Вест-Индией. Именно «снизу», с точки зрения раба, различия между метрополией и колониями, которых не осознавала господствующая культура, оказались видны яснее всего — а их пагубные последствия современники могли наблюдать непосредственно за несколько лет до публикации.

Англию Эквиано отличают еще две значимые особенности. Во-первых, отсутствие предрассудков, несомненно, несколько преувеличенное. Но все же для Эквиано-рассказчика (и, вероятно в меньшей степени, но также и для автора) Англия — страна терпимости. На самом деле существование расовых предрассудков в Англии XVIII в. не вызывает сомнений. Как бы ни старался Эквиано, его общение с покровителями и учителями в молодости, с влиятельными знакомыми, в том числе с религиозными деятелями, очевидно иерархично, лишь считанные единицы воспринимали его

действительно как равного. Вероятно, и сам Эквиано это понимал. Здесь сыграла свою роль цель публикации: «Интересный рассказ» планировался с самого начала как аболиционистская работа, как критика рабства и работорговли. Преувеличенная терпимость, царящая в Англии, — искусственная, намеренно созданная часть общего образа. Впрочем, замечу, что даже выбор этого позитивного образа довольно показателен. Представление их родины как страны равноправия, лишенной предрассудков, возможно, льстило англичанам, но было бы воспринято в штыки на американском Юге (и, скорее всего, в британской Индии), так что сам подход Эквиано свидетельствует о том, что некоторые основания для такого отношения к Англии у него были.

Вторая важная особенность Англии — религиозность. Эта часть общего образа кажется, в противоположность предыдущей, наиболее естественной. Описание знакомства с христианством и обращения в него — один из самых эмоциональных фрагментов в книге¹⁶. Вообще мотив христианства появлялся лишь в отдельных бытовых сценах, редко имевших центральное значение для общей структуры повествования, но всегда сопровождается описаниями глубоких и сильных переживаний. Вероятно, Англия ассоциировалась у Эквиано с христианством, потому что именно здесь произошло его собственное, определившее весь ход его внутренней жизни обращение. Впрочем, и тут можно найти элемент критики рабовладельческого строя. Показательно, что ни в Вест-Индии, ни даже в квакерской Америке Эквиано христианином в его собственном понимании так и не стал. Он был крещен и, вероятно, соблюдал некоторые формальные обряды, но никогда не испытывал настоящего религиозного рвения. Возможно, потому что христианство было, так или иначе, религией рабовладельцев, религией хозяев. Лишь в Англии Эквиано смог понять и принять христианство в полной мере — показывая, что высокий христианский долг обращения язычников, обращения, выходящего за рамки формального соблюдения обрядов, несовместим с институтом рабства¹⁷.

С христианством связан и один из немногих в «Интересном рассказе» случаев прямой критики «благословенной страны». Эквиано

---

¹⁶ Наиболее показательно в этом смысле см.: Ibid. P. 279–290.

¹⁷ Ibidem.

прямо и довольно зло порицал чиновников и миссионеров, использовавших благородный предлог обращения африканцев в христианство для получения личной выгоды. Причем возмущала его не столько даже жестокость по отношению к африканцам, сколько именно профанация христианской миссии¹⁸.

Итак, образ Англии в автобиографии Олауды Эквиано оказывается достаточно многозначным. Англия сама по себе представляется почти «землей обетованной», единственной частью Британского мира, где царили не жестокость и предрассудки, а свобода и терпимость. Отчасти такой образ создавался намеренно, как один из инструментов пропаганды аболиционизма. Англия стала для автора также центром религиозной жизни, страной подлинного христианства, что связано отчасти с его биографией, а отчасти является продолжением представления об Англии как о «стране свободы». Но наиболее интересная часть образа Англии у Эквиано — ее место в общей картине Британского мира. Относясь к свойственной этому периоду идее империи, Британский мир Эквиано сильно отличался от проявлений этой идеи у других авторов. Эквиано подчеркивал в первую очередь отличия метрополии и колоний, обращал внимание на проявления на бытовом уровне фундаментальных противоречий в картине мира между ними, тем самым предсказывая внутренние проблемы империи, с которыми она действительно столкнется. Это не только позволяет по-другому взглянуть на идеологическое развитие Британского мира в XVIII в., но и прекрасно показывает, почему взгляд «постороннего» оказывается ценным инструментом исторического исследования.

Литература

- Блинова 2016 — *Блинова Е. В.* Автобиография О. Эквиано как исторический источник // Источниковедение истории Африки и Диаспоры: сборник материалов по итогам Всероссийской конференции с международным участием / отв. ред. Т. М. Гавристова. Ярославль: Ярославский государственный университет им. П. Г. Демидова, 2016. С. 7–18.
- Блинова 2018 — *Блинова Е. В.* «Неприкрашенная история» (О. Эквиано: грани автобиографии) // Вестник Ярославского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. 2018. № 1 (43). С. 39–43.

---

¹⁸ Ibid. P. 345–348.

- Удлер 2005 — *Удлер И.М.* Традиционные американские ценности в «повествованиях» и публицистике бывших рабов // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Лингвистика. 2005. № 11 (51). С. 94–97.
- Удлер 2008 — *Удлер И.М.* Увлекательное повествование о жизни Олауда Эквиано, или Густава Вазы, Африканца, написанное им самим, как вершина жанра «невольничьего повествования» в афроамериканской прозе XVIII века // Вестник Челябинского государственного университета. 2008. № 3. С. 128–136.
- Acholonu 1987 — *Acholonu C.* The home of Olaudah Equiano — A linguistic and anthropological search // The Journal of Commonwealth Literature. 1987. Vol. 22. No. 1. P. 5–16.
- Armitage 2000 — *Armitage D.* The ideological origins of the British Empire. Cambridge; New York: Cambridge University Press, 2000.
- Boulukos 2007 — *Boulukos G.* Olaudah Equiano and the eighteenth-century debate on Africa // Eighteenth-Century Studies. 2007. Vol. 40. No. 2. P. 241–255.
- Bozeman 2003 — *Bozeman T.* Interstices, hybridity, and identity: Olaudah Equiano and the discourse of the African slave trade // Studies in the Literary Imagination. 2003. Vol. 36. No. 2. P. 61–70.
- Carreta 2005 — *Carreta V.* Equiano, the African: Biography of a self-made man. Athens, Georgia: University of Georgia Press, 2005.
- Collins 2005 — *Collins J.* Passage to slavery, passage to freedom: Olaudah Equiano and the sea // The Midwest Quarterly. 2006. Vol. 47. No. 3. P. 209–223.
- Field 2009 — *Field E.* “Excepting himself”: Olaudah Equiano, native Americans, and the civilizing mission // MELUS. 2009. No. 3. P. 15–38.
- Gilroy 1993 — *Gilroy P.* The Black Atlantic: Modernity and double consciousness. London: Verso, 1993.
- Kelleter 2004 — *Kelleter F.* Ethnic self-dramatization and technologies of travel in *The Interesting Narrative of the Life of Olaudah Equiano, or Gustavus Vassa, the African, Written by Himself* (1789) // Early American Literature. 2004. Vol. 39. No. 1. P. 67–84.
- Meyer 2002 — *Meyer M.* Black versions of Englishness: Daniel Defoe, Olaudah Equiano, and Mary Prince // Proceedings of the conference of the German Association of University Teachers of English. Tübingen: Niemeyer, 2002. Vol. 23, P. 317–328.

References

- Acholonu, C., 1987. The Home of Olaudah Equiano — A linguistic and anthropological search. *The Journal of Commonwealth Literature*, 1 (22), pp. 5–16.
- Armitage, D., 2000. *The ideological origins of the British Empire*. Cambridge — New York: Cambridge University Press.

- Blinova, E., 2016. Avtobiografiia O. Ekviano kak istoricheskii istochnik [O. Equiano's autobiography as a historical source]. In: Gavristova, T.M., ed. *Istokovovedenie istorii Afriki i Diaspory: sbornik materialov po itogam Vserossiiskoi konferentsii s mezhdunarodnym uchastiem* [Source criticism on history of Africa and diaspora: Proceedings of the national conference with international participation]. Jaroslavl': Jaroslavskii gosudarstvennyi universitet im. P.G. Demidova, pp. 7–18.
- Blinova, E., 2018. “Neprikrashennaia istoriia” (O. Ekviano: grani avtobiografii) [“An unvarnished tale” (O. Equiano: aspects of the narrative)]. *Vestnik Yaroslavskogo gosudarstvennogo universiteta. Serii: Gumanitarnye nauki*, 1 (43), pp. 39–43.
- Boulukos, G., 2007. Olaudah Equiano and the eighteenth-century debate on Africa. *Eighteenth-Century Studies*, 2 (40), pp. 241–255.
- Bozeman, T., 2003. Interstices, hybridity, and identity: Olaudah Equiano and the discourse of the African slave trade. *Studies in the Literary Imagination*, 2 (36), pp. 61–70.
- Carreta, V., 2005. *Equiano, the African: Biography of a self-made man*. Athens (Georgia): University of Georgia Press.
- Collins, J., 2006. Passage to slavery, passage to freedom: Olaudah Equiano and the sea. *The Midwest Quarterly*, 3 (47), pp. 209–223.
- Field, E., 2009. “Excepting himself”: Olaudah Equiano, native Americans, and the civilizing mission. *MELUS*, 3, pp. 15–38.
- Gilroy, P., 1993. *The black Atlantic: Modernity and double consciousness*. London: Verso.
- Kelleter, F., 2004. Ethnic self-dramatization and technologies of travel in *The interesting narrative of the life of Olaudah Equiano, or Gustavus Vassa, the African, written by himself (1789)*. *Early American Literature*, 1 (39), pp. 67–84.
- Meyer, M., 2002. Black versions of Englishness: Daniel Defoe, Olaudah Equiano, and Mary Prince. *Proceedings of the conference of the German Association of University Teachers of English*, 23, pp. 317–328.
- Udler, I., 2005. Traditsionnye amerikanske tsennosti v “povestvovaniakh” i publitsistike byvshikh rabov [Traditional American values in the writings of former slaves]. *Vestnik Juzhno-Ural'skogo gosudarstvennogo universiteta. Serii: Lingvistika*, 11 (51), pp. 94–97.
- Udler, I., 2008. “Uvlekatel'noe povestvovanie o zhizni Olaudda Ekviano, ili Gustava Vazy, Afrikantsa, napisannoe im samim” kak vershina zhanra “nevol'nich'ego povestvovaniia” v afro-amerikanskoi proze 18 veka [The Interesting Narrative of the Life of Olaudah Equiano, Or Gustavus Vassa, The African as the epitome of the slave narrative genre of eighteenth-century American prose]. *Vestnik Cheliabinskogo gosudarstvennogo universiteta*, 3, pp. 128–136.

Gleb V. Aleksandrov

PhD, Research Fellow, International Centre of Anthropology, National Research University – Higher School of Economics, Moscow, Russia. 105066, Staraiia Basmannaia ul. 21/4. E-mail: glalek-sandrov@gmail.com

“The place I had long desired exceedingly to see...”: Olaudah Equiano’s England

The essay examines the image of England in the *The Interesting Narrative of the Life of Olaudah Equiano*, the autobiography of a former slave and a key figure of the early abolitionist movement. After being captured and enslaved in his early teenage years, Equiano was intimately familiar with both the life of slaves in the West Indies and in America, and the life of common Englishmen, as well as the life of wealthy and educated gentry. Equiano’s book is undoubtedly rooted in the European literary tradition, but the author nevertheless attempted to maintain a connection with his African heritage, and his attitude towards European culture is to a certain degree that of an outsider. The issue of Equiano’s complex identity, as well as his influence on the abolitionist movement has been thoroughly examined and researched, but one aspect that remains consistently underrepresented is the imperial element. Equiano lived at the time when the idea of empire was already fairly articulated, and, while hailing from the “Black Atlantic” community, Equiano certainly was familiar with the British Empire and its institutions (which partially overlap with the Black Atlantic, but neither was the Black Atlantic community completely within the British Empire, nor was the imperial experience limited to the Atlantic slave trade). Therefore, when addressing Equiano’s identity, it may be productive to examine its imperial element, as well as its African, European, and American components. This essay explores the image of England in Equiano’s autobiography, including its imperial context, and Equiano’s attitudes towards the Empire in general.

Keywords: British Atlantic, Black Atlantic, Atlantic slave trade, Olaudah Equiano

Марина Михайловна Фролова

Кандидат исторических наук, старший научный сотрудник,
Институт славяноведения РАН, Москва, Россия. 119334, Ле-
нинский проспект, 32а. E-mail: marinafrolova59@mail.ru

Путешествие А. Д. Черткова по Италии и Сицилии в 1823–1825 гг. в контексте его общественно-политических воззрений

В статье рассматривается путешествие А. Д. Черткова, впоследствии известного ученого и общественного деятеля, по Италии и Сицилии в 1823–1825 гг. Источниками служат его сочинения «Воспоминания о Сицилии» (М., 1835–1836) и «Журнал моего путешествия по Австрии, Италии, Сицилии, Швейцарии и проч. в 1823–1825 годах», опубликованный в 2012 г. Чертков много и с увлечением знатока рассказывал об истории, культуре, памятниках искусства и в отличие от значительного числа русских путешественников обращал особое внимание на социально-политическое и экономическое положение городов Италии и Сицилии. Он не скрывал своего мнения и по конфессиональному вопросу. Тесное общение с видным деятелем декабристского движения Н. И. Тургеневым подтверждает тот факт, что Чертков разделял многие его убеждения и также был приверженцем реформ в России, исходивших исключительно от правительства. В книге «Воспоминания о Сицилии» Чертков на примере Сицилии стремился показать читателю, что «довольство народа составляет богатство правительства» и что «не таможенные сборы, а промышленность жителей доставляет настоящий никогда неиссякаемый доход». Чертков, таким образом, присоединял свой голос к тем, кто надеялся, что «благоразумное» правительство их услышит и, осознав полезность предложенных мер на примере другого государства, последует совету. Из своего странствия по Италии Чертков сделал вывод, что тот, для кого «слово Отечество» «один пустой звук», должен поселиться здесь, поскольку найдет прекрасный климат, вечное лето, дары природы, памятники древностей, искусств и наук.

Ключевые слова: А. Д. Чертков, Н. И. Тургенев, «Союз благоденствия», путешествие, мировоззрение

В первой четверти XIX в. путешествие по странам Западной Европы становится обычной практикой состоятельных дворян Российской империи. В 1823 г. отправился в зарубежное странствие

и Александр Дмитриевич Чертков (1789–1858), впоследствии прославивший свое имя научными трудами по нумизматике, библиотеграфии, истории, археологии, славистике, этрусковедению. Он собрал уникальную библиотеку, которая в 1863 г. открылась в Москве для широкой публики как первая частная бесплатная Чертковская библиотека. Он избирался вице-президентом (1836–1848), а затем председателем Императорского общества истории и древностей российских (1848–1857), стал организатором Училища живописи и ваяния, уездным, а потом губернским предводителем московского дворянства. Но все это в будущем, а в 1823 г. он был 34-летним полковником лейб-гвардии Конного полка, недавно вышедшим в отставку. Вместе с полком он участвовал в зарубежных походах русской армии 1813–1814 гг. (в битвах под Дрезденом, при Кульме, под Лейпцигом и при Фер-Шампенуазе) и прошел через всю Европу до Парижа. За храбрость его наградили орденами св. Анны 3-й степени и св. Владимира 4-й степени с бантом, Кульмским крестом и медалью за взятие Парижа.

В 1823 г. для путешествия по Европе Чертков выбрал иное направление — Австрия, Италия, Сицилия, средиземноморские острова, Швейцария. 2 августа 1823 г.¹ он выехал из Санкт-Петербурга, захватил в свои имения, находившиеся в Московской и Воронежской губерниях; 20 сентября прибыл в Киев, оттуда через Львов направился в Вену, Венецию, Рим, Неаполь, Палермо, на корабле добрался до Сицилии, поднялся на вулкан Этна, затем вновь посетил Неаполь, Помпеи, Рим, Флоренцию, Ливорно, заглянул на остров Эльбу, познакомившись с городами Северной Италии — Генуей и Туринном, пустился в вояж по Швейцарии (Женева, Лозанна, Берн, Люцерн, Цюрих); 1 октября 1824 г. вернулся (через Милан) во Флоренцию, где провел зиму; откуда 12 апреля 1825 г. с остановкой в Вене поспешил в Россию, в свое имение в слободе Ольховатка (Воронежская губерния), куда приехал в конце мая 1825 г. и привез значительные коллекции монет, античных древностей, этрусских ваз и зеркал, минералов, растений, а также много редких книг на славянских языках, в том числе напечатанных глаголическим шрифтом.

Как и во время зарубежных походов, Чертков вел путевой дневник «Журнал моего путешествия по Австрии, Италии, Сицилии,

---

¹ Даты даются по юлианскому календарю, принятому в Российской империи.

Швейцарии и проч. в 1823–1825 годах», но теперь не на французском, а большей частью на русском языке, хотя многие записи делал на французском, итальянском и немецком языках. Дневник в двух тетрадах также сохранился в Отделе письменных источников Государственного исторического музея (Ф. 445. Д. 302, 303) и в 2012 г. был подготовлен к печати его сотрудницей М. В. Фалалеевой. Она полагала, что Чертков не ставил себе целью опубликовать эти записи². Но похоже, что свое 49-дневное путешествие по Сицилии Чертков с самого начала задумал издать отдельной книгой, поскольку «в продолжении целой зимы в Риме» он описывал «все до этого острова, касающееся, как из древних, так и новых авторов, в одну путевую тетрадь, разумеется, с указанием на страницы и главы»³. Вероятно, что уже тогда у Черткова возникла мысль сопроводить свой рассказ иллюстрациями, поэтому он пригласил с собой в странствие по Сицилии немецкого художника Штанге. Спустя 10 лет, в 1835–1836 гг., была опубликована книга в двух томах «Воспоминания о Сицилии» с атласом рисунков, оформленная согласно литературной традиции 20–30-х гг. XIX в. в виде писем «приятелю, жившему в Риме и желавшему иметь понятие о современном состоянии древней Тринакрии». В предисловии Чертков объяснял «взыскательному читателю», что занятия по службе, русско-турецкая война 1828–1829 гг., а также «трудность найти в Москве способных художников для литографирования картин и раскраски их» не позволили автору немедленно, по возвращении в отечество, издать свое путешествие⁴. При сопоставлении текстов «Журнала» и «Воспоминаний о Сицилии» становится понятно, что в основу книги легли записи «Журнала», которые были доработаны и дополнены яркими подробностями и впечатлениями. На наш взгляд, Чертков трудился над книгой сразу по приезду в Ольховатку, когда воспоминания еще не потускнели. Однако события конца 1825 г., ведавшееся следствие над декабристами заставили автора отложить печать своего сочинения.

В 1837 г. произведению Черткова «Воспоминания о Сицилии», так же как и в 1834 г. его нумизматическому каталогу «Описание древних русских монет» (М., 1834), Академия наук присудила

² Фалалеева 2012: 9.

³ ОПИ ГИМ. Ф. 445. Д. 305. Л. 95–96.

⁴ *Чертков А.Д.* Воспоминания о Сицилии. М.: Тип. А. Семена, 1835. Т. 1. С. V–VI.

премию, учрежденную камергером П. Н. Демидовым. А поскольку в 1834 г. автор отказался от денег в пользу Академии (на них было напечатано Остромирово Евангелие XI в.) и в 1837 г. в письме к академику Х. Д. Френу вновь выразил желание пожертвовать премию на издание исследования по русской истории, то Академия наук, усматривая из данного «распоряжения», что Чертков «домогается не столько возмездия за свой труд, сколько одной чести», решила на этот раз упомянуть в «Отчете Императорской Академии наук» о его прекрасной книге с почетным отзывом, но «употребить премию в пользу нынешнего же конкурса», так как средства на него оказались недостаточными⁵. В январе 1836 г. министр просвещения граф С. С. Уваров (1833–1849 гг.) преподнес «Воспоминания о Сицилии» императору Николаю I, который благосклонно принял сочинение⁶.

Современная отечественная историография, посвященная литературе путешествий (травелог), представляет собой значительный комплекс исследований, предпринятых, прежде всего, филологами в целях изучения особенностей жанра путевых записок, их стиля, нарратива, композиции и т. п. «Путешествия» как историко-культурный феномен также находятся в фокусе внимания историков, культурологов, этнографов⁷, что поставило на повестку дня создание аннотированного указателя русских травелогов XVIII – начала XX вв.⁸ Следует отметить, что путешествие Черткова 1823–1825 гг. постепенно входит в исследовательское поле ученых. Еще в 1971 г. А. И. Немировский, историк Древнего Рима и культуры этрусков, заинтересовался трудами А. Д. Черткова по истории этрусков и его книгой «Воспоминания о Сицилии». Советский историк выделил мнение Черткова о древности цивилизации на Сицилии, финикийской, затем греческой колонизации острова, памятниках античного искусства, подчеркнув исключительную меткость взгляда и здравость суждений русского путешественника⁹.

⁵ ОПИ ГИМ. Ф. 445. Д. 307. Л. 46; Отчет Императорской Академии наук о седьмом присуждении учрежденных камергером П. Н. Демидовым премий // Журнал Министерства народного просвещения. 1838. Ч. XIX. С. 142.

⁶ ОПИ ГИМ. Ф. 445. Д. 291. Л. 16.

⁷ См. историографию: Стефко 2010: 9–11; Куприянов 2010: 27–38.

⁸ Печерская 2016: 8–20.

⁹ Немировский 1971: 205–209.

Прошло более 30 лет, появилась статья О. Г. Трусевич (1994 г.), обратившей внимание исследователей на «Журнал» А. Д. Черткова, который из-за малой изученности архивного фонда не попал в библиотечные указатели и практически не был известен историкам¹⁰. В 2007 г. вышла моя монография «Александр Дмитриевич Чертков (1789–1858)», где рассматривалось его зарубежное путешествие 1823–1825 гг.¹¹ К сожалению, издание в 2012 г. «Журнала» не сразу было замечено исследователями. Так, например, в диссертационной работе В. В. Смекалиной «Русские путешественники в Швейцарии во второй половине XVIII — первой половине XIX в.» привлекалось внушительное количество как архивных, так и опубликованных источников — дневников, путевых заметок, писем русских дворян, побывавших в Швейцарии; однако в их сонме нет имени А. Д. Черткова¹². Впрочем, и книга «Воспоминание о Сицилии» была надолго забыта, что вполне демонстрирует статья Е. И. Чистиковой «Путешествие А. С. Норова¹³ на Сицилию в 1822 г.», в которой перечислены сочинения русских людей, посетивших Сицилию в первой половине XIX в., а книга Черткова не названа¹⁴.

Появление в 2013 г. коллективной монографии «Русская Сицилия» свидетельствует, что «путешествия» Черткова стали объектом исследования не только историков, изучающих его жизненный путь и деятельность, но и ученых, занимающихся именно травелогоми. М. Ф. Высокий в статье «Античное наследие Сицилии глазами русских путешественников первой четверти XIX в.» подчеркивал, что А. С. Норов и А. Д. Чертков, хотя и не были первыми русскими путешественниками на Сицилии, но были первыми, «кто исследовал достопримечательности острова» и «кто оставил подробное описание региона и его античных памятников»¹⁵. Очень высоко оценивала «Журнал» М. В. Фалалеева, которая считала, что, в отличие от многих известных людей, живших или посетивших в эти годы Италию

¹⁰ Трусевич 1994: 23–27.

¹¹ Фролова 2007: 155–179.

¹² Смекалина 2014.

¹³ Норов А. С. (1795–1869) — участник Отечественной войны, путешественник, писатель, bibliofил, министр народного просвещения (1853–1858 гг.), член Государственного совета с 1854 г.

¹⁴ Чистикова 2011: 33.

¹⁵ Высокий 2013: 123.

и интересовавшихся либо древностями, либо отдельными памятниками изобразительного искусства и литературы Средневековья, Чертков совершил «всеохватывающее научное путешествие» по Италии, Сицилии и средиземноморским островам¹⁶.

Одним из достоинств книги «Воспоминания о Сицилии», по мнению Немировского, являлось отсутствие «сентиментальных излиний», обычных для немцев, «за которым, как в тумане, исчезает всякая реальность»¹⁷. Эту черту, присущую произведениям Черткова, выделяют многие исследователи. И А. С. Норов, и Д. Н. Свербеев¹⁸ предстают в своих рассказах столь же восторженными путешественниками, как и Н. М. Карамзин, подражая ему «как в оценках, так и в стилистике своего повествования»¹⁹. «Письма русского путешественника» оказали огромное влияние на русского читателя и на развитие литературы путешествия в целом. По мнению Т. В. Медведевой, Чертков даже «спорит» с этим популярным сочинением, ставшим «своего рода хрестоматией» для образованных русских. Для текстов Черткова, отмечала исследовательница, характерна взвешенность, в них нет того взрыва эмоций, как у Свербеева, например, в сюжете о Рейнском водопаде²⁰. М. Ф. Высокий подчеркивал, что описание большей части Италии, в том числе и Сицилии, в путевых заметках Черткова, написанных живо и увлекательно, «проникнуто пессимизмом», что разительно отличало их «от восторженности» Норова²¹. В историографии еще нет объяснения, почему наблюдается такой контраст в восприятии этих трех современников, путешествовавших, по существу, в одно и то же время и по одному и тому же маршруту.

Представляется, ближе всех к ответу подошла О. Г. Трусевич, заметившая, что «Журнал» интересен временем своего создания, поскольку это период «активной деятельности декабристских тайных обществ». Чертков не принадлежал к революционному лагерю, но был знаком со многими декабристами, а его женитьба на графине

¹⁶ Фалалеева 2012: 17.

¹⁷ Немировский 1971: 208.

¹⁸ Свербеев Д. Н. (1799–1874) — богатый московский дворянин, закончил юридический факультет Московского университета, путешествовал по Европе в 1821–1826 гг., близкий приятель А. С. Пушкина, автор мемуаров, в которых много места отведено описанию путешествий по Европе и России.

¹⁹ Медведева 2015: 32–36; Высокий 2013: 108.

²⁰ Медведева 2015: 33–34, 36.

²¹ Высокий 2013: 110.

Е. Г. Чернышевой связала его с декабризмом семейными узами²², подчеркивала исследовательница.

Понять нарратив «путешествий» Черткова можно только в контексте той эпохи, в которой он жил. С другой стороны, портрет Черткова как энциклопедически образованного человека, обладавшего обширными познаниями и интересами в разных областях (история, архитектура, живопись, скульптура, нумизматика, библиография, естественная история, минералогия, экономика), будет далеко не полным, если не попытаться выяснить его общественно-политические воззрения и убеждения того периода, который вошел в историю России как «эпоха тайных обществ». На эту сторону его «путешествий» внимание исследователей еще не обращалось.

Удалось установить, что Чертков увлекался масонством, являясь членом ложи «Трех добродетелей», в которой состояли многие участники декабристского движения: князь С. Г. Волконский, князь И. А. Долгорукий, князь С. П. Трубецкой, П. И. Пестель и др. Закономерно встает вопрос, как Чертков воспринимал идеи «Союза благоденствия»?

Ныне ни у кого не вызывает сомнения, что помещенный в «Алфавите» А. Д. Боровкова перечень лиц в 570 человек²³ не полностью отражал реальный круг декабристов. Те члены «Союза благоденствия», или «Общества Зеленой книги» (1818–1821), которые не принадлежали к Коренной управе и впоследствии не вступали в другие тайные общества, не попадали под следствие как не участвовавшие в покушении на жизнь императора. Чертков провел лето и осень 1825 г. в своем имении Ольховатка, а зиму — в г. Орле, то есть 14 декабря находился далеко от Сенатской площади Петербурга, на следствии его имя не упоминалось. Но ведь Чертков был не просто современником эпохи создания тайных обществ, а служил в лейб-гвардии Конном полку, в котором П. И. Кошкуль (1786–1852) и А. Я. Миркович (1792–1888) организовали одну из управ «Союза благоденствия». А с ними Чертков особенно сблизился во время зарубежного похода. Исследователями декабристского движения отмечается,

²² Трусевич 1994: 24–25, 27.

²³ Восстание декабристов: документы / под общ. ред. и с предисл. М. Н. Покровского. Т. 8: Дела Следственной комиссии о злоумышленных обществах. Алфавит декабристов / под ред. и с примеч. Б. Л. Модзалевского и А. А. Сиверса. Л.: Центрархив, 1925.

что «сама политическая организация облекается в формы непосредственно человеческой близости, дружбы, привязанности к человеку, а не только к его убеждениям»²⁴. Кроме того, Чертков был коротко знаком с М. Ф. Орловым и Н. М. Муравьевым²⁵. А идеи «Союза благоденствия» его члены не скрывали, а напротив, являлись их глашатаями. Гвардейские офицеры отличались «особенной свободой взглядов и смелостью, с которой они их высказывали»²⁶. Необходимо принимать во внимание то, что «Союз благоденствия» представлял собой не столько революционный заговор, сколько «соединение желающих поддержать и укрепить власть против всяческой внутренней неурядицы»²⁷. Его члены были ориентированы, прежде всего, на положительную деятельность по преобразованию России, содействуя в том верховной власти.

Во Флоренции Чертков больше всего времени проводил с видным деятелем декабристского движения, членом Коренной управы Н. И. Тургеневым (1789–1871): вместе ходили по музеям, театрам, церквям, монастырям, сидели у камина... Тургенев нелегко сходился с людьми²⁸, а во Флоренции, как сообщал он в письме к П. Я. Чаадаеву:

Самое лучшее в этих походах было для меня общество Черткова, и он более остался в моей памяти, нежели Вазари, *St. Giovanni* и даже великий Микель Анж, которого он так не жалует²⁹.

Известно, что «беллетристика и искусство» Тургенева «интересовали мало: он был человек по преимуществу политический, государственный, в высокой степени одаренный чувством равновесия и меры»³⁰. Напрашивается сама собой мысль, что особая задушевность бесед и взаимоотношений Черткова и Тургенева установилась

²⁴ Лотман 1994: 377–378.

²⁵ Никита Муравьев. Письма декабриста 1813–1826 гг. М.: Памятники ист. мысли, 2001. С. 118, 119.

²⁶ *Тургенев Н. И.* Россия и русские. (О полит. жизни, первая треть XIX в.: Пер. с фр.). М.: Объединенное гуманитарное изд-во, 2001. С. 49.

²⁷ Вернадский 1993: 84.

²⁸ *Тургенев Н. И.* Дневники и письма Н. И. Тургенева за 1816–1824 годы. (Т. 3). // Архив братьев Тургеневых. Вып. 5. Пг.: Отд. рус. яз. и словесн. Акад. наук, 1921. С. 117, 336.

²⁹ *Чаадаев П. Я.* Сочинения и письма П. Я. Чаадаева. М.: Путь, 1913. Т. 1. С. 352.

³⁰ *Тургенев И. С. Н. И. Тургенев // Декабристы в воспоминаниях современников / Сост., общ. ред., вступ. ст. и коммент. В. А. Федорова. М.: Изд-во МГУ, 1988. С. 50.*

между ними так быстро и легко потому, что они вполне обладали «декабристским» умонастроением, то есть осознанием необходимости тех или иных реформ и долга личного участия в осуществлении такой перемены, поэтому «путешествия» Черткова нужно рассмотреть через призму идей «Союза благоденствия». Однако формат статьи позволяет остановиться лишь на некоторых сюжетах.

На Сицилию Черткова манило скорее не любопытство просвещенного путешественника, а контраст между воспеваемым благоденствием острова в древности и ужасающей нищетой его населения в современном Черткову времени, в причинах чего он старался разобраться сам и раскрыть их со всей очевидностью перед своим читателем. Русского путешественника удивило, прежде всего, обилие католических духовных лиц на острове и их убийственное равнодушные к бедам его жителей. Он выяснил, что здесь проживал 1 млн 780 тыс. человек, но только 300 тыс. из них принадлежали «к производящему классу». Чертков подчеркивал, что на Сицилии бедные умирают с голоду, «зато монахи тучнеют и блаженствуют»³¹. Каждый день приносил Черткову новые впечатления, и от страницы к странице критика католических монахов с их лицемерием становилась все резче.

Если бы суеверное исполнение мелких обрядов католической религии делало людей лучшими, то, без сомнения, жители Италии и Сицилии должны бы быть добродетельнейшими и счастливейшими из смертных. <...> Ни в каком христианском государстве не бывает более убийств и грабежей на дорогах, как в Италии. Нигде бедность не имеет менее пристанищ общественных, нигде она не представляется в отвратительнейшем виде. Клятва, произнесенная пред престолом Всевышнего в соблюдении супружеской верности, нигде так легко не нарушается³².

Причины этих беспорядков Чертков объяснял тем обстоятельством, что с юных лет грубому и необразованному человеку внушали, что одно слово папы римского может освободить его от всех совершенных им преступлений, а приобретение индульгенции — от грехов. Чертков вопрошал своего читателя:

---

³¹ *Чертков А.Д.* Журнал моего путешествия по Австрии, Италии, Сицилии, Швейцарии и проч. в 1823–1825 годах. М.: Русский мир, 2012. С. 224.

³² *Чертков А.Д.* Воспоминания о Сицилии. С. 62.

Какая нравственная сила в состоянии остановить человека на пути злодеяния? И что значат все обряды и ежедневное строжайшее их выполнение без божественной нравственности Св. Писания?³³

Как католицизм предстал пред Чертковым на Сицилии в своих крайних формах, так и скудность жизни населения находилась на пределе представлений внимательного русского путешественника: «Между простым народом бедность в высшей степени: дети лет до 15 ходят полунаги, а иногда совсем голые»³⁴.

Он признавал, что во всех странах больше бедных, чем богатых, но такого множества нищих он нигде не видел во всей Италии. Однако не бичевание язв сицилийского общества увлекало Черткова, а поиск положительного выхода из сложившегося тяжелого социально-экономического положения народа. Как одну из мер, он предлагал уничтожить два или три монастыря, обратив их в мануфактуры для бедных, что позволило бы прокормить не только здоровых сицилийских нищих, но еще устроить богадельню для немощных и больных³⁵.

Любопытно сравнить восприятие А. С. Норова этой стороны сицилийской действительности. В своем «Путешествии по Сицилии в 1822 г.» он констатировал, что в одном Палермо и его окрестностях находилось до 70 монастырей, и из 1 млн 600 тыс. обитателей насчитывали 47 тыс. духовенства. Впрочем, он не раздумывал над этими цифрами. Он не мог не заметить лохмотьев нищеты на Сицилии, однако отмахивался от них: «Но ничего не может быть неприятнее докучливой толпы нищих, которые в одно мгновение окружают со всех сторон приближающийся экипаж как свою добычу»³⁶. Норов с большим удовольствием описывал клубы, казино, театры, природу.

Черткова брала оторопь при виде тех затей, которыми тешились сицилийские князья-землевладельцы. Один, князь Палагония, декорировал свою загородную дачу фигурами уродов, сделанных по его рисункам из камня и мрамора, «безобразность, отвратительность этих изваяний выше всякой меры». Число их доходило до пятисот, самых гадких монстров после смерти князя уничтожили. Другой князь, ди Бутера, в особом павильоне своего сада, разделенном

³³ Там же. С. 63.

³⁴ Там же. С. 56.

³⁵ Там же. С. 57.

³⁶ *Норов А.* Путешествие по Сицилии в 1822 г. СПб.: Тип. А. Смирдина, 1828. С. 80, 73.

на кельи, поместил восковые фигуры монахов в натуральную величину, изобразив их за чтением, гуляющими, ведущими беседы, лежащими... «По крайней мере, восковые монахи не живут на счет земли и бедных жителей Сицилии»³⁷, — заключал Чертков. Норов также не преминул поведать своим читателям о страшилищах, добавив: «Я думал, что нахожусь в жилище какого-нибудь злого чародея... Меня более заняли прекрасные виды из окон на живописные скалы, сады и рощи, окружающие сей хаос здания»³⁸, — и только. Для литератора П. В. Анненкова (1812/1813–1887), путешествовавшего по Сицилии в 40-х гг. XIX в., Палермо явилось страничкой из «Тысячи и одной ночи»³⁹.

Чертков же пытался заставить задуматься своих читателей о социальной ответственности состоятельного гражданина перед обществом, о его долге перед своим народом:

Князя ди Бутера и Палагония ясно доказывают своими страшными выдумками, что сицилийские князья богаты лишними деньгами для удовлетворения дорогостоящих причуд (второму его чудовища стоили, как уверяют, около 500 000 руб. на наши деньги), но что они, к сожалению, не имеют ни вкуса, ни просвещения для того, чтобы употребить остаток своих доходов на что-нибудь лучшее и полезнейшее для их отечества, которое нуждается теперь в заведениях для наук и художеств⁴⁰.

Он также упрекал богатых землевладельцев, которые большей частью жили в Неаполе, в том, что они не заботятся о своих поместьях, не разводят тонкошерстных овец, хотя «прекрасный климат и малочисленность острова много этому способствуют»⁴¹.

От критики частных лиц Чертков переходил к бездействующему правительству, не радевшему о развитии на острове промышленности, торговли, сельского хозяйства, для чего следовало устраивать дороги, шоссе, мосты, которых не было на Сицилии. Горы Сицилии «весьма богаты медью, свинцом и даже серебром; ни правительство, ни частные владельцы никогда не заботились о разработке этих

³⁷ Чертков А.Д. Воспоминания о Сицилии. С. 49.

³⁸ Норов А. Путешествие. С. 95

³⁹ Анненков П. В. и его друзья. Литературные воспоминания и переписка 1835–1885 гг. СПб.: А. С. Суворин, 1892. С. 168.

⁴⁰ Чертков А.Д. Воспоминания о Сицилии. С. 48–49.

⁴¹ Там же. С. 65.

металлов»⁴². При сарацинах много было плантаций сахарного тростника. Чертков вопрошал:

Если климат позволяет разводить сахарный тростник, если одно переработывание сырца в рафинированный сахар обогащает наших петербургских фабрикантов, если приготовление сахара даже из свеклы доставляет большие выгоды, то для чего вы перестали разводить тростник?⁴³

Он выступил сторонником протекционистских мер со стороны государства, вочью наблюдая их положительное действие на экономику России. Полностью одобряя проводимый министром финансов Е. Ф. Канкриним экономический курс, Чертков в его свете рассматривал развитие сахарной промышленности и на Сицилии: в первые годы производители местного сахара должны были бы продавать сахар дороже привозного, потому что большие суммы потребовались бы на плантации, здания, машины и проч. Чертков считал, что «в эти годы мудрое правительство должно принять их под свою эгиду, возвысив пошлину на привозной сахар или дать им денег заимобразно без процентов»⁴⁴.

Чертков задавал принципиальные вопросы правительству Сицилии, но они обращены были в сторону России, что было понятно вдумчивому читателю:

Но неужели правительство Неаполя не хочет видеть, что Сицилия не может оставаться одна в оцепенении, когда всё вокруг нее идет быстрыми шагами вперед по широкому пути промышленности, искусств и образованности? Что чем народ просвещеннее, тем он не только богаче, счастливее, но и приверженнее к стране, государю, ею владеющему?⁴⁵

До тех пор, пока правительство не поймет этого и не начнет действовать, удел Сицилии, полагал Чертков, печален:

Суеверие, предрассудки, невежество, повсеместное господство духовных, несоразмерное число монастырей и монашествующих,

---

⁴² Там же. С. XXX.

⁴³ Там же. С. 74.

⁴⁴ Там же. С. 75.

⁴⁵ Там же. С. 69–70.

отсутствие всякой промышленности, неимение сообщений — все это дает ей совсем сходство с Европой средних веков⁴⁶.

Обращение к античной истории подчеркивало удручающее состояние сицилийцев и в плане гражданственности:

Римляне сходились греться зимою на солнце, в *Forum*, на улицы, и греясь рассуждали о делах республики, о важных происшествиях, и каждый из них, член правления, имеющий голос, мог и должен был подать свое мнение <...> А нынешним итальянцам о чем разглагольствовать?⁴⁷

Чертков подчеркивал, что у «новых римлян» первой четверти XIX в. не было общественных дел, поэтому они, проводя несколько часов подряд на улицах, молчали, куря сигарки. Руины античной архитектуры при сравнении с современными Черткову постройками еще более усиливали этот контраст. В Джирженти [Агригенте]

уцелевшие остатки греческого зодчества гордо выказывались перед домиками нынешних жителей и представлялись произведениями рук гигантских в сравнении с малостью строений теперешних сицилийцев⁴⁸.

Неблагополучие социально-экономического положения жителей острова вполне отражалось и на состоянии его библиотек и музеев. Музей монастыря св. Мартина в Палермо, который много расхваливали Черткову, оказался «родом кладовой» из пяти «нечистых комнат», в которые монахи собирали все, что они «выпрашивали» у палермских жителей⁴⁹. В плачевном состоянии находились памятники античности и Средневековья, на что было больно взирать просвещенному путешественнику. Но где найти средства для их поддержания и реставрации? Чертков, присмотревшись к экономике острова, отметил, что «богатые доходы епископа» простирались до 60 тыс. скудо (300 тыс. руб.). Русский путешественник предложил, чтобы неаполитанский король приказал употреблять «хотя бы 1/3 часть этой

⁴⁶ Там же. С. 70.

⁴⁷ Там же. С. 60.

⁴⁸ Там же. С. 150.

⁴⁹ Там же. С. 34.

суммы» на поддержку памятников древнего Агригента, приходивших в разрушение, а также и на археологические раскопки⁵⁰.

Наблюдения Черткова позволили ему прийти к следующему выводу:

Натура делает все: люди не хотят ничего, кроме пасты и монахов; одним словом, Рай Земной, обитаемый нищими, монахами и ленивцами. Если бы неизвестно было, что Сицилия принадлежит Фердинанду, то, право, можно бы было подумать, что она не имеет государя, ибо нигде не видно ни Правительства, ни власти, ни войск, ни устройства малейшего: можно ее принять за обширный монастырь, ибо только и видишь одних монахов⁵¹.

В конце путешествия Чертков записал в «Журнале» свое мнение об Италии:

Ни здешние нравы, ни образ мыслей итальянцев вообще, ни здешние публичные увеселения, ни образ жизни, ни характер жителей, ничто не симпатизирует с нашими, и русский, конечно, ни за что на свете не согласится провести жизнь свою здесь, не быв побужден к сему службою или здоровьем и какими-нибудь семейными причинами, но воспоминания исторические Рима, очаровательное положение и прекрасное голубое небо Неаполя, климат Генуи, Пизы, памятники древностей, искусств и наук Флоренции и всей Италии всегда будут привлекать мыслящих путешественников в сию классическую землю⁵².

Несмотря на фрагментарность предложенных в статье высказываний Черткова, можно в общих чертах составить представление о его воззрениях в те годы. Все его упования и надежды на достижение благополучия и процветания страны возлагались на мудрое правительство и гражданские законы. Правительство должно было поощрять активность «класса буржуа» в развитии промышленности, оно было обязано заботиться о сельском хозяйстве, разработке недр, о строительстве путей сообщения, о покровительстве торговле. Правительству необходимо было принять на себя попечение о бедных, а искоренение нищенства произвести путем предоставления рабочих

⁵⁰ Там же. С. 160.

⁵¹ Чертков А. Д. Журнал. С. 234–235.

⁵² Там же. С. 555–556.

мест для здоровых и богаделен для больных и престарелых. Культура страны, ее исторические памятники не должны быть в небрежении. Чертков старался показать, что «довольство народа составляет богатство правительства» и что «не таможенные сборы, а промышленность жителей доставляет настоящий никогда неиссякаемый доход». Чертков, таким образом, присоединял свой голос к тем, кто надеялся, что «благоразумное» правительство их услышит и, осознав полезность предложенных мер на примере другого государства, последует совету.

Как указывалось выше, имени Черткова нет в известных списках «Союза благоденствия», но весьма похоже, что свое путешествие в 1823–1825 гг. он совершил в свете требований «Зеленой книги» к путешествующему члену тайного общества. Первая часть книги Черткова «Воспоминания о Сицилии» напрямую отвечала задачам, которые ставил Н. И. Тургенев перед так и не состоявшимся журналом «Союза благоденствия»:

Где русский может почерпнуть нужные для сего общие правила гражданственности? Наша словесность ограничивается донныне почти одною поэзиею. Сочинения в прозе не касаются до предметов политики <...> И русские хотят ныне участвовать в судьбе просвещенной Европы; хотят знать не только о ее благополучии, о ее бедствиях, но также и о причинах сего благополучия и сих бедствий⁵³.

Именно это обстоятельство может объяснить, почему Чертков, помимо достопримечательностей, музеев и библиотек, с особым вниманием осматривал госпитали, дома призрения, школу для глухонемых, странноприимные дома в городах Западной Европы. Подобные объекты как-то не вписываются в привычный «туристический» маршрут.

Николай I хорошо был знаком с основными проектами и предложениями декабристов благодаря составленному по его приказанию «Своду показаний членов злоумышленных обществ о внутреннем состоянии государства». Император, не отрицая необходимость реформ, полагал, что они должны были производиться постепенно и легитимно, укрепляя государство. Активная внешняя и внутренняя

---

⁵³ *Тургенев Н. И.* Дневники и письма Н. И. Тургенева за 1816–1824 годы. С. 369–370.

политика Николая I в начале 1830-х гг. вызвала общественный подъем, в императоре видели нового Петра Великого⁵⁴.

Настроения русского общества начала 1830-х гг., на наш взгляд, побудили Черткова опубликовать книгу «Воспоминания о Сицилии», которой он желал, похоже, напомнить соотечественникам идеи «александровского времени». Сама книга неоспоримо свидетельствовала о приверженности ее автора прежним идеалам и о его трепетном отношении к воззрениям молодости, которые не утратили своей привлекательности и притягательности для него и в более зрелые годы. И на дальнейшую деятельность Черткова нужно смотреть через призму его убеждений, которые он высказал в своих «путешествиях». В 1834 г. он поступил на статскую службу, но не из-за жалованья (он был богатым человеком и ни на одной из своих должностей не получал жалованье), а из желания принести пользу Отечеству. И его выбор вызывает уважение: он стал членом Попечительного совета заведений общественного призрения и начальником Московского работного дома, чтобы бороться с нищенством и тунеядством⁵⁵. В своем Острогожском имении Чертков завел тонкошерстное овцеводство, построил сахарные заводы, которые работают до сих пор. Таким образом, Чертков включился в административную, общественную, культурную и научную жизнь Москвы, чтобы использовать возможность, предоставленную властью, и применить на практике свой реформаторский потенциал, о котором он заявлял в своих записках о зарубежном путешествии 1823–1825 гг.

Список сокращений

ОПИ ГИМ — Отдел письменных источников Государственного исторического музея, Москва.

Литература

- Вернадский 1993 — *Вернадский Г.В.* Два лика декабристов // Свободная мысль. 1993. № 15. С. 81–92.
- Высокий 2013 — *Высокий М.Ф.* Античное наследие Сицилии глазами русских путешественников первой четверти XIX в. // Русская Сицилия /

⁵⁴ Соловьев 2000: 52.

⁵⁵ См.: Фролова 2009: 71–83.

- La Sicilia dei Russi / научный ред.-сост. М. Г. Талалай. М.: Старая Басманная, 2013. [2-е изд., испр. и доп.]. С. 106–131.
- Куприянов 2010 — *Куприянов П. С.* Свое и чужое в русском заграничном путешествии начала XIX века // Российская история. 2010. № 5. С. 27–38.
- Лотман 1994 — *Лотман Ю. М.* Беседы о русской культуре. Быт и традиции русского дворянства (XVIII — начало XIX века). 2-е изд. СПб.: Искусство-СПб., 1994.
- Медведева 2015 — *Медведева Т. В.* «Депеизация» по-русски: путешествия по Европе в мемуарном наследии Д. Н. Свербеева (1799–1874) // Русский травелог XVIII–XX веков. / под ред. Т. И. Печерской. Новосибирск: Изд-во НГПУ, 2015. С. 28–47.
- Немировский 1971 — *Немировский А. И.* Воронежца в Сицилии // Собеседник: Портреты: Этюды исторического повествования: Очерки / ред. З. Анчиловский, О. Ласунский. Воронеж: Центрально-Черноземное издательство, 1971. С. 203–209.
- Печерская 2016 — *Печерская Т. И.* Проект «Аннотированный указатель “Русский травелог XVIII — начала XX вв.”»: к постановке проблемы // Русский травелог XVIII–XX веков: маршруты, топосы, жанры и нарративы / под ред. Т. И. Печерской, Н. В. Константиновой. Новосибирск: Изд-во НГПУ, 2016. С. 8–20.
- Смекалина 2014 — *Смекалина В. В.* Русские путешественники в Швейцарии во второй половине XVIII — первой половине XIX в. Автореферат дис. ... канд. ист. наук. М., 2014 (рукопись).
- Соловьев 2000 — *Соловьев П. К.* Николай I и «петровская легенда»: общество, власть, личность // Освободительное движение в России. Саратов: Изд-во Саратовского университета, 2000. Вып. 18. С. 52–60.
- Стефко 2010 — *Стефко М. С.* Европейское путешествие как феномен русской дворянской культуры конца XVIII — первой четверти XIX веков. Автореферат дис. ... канд. ист. наук. М., 2010 (рукопись).
- Трусевич 1994 — *Трусевич О. Г.* Путешествие А. Д. Черткова по Италии, Швейцарии и Австрии. 1823–1825: по материалам личного архивного фонда // История, библиография, библиотечное дело: Материалы конференции специалистов Государственной публичной исторической библиотеки / ред.-сост. Л. Л. Батова. М.: [Государственная публичная историческая библиотека], 1994. С. 23–28.
- Фалалеева 2012 — *Фалалеева М. В.* Предисловие // *Чертков А. Д.* Журнал моего путешествия по Австрии, Италии, Сицилии, Швейцарии и проч. в 1823–1825 годах. М.: Русский мир, 2012. С. 5–38.
- Фролова 2007 — *Фролова М. М.* Александр Дмитриевич Чертков (1789–1858). М.: Московские учебники и Картолитография; Изд-во Главархива Москвы, 2007.

- Фролова 2009 — Фролова М.М. Создание Работного дома в Москве (1834–1839 гг.) // Вопросы истории. 2009. № 12. С. 71–83.
- Чистикова 2011 — Чистикова Е.И. Путешествие А.С. Норова на Сицилию в 1822 г. // Клио. 2011. № 1 (52). С. 31–33.

References

- Chistikova, E. I., 2011. Puteshestvie A. S. Norova na Sitsiliiu v 1822 g. [A. S. Norov's journey to Sicily in 1822]. *Klio*, 1 (52), pp. 31–33.
- Falaleeva, M. V., 2012. Predislovie [Preface]. In: Chertkov, A. D., *Zhurnal moego puteshestviia po Avstrii, Italii, Sitsilii, Shveitsarii i proch. v 1823–1825 godakh* [Journal of my travels in Austria, Italy, Sicily, Switzerland, etc. in the years 1823–1825.]. Moscow: Russkii mir, pp. 5–38.
- Frolova, M. M., 2007. *Aleksandr Dmitrievich Chertkov (1789–1858)* [Aleksandr Dmitrievich Chertkov]. Moscow: OAO “Moskovskie uchebniki i Kartolitografiia”; Izdatel'stvo Glavarkhiva Moskvy.
- Frolova, M. M., 2009. Sozdanie Rabotnogo doma v Moskve (1834–1839 gg.) [The foundation of the Workhouse in Moscow (1834–1839)]. *Voprosy istorii*, 12, pp. 71–83.
- Kupriianov, P. S., 2010. *Svoe i chuzhoe v russkom zagranichnom puteshestvii nachala 19 veka* [Familiar and alien in the Russian foreign journey of the early nineteenth century]. *Rossiiskaia istoriia*, 5, pp. 27–38.
- Lotman, Yu. M., 1994. *Besedy o russkoj kul'ture. Byt i tradicii russkogo dvoryanstva (XVIII — nachalo XIX veka)* [Conversations about Russian culture. Life and traditions of the Russian nobility (from the eighteenth to the early nineteenth century)], 2nd edition. St. Petersburg: Iskusstvo-SPb.
- Medvedeva, T. V., 2015. “Depeizatsia” po-russki: puteshestviia po Evrope v memuarom nasledii D. N. Sverbeeva (1799–1874) [“Depeisation” in Russian: travels in Europe in the memoirs of D. N. Sverbeev (1799–1874)]. In: Pecherskaia, T. I., ed. *Russkii travelog 18–20 vekov* [Russian travelogue from the eighteenth to the twentieth century]. Novosibirsk: Izdatel'stvo NGPU, pp. 28–47.
- Nemirovskii, A. I., 1971. Voronezhets v Sitsilii [A Voronezh dweller in Sicily]. *Sobesednik: Portrety: Etyudy istoricheskogo povestvoovaniia: Ocherki*. Voronezh: Tsentral'no-Chernozemnoe izdatel'stvo, pp. 203–209.
- Pecherskaia, T. I., 2016. Proekt “Annotirovannyi ukazatel' ‘Russkii travelog 18 — nachala 19 vv.’”: k postanovke problem [The project “Annotated index ‘Russian travelogue of the eighteenth — early nineteenth centuries’”: to the problem statement]. In: Pecherskaia, T. I., Konstantinova, N. V., eds. *Russkii travelog 18–19 vekov: marshruty, toposy, zhanry i narrativy* [Russian travelogue from the eighteenth to the twentieth centuries: routes, thopoi, genres and narratives]. Novosibirsk: Izdatel'stvo NGPU, pp. 8–20.

- Smekalina, V.V., 2014. *Russkie puteshestvenniki v Shveysarii vo vtoroi polovine 18 — pervoi polovine 19 v. Avtoreferat dis. ... kand. ist. nauk* [Russian travelers in Switzerland from the second half of the eighteenth to the first half of the nineteenth century. PhD dissertation abstract]. Moscow (manuscript).
- Solov'ev, P. K., 2000. Nikolai I i "petrovskaya legenda": obshchestvo, vlast', lichnost' [Nicholas I and "Peter's legend": society, power, personality]. In: *Osvoboditel'noe dvizhenie v Rossii* [Liberation movement in Russia]. Saratov: Saratov State University, 18. pp. 52–60.
- Stefko, M. S., 2010. *Evropeiskoe puteshestvie kak fenomen russkoi dvorianskoi kul'tury kontsa 18—pervoi chetverti 19 vekov. Avtoreferat diss... kand. ist. nauk* [European journey as a phenomenon of Russian noble culture from the late eighteenth to the first quarter of the nineteenth century]. Moscow (manuscript).
- Trusevich, O. G., 1994. *Puteshestvie A. D. Chertkova po Italii, Shveysarii i Avstrii. 1823–1825: po materialam lichnogo arhivnogo fonda* [A. D. Chertkov's journey in Italy, the Switzerland and Austria. 1823–1825: based on the materials his the personal archival fond]. In: Batova, L. L., ed. *Istoriia, bibliografiia, bibliotechnoe delo. Materialy konferentsii spetsialistov Gosudarstvennoi publichnoi istoricheskoi biblioteki* [History, bibliography, library management. Materials of the conference of specialists of the State Public Historical Library]. Moscow: [State Public Historical Library], pp. 23–28.
- Vernadskii, G. V., 1993. Dva lika dekabristov [Two faces of the Decembrists]. *Svobodnaya mysl'*, 15, pp. 81–92.
- Vysokii, M. F., 2013. Antichnoe nasledie Sitsilii glazami russkikh puteshestvennikov pervoi chetverti 19 v. [The ancient heritage of Sicily through the eyes of Russian travelers of the first quarter of the nineteenth century]. In: Talalai, M. G., ed. *Russkaia Sitsiliia / La Sicilia dei Russi* [Russian Sicily], 2nd edition. Moscow: Staraia Basmannaia, pp. 106–131.

Marina M. Frolova

PhD, Senior Research Fellow, Institute of Slavic Studies, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia. 119334, Leninsky Prospekt, 32A. E-mail: marinafrolova59@mail.ru

Aleksandr Chertkov's travel in Italy and Sicily in 1823–1825 in the context of his social and political views

The essay discusses the travel in Italy and Sicily between 1823–1825 of Aleksandr D. Chertkov, who was later a famous scholar and public figure. It treats his works *Memories of Sicily* (Moscow, 1835–1836) and “Journal of my travels in Austria, Italy, Sicily, Switzerland, etc in 1823–1825”, first published in 2012. Chertkov was excited about Italian history, culture, art, and monuments, and paid special attention to the socio-political and economic situation of the cities of Italy and Sicily, which was in contrast with many Russian travellers. He freely expresses his opinion on confessional issues and discloses intimate communication with prominent figures in the Decembrist movement against Nikolai I. Turgenev confirms the fact that Chertkov shared many of his convictions and was also an adherent of reforms in Russia, namely those conducted exclusively by the government. In his book *Memoirs of Sicily*, Chertkov strives to show using the example of Sicily that “the wealth of the government is the people’s wealth” and that “those are not customs fees, but the industry of residents that provide real, never-ending income”. Thus, Chertkov added his voice to those who hoped that the “prudent” government would listen to them and follow their advice, realizing the usefulness of the proposed measures with the example of another state. From his travels in Italy, Chertkov concluded that a person for whom “the word Fatherland” was an “empty sound” should settle here as he would find a wonderful climate, eternal summer, gifts of nature, antique monuments, arts, and sciences.

Keywords: Aleksandr D. Chertkov, Nikolai I., Turgenev, Union of Welfare, travel, worldview

Федор Ильич Мелентьев

Кандидат исторических наук, главный специалист, Государственный архив Российской Федерации, Москва, Россия. 119435, ул. Большая Пироговская, д. 17; научный сотрудник, Международная лаборатория региональной истории России, НИУ Высшая школа экономики, Москва, Россия. 105066, ул. Старая Басманная, д. 21/4, стр. 1. E-mail: fim91@mail.ru

Почему наследник престола швырнул лампу? Сравнительный анализ описаний путешествия цесаревича Александра Александровича по России в 1869 г.

В статье анализируются мемуарные, эпистолярные и публицистические свидетельства о путешествии цесаревича Александра Александровича по России в 1869 г. Источниковую базу статьи составили неопубликованные и малоизученные материалы личного происхождения. Путешествие наследника престола по стране традиционно имело большое значение, поскольку оно знакомило великого князя с его будущими подданными. Особую роль в этом играли спутники цесаревича Александра Александровича, способные дать ему совет и объяснить увиденное. Отдельное внимание в статье уделяется рассмотрению посещений цесаревичем Хвалынска и Вольска, а также отражению этих посещений в исторических источниках. Во время визитов в эти города цесаревич Александр Александрович проявил раздражение по поводу необходимости встреч с местным населением. Если утомленный церемониями наследник объяснял в дневнике свою раздражительность, ссылаясь на недомогание, то сопровождавшая его цесаревна Мария Федоровна и члены свиты были обескуражены поведением Александра Александровича. Сравнительный анализ описаний путешествия позволяет также уточнить воспоминания Н. А. Качалова, который отметил, что раздражение наследника было вызвано необходимостью строгого следования маршруту. Однако обращение к самому маршруту показывает, что путешественники и без того не соблюдали график движения. Рассмотрение в этом контексте анонимной брошюры «Путешествие государя наследника цесаревича и государыни цесаревны в 1869 году» дает основания приписать ее авторство К. П. Победоносцеву. В целом compara-

---

Исследование осуществлено в рамках Программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ в 2020 г.

DOI 10.31168/4469-1767-9.03

тивный анализ описаний путешествия цесаревича Александра Александровича позволяет делать выводы о сложном и противоречивом процессе социализации будущего Александра III.

Ключевые слова: Александр III, императрица Мария Федоровна, К. П. Победоносцев, Н. А. Качалов, цесаревич Николай Александрович, травелог, наследник престола

Цесаревич Александр Александрович и его жена великая княгиня Мария Федоровна предприняли 10 июля — 10 сентября 1869 г. совместное путешествие по России. Как отметил американский исследователь Р. С. Уортман, это была «первая и единственная поездка такого рода, в которую наследник русского престола отправился с супругой»¹. К тому времени Александр Александрович и Мария Федоровна были женаты уже почти три года и имели двоих детей. Маршрут включал переезд по железной дороге из Петербурга в Москву, а затем в Нижний Новгород, где к путешественникам присоединился великий князь Алексей Александрович. Плывая по Волге, великие князья посетили Казань, Симбирск, Самару, Саратов, Царицын, затем побывали в Области войска Донского и добрались до Крыма, а на обратном пути посетили Одессу и Киев, откуда по железной дороге вернулись в Царское Село.

В великокняжескую свиту входили гофмаршал двора цесаревича В. В. Зиновьев, состоявший при великом князе Алексее Александровиче К. Н. Посыет, сенатор К. П. Победоносцев, профессор Московского университета И. К. Бабст, секретарь цесаревны Ф. А. Оом, врач Г. И. Гирш, профессор живописи А. П. Боголюбов, адъютанты цесаревича П. А. Козлов и граф А. В. Олсуфьев, архангельский губернатор Н. А. Качалов, а также гофмейстерина княгиня Ю. Ф. Куракина и фрейлина княжна А. А. Куракина. Организаторы путешествия высочайшей четы во многом ориентировались на маршрут путешествия по России в 1863 г. старшего сына Александра II — цесаревича Николая Александровича, безвременно скончавшегося в 1865 г. «С самым маршрутом путешествия много было хлопот, — писал К. П. Победоносцев фрейлине императрицы Марии Александровны графине А. Д. Блудовой 17 мая 1869 г., — несколько раз его меняли»².

¹ Уортман 2004: 242.

² Победоносцев К. П. «Будь тверд и мужествен...». Статьи из еженедельника «Гражданин» 1873–1876. Письма / под ред. В. В. Ведерникова. СПб.: б. и., 2010. С. 305.

Такие путешествия, как правило, совершались наследниками престола в ознаменование окончания обучения и имели целью взаимное знакомство народа и будущего государя. В значительной мере именно во время этих путешествий складывались представления великих князей о стране. «Путешествие по России есть для наследника престола единственное средство быть великим государем, — убеждал входивший в ближайшее окружение старших сыновей Александра II князь В. П. Мещерский цесаревича Александра Александровича 2 июля 1868 г. — Оно — все для него, сущность всей его жизни. Это целый курс великой науки познания своего государства и приготовления себя к престолу. Отдаться ему, то есть путешествию, можно только всею душою, но не иначе: ездить по долгу, а не с любовью — не стоит, ибо нельзя будет избежать минуты, когда скука от исполнения этого долга вырвется наружу и оскорбит многих»³. Несмотря на то, что будущий Александр III готовился управлять Россией, имперское пространство казалось ему в некоторой степени чуждым, а население представлялось в образе «другого». Таким образом, то, что для наследника престола было объективно «своим», субъективно оказывалось для него «чужим».

Помочь цесаревичу освоиться в пространстве страны и лучше понять народные чувства были призваны его спутники, оставившие свидетельства о путешествии. Среди этих свидетельств следует назвать не только дневники августейших путешественников⁴, но и дневник И. К. Бабста⁵, воспоминания А. П. Боголюбова⁶ и Н. А. Качалова⁷, а также анонимную брошюру «Путешествие государя наследника цесаревича и государыни цесаревны в 1869 году»⁸,

---

³ Мещерский В. П. Письма к великому князю Александру Александровичу, 1863–1868 / сост., публ., вступ. ст. и коммент. Н. В. Черниковой. М.: Новое литературное обозрение, 2011. С. 481–482.

⁴ Путешествие по Волге и Дону наследника цесаревича Александра Александровича (Из его дневника за 1869 год) // Бабст И. К., Победоносцев К. П. Письма о путешествии государя наследника цесаревича по России от Петербурга до Крыма. СПб.: Русская симфония, 2010; ГА РФ. Ф. 642. Оп. 1. Д. 12 (дневник цесаревны Марии Федоровны); Ф. 681. Оп. 1. Д. 1. Л. 17 (дневник великого князя Алексея Александровича).

⁵ ОР РГБ. Ф. 512. К. 1. Д. 13.

⁶ Боголюбов А. П. Записки моряка-художника. Самара: Агни, 2006.

⁷ Качалов Н. А. Записки тайного советника. М.: Новый хронограф, 2012.

⁸ Путешествие государя наследника цесаревича и государыни цесаревны в 1869 году. М.: Университетская тип. (Катков и К°), 1869.

по всей видимости, принадлежащую перу К. П. Победоносцева. Характерно, что каждый из участников путешествия по-своему воспринимал происходившее во время поездки. Одной из точек пересечения свидетельств августейших путешественников и их спутников стал период плавания по Волге, в частности посещение Хвалынска и Вольска.

Путешествие великого князя по стране предполагало многочисленные встречи с народом и представителями общества, что мало-помалу стало раздражать цесаревича Александра Александровича. «Я уже начинаю не то чтобы уставать, а уже становится тяжело постоянно принимать, разговаривать, быть постоянно любезным, и это меня утомляет, а физически я вовсе не устаю», — писал он в дневнике 2 августа 1869 г.⁹ Если во время путешествий по стране в 1861 и 1863 гг. цесаревичу Николаю Александровичу, несмотря на утомление, удавалось быть приветливым и предупредительным¹⁰, то этого нельзя сказать о его брате.

23 июля 1869 г. цесаревна Мария Федоровна записала в дневник:

Мы опять подошли к небольшому городку (*Хвалынск*), где снова нас ожидала большая толпа. *Саша* ни в какую не желал выйти к ним, принял депутацию с хлебом-солью на борту и сразу же ушел к себе, оставив меня одну-одинешеньку среди всех этих людей, которые так упрашивали меня сойти на берег и говорили, что многие прибыли издалека в надежде увидеть нас. Тогда я набралась мужества и, ни о чем больше не спрашивая, стала спускаться на берег, так что *Саше* пришлось проследовать за мной. На пристани, красиво убранной цветами, накрыли огромный стол, ломившийся от фруктов и закусок. Нас сразу же пригласили присесть и выпить чаю, что я и сделала, а *Саша* отправился приветствовать солдат; такое сильное впечатление произвели на меня эти радостные лица, совсем старые женщины, мужчины с длинными седыми бородами плакали от волнения, так что я едва не последовала их примеру, особенно когда при прощании услышала громкие слова благодарности в наш адрес¹¹.

⁹ Путешествие по Волге и Дону наследника цесаревича Александра Александровича. С. 551.

¹⁰ Мелентьев 2016: 197–198.

¹¹ Ульstrup 2008: 29. Сверено по подлиннику на датском языке: ГА РФ. Ф. 642. Оп. 1. Д. 12. Л. 28 об.–29. Здесь и далее переданные курсивом слова написаны в подлиннике по-русски в именительном падеже.

Реакция цесаревича Александра Александровича изумила великую княгиню. Цесаревна Мария Федоровна записала:

К своему удивлению я обнаружила *Саши* в *accés*¹² ярости, прежде всего из-за того, что я присоединилась к чаепитию — оно показалось ему слишком долгим: он швырнул лампу на лестницу и, изрыгая ругательства, побежал к себе, а мне стало так стыдно перед нашим обществом, мне так неприятно при мысли о том, что они могут подумать о нем; я же прекрасно знаю, что он совсем не таков, что в глубине души он наверняка столь же тронут, как и мы, и поэтому мне вдвойне обидно видеть его таким из-за того, что он хотя бы немножко не может взять себя в руки и говорит, что все его только раздражает¹³.

Любящая жена могла только догадываться о причинах подобного поведения великого князя.

В дневнике цесаревича Александра Александровича происходившее 23 июля описано совершенно иначе:

К 3 часам подошли к Хвалынску, и там то же самое, угостили нас чаем, приняли с хлебом-солью и рыбами. Я прошел по фронту резервного батальона, и потом, простившись со всеми, сели на пароход и отправились дальше. Я читал, а потом лег поспать до обеда. В ½ 6 сели все обедать, и я был все время не в духе, потому что нездоровилось, и потом страшно надоели все эти остановки по городам.

Вечером того же дня, как записал в дневнике наследник:

В 8 ч. мы еще остановились в Вольске, где была страшная толпа, и мы вышли принять хлеб-соль, а потом прошли по мосткам поклониться народу, и нас просили непременно поехать в город, но я отклонил, и все наши были недовольны мною, но я решительно не мог решиться и чувствовал себя совершенно нехорошо¹⁴.

Примечательно, что входивший в свиту цесаревича Н. А. Качалов в воспоминаниях, написанных в середине 1880-х гг., объяснял поведение наследника престола стремлением неукоснительно

¹² Приступ — *фр.*

¹³ Ульstrup 2008: 29–30. Сверено по подлиннику на датском языке: ГА РФ. Ф. 642. Оп. 1. Д. 12. Л. 29–29 об.

¹⁴ Путешествие по Волге и Дону наследника цесаревича Александра Александровича. С. 542.

следовать маршруту, чего требовал от сына сам Александр II. Качалов писал:

Одним ясным утром (как видно из дневника Александра Александровича, дело было вечером. — *Ф.М.*) проходили мимо богатого торгового уездного города Саратовской губернии Вольска, где по маршруту не было назначено остановки.

Собравшийся на пристани народ, согласно мемуаристу, умолял великого князя остановиться. Качалов вспоминал:

Окружающие просили цесаревича пристать к Вольску, но он, указывая на злосчастный маршрут, находил положительно это невозможным и даже наконец рассердился. Тогда окружающие направили меня, и на мои представления цесаревич с раздражением отвечал, что “Вы очень хорошо знаете, почему я не могу остановиться, зачем же вы меня мучаете?”¹⁵

Между тем, согласно маршруту, 23 июля в Вольске не только была намечена остановка, но и запланирован ночлег¹⁶.

Спутники цесаревича были обескуражены его поведением. Великий князь Алексей Александрович записал в дневнике 23 июля:

Вечером мы подошли к городу Вольску, где тоже вышли только на пристань, потому что как все ни просили Сашу поехать в город, но он был очень не в духе и ни за что не хотел, за что Мини (семейное прозвище цесаревны. — *Ф.М.*) на него сильно рассердилась. Вообще день был неудачный, все как-то устали и были не в духе¹⁷.

Впоследствии цесаревна Мария Федоровна писала матери, датской королеве Луизе:

Теперь, когда все счастливо завершилось, хочется рассказать, как часто сердце у меня готово было вырваться из груди во время всех этих раутов, приемов и т. п., на которых он, с одной стороны, не желал появляться, особенно в первой части путешествия по Волге, а с другой — не стеснялся в присутствии всех господ и обеих Куракиных

¹⁵ Качалов Н.А. Записки тайного советника. С. 417.

¹⁶ Маршрут путешествия их императорских высочеств государя наследника цесаревича, государыни великой княгини цесаревны и великого князя Алексия Александровича в 1869 году. СПб.: Тип. Голике [1869]. С. 1.

¹⁷ ГА РФ. Ф. 681. Оп. 1. Д. 1. Л. 17.

ругаться и охавать все на свете, вместо того чтобы радоваться и должным образом оценивать ту сердечность, с которой нас повсюду принимали. Несколько раз мы едва не поругались, и я уже подумала, что эта поездка полностью испортит хорошие отношения, сложившиеся между нами, но теперь, слава Богу, все это забыто, и жизнь у нас идет по-старому¹⁸.

Характерно, что на Волге И. К. Бабст в разговоре с цесаревной настаивал, что во время путешествия по Дону она должна «расторгнуть цесаревича на три дня так, чтобы он себя показал молодцом. *“Oui, c’est vrai. Alexc. m’en a déjà parlé”*¹⁹», — отвечала цесаревна²⁰.

Но, пожалуй, мудрее остальных спутников цесаревича поступил К. П. Победоносцев. По-видимому, он не стал вступать в спор и убеждать своего бывшего ученика в необходимости выполнять официальные обязанности во время путешествия. Однако в брошюре «Путешествие государя наследника цесаревича и государыни цесаревны в 1869 году», которую, несомненно, должен был прочитать наследник, Победоносцев красноречиво, но без нотаций объяснил смысл обязанностей цесаревича. Победоносцев писал:

23 числа, во время плавания, в трех городах, лежавших по пути — в Сызрани, в Хвалынске и в Вольске приготовлены были торжественные встречи. Много поистине трогательного в этих встречах по пути, и трудно русской душе удержаться от волнения и восторга²¹.

Описывая собственные чувства, Победоносцев пытался ретроспективно скорректировать восприятие цесаревичем встречи с народом.

Подходишь ближе, можно различить лица, сияющие радостною улыбкой, взгляды, внезапно загоревшиеся восторгом, там и сям блестят в глазах слезы, слышатся отрывистые восклицания прямо от сердца, личные, особенные приветы цесаревичу и цесаревне. Вот поистине живая любовь, которая никогда не отпадает, всему веру емлет, не радуется о неправде, а радуется о истине.

¹⁸ Кудрина 2009: 59–60.

¹⁹ «Да, это правда. Алексей мне об этом уже сказал». — *фр.*

²⁰ ОР РГБ. Ф. 512. К. 1. Д. 13. Л. 33.

²¹ *Победоносцев К. П.* Путешествие государя наследника цесаревича и государыни цесаревны. С. 38.

Здесь будущий цитировал обер-прокурор Синода известный фрагмент из Первого послания апостола Павла к Коринфянам и риторически восклицал: «Чье сердце не отзовется на эту могучую, верную и верующую любовь народную!»²² Читая эти строки, цесаревич должен был проникнуться религиозным чувством и уразуметь сакральный смысл своей встречи с народом.

Истолковывая народные чувства по отношению к августейшей чете, Победоносцев не жалел красок. «Подходишь ближе, — писал он, — цесаревич и цесаревна выходят вперед на палубу: каким могучим аккордом, каким страстным порывом разразился хор народный!». Картина единения царского сына с народом должна была объяснить наследнику престола значение проявления любезности, становившейся не чем-то искусственным, фальшивым и противным для прямодушного цесаревича, а естественным откликом на народные чувства. «Как счастливы эти люди, — утверждал Победоносцев, — что цесаревич и цесаревна вошли, присели, остались хоть на 10 минут, дали угостить себя, дали еще взглянуть на себя»²³.

При этом Победоносцев все же не смог полностью затушевать то обстоятельство, что именно цесаревна Мария Федоровна оказалась в центре народного внимания:

Цесаревна садится у стола. К ней подходят простые люди и говорят ей, как любят ее, говорят со слезами, и иной смельчак-старичок просит ручку, и добрая цесаревна не отказывает, она улыбается добрым людям доброю улыбкой, она заговаривает с ними и детей их ласкает²⁴.

Характерно, что похожие мысли Победоносцев излагал еще в 1863 г., в соавторстве с И. К. Бабстом описывая путешествие покойного цесаревича Николая Александровича в «Московских ведомостях» (в 1864 г. их статьи вышли отдельной книгой «Письма

²² Там же. С. 39.

²³ Там же.

²⁴ Позже Победоносцев говорил фрейлине великой княгини Елены Павловны баронессе Э. Ф. Раден, «что путешествие в[еликого] князя наследника удалось на славу и что цесаревна испытывает истинные и горячие симпатии к стране, где ее принимали с энтузиазмом» («Я любил Вас любовью брата...» Переписка Ю. Ф. Самарина и баронессы Э. Ф. Раден (1861–1876). СПб.: Владимир Даль, 2015. С. 138).

о путешествии государя наследника цесаревича по России от Петербурга до Крыма»²⁵). Анализируя эти тексты, А. Ю. Полунов отметил, что

важнейшей особенностью единения народа с самодержавием была искренность и прямота его проявления, не опосредованная сложными политико-административными формами. Народное чувство, писал Победоносцев, “просто и бескорыстно”, оно выражается “с младенческой простотою”, в “поразительной цельности и прямоте”²⁶.

Идейное единство текстов, написанных будущим обер-прокурором Синода в 1863 г. и шесть лет спустя, еще раз убеждает в том, что автором брошюры «Путешествие государя наследника цесаревича и государыни цесаревны в 1869 году» был никто иной как Победоносцев, тем более, что в 1869 г. Бабст сопровождал наследную чету не до конца путешествия.

Неудивительно, что в периодической печати подробности поездки цесаревича и цесаревны были описаны в восторженных тонах. Вот как суммировал газетные известия в своих воспоминаниях военный министр Д. А. Милютин:

Наследник с цесаревной и великим князем Алексеем Александровичем совершали свою чудную прогулку по Волге. После Нижнего они останавливались в Казани, Симбирске, Самаре, Саратове и Царицыне. В каждом городе их высочества после приема местных властей посещали собор, некоторые заведения, а наследник цесаревич, кроме того, производил смотры войскам. Везде были торжественные встречи с восторженными криками, иллюминациями и т. д.²⁷

Князь В. П. Мещерский писал цесаревичу Александру Александровичу 6 сентября 1869 г.:

Хотя я был так далек от Вас и так чужд Вашему странствованию по Волге, — но жадно следил за ним, сколько мог, и непритворно радовался тем известиям в газетах, которые говорили о глубоком

---

²⁵ Письма о путешествии государя наследника цесаревича по России от Петербурга до Крыма. М.: Тип. Грачева и комп., 1864.

²⁶ Полунов 2010: 79.

²⁷ Милютин Д. А. Воспоминания. 1868–1873 / под ред. Л. Г. Захаровой. М.: РОСС-ПЭН, 2006. С. 194.

впечатлении, которое сумела произвести цесаревна так просто, так естественно и по тому самому так неоцененно прелестно²⁸.

Таким образом, сравнительный анализ описаний путешествия цесаревича Александра Александровича по России в 1869 г. не только демонстрирует разницу в восприятии происходившего наследной четой, но и показывает усилия, предпринятые в ближайшем окружении цесаревича для того, чтобы тот мог лучше понять свое предназначение и подготовиться к нему. В какой мере это удалось — другой вопрос.

Список сокращений:

ГА РФ — Государственный архив Российской Федерации, Москва
ОР РГБ — Отдел рукописей Российской государственной библиотеки, Москва

Литература

- Астанков 2013 — *Астанков В.А.* Великий князь Александр Александрович и Александр II // *Российская история*. 2013. № 1. С. 120–136.
- Кудрина 2009 — *Кудрина Ю.В.* Мария Федоровна. М.: Молодая гвардия, 2009.
- Лескинен 2013 — *Лескинен М.* Волга — русская река // *Родина*. 2013. № 12. С. 2–7.
- Мелентьев 2016 — *Мелентьев Ф.И.* О.Б. Рихтер — летописец путешествий по России цесаревича Николая Александровича // *Романовы в дороге. Путешествия и поездки членов царской семьи по России и за границу: Сб. статей / отв. ред. М.В. Лескинен, О.В. Хаванова. М.; СПб.: Нестор-История, 2016. С. 192–203.*
- Мироненко 2015 — *Мироненко С.* Эпоха прагматического самодержавия // *Родина*. 2015. № 2. С. 2–4.
- Полунов 2010 — *Полунов А.Ю.* К.П. Победоносцев в общественно-политической и духовной жизни России. М.: РОССПЭН, 2010.
- Толмачев 2007 — *Толмачев Е.П.* Александр III и его время. М.: Terra, 2007.
- Ульstrup 2008 — *Ульstrup П.* Жизнь и судьба императрицы Марии Федоровны // *Императрица Мария Федоровна. Жизнь и судьба / подг. С.В. Мироненко, И. Бустгаард и др. СПб.: Петроний, 2008. С. 19–63.*

---

²⁸ *Мещерский В.П.* Письма к великому князю Александру Александровичу, 1869–1878 / публ., предисл. и коммент. Н.В. Черниковой. М.: Новое литературное обозрение, 2014. С. 247.

- Уортман 2004 — Уортман Р. С. Сценарии власти: Мифы и церемонии русской монархии. В 2 т. М.: ОГИ, 2004. Т. 2: От Александра II до отречения Николая II.
- Черникова 2017 — Черникова Н. В. Портрет на фоне эпохи: князь Владимир Петрович Мещерский. М.: Политическая энциклопедия, 2017.

References

- Astankov, V. A., 2013. Velikii kniaz' Aleksandr Aleksandrovich i Aleksandr II [Grand Duke Alexander Alexandrovich and Emperor Alexander II]. *Rossiiskaia istoriia* 1, pp. 120–136.
- Chernikova, N. V., 2017. *Portret na fone epokhi: kniaz' Vladimir Petrovich Meshcherskii* [A portrait against the background of the era: Prince Vladimir Petrovich Meshchersky]. Moscow: Politicheskaia entsiklopediia.
- Kudrina, Iu. V., 2009. *Mariia Fedorovna* [Maria Fedorovna]. Moscow: Molodaia gvardiia.
- Leskinen, M., 2013. Volga — russkaia reka [Volga — the Russian river]. *Rodina*, 12, pp. 2–7.
- Melent'ev, F. I., 2016. O. B. Rikhter — letopisets puteshestvii po Rossii tsesarevicha Nikolaia Aleksandrovicha. In: Leskinen, M. V., Khavanova, O. V., eds. *Romanovy v doroge. Puteshestviia i poezdki chlenov tsarskoi sem'i po Rossii i za granitsu: Sb. statej* [Romanovs on the road. Travels and trips of members of the royal family in Russia and abroad]. Moscow; Saint Petersburg: Nestor-Istoriia, pp. 192–203.
- Mironenko, S., 2015. Epokha pragmaticheskogo samoderzhavii [The era of pragmatic autocracy]. *Rodina*, 2, pp. 2–4.
- Polunov, A. Iu., 2010. *K. P. Pobedonostsev v obshchestvenno-politicheskoi dukhovnoi zhizni Rossii* [C. P. Pobedonostsev in the socio-political and spiritual life of Russia]. Moscow: ROSSPEN.
- Tolmachev, E. P., 2007. *Aleksandr III i ego vremia* [Alexander III and his time]. Moscow: Terra.
- Ul'strup, P., 2008. Zhizn' i sud'ba imperatritsy Marii Fedorovny. In: Mironenko, S. V., Bundsgaard, I., eds. *Imperatritsa Mariia Fedorovna. Zhizn' i sud'ba* [Empress Maria Fedorovna. Life and fate]. Saint Petersburg: Petronii, pp. 19–63.
- Wortman, R. S., 2004. *Stsenarii vlasti: Mify i tseremonii russkoi monarkhii. T. 2.* [Scenarios of power: Myth and ceremony in Russian Monarchy. Vol. 2]. Moscow: OGI.

Fedor I. Melentev

PhD, Chief Specialist, State Archive of the Russian Federation, Moscow, Russia. 119435, Bolshaya Pirogovskaya ul., 17; Research Fellow, International Laboratory of Regional History of Russia, Higher School of Economics, Moscow, Russia. 105066, St. Staraya Basmannaya, 21/4, p. 1. E-mail: fim91@mail.ru

Why did the heir to the throne throw a lamp? Comparative Analysis of the Descriptions of Tsesarevich Alexander Alexandrovich's Journey around Russia in 1869

The essay analyses the memoirs, epistolary, and journalistic evidence of the tour of Russia undertaken by Tsesarevich Alexander Alexandrovich in 1869. The sources upon which the essay is based consist of personal materials which have remained unpublished and little studied. The journey of the heir to the throne was of great importance because it allowed the Grand Duke to “get to know” his future subjects. The companions of the Tsesarevich played a special role as they were able to give him good advice and to account for the things he had seen. In this essay, special emphasis is paid to the visits of the Tsesarevich to Khvalynsk and Volsk as well as on how these were described in historical sources. During his visits to these towns Tsesarevich Alexander Alexandrovich became irritated at the need to meet local people. Being tired of the ceremonies, in his diary the heir justified his irritability with malaise, but Tsesarevna Maria Feodorovna, who accompanied him, and the members of his suite were perplexed at his behaviour. A comparative analysis of the descriptions of the journey is allowed by the precise memoirs of N. A. Kachalov, who points out that the heir's irritability was caused by the necessity to strictly follow the route. However, the fact that the route was mentioned shows that the travellers did not follow it precisely. Studying in this context an anonymous brochure “Journey of the Sovereign Heir to the Throne and the Tsarevna in 1869” allows its authorship to be credited to C. P. Pobedonostsev. In total, comparative analysis of the descriptions of the Tsesarevich's journey allows further conclusions to be drawn about the complicated and contradictory socialization process of the future Emperor Alexander III.

Keywords: Alexander III, Empress Maria Feodorovna, Constantin P. Pobedonostsev, Nikolai A. Kachalov, Tsesarevich Nicolas Alexandrovich, travelogue, heir to the throne

Ирина Евгеньевна Иванова

Кандидат филологических наук, доцент, факультет иностранных языков и регионоведения, Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, Москва, Россия. 119991, Ленинские горы, 1, стр. 13. E-mail: iva53@inbox.ru

Черногория, Босния, Герцеговина в записках А. Авело и Ж. де ла Незьера

Статья посвящена книге «Черногория, Босния, Герцеговина» двух молодых французских журналистов, Анри Авело и Жозефа де ла Незьера. История ее создания и дальнейшая судьба свидетельствуют о живом интересе французского общества к балканским славянским землям. А. Авело — автор детских книг, юморист, карикатурист, иллюстратор, сотрудничавший с журналами «*Le Rire*», «*La Vie Parisienne*». В 1893 г. он предпринял поездку на Балканы вместе со своим другом художником Ж. де ла Незьером, страстным путешественником, художником-ориенталистом. В югославянских землях их интересовал восточный колорит Боснии и Герцеговины, традиционная жизнь местного населения, сочетание патриархальной культуры с новейшими западными влияниями. Главная цель их поездки — княжество Черногория, правителю которой, князю Николе I, они с благодарностью посвятили свою книгу. Характер авторов отчетливо проступает в тексте. Это молодые люди, любознательные и ироничные, острословы, полные радостного удивления перед открывшимся им миром. Текст записок представляет собой множество очерков, написанных в шуточной манере, иллюстрации же, напротив, являются зарисовками, сделанными настоящими исследователями, — настолько они точны, детальны, разнообразны. Сохраняя яркое индивидуальное начало, записки напоминают по подробности описания современный путеводитель. Книга «Черногория, Босния, Герцеговина» создана страстными рисовальщиками и содержит 204 авторские иллюстрации. Будучи одновременно художниками и писателями, они воспринимали и живописали окружающий ландшафт до такой степени ярко и точно, что читатель буквально видит его и вместе с путешественниками проникается раскинувшейся перед ним картиной. Авторы не оставляют без внимания ни одного города, селенья, островка, которые им довелось встретить, делая подробнейшие этнографические зарисовки.

Ключевые слова: Балканы, Никола Петрович Негош, югославянские земли, славянский Восток, путевые заметки, Османская империя, Западная Европа, Австрия

В 1894 г. в Париже вышла из печати книга «Черногория, Босния, Герцеговина» — путевые заметки двух французов, журналистов, художников Анри Авело (1873–1935) и Жозефа Де ла Незьера (1873–1944), предпринявших в 1893 г. поездку на Балканы¹. Во второй половине XIX в. южнославянские страны привлекали внимание Западной Европы². Это было время, последовавшее после Герцеговинского восстания и борьбы Сербии за расширение своих владений³. Книга была несколько раз переиздана, что свидетельствует о живом интересе французов к этому региону. В разных источниках упоминаются издания 1894, 1895, 1896, 1897 гг.⁴ Оригинал 1897 г. был найден в библиотеке Этнографического музея в Белграде, переведен и издан на сербском языке в 2006 г.⁵

В записках авторы рассказали о путешествии по Истрии, Кварнеру и Далмации. Через Триест и Фажану, Црес, Риеку, Паг они прибыли в Далмацию и посетили все далматинские города от Задара до Дубровника. Затем через Цавтат и Котор попали в горную и прибрежную Черногорию: Цетинье, Бар, Улцинь, Подгорицу, монастырь Острог и Никшич. Тронутые гостеприимством жителей Черногории и князя Николы, авторы в начале книги выразили им свою благодарность. Стремясь увидеть как можно больше, Авело и Незьер направились в Боснию и Герцеговину, проехали через Сараево, Яйце, Маглай и Зворник, с тем чтобы отправиться в обратный путь через хорватские Сисак и Загреб. Они намеревались побывать и в Сербии, но были остановлены австрийскими пограничниками.

В записках отразился возросший к концу XIX столетия интерес европейской публики к Востоку. Художник-ориенталист⁶ Жозеф де

¹ *Avelot H., De la Nézière J.* Montenegro, Bosnie, Herzègovine. Paris: Librairie Renouard, Henri Laurens. 1894. AbeBooks.co.uk. URL: [https://www.abebooks.co.uk/servlet/BookDetailsPL?bi=22785286820&searchurl=tn%3Dmontenegro%2Bbosnie%2Bherzegovine%26sortby%3D20%26an%3Davelot%2Bde%2Bla%2Bneziere&cm_sp=snippet-_srp1-_title1\(дата обращения: 27.09.2019\).](https://www.abebooks.co.uk/servlet/BookDetailsPL?bi=22785286820&searchurl=tn%3Dmontenegro%2Bbosnie%2Bherzegovine%26sortby%3D20%26an%3Davelot%2Bde%2Bla%2Bneziere&cm_sp=snippet-_srp1-_title1(дата обращения: 27.09.2019).)

² Об интересе к Балканам русских путешественников в первой половине XIX в. подробнее см.: Белов 2018.

³ Об этом периоде подробнее см.: Шемякин (ред.) 2016; Никифоров (ред.) 2017.

⁴ См.: AbeBooks.co.uk. URL: <https://www.abebooks.co.uk/book-search/title/montenegro-bosnie-herzegovine/author/avelot-de-la-neziere/> (дата обращения: 27.09.2019).

⁵ *Авело А., Де ла Незьер Ж.* Црна Гора, Босна, Херцеговина. Београд: Чигоја штампа. 2006.

⁶ Балканы пробуждали интерес и у российских художников. См., например: Струнина-Бородина 2018.

ла Незьер в последующие годы посетил многие восточные страны, которые нашли отражение в его творчестве, тридцать лет он провел в Марокко, где и скончался в 1944 г.⁷ Анри Авело — автор детских книг, юморист, карикатурист, иллюстратор, сотрудничавший со многими парижскими изданиями⁸, в этот период также был увлечен восточной экзотикой.

Книга включает 204 иллюстрации. О том, что вызывало интерес авторов, можно судить по их рисункам. Помимо пейзажей, видов городов и деревушек издание содержит множество этнографических зарисовок: жители разных мест в традиционной одежде, представители различных профессий и общественных слоев, храмы, кофейни, театры, интерьеры домов, отдельные предметы — монеты, традиционная обувь и многое другое, часто без подписей, просто в виде рисунков внутри текста.

Авторы записок, с одной стороны, представляли европейскому читателю удивительные и неизведанные места, с другой, сообщали об их близости и достижимости благодаря современному транспортному сообщению, прежде всего железной дороге. Они уверяли, что за восточной экзотикой не надо далеко ездить. Путешественники объясняли, что европейцы и не подозревают, что за границами Далмации и Черногории простирается Босния и Герцеговина — Ориент⁹, ориентальный в той же мере, что и в Азии и Африке, что там живут самые настоящие турки, точно такие, как на рекламках кальянов или в сказках Шехерезады¹⁰.

В первую очередь французских журналистов интересовал Восток, который они обнаружили в Боснии и Герцеговине, ранее находившейся под властью Турции¹¹, а в 1878 г. аннексированной Австрией¹². Венский двор, стремясь показать расположение по отношению к мусульманскому населению страны, сохранил за ним земельные владения, все права и привилегии, которыми оно обладало в Османской

---

⁷ Base de donnees. URL: http://171.25.208.191/ow2/Ceres2/voir.xsp?id=00301-262&qid=sd_x_q0&n=1&e=ens_4 (дата обращения: 27.09.2019).

⁸ Lambiek. Comicipedia. URL: https://www.lambiek.net/artists/a/avelot_henri.htm (дата обращения: 27.09.2019).

⁹ Таки 2017.

¹⁰ Авело А., Де ла Незьер Ж. Црна Гора. С. 10.

¹¹ Мельчакова 2019.

¹² Пахомова 2008; Пахомова 2016.

империи. Таким образом, заключают авторы записок, австрийские власти хотели бы потихоньку приобщить боснийских мусульман к европейской цивилизации¹³. Пока же большинство их сохраняло приверженность к прежним традициям, к прежней одежде, donaшивая оставшуюся или одеваясь в новую, сшитую по старым образцам. В Сараеве с его 150 мечетями пять раз в день муэдзины с минаретов призывали правоверных совершать намаз, которому предшествовало ритуальное омовение. В ответ жители старых мусульманских кварталов следовали этому призыву, где бы ни находились.

В описании Боснии присутствуют все элементы ориентальной жизни. Это и кофейни под открытым небом в саду или в небольшом помещении, заполненном дымом кальянов, где местные жители в абсолютной тишине медитируют возле разогретых печей. И восточный базар — целый город, в котором на каждой улочке представлен свой вид ремесла. В книге описывается индифферентное в отношении покупателей поведение торговцев-мусульман, основной доход получающих от сдачи в аренду своих земельных владений. Они занимались этой деятельностью только потому, что Пророк запретил им давать деньги в рост. И лишь евреи, жившие за счет торговли, старались расположить клиентов, угощая их кофе, сигаретами, предлагая потрогать толстые ковры и драгоценные ткани¹⁴. Авторы описывали веселые похороны, где провожающие, одетые в яркие одежды, радуются, что перед покойным откроются врата рая. Поэтому его хоронили уже через два часа после кончины, и поэтому живые с удовольствием проводили свободное время на кладбищах, нисколько не смущаясь из-за могил и надгробных камней. Восток — это и гуляющие в вечерние часы группы мусульманок, напоминающих своими белыми покрывалами и переваливающейся с боку на бок походкой гусиную стаю. И особое отношение к женщинам¹⁵, которых, придя в кофейню, оставляют, как зонты и багаж в гардеробе, в отведенной для этой цели комнатушке дожидаться, пока сопровождающие их мужчины отдохнут и подкрепятся в более комфортных условиях¹⁶.

Путешественники побывали на молитве «поющих» дервишей и подробно описали их ритуал, подобно тому как их соотечественник

¹³ Авело А., *Де ла Незжер Ж.* Црна Гора. С. 210.

¹⁴ Там же. С. 206.

¹⁵ О женщинах мусульманской Боснии см., например: Мельчакова 2015.

¹⁶ Авело А., *Де ла Незжер Ж.* Црна Гора. С. 238.

Теофиль Готье (1811–1872) рассказал о «вертящихся» и «воющих» дервишах в книге «Путешествие на Восток»¹⁷. Многие вызывало удивление у А. Авело и Ж. Де ла Незьера в нравах местных мусульман. Увидев отвернувшую от них сморщенное лицо старушку и девушек, спокойно продолжавших стирать в реке снятые с себя блузки, они пишут¹⁸:

Как удивительна эта религия, заставляющая замужних женщин и после шестидесяти прятаться от взглядов неверных, но дающая юным девам полную свободу купаться прилюдно¹⁹.

Им была известна турецкая поговорка: «Если хочешь найти невесту, приезжай на Балканы» (вероятно, они имели в виду Боснию), но они не подозревали, что и тому, кто не собирается жениться на одной из этих гурий, может посчастливиться увидеть их, да еще в таком количестве.

В книге отмечается и проникновение западной цивилизации на эти территории. Здесь появились гостиницы по образцу немецких, со швейцарами, гардеробами, мраморными столиками, рестораны, предлагающие европейскую кухню, лавки с венскими товарами, книжные магазины с выставленными в витрине томиками Эмиля Золя (1840–1902) и партитурами Вагнера. С приходом австрийцев в большой степени распространилось пристрастие местных жителей к спиртным напиткам.

Книга «Черногория, Босния, Герцеговина», сохраняя яркое индивидуальное начало, приближается по детальности описания к солидным путеводителям. Путешественники делали подробные этнографические заметки: они рассказали о традициях местных жителей, их питании, одежде. В книге можно найти тексты и ноты народных песен, информацию об обычаях населения, об их социальной организации. Так, в ней описаны жители Истрии — чичи, таинственный народ, «предположительно происходивший от скифов»²⁰. Молодые журналисты писали эмоционально, опираясь на художественные ассоциации. Они восхищались красотой женских далматинских костюмов:

---

¹⁷ Готье Т. Путешествие на Восток. М.: Издательство им. Сабашниковых, 2000. С. 160–174.

¹⁸ Здесь и далее перевод автора.

¹⁹ Авело А., Де ла Незьер Ж. Црна Гора. С. 173.

²⁰ Там же. С. 15.

На женщинах короткие юбки, плотные коврики с длинной бахромой, служащие им фартуками, широкие пояса, украшенные ракушками и заклепками. Юные девушки <...> носят белые туники с широкими рукавами, расшитыми пурпурными узорами. Когда вы видите их <...> с их кожей янтарного цвета, <...> с драгоценными серебряными украшениями, они напоминают царицу Савскую из какой-нибудь старинной библии²¹.

Зато вид мужской части местного населения их забавляет:

Далматинцы всегда выглядят так, будто желают пройтись перед художниками, чтобы стать их моделями. Грудь вперед, подбоченясь, с торчащей вперед бородкой, они как будто говорят: «Посмотрите на нас, мы далматинцы, гордые наследники гайдуков и морлаков»²².

В записках часто реализуется склонность этих молодых французов, прекрасно владеющих и карандашом, и пером, к иронии и подшучиванию как над собой, так и над тем, что им представляется забавным в окружающей действительности. Вот описание горцев на книнском рынке:

Все горные жители подпоясываются широким поясом, который служит им складом, — это у них и оружейный арсенал, и кладовка, и шкафчик для всякого хлама, и кисет для табака, и денежная касса²³.

Авторов интересовали местные обычаи. Они подробно рассказывали о далматинской свадьбе: гостей при встрече угощают вином, а те бросают в кружку монеты. Пока на улице по случаю венчания раздаются ружейные выстрелы, друзья жениха пытаются войти в дом, куда их не пускают гости невесты. Наконец им это удается, и отец невесты их спрашивает о цели визита. «Мы пришли за улетевшей перепелочкой, — отвечают они, — она спряталась в вашем доме»²⁴. После небольшого диалога «перепелочку» ловят, кружатся с ней на одном месте и отдают жениху. Пока молодых благословляют родители, гости стучат их по головам кусками хлеба. Что касается невесты, все

²¹ Там же. С. 57.

²² Там же.

²³ Там же. С. 70.

²⁴ Там же. С. 64.

утро она упражняется в исполнении печальных песен, заранее опасаясь, что может однажды остаться вдовой²⁵.

Главной целью поездки французов была Черногория²⁶. «Из всех государств европейского континента, — писали путешественники, — ни одно не посещают так редко, как Черногорию, и ни одно не отличается в такой степени от невыносимой банальности объектов модных сегодня путешествий»²⁷.

Несмотря на заявленную легкость передвижения, на пути в Черногорию молодым людям пришлось столкнуться с испытаниями, которые они, любознательные и ироничные, перенесли мужественно, подшучивая над собой. Они с юмором описали исключительное «гостеприимство» жителей Истрии, избивавших одного из них за отказ угоститься вином до тех пор, пока «объект гостеприимства» не согласился выпить. На пути в Подгорицу, после того как проводники-албанцы украли коней и бросили путешественников на произвол судьбы, их спас капитан Липовац из Улциня, кавалер российского георгиевского креста, почтительно предложив им на прекрасном французском языке воспользоваться его лошадью и отправиться вместе с ним к месту назначения.

Французские журналисты были покорены любезностью черногорцев, естественностью организации их государства и повседневной жизни. По их мнению, жизнь горожан в Цетинье напоминает семейные отношения. Хозяин их гостиницы, австрийский немец, во время княжеских приемов исполнял роль метрдотеля. Поэтому теперь, как человек, близкий ко двору, он сообщил: «У нас три дочери на выданье: принцессы Анна, Ксения и Вера»²⁸.

Авторов умиляло отношение черногорцев к оружию, которое они носят всегда и везде. Если черногорец появится на людях невооруженным, то потеряет уважение сограждан. Поэтому уже ранним утром на улицах Цетинье, столицы Черногории, можно было увидеть на прогулке гордо вышагивающих мужчин с пистолетами за широким поясом. Оружие носят все: хозяева гостиниц, школьные учителя, почтальоны. Было непривычно, читаем в записках, видеть мальчиков, идущих парами на прогулку в сопровождении двух усатых, до зубов

---

²⁵ Там же. С. 65.

²⁶ О стране подробнее см.: Аншаков 2019; Хлебникова 2016.

²⁷ Авело А., Де ла Незьер Ж. Црна Гора. С. 9–10.

²⁸ Там же. С. 124.

вооруженных воспитателей, ничем не напоминающих понурых работников интернатов, которые, «вооружившись зонтами», выводят на улицу французское подрастающее поколение²⁹. Встреча на постоялом дворе с православным иереем, одетым в обычную традиционную черногорскую одежду, послужила поводом к размышлению о черногорских мирских священниках, с саблей в одной руке и хоругвью в другой выступавших во главе войска. Они отказывались носить рясу и после издания владыкой указа об обязательности ношения традиционной одежды священнослужителей. Многие уходили из профессии, так как не могли смириться с необходимостью надевать платье, подобное женскому³⁰. Несмотря на свой воинственный вид, черногорцы использовали оружие только в войне против врага. За девятнадцать лет правления князя Николы здесь произошло всего четыре убийства.

Почти все черногорцы имели ордена, которые и носили с большой гордостью на широкой груди. Но воинственный дух не мешал им быть очень любезными людьми. Встретившись на улице, они вынимали изо рта чубук и высказывали друг другу самым учтивым образом комплименты, что могло происходить и по нескольку раз в день, так как город невелик. Возможно, в этом они брали пример с членов дипломатических представительств России, Франции, Австрии, Англии и Турции, расположенных в Цетинье. Теша себя иллюзией насчет размеров своей столицы, при встрече они выражали приятное удивление тем, что отправились в одну и ту же часть города и снова случайно встретились³¹.

Авторы считали, что деятельность государственных институтов Черногории определялась как историей и традициями этой страны, так и требованиями нового времени. Все черногорские министерства располагались в одном здании, бывшей княжеской резиденции, так что средства на их содержание были чрезвычайно скромны. Интересна система сбора и расходования государственных финансов. Раз в год главы областей, называемых срезам, прибывали в столицу верхом и привозили налоги, собранные ими на подведомственной территории. Министр финансов складывал деньги в ларец, и в дальнейшем он сам и князь тратили их на государственные нужды. Система

²⁹ Там же. С. 122.

³⁰ Там же. С. 153.

³¹ Там же. С. 123.

очень простая, и в ней гости видели причину того, что у Черногории не было государственного долга³².

Расходы на ведение военных действий, по сведениям путешественников, также были невелики. 20 тыс. княжеских воинов служили безо всякого вознаграждения, каждый сам снабжал себя военной формой, которая представляла собой просто традиционную народную одежду. Ранг офицеров различал значок, прикрепленный к шапке. Мужчину на войне сопровождала жена, чтобы подносить ему боеприпасы и заботиться о его пропитании.

Простотой отличалась и судебная система. Раньше князь, сидя под развесистым деревом, лично разрешал судебные споры. Иностранные гости сравнили его с французским королем Людовиком Святым (1226–1270), вершившим суд под сенью дуба. Все же черногорский князь почувствовал необходимость идти в ногу со временем и создал судебную палату. Французы были изумлены состоянием духа обитателей цетинской тюрьмы, которых дважды в день, утром и в четыре часа после обеда, выпускали на прогулку на городскую площадь. Закованные в кандалы, они прохаживались взад-вперед и очень гордились тем, что их рассматривали заезжие гости. Жители объяснили, что у арестантов нет никакого основания стесняться своего положения, так как они не воры, а убийцы. Кража — это позор не только для виновника, но и для всей его деревни. Воров наказывали поркой, что равноценно гражданской смерти, а затем навеки изгоняли из страны. Отбывавшие срок за убийство — это вершители кровной мести, считавшейся здесь святым делом. Поэтому провести за нее несколько лет в тюрьме было почетно³³.

В монастыре Острог путешественники беседовали с отцом Поповичем, который сообщил, что горячо верит в падение всех преград, разделяющих католиков и православных. Он сослался на папу Льва XIII (1878–1903), который уже пошел на многие уступки, в частности позволил католикам Барской епископии использовать в богослужении славянский язык³⁴.

В Черногории существовали и развивались институты культуры. В Цетинье была своя опера. Она размещалась в здании довольно

---

³² Там же. С. 127–128.

³³ Там же. С. 128.

³⁴ Там же. С. 165.

больших размеров, украшенном арочной галереей. В зале были расставлены деревянные скамьи, по шесть с каждой стороны, а в глубине зала находилась княжеская ложа, обитая красной хлопчатобумажной тканью. На занавесе красовались большие изображения прославленных воинов в народных костюмах. В том же здании располагалась библиотека-читальня. Там на большом столе лежали газеты, журналы и брошюры, изданные в разных странах. В небольшой комнате была устроена художественная галерея: на стенах висело несколько картин, в том числе портрет русского царя Александра II, а также изображения черногорцев работы хорватского художника Фердо Кикереца (1845–1893)³⁵.

В Цетинье имелась и сцена для выступления музыкального коллектива. Это была беседка в стиле рококо. История создания оркестра такова: преподаватель музыки из Вены собрал из окрестных сел пастухов, умевших играть на дудочках простенькие мелодии, и за короткое время сделал из них первоклассных музыкантов. Трижды в неделю этот оркестр выступал перед публикой, исполняя Марсельезу, гимн Российской империи, «Боже, храни королеву» и другие популярные музыкальные произведения³⁶.

Таким образом, в югославянских землях представителей французской журналистики привлекала восточная экзотика бывшей провинции Османской империи, интересовали все, до малейших подробностей, детали народной жизни, но сердца их были отданы достоинству, благородству, уму черногорцев, их доброжелательности, мудрой организации этого небольшого государства, его естественному включению в европейскую культуру.

Литература

- Аншаков 2019 — *Аншаков Ю. П.* Черногория — «горное соколиное гнездо» свободы на Балканах. Жизнь общества, становление государства, освободительная борьба, внешняя политика (1711–1860 гг.). М.: Институт славяноведения РАН, 2019.
- Белов 2018 — *Белов М. В.* Открытие «братьев-славян»: русские путешественники на Балканах в первой половине XIX века. СПб.: Нестор-История, 2018.

³⁵ Там же. С. 134.

³⁶ Там же. С. 136.

- Езерник 2017 — *Езерник Б.* Дикая Европа: Балканы глазами западных путешественников. М.: Лингвистика, 2017.
- Никифоров (ред.) 2017 — История Балкан: на переломе эпох (1878–1914 гг.) / отв. ред. К. В. Никифоров. М.: Институт славяноведения РАН, 2017.
- Мельчакова 2015 — *Мельчакова К. В.* Проблема женского образования в Боснии. Стака Скендерова: ее жизнь, ее школа // Известия Самарского научного центра РАН. 2015. № 3. С. 152–157.
- Мельчакова 2019 — *Мельчакова К. В.* Босния и Герцеговина в общественно-политической жизни России в 1856–1875 гг. М.: Индрик, 2019.
- Пахомова — *Пахомова Л. Ю.* Проблема управления новоприсоединенными землями в Новое время. Опыт австро-венгерского управления оккупированными областями — Боснией и Герцеговиной (1878–1908) // Государственное управление. Электронный вестник. 2008. № 16. URL: http://e-journal.spa.msu.ru/uploads/vestnik/2008/vipusk_16_sentjabr_2008_g./pakhomova.pdf (дата обращения: 27.09.2019).
- Пахомова 2017 — *Пахомова Л. Ю.* К вопросу об австро-венгерском управлении в Боснии и Герцеговине // Вынужденное соседство — добровольное приспособление в дипломатических и межнациональных отношениях в Центральной и Восточной Европе, XVIII–XX вв. / отв. ред. О. В. Хаванова. М.; СПб.: Нестор-История, 2017. С. 285–304.
- Струнина-Бородина 2018 — *Струнина-Бородина Н. Г.* О поездке русского художника В. Д. Поленова на Балканы в 1874 г. // Славянский мир: общность и многообразие. Тезисы молодежной научной конференции в рамках Дней славянской письменности и культуры / отв. ред. Е. С. Узенёва, О. В. Хаванова. М.: Институт славяноведения РАН, 2018. С. 67–71.
- Таки 2017 — *Таки В.* Царь и султан. Османская империя глазами россиян. М.: Новое литературное обозрение, 2017.
- Хлебникова 2016 — *Хлебникова В. Б.* Черногория: Феномен национальной государственности. 1878–1916 гг. М.: Институт славяноведения РАН, 2016.
- Шемякин (ред.) 2016 — Человек на Балканах. Особенности «новой» южнославянской государственности: Болгария, Сербия, Черногория, Королевство СХС в 1878–1921 гг. / отв. ред. А. Л. Шемякин. М.: Институт славяноведения РАН, 2016.

References

- Anshakov, Iu. P., 2019. *Chernogoriia — “gornoe sokolinoe gnezdo” svobody na Balkanakh. Zhizn’ obshchestva, stanovlenie gosudarstva, osvoboditel’naia bor’ba, vneshniaia politika (1711–1860 gg.)* [Montenegro — a “mountain falcon’s nest” of freedom in the Balkans. The life of society, the formation of the state,

- the liberation struggle, and foreign policy (1711–1860)]. Moscow: Institut slavianovedeniia RAN.
- Belov, M. V., 2018. *Otkrytie "brat'ev-slavian": russkie puteshestvenniki na Balkanakh v pervoi polovine 19 veka* [Discovery of the "Slavic Brothers": Russian travellers in the Balkans in the first half of the nineteenth century]. Saint Petersburg: Nestor-Istoriia.
- Jezernik, B., 2017. *Dikaia Evropa: Balkany glazami zapadnykh puteshestvennikov* [Wilde Europe: The Balkans through the eyes of Western travellers]. Moscow: Lingvistika.
- Khlebnikova, V. B., 2016. Chernogoriia: Fenomen natsional'noi gosudarstvennosti. 1878–1916 gg. [Montenegro: the phenomenon of national statehood. 1878–1916]. Moscow: Institut slavianovedeniia RAN.
- Nikiforov, K. V., ed., 2017. *Istoriia Balkan: na perelome epokh (1878–1914 gg)* [The history of the Balkans: at the turn of the epochs (1878–1914)]. Moscow: Institut slavianovedeniia RAN.
- Mel'chakova, K. V., 2015. Problema zhenskogo obrazovaniia v Bosnii. Staka Skenderova: ee zhizn', ee shkola [The problem of female education in Bosnia. Staka Skenderova: her life and her school]. *Izvestiia Samarskogo nauchnogo tsentra RAN*, 3, pp. 152–157.
- Mel'chakova, K. V., 2019. *Bosniia i Gertsegovina v obshchestvenno-politicheskoi zhizni Rossii v 1856–1875 gg.* [Bosnia and Herzegovina in the public and political life of Russia in 1856–1875]. Moscow: Indrik.
- Pakhomova, L.Iu., 2008. Problema upravleniia novoprisoedinennymi zemliami v Novoe vremia. Opyt avstro-vengerskogo upravleniia okkupirovannymi oblastiami – Bosniei i Gertsegovinoi (1878–1908) [The problem of managing newly-acquired lands in the Modernity. The experience of the Austro-Hungarian administration in the occupied regions of Bosnia and Herzegovina (1878–1908)]. *Gosudarstvennoe upravlenie. Elektronnyi vestnik*, 16. URL: http://e-ournal.spa.msu.ru/uploads/vestnik/2008/vipusk_16_sen-tjabr_2008_g/pakhomova.pdf (accessed: 27.09.2019).
- Pakhomova, L.Iu., 2017. K voprosu ob avstro-vengerskom upravlenii v Bosnii i Gertsegovine [On the issue of the Austro-Hungarian administration in Bosnia and Herzegovina]. In: Khavanova, O. V., ed. *Vynuzhdennoe sosedstvo – dobrovol'noe prisposoblenie v diplomaticheskikh i mezhnatsional'nykh otnosheniakh v Tsentral'noi i Vostochnoi Evrope, 18–21 vv.* [Constraint neighbours – free-will adaptation in the diplomatic and inter-national relations in Central and Eastern Europe from the eighteenth to the twenty-first century]. Moscow; Saint Petersburg: Nestor-Istoriia, pp. 285–304.
- Shemiakin, A. L., ed., 2016. Chelovek na Balkanakh. Osobennosti "novoi" iuzhno-slavianskoi gosudarstvennosti: Bolgariia, Serbiia, Chernogoriia, Korolevstvo SHS v 1878–1921 gg. [Man in the Balkans. The peculiarity of the "new"

Southern-Slavic statehood: Bulgaria, Serbia, Montenegro, the Kingdom of SHS in 1878–1920]. Moscow: Institut slavianovedeniia RAN.

Strunina-Borodina, N. G., 2018. O poezdke russkogo khudozhnika V. D. Polenova na Balkany v 1874 g. [On the trip of the Russian painter V. D. Polenov in the Balkans in 1874]. In: Uzeneva, E. S., Khavanova, O. V., eds. *Slavianskii mir: obshchnost' i mnogoobrazie. Tezisy molodezhnoi nauchnoi konferentsii v ramkakh Dnei slavianskoi pis'menosti i kul'tury* [Slavic world: community and diversity. Abstracts of a conference of young scholars in the framework of the Days of Slavic Literature and Culture]. Moscow: Institut slavianovedeniia RAN, pp. 67–71.

Taki, V., 2017. Tsar' i sultan. Osmanskaia imperiia glazami rossiian [Tsar and sultan. Russian Encounters with the Ottoman Empire]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie.

Irina Ye. Ivanova

PhD, Assistant Professor, Faculty of Foreign Languages and Area Studies, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia. 119991, Leninskie gory, 1, Bldg. 13. E-mail: iva53@inbox.ru

Montenegro, Bosnia, and Herzegovina in travel writing by H. Avelot and J. de la Neziere

The essay focuses on the book *Montenegro, Bosnia, Herzegovina* by two young French reporters Henry Avelot (1873–1935) and Joseph de la Neziere (1873–1944). The way the book came into being and its future literary life speak of the lively interest shown by French society to Slavic lands in the Balkans. H. Avelot is known as children's book author, comic writer, cartoonist, and illustrator. He collaborated with such publications as *Le Rire* and *La Vie Parisienne*. In 1893 he travelled to the Balkans with his friend, the artist J. de la Neziere, a passionate traveller, who preferred Oriental subjects for his works. In the Southern Slavic lands, they were interested in the Oriental reality of Bosnia and Herzegovina, the traditional life of the locals, and the combination of patriarchal culture with the latest Western influences. The main target of their voyage was the Principedom of Montenegro, and their book is dedicated to Prince Nicholas I, the ruler of the country. The book gives a clear idea of the personalities of the authors. These are young people; curious, witty, and ironic. They look at the world in front of their eyes with awe and joy. The text is a collection of witty and ironic essays, and the illustrations are sketches created by true researchers. The images are accurate, detailed, and diverse. Bearing the imprint of its authors' personalities, the book is as detailed as modern travel guidebooks. The book *Montenegro, Bosnia, Herzegovina* was created with passion and contains 204 original illustrations. Being both writers and artists, the authors perceive and recreate the landscapes around them so accurately and colourfully that the readers can literally see these lands together with the travellers themselves. The authors make sure they describe every town, village, and island they encountered, making detailed ethnographic sketches.

Keywords: Balkans, Nicola Petrović Njegoš, Southern Slavic lands, Slavic Orient, travelogue, Ottoman Empire, Western Europe, Austria

ГЛАВА 2

Взгляд дипломатов, путешественников, журналистов на страну пребывания

Анежка Гребикова

Магистр, докторант, философский факультет, Карлов университет, Прага, Чешская Республика. 116 38, ул. Яна Палаха 1/2; архивист, Масаиков институт — Архив АН ЧР, Прага, Чешская республика. 18200, ул. Габчикова, 2362/10.
E-mail: hrebikova@mua.cas.cz

Стефан Вильгельм Кинский — дипломат Священной Римской империи в России в 1721–1722 гг.

Целью представленного исследования является анализ дипломатического представительства Стефана Вильгельма Кинского в России Петра Великого. Исходя из главного использованного в статье источника — посольских реляций, основной интерес сконцентрирован на ходе дипломатической миссии Кинского и на задачах, которые он должен был выполнить как посланник. Задача Кинского состояла в том, чтобы стабилизировать взаимные российско-габсбургские отношения, особенно связанные с новым императорским титулом. В статье также предпринята попытка изобразить переломный период в Российской империи после окончания Великой Северной войны и основное внимание уделяется атмосфере придворного общества в то время. В исследовании ставится вопрос, какие из указаний венского двора были выполнены или не выполнены чешским аристократом. Миссия Кинского рассматривается как часть процесса переговоров о взаимном союзе между Габсбургской монархией и Российской империей. Кинский был вынужден справляться с неудобствами в зарождающемся Санкт-Петербурге, природными катастрофами и интригами конкурирующих делегаций при царском дворе во время миссии. Хотя миссию и ее непосредственные результаты нельзя назвать успешными, пребывание Кинского в Российской империи стало поворотным моментом как в его собственной карьере, так в конечном счете и в развитии российско-габсбургских отношений.

Ключевые слова: дипломатия, Российская империя, Габсбургская монархия

Граф Стефан Вильгельм Кинский (1679–1749) принадлежал к знаменитому чешскому аристократическому роду. В возрасте 23 лет он поступил на военную службу, а вскоре после выхода в 1719 г. в отставку решил посвятить себя карьере дипломата. Служба в России (1721–1722 гг.) сыграла счастливую роль в его жизни: вернувшись

из Санкт-Петербурга, он отправился посланником во Францию, где прослужил до 1732 г. По возвращении на родину его ждали высокие назначения: президент Коммерциен-коллегии, генеральный директор Строительного ведомства в Богемии и целый ряд высокооплачиваемых придворных должностей. В 1747 г. Стефан Вильгельм стал первым князем в роду Кинских¹.

Основным источником для реконструкции биографии и карьеры Кинского в данной статье послужила дипломатическая корреспонденция (*Acta Legationis Moscoviticae*), хранящаяся в Государственном краевом архиве в г. Дечин (Чехия)². Это фолиант, включающий в себя, помимо прочего, печатные изобразительные материалы, изготовленные по случаю празднования мира в Ништадте (1721), подробный план Санкт-Петербурга и цветную карту Ладожского канала, Табель о рангах, список царских полков и прочее. На основании этих документов можно проанализировать, как протекала служба графа Кинского в российской столице.

Несмотря на выдающиеся по историческому значению реформы Петра, Россия в то время не была привлекательным для дипломатов местом службы³. Назначение посланником в Санкт-Петербург Кинский встретил без энтузиазма. (Отметим, что в те же годы его сводный брат Филипп Йозеф представлял интересы императора Священной Римской империи в Лондоне.) Он не без оснований опасался финансовых сложностей, связанных с этой миссией, и незнания местных реалий. Задача Кинского при царском дворе заключалась в том, чтобы добиться посредничества Священной Римской империи в российско-шведском конфликте, и прежде всего создать условия для союза между императором Карлом VI (1711–1740)⁴ и Петром I. Кроме того, Кинскому предстояло добиться возобновления торговли между Россией и Силезией и подробно информировать Вену обо всем, что касается наследника царевича Алексея Петровича⁵. Его

---

¹ См.: *Wurzbach C.* Biographisches Lexikon des Kaiserthum Oesterreich. Wien: Verlag der Universitäts-Buchdruckerei von L. C. Zamorski, 1864. Bd. 11. S. 303; Havlík 2014: 135; Valenta 2004: 65–70.

² Státní okresní archiv Děčín. *Acta Legationis Moscoviticae*. Inv. Nr. 29. Kt. 7 (далее — *Acta Legationis Moscoviticae*).

³ См.: Müller 1976: 109.

⁴ Об эпохе императора Карла VI см.: Seitschek, Hutterer, Theimer (eds.) 2011.

⁵ См.: Нелипович 2010; Schwarcz (ed.) 2019.

вступление на российский престол существенно улучшило бы отношения между Россией и Священной Римской империей, поскольку он и Карл VI были женаты на сестрах⁶.

Кинский прибыл в Санкт-Петербург в сентябре 1721 г., проделав весьма утомивший его путь через Берлин, Гданьск и Ригу. Его приезд совпал с пышными торжествами по случаю заключения мира со Швецией. Российская сторона проявила мало уважения к вновь прибывшему римско-императорскому посланнику, о чем можно заключить из того обстоятельства, что Кинского поселили в очень удаленном, малопригодном для проживания деревянном доме. Ко всем прочим неудобствам, в один из первых дней в доме чуть не случился пожар⁷. Поразительно, но в том же 1721 г. Кинский также стал свидетелем масштабного наводнения, что в тогдашнем, находившемся в процессе строительства Петербурге было в высшей степени разрушительно и опасно.

Французский посланник Жак де Кампредон (1672–1749), в задачи которого также входило заключение союзного договора между его сувереном и русским царем, стал для Кинского самым опасным конкурентом⁸. Чтобы завоевать расположение царя, Кинский был готов потратить большие суммы на великолепные торжества и пиры, в которых в качестве гостя участвовал царь⁹. В целом, Кинский был весьма общительным и, можно сказать, высококультурным посланником. Он поддерживал тесные контакты с голштинской и прусской делегациями, содержал в своей свите целый оркестр¹⁰. Однако, что касалось отношения к нему Петра, дипломат, по-видимому, нередко переоценивал степень его дружеского к себе расположения. В конце

---

⁶ Инструкция С. В. Кинскому, Вена, 20 июня 1721 г. // Acta Legationis Moscoviticae. Fol. Сс–Ее.

⁷ С. В. Кинский — Карлу VI, Санкт-Петербург, 26 сентября 1721 г. // Ibid. Fol. 4; Дневник камер-юнкера Берхгольца, веденный им в России в царствование Петра Великого: 1721–1725: [Ч. 1–4] / пер. с немецк. И. Ф. Аммона. Москва: Типография Каткова и К, 1858–1860. Ч. 1. С. 168, 183; Ж. де Кампредон — Г. Дюбуа, Санкт-Петербург, 17 ноября 1711 г. // Сб. РИО. СПб., 1884. Т. 40. Донесения французского посланника в Петербурге Лави и полномочного министра при русском дворе Кампредона с 1719 по 1722 г. С. 333.

⁸ Там же.

⁹ Дневник камер-юнкера Берхгольца. Ч. 2. С. 6; Pražské poštovské noviny, 1722. II 14: 2–3.

¹⁰ Дневник камер-юнкера Берхгольца. Ч. 1. С. 168, 169.

концов, реляции Кинского, по сравнению с отчетами Кампредона, однозначно показывают, насколько самоуверенно новый император вел переговоры как с делегацией Габсбургов, так и с конкурирующей французской делегацией. Петр I после Северной войны подтвердил свое господствующее положение в Северной и Восточной Европе. Поэтому он находился в стратегически выгодной ситуации, когда мог заставить представителей Габсбургской монархии и Франции томиться ожиданием, пока он сделает выбор между ними.

Усердный и ответственный Кинский попал в Петербурге в двусмысленную и незавидную ситуацию. Все усилия, направленные на заключение межгосударственного альянса, осложнились «делом» царевича Алексея и принятием Петром I императорского титула. Это входило в прямое противоречие с амбициями на международной арене Священной Римской империи и римско-императорским титулом Карла VI¹¹. Несмотря на усилия Кинского, он так и не смог решить задачи, которые перед ним поставил венский двор в инструкциях. Вене не довелось выступить посредником в шведско-российском конфликте, поскольку Ништадтский мир был подписан накануне прибытия Кинского в Санкт-Петербург. Переговоры о заключении альянса затруднялись из-за нежелания римско-императорской стороны признавать за Петром императорского титула. Более того, царь не собирался назначать сына своим преемником.

С января 1722 г. Кинский находился в Москве, куда переехал вслед за царским двором. Его дом стоял недалеко от Красных ворот, где дипломату вновь не «посчастливилось» пережить большой пожар¹². Инструкций из Вены граф в Москве не получал, поэтому часто не мог, не имея права предпринимать какие-то важные шаги. Еще до отъезда царя в Персидский поход Кинскому удалось частично восстановить российскую торговлю с Силезией¹³. После отъезда царя Кинский поспешил летом 1722 г. вернуться в Вену, ссылаясь на ухудшение состояния здоровья¹⁴.

¹¹ Об императорском титуле см.: Marasinoва 2006–2007: 9–30.

¹² С. В. Кинский — Карлу VI, Санкт-Петербург, 16 марта 1722 г. // *Acta Legationis Moscoviticae*. Fol. 155.

¹³ Florovskij 1954: 283.

¹⁴ С. В. Кинский — Карлу VI, Санкт-Петербург, 12 июня 1722 г. // *Acta Legationis Moscoviticae*. Fol. 216.

Реляции Кинского, отправленные из России в Вену, представляются нам важным и полезным источником, который, конечно, требует критического анализа и сравнения с аналогичными документами¹⁵. Учитывая тот факт, что реляции в известной степени являются источниками личного происхождения, их следует интерпретировать не только как источник объективной информации об аудиенциях, переговорах, встречах, но и как средство саморепрезентации посланника. Реляции Кинского в этом смысле дают богатый материал для анализа. Интересно, в какой степени акцентуация на почестях, оказываемых римско-императорскому дипломату, была следствием тщеславия графа, а в какой — целенаправленным преувеличением символического значения обычных в таких случаях знаков вежливости на фоне довольно скромных реальных достижений в двусторонних отношениях. Тем не менее, вполне возможно, что некоторые из «достижений» Кинского в этой области были изображены им правдиво и реалистично. Хотя Кинский, возможно, преувеличивал внимание, оказывавшееся его персоне, несомненно, такого внимания, как римско-императорский посланник при Санкт-петербургском дворе, не получал никто из иностранных дипломатов. Эта выгодная позиция была обусловлена привлекательностью Австрийской монархии как потенциального союзника, но не будем исключать, что личное обаяние Кинского и его природный дипломатический талант также сыграли роль.

В целом, реляции Кинского — это ценный источник информации о событиях при дворе Петра I. Из них можно узнать подробности о торжествах и попойках царя и его свиты¹⁶, церемониях по случаю заключения мира со Швецией¹⁷, триумфальном въезде нового императора в Москву¹⁸. Принимая во внимание, что реляции составлялись с учетом ряда формальных требований к языку, композиции и стилистике, эпистолярное наследие Кинского, в сравнении с аналогичными источниками того времени¹⁹, написаны живо, содержат

---

¹⁵ О реляциях как историческом источнике см.: Edelmayer 2004: 855.

¹⁶ С. В. Кинский — Карлу VI, Санкт-Петербург, 17 ноября 1721 г. // *Acta Legationis Moscoviticae*. Fol. 77.

¹⁷ С. В. Кинский — Карлу VI, Санкт-Петербург, 3 ноября 1721 г. // *Acta Legationis Moscoviticae*. Fol. 53.

¹⁸ С. В. Кинский — Карлу VI, Москва, 8 января 1722 г. // *Acta Legationis Moscoviticae*. Fol. 115–116.

¹⁹ Ср., например: *Дневник камер-юнкера Берхгольца*; Сб. РИО. Т. 40.

интересные и увлекательные свидетельства о жизни, событиях, нравах при русском дворе. Иными словами, реляции Кинского служат источником не только по истории международных отношений, но и по социальной и культурной истории.

Если подводить беспристрастный итог, Кинский не выполнил ни одну из возложенных на него задач. Однако в более долгосрочной перспективе миссия Кинского привела к серьезному повороту в отношениях между Россией и Священной Римской империей. Реляции Кинского показывают, что с начала 1721 г., то есть с момента установления двусторонних отношений, оба государства тяготели к восстановлению дружественных связей между старой и новой империями. Это стало одной из причин, по которой в пребывание Кинского в Петербурге не возникало поводов к тому, чтобы «бередить старые раны» или ставить двусторонние отношения в зависимость от дела царевича Алексея. Четыре года спустя именно благодаря усилиям Кинского был заключен союз между двумя державами. В начале Кинскому как тогда еще малоопытному дипломату пришлось пройти через ужасающие по европейским меркам условия путешествия в Россию, мириться с бытовыми неудобствами и опасностями жизни в Санкт-Петербурге и Москве, противостоять интригам французской дипломатии, прежде всего — посланника короля при царском дворе, ловко маневрировать в связи с новым титулом Петра I.

Одним из пунктов в инструкциях, полученных Кинским, было налаживание в России переговоров о габсбургско-российском союзе. Однако не прошло и месяца после прибытия Кинского в Россию, как этот план дал сбой. Причиной стало уже упомянутое выше принятие Петром I императорского титула, что символически продемонстрировало изменение характера власти в России. Можно ли было предвидеть этот шаг царя? Так или иначе, положение Кинского как посланника императора теперь сводило на нет все прежние усилия по достижению взаимовыгодного диалога об альянсе. Требование Петра I о признании его императорского титула всеми европейскими монархами на какое-то время исключило для Кинского любую возможность установить более дружеские отношения между старой и молодой империями. Хладнокровно маневрировать при иностранном дворе, зная, что монарх владеет новым и формально равновеликим титулом, было нелегко. Кинский, однако, это дипломатически напряженное интермеццо, как своего рода испытание огнем, перенес

и после того, как интерес России к признанию титула несколько угас, продолжал убеждать царя в дружбе Карла VI.

Здесь Кинский добился успеха: при отъезде из Российской империи отношения двух «сверхдержав» находились на стабильно нейтральном или дружественном уровне. Если не считать, что император в Вене игнорировал титул императора в Санкт-Петербурге, серьезных проблем между двумя монархами не было. Однако о подписании союзного договора речи на тот момент быть не могло: у двух государей не было общих врагов, кроме того, они воевали на разных фронтах. Не следует забывать, что сам Петр был своего рода важным «фактором». Только после его смерти слабые преемники обнаружили, что без влиятельного союзника они не сохранят новую сверхдержаву. Будет несправедливо обвинять Кинского в неспособности подписать союзный договор. Он оказался в неправильном месте в неподходящее время, и плоды его незаметной для глаз работы были частично собраны только в 1726 г. преемником — Амадеем де Бюсси-Рабутином.

Важно подчеркнуть, что, за одним рискованным исключением, Кинский никогда не отклонялся от внешнеполитической линии, определенной в Вене по отношению к царю, хотя в течение долгого времени у него не было инструкций от императора, и он мог только предполагать, каковы намерения венского двора. В то же время, по заведенной практике, на еженедельные реляции из Санкт-Петербурга один раз в месяц в идеале должны были поступать инструкции в форме императорских рескриптов из Вены. Вместо этого Стефан Вильгельм получил максимум четыре инструкции за весь срок пребывания в должности, и то с большой задержкой. Кроме того, самопровозглашение Петра, вероятно, не принималось во внимание при написании инструкций в Вене, поэтому Кинскому приходилось импровизировать в течение некоторого времени. Это свидетельствует о его выдающихся политических способностях и блестящем владении искусством дипломатии. Во время миссии в Санкт-Петербурге он проявил себя как опытный переговорщик. Кинскому удавалось сохранять дружественные отношения между двумя странами и одновременно импровизировать в отсутствие необходимых инструкций из Вены даже в весьма сложной и непредсказуемой международной обстановке, которая сложилась после Ништадтского договора. Он был гибким дипломатом и искусным политиком. Именно дипломатическая деятельность в России, таким образом, является самым важным этапом в карьере Кинского.

Литература

- Брнёвѣк 2018 — *Брнёвѣк И.* Силезский аристократ граф Генрих Вильгельм Вильчек и его место в центральноевропейской политике первой половины XVIII в. // *Славянский мир в третьем тысячелетии.* 2018. Вып. 13. № 1–2. С. 21–33. DOI: 10.31168/2412-6446.2018.1.2.02.
- Нелипович 2010 — *Нелипович С.Г.* Союз двуглавых орлов. Русско-австрийский военный альянс второй четверти XVIII в. М.: Квадрига, 2010.
- Штеппан 2016 — *Штеппан К.* Романовы как «экскурсоводы»: поездки с австрийскими дипломатами к достопримечательностям молодой Российской империи (20-е годы XVIII в.) // *Романовы в дороге. Путешествия и поездки царской семьи по России и за границу / отв. ред. М. В. Лескинен, О. В. Хаванова.* М.; СПб.: Нестор-История, 2016. С. 13–22.
- Edelmayer 2004 — *Edelmayer F.* *Gesandtschaftsberichte in der Frühen Neuzeit // Quellenkunde der Habsburgermonarchie (16.–18. Jahrhundert). Ein exemplarisches Handbuch / hrsg. von J. Pauser, M. Scheutz, Th. Winkelbauer,* Wien: Böhlau, 2004. S. 849–859.
- Florovskij 1954 — *Florovskij A. V.* *Česko-ruské obchodní styky v minulosti: X–XVIII. století,* Praha: Státní pedagogické nakladatelství, 1954.
- Havlík 2014 — *Havlík J. M.* *Diarium Kinsky 1663–1672. Klíče k Františku Oldřichovi Kinskému (1634–1699) // Folia Historica Bohemica.* 2014. R. 29. Č. 1.
- Marasinova 2006–2007 — *Marasinova J. N.* *The Russian monarch's imperial title. The formation of official russian imperial doctrine in the early eighteenth century // Russian Studies in History.* 2006–2007 (Winter). Vol. 45. No. 3. P. 9–30.
- Müller 1976 — *Müller K.* *Das kaiserliche Gesandtschaftswesen im Jahrhundert nach dem Westfälischen Frieden (1648–1740),* Tübingen: Ludwig Röhrscheid Verlag, 1976.
- Schwarz (Hrsg.) 2019 — *Die Flucht des Thronfolgers Aleksej. Krise in der «Balance of Power» und den österreichisch-russischen Beziehungen am Anfang des 18. Jahrhunderts / Hrsg. von I. Schwarz.* Lit Verlag, 2019 (Austria: *Forschung und Wissenschaft-Geschichte*, 16).
- Seitschek, Hutterer, Theimer (Hrsg.) 2011 — *300 Jahre Karl VI. 1711–1740. Spuren der Herrschaft des «letzten» Habsburgers. Begleitsband zur Ausstellung des Österreichischen Staatsarchivs / hrsg. von S. Seitschek, H. Hutterer, G. Theimer.* Wien: Österreichisches Staatsarchiv, 2011.
- Steppan 2016 — *Steppan Ch.* *Akteure am fremden Hof: Politische Kommunikation und Repräsentation kaiserlicher Gesandter im Jahrzehnt des Wandels am russischen Hof (1720–1730).* Göttingen: Lit Verlag, 2016. (Schriften zur politischen Kommunikation, 22).
- Valenta 2004 — *Valenta A.* *Dějiny rodu Kinských.* České Budějovice: Veduta, 2004.

References

- Brnoviak J., 2018. Silezskii aristokrat graf Genrikh Vilgelm Vilcek i ego mesto v tsentral'noevropeiskoi politike pervoi poloviny 18 v. [Silesian aristocrat Count Heinrich Wilhelm Wilcek and his place in Central-European politics in the first half of the eighteenth century]. *Slavianskii mir v tret'em tysiacheletii*, 13, 1–2, pp. 21–33. DOI: 10.31168/2412-6446.2018.1.2.02.
- Edelmayer, F., 2004. Gesandtschaftsberichte in der Frühen Neuzeit. In: Pauser, J., Scheutz, M., Winkelbauer, Th., eds. *Quellenkunde der Habsburgermonarchie (16.–18. Jahrhundert)*. Ein exemplarisches Handbuch. Wien: Böhlau, pp. 849–859.
- Florovskij, A. V., 1954. *Česko-ruské obchodní styky v minulosti: X–XVIII. století*, Praha: Státní pedagogické nakladatelství.
- Havlík, J. M., 2014. Diarium Kinsky 1663–1672. Klíče k Františku Oldřichovi Kinskému (1634–1699). *Folia Historica Bohemica*, 29, 1.
- Marasinova, J., N., 2006–2007. The Russian monarch's imperial title. The formation of official Russian imperial doctrine in the early eighteenth century. *Russian Studies in History*, 45, 3, pp. 9–30.
- Müller, K., 1976. *Das kaiserliche Gesandtschaftswesen im Jahrhundert nach dem Westfälischen Frieden (1648–1740)*. Tübingen Ludwig Rohrscheid Verlag.
- Nelipovich, S. G., 2010. *Soiuz douglavykh orlov. Russko-avstriiskii voennyi al'ians vtoroj chetverti 18 veka* [The union of double-headed eagles. The Russian-Austrian military alliance of the second quarter of the eighteenth century]. Moscow: Kvadriga.
- Schwarz, I., ed., 2019. *Die Flucht des Thronfolgers Aleksej. Krise in der "Balance of Power" und den österreichisch-russischen Beziehungen am Anfang des 18. Jahrhunderts*. Lit Verlag (Austria: Forschung und Wissenschaft-Geschichte, 16).
- Seitschek, S., Hutterer, H., Theimer, G., eds., 2011. *300 Jahre Karl VI. 1711–1740. Spuren der Herrschaft des "letzten" Habsburgers. Begleitsband zur Ausstellung des Österreichischen Staatsarchivs*. Wien: Österreichisches Staatsarchiv.
- Steppan, Ch., 2016. Romanovy kak "ekskursovoody": poezdki s avstriiskimi diplomatami k dostoprimechatel'nostiam molodoi Rossiiskoi imperii (20-e gody 18 v.) [Romanovs as guides: trips with Austrian diplomats to the sights of the young Russian Empire (the 1720s)]. In: Leskinen, M. V., Khavanova, O. V., eds. *Romanovy v doroge. Puteshestviia i poezdki tsarskoi sem'i po Rossii i za granitsu* [Romanovs on the road. Travels and trips of the tsar family in Russia and abroad]. Moscow: Nestor-Istoriia, pp. 13–22.
- Steppan, Ch., 2016. *Akteure am fremden Hof: Politische Kommunikation und Repräsentation kaiserlicher Gesandter im Jahrzehnt des Wandels am russischen Hof (1720–1730)*. Göttingen: Lit Verlag. (Schriften zur politischen Kommunikation, 22).
- Valenta, A., 2004. *Dějiny rodu Kinských*. České Budějovice: Věduta.

Anežka Hrebiková

Mg. Mg., Postgraduate student, Faculty of Arts, Charles University, Prague, Czech Republic. 116 38, Jana Palacha 1/2; Archivist, Masaryk Institute and Archive of Czech Academy of Sciences, Prague, Czech Republic. 182 00, Gabčíkova 2362/10. E-mail: hrebikova@mua.cas.cz

Stephan Wilhelm Kinsky —an imperial diplomat in Russia in 1721–1722

The aim of the present study is to analyse the diplomatic mission of Count Stephan Wilhelm Kinsky to the court of Peter the Great. On the basis of diplomatic dispatches, the main focus is concentrated on the course of Kinsky's mission and on his obligations as envoy. His task was to stabilise Russian-Habsburg relations, especially with regard to the new imperial title of Tsar Peter. The study tries to depict the transitional period in the Russian Empire after the end of Great Northern War and focuses on the atmosphere of court society at that time. The study addresses the question of which instructions from the Vienna court were fulfilled by the Bohemian aristocrat (and which were not). Kinsky's mission is approached as a part of the process of the negotiation of an alliance between the Habsburg Monarchy and the Russian Empire. Kinsky was forced to deal with the inconveniences of the nascent Saint Petersburg, natural disasters, and the intrigues of competing delegations at the Russian court during the mission. Although the mission and its results at first sight cannot be described as a success, Kinsky's activity in the Russian Empire became a turning point both in his own career and, as an upshot, in the development of the Russian-Habsburg relations.

Keywords: diplomacy, Russian Empire, Habsburg Monarchy

Никита Игоревич Храпунов

Кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник, Крымский федеральный университет им. В.И. Вернадского, Симферополь, Республика Крым. 295007, проспект академика Вернадского, 4. E-mail: khrapunovni@gmail.com

Крым между Западом и Востоком в записках британских путешественников конца XVIII — начала XIX в.

После присоединения к России в 1783 г. Крым стал этапом большого образовательного путешествия. Записки иностранцев рассказали читателям о Тавриде, прежде совсем не известной в Западной Европе. В статье проанализированы сочинения британских авторов, сыгравшие важную роль в формировании представлений о Крыме и роли России в его истории, которые во многом сохранили актуальность до наших дней. Путешественники создали произведения разных типов — неотредактированные дневники и письма, энциклопедические описания, вымышленные путешествия и псевдоэпистографию. Их авторы имели разный интеллектуальный уровень, разные мотивации и пристрастия, соединяя результаты натурных наблюдений со стереотипами. Расположенный географически в Европе, Крым казался местом с выразительными чертами Востока. В его образе соединились черты райской природы, на лоне которой жили наивные и праздные люди, подобные героям руссоистской утопии, богатейшее археологическое наследие античности, романтика исламской культуры, разнообразие этнических и религиозных типов. Британцы сформулировали предложения по устройству в Тавриде западных колонистов, развитию коммуникаций, торговли, сельского хозяйства и промышленности. Уильям Итон и Маттью Гатри считали «покоренье Крыма» Россией исторически обусловленным, способным в будущем принести стране и ее жителям процветание и прогресс. Однако Эдвард Кларк, считавший русских воплощением варварства, разработал план «возвращения» полуострова османам. Негативные стереотипы, у истока которых стояла его очень популярная книга, остаются востребованными в наши дни, вновь обретая актуальность в моменты обострения отношений России и Запада.

Ключевые слова: записки путешественников, историческая имагология, англо-русские культурные связи, Россия, Англия, Шотландия, стереотипы, образы

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 18-09-00053 «Крым в восприятии англичан конца XVIII — начала XIX в.».

DOI 10.31168/4469-1767-9.06

После присоединения Крыма к России в 1783 г. полуостров стал этапом большого образовательного путешествия (*grand tour*). Записки путешественников рассказали публике о прежде почти не известном регионе и сформулировали ряд долгоживущих стереотипов. Известно полтора десятка травелогов, написанных англичанами и шотландцами, — энциклопедические труды (Эдвард Кларк) и политические трактаты (Уильям Итон), этнографические описания (Мери Хоулдернесс) и неотредактированные дневники (Реджинальд Хебер), подлинные письма (Филипп Ройстон) и псевдоэпистолография (Элизабет Крейвен), каталоги редкостей (Ричард Уэрсли) и вымышленные путешествия (Маттью Гатри)¹. Сочинения британцев раскрывают характерные для их культуры способы восприятия и интерпретации дальних стран. В данной статье я обращусь к наиболее типичным из этих представлений, во многом сохраняющим актуальность в современном западном дискурсе.

С точки зрения путешественников, Крым, географически находившийся в Европе, обладал рядом выраженных черт «Востока»². Его считали частью «Тартарии», название которой напоминало о преисподней древнегреческих мифов. Лишнюю букву в название страны и ее обитателей — «та(р)тар» прибавили давно, когда перепуганные европейцы увидели в непобедимых монголах XIII в. предсказанных пророчествами предвестников конца света, выходцев из ада³. Потому Элизабет Крейвен (1750–1828) почувствовала неловкость, когда в 1786 г. русский офицер назвал знатного татарина «сливками Тартара». К счастью, остроумная британка ловко превратила эту фразу в «сливки татар», а сравнение с лучшими представителями своего народа ее знакомого полностью устроило⁴.

Картография культуры не совпадала с географией. Подобно тому, как для восточнославянских земель, ныне объединенных в составе Украины, «Востоком» была Византия, лежавшая к юго-западу от Киева, а Западом — находившаяся к северо-западу Польша⁵, «русский Восток» в Крыму оказался к югу от Москвы и Петербурга.

¹ Cross 2014: 102–154.

² Храпунов 2018а: 63–78.

³ Филошкин 2011: 13, 39, прим. 16.

⁴ Craven E. A Journey through the Crimea to Constantinople in a series of letters. London: G. G.J. and J. Robinson, 1789. P. 178.

⁵ Шевченко 2014: xvii, 2–9.

Но изменение политического статуса могло менять положение стран на «карте цивилизации». По словам Эдварда Кларка, появившиеся в Крыму русские принесли с собой суровые зимы⁶. Полуостров виртуально сместился к северу, где, по представлениям века Просвещения, находилась Россия.

Восток казался полной противоположностью Западу. На него проецировали свои фобии и тайные желания, используя контраст для осмысления собственной культуры во всем ее многообразии и поиска ответов на волнующие вопросы бытия. Зачастую путешественники не описывали узнанную эмпирически реальность Востока, но припоминали усвоенное из книг, иначе говоря, искали подтверждения своим предрассудкам и стереотипам⁷. Точно так же в описаниях Крыма реальность зачастую невозможно отличить от вымысла, в особенности, если они были переработаны и дополнены уже после возвращения домой. Именно такие книги более всего влияли на общественное мнение. Например, в поэме Пушкина о фонтане Бахчисарайского дворца шаблонных описаний существенно больше, чем крымских реалий. Все потому, что он ориентировался не столько на свои воспоминания, сколько на яркие образы из записок Луи де Сегюра и Шарля де Линя, спутников Екатерины II в ее южном турне (1787)⁸. Подпись к одному из крымских пейзажей 1786 г. из собрания Ричарда Уэрсли сообщает, что в городе Старый Крым взгляду путешественника открывается чудесный вид на «Черное море, Азовское [море] и [море] Сиваш»⁹. На картине же моря не видно. Немудрено — город лежит в ложбине между горами, так что море можно углядеть разве что с возвышенности, и только одно. На автора каталога Уэрсли также повлияли записки де Линя, «сочинившего» романтический старокрымский пейзаж до приезда в город¹⁰. Иллюзия подменила реальность (см. рис. 1).

Путешественникам приходилось ездить по стране, неподготовленной к их приему. Хебер советовал оставить экипаж в Симферополе, ведь дороги на южном берегу были пригодны лишь для всадников.

---

⁶ Clarke E. D. Travels in various countries of Europe, Asia, and Africa. Pt. 1: Russia, Tahtary, and Turkey. 4th ed. Vol. 2. London: T. Cadell and W. Davies, 1816. P. 180.

⁷ Саид 2006.

⁸ Кошелев 2015: 13–33; Dickinson 2002: 18.

⁹ Museum Worsleyanum. London: Septimus Prowett, 1824. Vol. II. P. 61.

¹⁰ Lettres et pensées du maréchal prince de Ligne. Paris; Genève: J. J. Paschoud, 1809. P. 53.

В отсутствие гостиниц сносный ночлег можно было отыскать в домах крымских татар, но не у представителей других народов. В других местах постоялые дворы были — но самые жалкие¹¹. В Бахчисарае можно было заночевать в бывшем дворце ханов, который русские превратили в гостиницу для знатных визитеров. Это оценил Джон Паркинсон, получивший в 1793 г. возможность увидеть покои, некогда скрытые от взглядов посторонних¹². Иностранцам приходилось нанимать проводника-переводчика, непрофессионального, но склонного к плутовству — впрочем, свойственному и другим местным жителям, исключая мусульман. Климат был болезнетворен, и европеец легко мог подхватить лихорадку. Предварительно стоило выменять турецкие монеты, ведь русские деньги татары брать отказывались. Но эти сложности с лихвой искупались красотой и необычностью страны¹³ (см. рис. 2).

В Крым попадали двумя путями. Некоторые переправлялись через Керченский пролив, разграничивавший, согласно античной традиции, Европу и Азию. Эта виртуальная граница порождала ожидание чудес, которые предстояло увидеть в Тавриде. Поездка из Москвы на юг, через Подонье и Прикубанье, разочаровала Кларка: «Наше мнение об Азии <...> можно передать в нескольких словах — дурной воздух, дурная вода, дурная пища, дурной климат, дурные люди»¹⁴. Символично, что, переправившись в Крым, в «Европу», он нашел приют в доме грека — «по рождению спартамца из Мистры», жена которого была уроженкой Пароса. Путешественника умилило то, что даже дети его хозяев читали книги по греческой истории¹⁵. Здесь он решил создать лучшее описание прошлого полуострова: «Карту крымских древностей очень ждали, и, бесконечными трудами, я выполнил эту работу, исправляя ошибки предшественников, отмечая достоверное и добавляя новое»¹⁶.

¹¹ The life of Reginald Heber. New York: Protestant Episcopal Press, 1830. Vol. I. P. 310–312.

¹² Parkinson J. A tour of Russia, Siberia and the Crimea. 1792–1794. London: Frank Cass, 1971. P. 193, 195–196.

¹³ The life of Reginald Heber. P. 310, 314–315.

¹⁴ Otter W. The life and remains of Edward Daniel Clarke. New York: J. & J. Harper, 1827. P. 295.

¹⁵ Clarke E. D. Travels. P. 98–100.

¹⁶ Otter W. The life. P. 299.

Другие ехали с севера, через Перекопский перешеек. По словам Крейвен, в дороге она не видела «ничего, кроме массы грубой травы, выгорающей в определенное время года. Вся эта страна <...> называется Степью, а я бы назвала ее пустыней»¹⁷. Этот пейзаж занимает три четверти полуострова, и лишь на юге перед глазами путешественника открывались живописные горные долины, а еще дальше, за труднопроходимым щитом Крымских гор — субтропики южного бережья. Долгий и утомительный путь по степи способствовал тому впечатлению, которое производил юг полуострова. Джон Туэдделл (1797) писал, что «Крым, это, конечно, одна из самых упоительных стран мира <...> Я провел десять дней в горах среди татар и был очарован их бескорыстием и гостеприимством»¹⁸. Вероятно, культурные механизмы осмысления Крыма близки тем, которые заставляли испанских конкистадоров увидеть в Америке упованную землю, рай¹⁹. Позднее Адольфус Слейд (1831) подметил, что впечатление от Крыма зависит от того, откуда прибыл наблюдатель. Сам он приплыл из Турции: «Ее подобные Эдему виды не следует опошлять сравнением с суровым обликом Крыма»²⁰.

На юге Крыма путешественники восхищались буйной субтропической растительностью, живописными скалами и морскими пейзажами, идиллическими татарскими селениями, мусульманскими мечетями и руинами средневековых городов и крепостей. Все это напоминало земной рай в стилистике руссоистских фантазий. Постепенно черты живописного и плодородного юга по принципу «*pars pro toto*» распространили на весь полуостров. Маттью Гатри, выдавший свое собственное сочинение за письма покойной супруги²¹, увидел «земной рай» на берегах реки Альма между Бахчисараем и Симферополем, назвал Судакскую долину достойной кисти величайших пейзажистов, а Байдары на юго-западе полуострова уподобил воспетым античными поэтами Аркадии и Темпейской долине²². Кларк

¹⁷ Craven E. A journey. P. 160–161.

¹⁸ Remains of the late John Tweddell. London: J. Mawman, 1815. P. 201–202.

¹⁹ См.: Земсков 2015: 232–233, 254–255.

²⁰ Slade A. Records of travels in Turkey, Greece, &c. London: Saunders and Otley, 1832. Vol. I. P. 495.

²¹ Храпунов, Гинькут 2015: 159–161.

²² Guthrie M. A tour, performed in the years 1795–6, through the Taurida, or Crimea. London: T. Cadell, Jun., and W. Davies, 1802. P. 70, 116–118, 130.

высмеял подобные представления о Байдарской долине, но вскоре отыскал другой «эдем»: «Если и существует земной рай, то его можно отыскать в местности между Кучук-Коем и Судаком, на южном берегу Крыма»²³. Подобные суждения нередко противоречили другим наблюдениям — но тем хуже было для опыта. Едва не погибший от лихорадки Кларк заключил, что крымский климат хорош для «природных жителей» страны — татар, тогда как для пришельцев он смертелен²⁴.

Воплощением восточного начала казались татарские города с мечетями, общественными фонтанами, узкими кривыми улочками и выходящими на них глухими стенами домов, садами и пирамидальными тополями. Особенное впечатление производила бывшая ханская столица — Бахчисарай. Кларк писал:

Это один из замечательнейших городов в Европе, во-первых, из-за новизны здешних нравов и обычаев — они совершенно восточные и не проявляют ничего европейского, во-вторых, из-за местоположения самого города, занимающего изборожденные склоны длинного естественного ущелья между двумя высокими горами²⁵.

Путешественник уловил парадоксальность положения города — островка «Востока» в географической Европе. Поблизости находился Чуфут-Кале, центр неталмудических иудаистов — караимов. Европейцев удивлял как этот прежде невиданный народ, так и его город на вершине отвесной скалы. По словам Хебера, «Еврейскую скалу описывают часто. Кажется удивительным, что подобные крепости оказались во владении этого народа»²⁶. Это был один из самых посещаемых в Крыму объектов. Правда, Филипп Ройстон (1807) умудрился перепутать Чуфут-Кале с Карасубазаром (современный Белогорск), который находится в совсем других природных условиях — на берегах текущей по равнине речки километрах в 70-ти к северо-востоку²⁷. Быть может, на автора повлияла болезнь, на которую он регулярно жаловался, или же его обманул проводник.

²³ *Clarke E. D. Travels.* P. 232, 252.

²⁴ *Ibid.* P. 296–297.

²⁵ *Ibid.* P. 170.

²⁶ *The life of Reginald Heber.* P. 260.

²⁷ *Pepys H. The remains of the late Viscount Royston.* London: John Murray, 1838. P. 170–171.

Одним из свойств Востока считалось разнообразие этнических типов. Кларк назвал его одной из самых привлекательных черт Крыма:

В Бахчисарае — татары и турки, над ними — скалы с колонией евреев-караимов; в Балаклаве — греческая орда; в других городах — аنا-толийцы и армяне; в степях — ногайцы, цыгане и калмыки, так что на маленьком клочке земли, словно в зверинце, противоположные виды живых редкостей соединяются необычным образом²⁸.

В этом удивительном «зверинце» можно было встретить и древние племена, ведь современные представления об этнических процессах еще не были выработаны. Считалось, что древние народы не исчезли в истории, а лишь сменили название. Гатри связал народную этимологию имени караимов со свидетельством античного историка о варварах в черных плащах:

Не может ли это изолированное племя черных евреев, быть остатком древнего народа, называвшегося меланхленами <...>, которые отличались от всех остальных наций в этих краях тем, что, даже во времена Геродота носили черный наряд, столь же необычный сейчас, как и тогда, в этой части мира?²⁹

Самым популярным древним этносом были скифы, которых считали воплощением разрушительной варварской стихии. Дальнейшая интерпретация зависела от политических пристрастий. Русофил Гатри писал, что скифы и татары — «всего лишь разные имена одного народа»³⁰, а русофоб Кларк уподобил скифам русских³¹ (см. рис. 3).

Крым казался законсервированным прошлым. Неудивительно, что на страницах травелогов нередки библейские ассоциации. Хебер, увидевший верблюдов, запряженных в татарские повозки, вспомнил о «верблюжьих колесницах» в «Библии короля Якова»³². Прожившая в Крыму несколько лет и потому имевшая массу времени для изучения нравов крымских татар Мери Хоулдернесс (1816–1820) заключила, что:

²⁸ *Clarke E.D. Travels. P. 221–222.*

²⁹ *Guthrie M. A tour. P. 84.*

³⁰ *Ibid. P. 406.*

³¹ *Clarke E.D. Travels. P. 145. Ср.: Otter W. The life. P. 292–293.*

³² *The life of Reginald Heber. P. 261.*

В простой жизни татар можно обнаружить многие черты сходства с тем, что сказано в Писании о начале истории. И сейчас, как и тогда было обычно, их богатство заключается в стадах, отарах и численности их семейства. Таковы и многие из их семейных обычаев³³.

Путешественников удивляли суеверия и фатализм местных жителей. По словам Хебера, единственным средством от болезней татары считали волю Аллаха: «Мы кладем заболевшего человека на кровать; и, если Бог даст, он выздоравливает»³⁴. Хоулдернесс (см. рис. 4) писала, что «татары носят огромное количество оберегов и амулетов, хранящих их от болезни и других напастей», а гречанки наотрез отказывались прививать детей от оспы. «То, что предназначено Богом, — говорили они, — то и сбудется»³⁵.

Крейвен отметила, что крымские татары редко меняют нижнее белье, хотя регулярное посещение бани и компенсирует отчасти эту привычку. Она обратила внимание на грязь на улицах и в домах мусульман разного общественного положения, и даже на стенах мечетей³⁶. Гатри, задумавший доказать моральное превосходство караимов над родственными им евреями, подчеркнул не только их трудолюбие, но и чистоплотность. Последняя, впрочем, могла быть результатом дождей, регулярно омывавших улицы Чуфут-Кале³⁷. Эти наблюдения подчеркивали «варварство» и «восточность» крымских жителей, ведь чистоплотность стали считать свойством человека цивилизованного (см. рис. 5).

Одним из свойств «нецивилизованных» народов считалось незнание географии. Уильям Итон, купец и авантюрист, побывавший в Крыму накануне присоединения к России, писал о татарах:

Как у большинства варваров, их собственная страна кажется им одновременно образцом совершенства и границей познания, и даже главные государственные служащие не знают географии или взаимного расположения всех остальных стран³⁸.

³³ *Holderness M.* Journey from Riga to the Crimea. London: Sherwood, Gilbert, and Piper, 1827. P. 217.

³⁴ The life of Reginald Heber. P. 263.

³⁵ *Holderness M.* Journey. P. 153–154.

³⁶ *Craven E. A.* Journey. P. 183, 162, 174, 181.

³⁷ *Guthrie M.* A tour. P. 83.

³⁸ *Eton W.* A survey of the Turkish Empire. London, T. Cadell, jun. and W. Davies, 1798. P. 331.

Крейвен же, познакомившись со знатным татаринном, отметила, что тот «совершенно ничего не смыслит в географии собственной страны и говорит, что Англия и Петербург — одно и то же»³⁹. Итак, если Запад интересовался Востоком, открывал его и описывал, то Восток был удивительно равнодушен к своим западным антагонистам.

Разумеется, путешественников интересовала религиозная жизнь мусульман и их казавшиеся диковинными обряды. Увидев, как впадают в транс дервиши, Крейвен писала: «Представление такого рода вызывает у этих людей огромное почтение и уважение к тем, кто его исполняет. Я же вернулась домой сильно раздосадованной от этой нелепицы»⁴⁰. Подобные суждения подтверждают знаменитый тезис: «люди не могут проводить [религиозные] церемонии, если не видят причин для их существования, и они не могут принять веру, если совершенно ее не понимают»⁴¹. Тем не менее, дервиши были одной из популярных крымских «достопримечательностей».

Восток воспринимали как место, где действовали иные этические нормы. Исламские предписания, требовавшие от женщин кутаться в длинную одежду, скрывать лицо и жить в отдельном помещении, понимали как указание на чрезвычайную ревность их мужей. «В своей ревности татары заходят даже дальше, чем турки», — писал Хебер⁴². По мысли Гатри, «полигамия и ее спутница ревность» привели к тому, что окна татарских домов выходят исключительно во внутренний двор, а их обитательницы вынуждены наслаждаться обществом скота, а не мужчин⁴³. Подобная обстановка стимулировала фантазию. Эбенезер Хендерсон в 1821 г. заметил, что некогда в стенах Бахчисарайского дворца «были замурованы многие тысячи христианок, похищенных из лоно своих семейств и обреченных служить удовлетворению чувственных желаний»⁴⁴, хотя реальный размер построек не позволял поместить в нем столько прекрасных узниц. Кларк рассказал анекдот о слуге-англичанине, который пошел

³⁹ *Craven E.* A Journey. P. 179.

⁴⁰ *Ibid.* P. 173–174.

⁴¹ Дюркгейм 2018: 707.

⁴² *The life of Reginald Heber.* P. 310.

⁴³ *Guthrie M.* A tour. P. 215, 217.

⁴⁴ *Henderson E.* Biblical researches and travels in Russia. London: James Nisbet, 1836. P. 297.

на хитрость, чтобы заставить татарок самим открыть лица. Он стал имитировать их поведение, прикрывая лицо и убегая при их появлении. В конце концов, удивленные татарки окружили англичанина и, заставив его открыть лицо, показали ему и свои⁴⁵. Так что нравы иностранцев могли меняться под влиянием среды. По словам Гатри, один его соотечественник даже приобрел жену-татарку за корову и несколько овец и жил с ней на лоне живописной природы⁴⁶.

Очевидно, под влиянием идей Руссо о «естественном человеке», еще не испорченном цивилизацией, возникло представление о личности татар, которую считали не пороком, но естественным (и даже завидным) свойством людей, живших в гармонии с природой и получавших от нее средства к существованию при минимальных усилиях⁴⁷. «Радость покоя и лени при любых условиях для них является верхом счастья, а тот, кто может располагать этими благословенными вещами, не имеет больше мотивов и стимулов к труду», — писала Хоулдернесс⁴⁸. Иностранцы не понимали особого отношения ислама, чуждого протестантской этике, к предпринимательству⁴⁹.

Раз местные были неспособны к интенсификации труда и восприятию передовых экономических идей, то привести край к процветанию могли бы переселенцы с Запада. Крейвен не скрывала, что

[Она] хотела бы увидеть здесь колонию честных английских семейств, учреждающих мануфактуры и возвращающих продукцию этой страны в нашу; учреждающих честную и свободную торговлю из этих мест, и обучающих трудолюбию и честности вероломных, но угнетенных греков⁵⁰.

Считавший торговлю двигателем прогресса, Итон объявил османское завоевание Крыма в конце XV в. катастрофой, раз в результате местные порты «постепенно утратили прежний блеск и величие, о которых теперь свидетельствуют лишь развалины». Он положительно оценивал присоединение Крыма к России, ведь Екатерина II сразу же «задумала вернуть торговлю и промышленность в место,

⁴⁵ *Clarke E. D. Travels.* P. 186.

⁴⁶ *Guthrie M. A tour.* P. 210.

⁴⁷ Храпунов 2018a: 69.

⁴⁸ *Holderness M. Journey.* P. 270.

⁴⁹ См.: Гибадуллин, Аюпов, Нуриева, Шагимарданов 2016: 38–48.

⁵⁰ *Craven E. A Journey.* P. 188–189.

столь для них удобное; она немедленно и с большими затратами создала новые заведения для этой цели». Ее либеральное и просвещенное правление должно было не просто возродить торговлю, но и цивилизовать «варварскую дикость» и сделать обращенный в пустыню Крым снова изобильным и производительным⁵¹.

Зато Кларк считал ханскую эпоху «золотым веком» Крыма, а присоединение к России — катастрофой:

[Русские] опустошили страну, вырубали деревья, снесли дома, сломали священные постройки местных жителей и все их общественные здания, разрушили общественные водопроводы, ограбили население, оскорбляли татар во время их публичных богослужений, извлекли из могил тела их предков, бросив их останки в выгребные ямы и сделав их гробы кормушками для свиней, уничтожили все памятники древности, разломав гробницы и святых, и язычников, и развеяв их прах по ветру⁵².

Потому европейским державам следовало изгнать русских и вернуть полуостров Высокой Порте⁵³. В западных травелогах земли на юге России нередко именовали «колониями». Например, Хоулдернесс все новое население региона, включая ногайских татар, называла «колонистами»⁵⁴. Вполне естественна параллель с заморскими владениями британцев, сохранение и расширение которых представлялось им важнейшей задачей. Потому естественна симпатия деятелей типа Итона к России, расширявшей свои владения во имя общего «прогресса». Однако Кларк отказался видеть в татарах «фанатиков-мусульман», считая их жертвами русских варваров. Очевидно, на это суждение повлияло глубоко укорененное представление о России как о «другом»⁵⁵.

Придерживавшиеся противоположной точки зрения «кабинетные путешественники» Джордж Эллис и Гатри привлекли исторические аргументы. Если творческие западные нации в лице древних греков или средневековых генуэзцев развивали в Крыму торговлю, земледелие и ремесла, получая благодаря этому большую выгоду, их опытом следовало воспользоваться и России, сделав Крым

⁵¹ *Eton W.* A survey. P. 306.

⁵² *Clarke E. D.* Travels. P. 179–180.

⁵³ *Ibid.* P. 268–270.

⁵⁴ *Holderness M.* Journey. P. 105–107.

⁵⁵ См.: Нойманн 2004: 101–125.

перевалочным пунктом на «новом шелковом пути» в Индию и Китай. Разумеется, нужны были и передовые западные промышленные, и аграрные технологии, новые культуры и породы животных, а также европейские колонисты⁵⁶.

Символом нового прогрессивного начала были города, которые строили русские инженеры и военные по регулярному плану, с домами европейского облика. Они визуально меняли облик полуострова, делая его более «западным». Гатри писал о Севастополе:

Старые татарские дома здесь, как и повсюду на полуострове, маленькие и дурно построенные; но вдоль пристани мы обнаружили несколько новых построек в куда лучшем вкусе — естественное следствие того, что здесь разместился великий Эвксинский флот, и, конечно, резиденция его командира и других морских офицеров⁵⁷.

Рассказы путешественников о реальных и вымышленных достоинствах Тавриды привлекли переселенцев из-за рубежа и из материковой России. Но довольно быстро выяснилось, что хотя жители античных городов процветали благодаря земледелию и торговле, а понтийский царь Митридат VI и средневековые генуэзцы извлекали из своих крымских владений существенные доходы, исторический опыт не работал в новую эпоху. Оказалось, что сложная внешнеполитическая обстановка и нехватка рабочих рук, особое отношение мусульман к предпринимательству, отсутствие инфраструктуры и дешевого кредита способны разрушить любые иллюзии.

Одним из прожекторов стал британский агроном Артур Янг, который приобрел поместье в деревне Карагоз (ныне Первомайское). Он рассчитывал завести передовое хозяйство, применив свои богатые знания и самые современные британские технологии, а также учредить колонию соотечественников. В 1815 г. Янг поместил в газете «*The Times*» объявление, приглашавшее соотечественников отправиться в Крым, «прекраснейшую из провинций Российской империи, где помещик (то есть сам Янг. — *Н.Х.*) за пять лет своего там жительства ни разу не видел сборщика налогов»⁵⁸. Однако планы эти

---

⁵⁶ Memoir of a map of the countries comprehended between the Black Sea and the Caspian. London: J. Edwards, 1788. P. 5–8; *Guthrie M. A tour.* P. 119–123, 137–138, 148, 156–157.

⁵⁷ *Guthrie M. A tour.* P. 93.

⁵⁸ Цит. по: *Gazley 1956: 394.*

провалились. Янг уехал на родину, а когда через несколько лет вернулся в Крым, чтобы продать поместье, заболел и умер⁵⁹.

Позднее Николай Всеволожский иронизировал над другим прожектером. Это был француз — владелец гостиницы и ресторана в Симферополе, жаловавшийся на варварство местных татар и русских, не желавших угощаться утонченными европейскими блюдами. В частности, Всеволожский писал о французе так:

“Чувствую, что я ошибся в своей спекуляции. Эта непросвещенная страна недостойна такого таланта!”. Он намеревался оставить свое ремесло и заняться чем-нибудь другим, “например, воспитанием детей”. Я бесспорно соглашался с ним, поел водяного супу его и жесткого бифстека и стал собираться в дорогу⁶⁰.

В эпоху Просвещения античность стали воспринимать как колыбель европейской цивилизации. Посетившие Тавриду были покорены богатством ее древнегреческого наследия, материального и нематериального⁶¹. Кларк писал из Керчи:

Мы стоим по колено в древностях, обломав ноги о поучительные мраморы, которые многие годы, вплоть до нашего прибытия, беседовали лишь с жабами и ящерицами. Никогда я не был настолько очарован путешествием, как сейчас. Может ли Греция быть интересней тех стран, где сохранились основы ее первых колоний, в которых мы роемся?⁶²

Иностранцы пытались отыскать в Крыму следы городов, поселений и храмов, известных им из античной традиции. Хендерсон, читавший в оригинале древних историков и географов, занялся реконструкцией античной географии, локализовав остатки городов Палакий и Калос-Лимен в Балаклаве и Харакс в Алушке, а также отождествив Ялту с Лагирой и гору Аюдаг — с мысом Бараний Лоб⁶³.

Иногда в Крыму искали памятники, в реальности никогда там не существовавшие, например — могилу царя Митридата. Потерпев поражение в борьбе с Римом, он покончил с собой в Пантикапее (на месте

⁵⁹ Ibid. P. 399–402.

⁶⁰ Крымский миф в русской культуре первой половины XIX в. Свод малоизвестных свидетельств современников. Великий Новгород: Растр, 2017. С. 258–259.

⁶¹ Храпунов 2018b: 21–33.

⁶² Otter W. The life. P. 292.

⁶³ Henderson E. Biblical researches. P. 354–355, 360–361.

нынешней Керчи), а тело его погребли в фамильном склепе в Синопе, на южном берегу Черного моря. Но популярнее римских источников была трагедия Жана-Батиста Расина «Митридат» (1673)⁶⁴, текст которой можно было понять так, что погребальный костер понтийского царя разложили недалеко от места его гибели. Отсюда распространённое в Керчи предание, о котором рассказали Кларк и Хебер: якобы Митридат был погребён в Алтын-Обе (Золотом кургане) поблизости от города⁶⁵. Подобные сюжеты утверждали в сознании читателей представления о связи Крыма со знаменитыми эпизодами древней истории.

Поиски античного наследия заставляли путешественников находить античное наследие даже в мусульманских постройках. Кларк, например, счёл творением этрусков каменный мост близ Старого Крыма, кладка которого напомнила ему о стенах итальянской Кротоны⁶⁶. Гатри заметил, что идею черепичных крыш «татары восприняли, вероятно, от древних греческих колонистов приморских городов»⁶⁷. Хеберу же щипцовые крыши татарских мечетей напомнили строки древнегреческого комедиографа Аристофана об афинских храмах⁶⁸.

Бывали и более экзотические «находки». Рассматривая возвышавшиеся над Бахчисараем горы, Крейвен заметила:

Вершины этих скал имеют странный вид, в местах, где, несомненно, проходили и крепились огромные канты. По этому поводу татары утверждают, что некогда их подножья достигало море, и к ним призывали корабли⁶⁹.

Очевидно, англичанка услышала местную легенду, согласно которой некогда уровень Черного моря был много выше, и лишь вершины Крымских гор образовывали архипелаг, поднимавшийся над волнами. На этих вершинах жили люди, передвигавшиеся на лодках. Образованные путешественники пытались связать легенду с известиями древнегреческих писателей, библейским всемирным потопом и представлениями эпохи Просвещения об истории Земли⁷⁰. Кларк предло-

⁶⁴ Формозов 2000: 38–39.

⁶⁵ *Clarke E. D. Travels*. P. 111; *The life of Reginald Heber*. P. 312.

⁶⁶ *Ibid.* P. 170.

⁶⁷ *Guthrie M. A tour*. P. 68.

⁶⁸ *The life of Reginald Heber*. P. 256.

⁶⁹ *Craven E. A journey*. P. 181–182.

⁷⁰ Храпунов 2017: 421–422.

жил свое видение того, откуда в крымских горах взялись каменные («причальные») кольца:

В дни праздников сюда прикрепляли канат, шедший поперек теснины к подобному кольцу на противоположной его стороне, и ханы развлекались, наблюдая за человеком, перебиравшимся через долину по этому канату, от одного склона до другого⁷¹.

Реальное объяснение куда прозаичнее — жители горных вершин, укрывавшиеся там от врагов, привязывали к этим кольцам скотину или использовали их для крепления деревянных конструкций.

Путешественники застали многие памятники прошлого разрушенными. Некоторые города пришли в упадок после эмиграции населения. Так, Хебер, осмотревший Феодосию (Каффу, см. рис. 6), которая в генуэзское и османское время была крупным и процветающим черноморским портом, назвал ее «мрачнейшим зрелищем»:

Здесь сохранилось несколько благородных магометанских бань, целых, но ныне обращенных в склады, много разрушенных мечетей и одна, что все еще в хорошем состоянии, но используется мало. Также есть остатки нескольких построек, которые, судя по форме и расположению с востока на запад, кажется, были церквями⁷².

Древние постройки разбирали на материалы для строительства современных городов — Севастополя, Симферополя и Керчи. Роберт Лайалл в 1822 г. сокрушался, что русские не оценили значение античного Херсонеса — византийского Херсона, где некогда стал христианином киевский князь Владимир. Даже «невежественные и суеверные» татары не осмелились поднять руку на развалины, но русские завоеватели уничтожили их.

Память о Херсоне ныне существует только в книгах. Его место узурпировал Севастополь; <...> ни российское правительство, ни сами русские не чувствуют религиозного благоговения перед развалинами города, где их великий князь принял ту веру, которую впоследствии распространил на свои владения и которую они исповедуют до сих пор⁷³.

⁷¹ *Clarke E. D.* Travels. P. 187.

⁷² *The life of Reginald Heber.* P. 252.

⁷³ *Lyall R.* Travels in Russia, the Crimea, the Caucasus, and Georgia. London: T. Cadell and W. Blackwood, 1825. Vol. I. P. 297–298.

Кларк решил использовать судьбу археологических памятников как идеологическое оружие, призванное навсегда исключить Россию из числа «цивилизованных наций». По его словам, русские целенаправленно разрушали культурное наследие, поскольку такова была их варварская природа.

Если [Эгейский] Архипелаг когда-нибудь попадет во власть русских, прекрасные остатки Древней Греции будут разрушены, Афины будут снесены до основания, не останется и камня, показывающего, где стоял город. По сравнению с русскими турки обладают вкусом и глубокой ученостью⁷⁴.

Отдельным проявлением «варварства» он считал то обстоятельство, что путешественникам не давали вывозить за рубеж античные статуи, надгробия и надписи — разумеется, ради их «спасения»⁷⁵.

Показательно сходство антироссийской риторики Кларка и возникшего независимо от нее дискурса о «русском варварстве», противостоявшем цивилизации, и в частности разрушавшем культурное наследие, который выработала пропаганда Наполеона в 1812 г.⁷⁶ Подобные суждения вновь актуализировались в годы Крымской войны, когда в английском истеблишменте вернулись к мысли о «возвращении» полуострова туркам⁷⁷. Высадившиеся в Крыму англичане и французы, прикрываясь риторикой о необходимости «спасения» памятников археологии, вели раскопки в Херсонесе и на Керченском полуострове, вывозили находки на Родину, а также разграбили несколько музеев⁷⁸.

Подводя итоги, отмечу, что читатель проанализированных травелогов должен был увидеть Крым как место между Западом и Востоком, где романтическое наследие ислама смешалось с памятниками античности, наивные и непрактичные люди жили в счастливой лени на лоне прекрасной природы и где можно было изучать экзотические этнические или религиозные типы или разрабатывать экономические проекты, сулившие огромные доходы. В целом это соответствовало образам, возникшим в общественном сознании эпохи⁷⁹. Так полуостров стал

⁷⁴ *Clarke E. D. Travels.* P. 207.

⁷⁵ *Ibid.* P. 119, 149, 207, 208.

⁷⁶ Ададуров 2017: 22–32.

⁷⁷ Орлик (ред.) 1999: 376.

⁷⁸ Орехов 2017: 231–236; Шаманаев 2016: 165–167.

⁷⁹ См.: Храпунов 2018a: 65–73.

центром туризма, развитие которого, правда, временно прервалось из-за осложнения обстановки в Европе в годы Наполеоновских войн. Многие из стереотипов, созданных тогда, существуют до сих пор.

Литература

- Адауров 2017 — *Адауров В.В.* Война цивилизаций. Социокультурная история русского похода Наполеона. Киев: Laugus, 2017. Т. 1.
- Гибадуллин, Аюпов, Нуриева, Шагимарданов 2016 — *Гибадуллин М.З., Аюпов А.А., Нуриева А.Р., Шагимарданов А.Р.* Предпринимательство и ислам: российский исторический опыт. Казань: Изд-во Казанского университета, 2016.
- Дюркгейм 2018 — *Дюркгейм Э.* Элементарные формы религиозной жизни. М.: Дело, 2018.
- Земсков 2015 — *Земсков В.Б.* Образ России в современном мире и другие сюжеты. М.: Гнозис, 2015.
- Кошелев 2015 — *Кошелев В.А.* Таврическая мифология Пушкина. Великий Новгород: Растр, 2015.
- Нойманн 2004 — *Нойманн И.* Использование «Другого». Образы Востока в формировании европейских идентичностей. М.: Новое издательство, 2004.
- Орехов 2017 — *Орехов В.В.* В лабиринте крымского мифа. Симферополь: Растр, 2017.
- Орлик (ред.) 1999 — История внешней политики России. Первая половина XIX века / отв. ред. О.В. Орлик. М.: Международные отношения, 1999.
- Саид 2006 — *Саид Э.* Ориентализм. М.: Русский Мирь, 2006.
- Филюшкин 2011 — *Филюшкин А.[И.]* Как Россия стала для Европы Азией? // Изобретение империи: языки и практики. М.: Новое издательство, 2011. С. 10–48.
- Формозов 2000 — *Формозов А.А.* Пушкин и древности. Наблюдения археолога. М.: Языки русской культуры, 2000.
- Храпунов 2017 — *Храпунов Н.И.* Мангулское городище в трудах путешественников конца XVIII — начала XIX в.: исследования и иллюзии // Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии. 2017. Вып. XXII. С. 412–433.
- Храпунов 2018a — *Храпунов Н.И.* «Восток в Европе»: Крым после присоединения к Российской империи глазами иностранцев // Новое прошлое / The New Past. 2018. № 1. С. 63–78.
- Храпунов 2018b — *Храпунов Н.И.* Крымские древности глазами западно-европейских путешественников конца XVIII — начала XIX в. // Вестник Российского фонда фундаментальных исследований: Гуманитарные и общественные науки. 2018. № 2. С. 21–33.

- Храпунов, Гинькут 2015 — *Храпунов Н. И., Гинькут Н. В.* Маттью Гатри и его «путешествие» в историю Крыма // Известия Уральского федерального университета. Сер. 2: Гуманитарные науки. 2015. № 4. С. 157–170.
- Шаманаев 2016 — *Шаманаев А. В.* Вывоз из Крыма археологических находок за рубеж в XVIII — начале XX века: перспективы исследования проблемы // Ученые записки Крымского федерального университета. Исторические науки. 2016. Т. 2. № 2. С. 163–173.
- Шевченко 2014 — *Шевченко І.* Україна між Сходом і Заходом. Львів: УКУ, 2014.
- Cross 2014 — *Cross A.* In the lands of the Romanovs: An annotated bibliography of first-hand English language accounts of the Russian Empire (1613–1917). Cambridge: Open Book Publishers, 2014.
- Dickinson 2002 — *Dickinson S.* Russia's first "Orient": characterizing the Crimea in 1787 // *Kritika*. 2002. Vol. 3. No 1. P. 3–25.
- Gazley 1956 — *Gazley J. G.* The reverend Arthur Young, 1769–1827: traveller in Russia and farmer in the Crimea // *Bulletin of the John Rylands Library*. 1955–1956. Vol. 38. P. 360–405.
- Parkinson 1971 — *Parkinson J.* A tour of Russia, Siberia and the Crimea. 1792–1794. London: Frank Cass, 1971.

References

- Adadurov, V. V., 2017. *Voina tsivilizatsii. Sotsiokul'turnaia istoriia russkogo pokhoda Napoleona* [The war of civilizations: a socio-cultural history of Napoleon's Russian campaign]. Vol. 1. Kiev: Laurus.
- Cross, A., 2014. *In the lands of the Romanovs: An annotated bibliography of first-hand English-language accounts of the Russian Empire (1613–1917)*. Cambridge: Open Book Publishers.
- Dickinson, S., 2002. Russia's first "Orient": characterizing the Crimea in 1787. *Kritika*, 3/1, pp. 3–25.
- Durkheim, É., 2019. *Elementarnye formy religioznoi zhizni* [The elementary forms of the religious life]. Moscow: Delo.
- Filiushkin, A., 2011. *Kak Rossiia stala dlia Evropy Aziei?* [How Russia became Asia for Europe?]. *Izobretenie imperii: iazyki i praktiki* [Inventing empire: languages and practices]. Moscow: Novoe izdatel'stvo, pp. 10–48.
- Formozov, A. A., 2000. *Pushkin i drevnosti* [Pushkin and antiquities]. Moscow: Iazyki russkoi kul'tury.
- Gazley, J. G., 1956. The reverend Arthur Young, 1769–1827: traveller in Russia and farmer in the Crimea. *Bulletin of the John Rylands Library*, 38, pp. 360–405.
- Gibadullin, M. Z., Aiupov, A. A., Nurieva, A. R., Shagimardanov, A. R., 2016. *Predprinimatel'stvo i islam: rossiiskii istoricheskii opyt* [Business and Islam: Russian historical experience]. Kazan: Kazanskii universitet.

- Khrapunov, N. I., 2017. Mangupskoe gorodishche v trudakh puteshestvennikov kontsa 19 — nachala XIX v.: issledovaniia i illiuzii [The ancient town of Mangup in travelogues from the late eighteenth and early nineteenth century: researches and illusions]. *Materialy po arheologii, istorii i etnografii Tavrii* [Materials in archaeology, history, and ethnology of Tauria], 22, pp. 412–433.
- Khrapunov, N. I., 2018a. “Vostok v Evrope”: Krym posle prisoedineniia k Rossiiskoi imperii glazami inostrantsev [“Orient in Europe”: the Crimea after its joining to Russia as viewed by foreigners]. *Novoe proshloe / The New Past*, 1, pp. 63–78.
- Khrapunov, N. I., 2018b. Krymskie drevnosti glazami zapadnoevropeiskikh puteshestvennikov kontsa 18 — nachala 19 v. [Crimean antiquities through the eyes of Western European travelers ca. 1800]. *Vestnik Rossiiskogo fonda fundamental'nykh issledovaniĭ: Gumanitarnye i obshchestvennye nauki* [Russian Foundation for Basic Research Journal: Humanities and Social Sciences], 2, pp. 21–33.
- Khrapunov, N. I., Gin'kut, N. V., 2015. Matt'yu Gatri i ego “puteshestvie” v istoriiu Kryma [Matthew Guthrie and his “travel” into Crimean history]. *Izvestiia Ural'skogo federal'nogo universiteta. Series 2: Gumanitarnye nauki* [Proceedings of the Ural Federal University, series 2: Humanities], 4, pp. 157–170.
- Koshelev, V. A., 2015. *Tavrisheskaia mifologiia Pushkina* [Pushkin's Taurida mythology]. Velikii Novgorod: Rastr.
- Neumann, I., 2004. *Ispol'zovanie “Drugogo”. Obrazy Vostoka v formirovanii evropeiskikh identichnostiĭ* [Uses of the Other. “The East” in European Identity Formation]. Moscow: Novoe izdatel'stvo.
- Orekhov, V. V., 2017. *V labirinte krymskogo mifa* [In the labyrinth of the Crimea myth]. Simferopol: Rastr.
- Orlik, V. I., ed., 1999. *Istoriia vneshnei politiki Rossii. Pervaia polovina 19 veka* [A history of Russian foreign policy: the first half of the nineteenth century]. Moscow: Mezhdunarodnye otnosheniia.
- Parkinson, J., 1971. *A Tour of Russia, Siberia and the Crimea. 1792–1794*. London: Frank Cass.
- Said, E. W., 2006. *Orientalizm* [Orientalism]. Moscow: Russkii Mir.
- Shamanaev, A. V., 2016. Vyvoz iz Kryma arheologicheskikh nakhodok za rubezh v XVIII — nachale 20 veka [Removal of archaeological finds from the Crimea abroad from the eighteenth to early twentieth century]. *Uchenye zapiski Krymskogo federal'nogo universiteta. Istoricheskie nauki* [Proceedings of the Crimean federal university: historical sciences], 2/2, pp. 163–173.
- Shevchenko, I., 2014. *Ukraina mizh Skhodom i Zakhodom* [Ukraine between East and West]. Lviv: UKU.
- Zemskov, V. B., 2015. *Obraz Rossii v sovremennom mire i drugie siuzhety* [The image of Russia in modern world and other plots]. Moscow: Gnozis,

Nikita I. Khrapunov

PhD, Leading Research Fellow, V.I. Vernadsky Crimean Federal University, Simferopol, Republic of the Crimea. 295007, Prospekt Vernadskogo, 4. E-mail: khrapunovni@gmail.com

The Crimea between East and West according to Late Eighteenth and Early Nineteenth Century British Travelogues

Following its annexation by Russia in 1783, the Crimea became a stage on the Western grand tour. Foreign travelogues informed their readers about the country, previously almost unknown in Europe. This paper addresses the British travelogues that played an important role in shaping notions of the Crimea and Russia's role in its history, many of which still exist today. The travellers created works of different kinds: unedited letters and journals, encyclopaedic descriptions, imagined journeys, and pseudo-correspondences. Their authors had varied levels of intelligence, motivations, and passions, intricately entwining empirical observations with stereotypes. Geographically located in Europe, the Crimea was understood as a country featuring distinctive features of the East. Its image possessed traits of paradisiacal nature, inhabited by naïve and lazy persons resembling Rousseau's utopia, with an extraordinarily rich archaeological heritage, the romantic culture of Islam, and various ethnic and religious types. The British offered plans for the establishment of Western colonists in the Crimea, as well as the development of communications, trade, agriculture, and industry. William Eton and Matthew Guthrie considered the Russian occupation of the Crimea historically progressive, which would bring prosperity and well-being to the country and its residents. However, Edward Clarke interpreted the Russians as the avatar of barbarism and developed a plan to return the peninsula to the Ottomans. Some negative stereotypes originating from his book continue nowadays and are restated in periods of aggravated relations between Russia and the West.

Keywords: travelogues, historical imagology, British-Russian cultural connections, Crimea, Russia, England, Scotland, stereotypes, images

Ольга Евгениевна Петрунина

Доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник, Институт славяноведения РАН, Москва, Россия. 119334, Ленинский проспект, 32А; профессор, исторический факультет Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова, Москва, Россия. 119991, Ломоносовский проспект, 27, корп. 4. E-mail: petrunina@narod.ru

Греки в восприятии греческих дипломатов на российской службе (на примере А. А. Мустоксиди и К. М. Базили)

Статья посвящена изучению вопроса о том, насколько национальные чувства дипломатов иностранного происхождения на российской дипломатической службе в XIX веке влияли на исполнение ими служебного долга. В качестве предмета исследования были избраны два дипломата греческого происхождения: А. А. Мустоксиди (1786–1861) и К. М. Базили (1809–1884), много лет служившие консулами в Македонии и Сирии — многонациональных областях Османской империи, где интересы греческого населения пересекались с интересами других народов. Изучение их собственных впечатлений о греках, оценка их служебной деятельности современниками и позднейшими исследователями позволяют сделать вывод о том, как отношение к соплеменникам влияло на их деятельность. Стремясь по долгу службы отстаивать интересы России в своем регионе, они в то же время не могли преодолеть вполне естественных симпатий к соплеменникам. Это обстоятельство не противоречило государственным интересам России в 1830-е годы, поскольку в это время национальные движения других подвластных султану народов еще не соперничали с греческим и консулы должны были оказывать покровительство христианам, невзирая на их этническую принадлежность. Однако ближе к середине столетия ситуация стала меняться. В условиях, когда национальные движения балканских славян и ближневосточных арабов набирали силу и все более привлекали внимание российского государства и общества, национальные чувства консулов-греков начали вступать в противоречие с приоритетными установками российской внешней политики.

Ключевые слова: внешняя политика России, иностранцы на российской службе, К. М. Базили, А. А. Мустоксиди, национальные движения на Балканах, новогреческие исследования

Статья подготовлена при финансовой поддержке РФФИ в рамках проекта «Россия и Антиохийский патриархат в XVIII-начале XX вв.», № 19-09-41004.

DOI 10.31168/4469-1767-9.07

В XIX столетии на российской дипломатической службе было много лиц иностранного происхождения. Особенно много иностранцев было в самом многочисленном по штатам посольстве в Константинополе: служба в многонациональной Османской империи диктовала необходимость иметь обширный штат переводчиков (драгоманов)¹. В последней четверти XVIII в. началось создание сети российских консульских учреждений в Османской империи, 1831 г. открылась российская миссия в только что освободившемся от власти султанов Греческом королевстве — везде необходимы были дипломаты со знанием местных языков. В это время в российском МИД уже осознали необходимость целенаправленной языковой подготовки будущих дипломатов: помимо Лазаревского училища, в 1823 г. было открыто Учебное отделение восточных языков при Азиатском департаменте МИД. Однако качество подготовки выпускников первое время оставляло желать лучшего. Как писал в своей автобиографии служивший в 1833–1837 гг. генеральным консулом в Египте Александр Осипович Дюгамель, в Египет его сопровождал переводчик, «который, хотя и воспитывался в Петербургском институте восточных языков, но не говорил ни по-турецки, ни по-арабски, и потому был для меня вполне бесполезен»². В такой ситуации в дипломатических представительствах в Османской империи и в Греции оставались востребованы традиционно занимавшие в них различные должности левантинцы и греки.

Уже современники задавались вопросом: насколько в их деятельности государственные интересы России доминировали над интересами личными и национальными? Этот вопрос был тем более обоснован, когда дипломаты-инородцы служили в тех странах, где жили их соплеменники.

Задолго до того, как на свою службу их привлекла Россия, константинопольские греки-фанариоты³ нашли себе применение в османском государственном аппарате. С самого начала своего существования Османская империя ориентировалась на арабско-персидскую государственно-правовую традицию, поэтому в учебных заведениях, где велась подготовка государственных служащих, изучались

¹ Кудрявцева 2010: 104–105.

² Дюгамель А. О. Автобиография // Русский архив. 1885. Т. 4. С. 512.

³ В столичном квартале Фанар находилась резиденция Константинопольского патриарха — духовно-административный центр православного населения империи.

исключительно восточные языки. Но в связи с начавшимся кризисом империи, ее первыми военными поражениями в войнах с европейцами, необходимостью заключать торговые договоры с европейскими государствами Высокая Порта ощутила потребность в переводчиках. Поступая на службу простыми драгоманами, греки постепенно занимали посты великого драгомана (министра иностранных дел по европейскому направлению) и драгомана флота (фактически губернатора Архипелага), добивались назначения на посты господарей Молдавии и Валахии. Занимая высокие должности, они, по меткой оценке известного дипломата и востоковеда Матвея Авелевича Гамазова, «как домашним хозяйством своим распоряжались политикой империи»⁴. Ему же принадлежит важное замечание, раскрывающее степень лояльности высокопоставленных фанариотов в отношении Порты:

Высокое положение этих замечательных людей, кредит, которым они пользовались в Порте, <...> богатства, приобретавшиеся ими на драгоманской службе и в княжествах, незаметно для них самих и как бы против их воли подготовили почву для возрождения греческой национальности, а с тем вместе и освобождение Греции. Я сказал: против их воли, так как многие из них слишком дорожили своим положением, чтобы действовать в противность интересам господ своих⁵.

Не всегда, однако, константинопольские греки выступали «запазушными врагами» (выражение прибывшего в Константинополь в 1700 г. Петра Андреевича Толстого)⁶ против воли. Так, в период Кандийской (Критской) войны (1645–1669) они вполне сознательно доносили русскому посольству ценные сведения о планах Порты, состоянии османской армии и пр.⁷

Такая позиция не могла восприниматься османскими властями иначе, как предательство, за которое не успевшим вовремя бежать за границу приходилось расплачиваться головой. В России таких беженцев охотно принимали и давали возможность поступить на государственную службу. Так, после русско-турецкой войны

⁴ Гамазов М.А. Драгоман. Из записок старого дипломата // Русский архив. 1886. Т. 9. С. 205.

⁵ Там же.

⁶ Устрялов Н.Г. История царствования Петра Великого. СПб.: [б.и.], 1863. Т. 4. Ч. 1. С. 323.

⁷ Флоря 1996: 174–187.

1806–1812 гг. в Россию бежал молдавский господарь Константин Ипсиланти со своим окружением. Его сын Александр избрал карьеру военного, участвовал в войне с Наполеоном, дослужился до генеральского чина и, наконец, возглавил антитурецкое восстание греков. Дети ближайших сотрудников К. Ипсиланти Антона Катакази и Эммануила Персиани тоже были приняты на российскую службу. Гавриил Катакази и Иван Персиани вместе служили в российской миссии в Афинах в качестве посланника и первого секретаря соответственно⁸.

С социально-политическими потрясениями на родине связано поступление на русскую службу Ангела Арсеньевича (Анжело) Мустоксиди (1786–1861), который многие годы представлял российские интересы в Македонии. Он происходил из аристократической семьи с Ионических островов, которые несколько столетий принадлежали Венеции, в конце XVIII — начале XIX в. пережили французскую оккупацию, затем российский протекторат и, согласно Тильзитскому договору, вновь вернулись под власть Франции. А. А. Мустоксиди начал свою карьеру во время российского протектората (1799–1807), в 1805 г. поступил на российскую службу. Далеко не все иностранцы на российской службе переходили в российское подданство, Мустоксиди его принял только в 1845 г. С 1830 г. до своей смерти он служил вице-консулом, затем консулом в Салониках⁹, многонациональном городе, который был родным для греков, болгар, турок, евреев-сефардов, влахов. До греческой национально-освободительной революции 1821 г. греки не были господствующим этносом в Салониках, они доминировали в некоторых других городах Македонии: Наусе, Серрах, Меленико (Мелнике). Сельское население часто вообще не задумывалось о своей национальной идентификации: Ион Драгумис, служивший вице-консулом Греции в Битоле (Монастире) в начале XX в., отмечал, что даже тогда многие крестьяне могли определить только свою конфессиональную принадлежность¹⁰. В 1822 г. турки провели в Македонии карательную экспедицию, направленную против греческих повстанцев. Понадобилось не менее полувека, чтобы численность греческого населения Салоник достигла прежней отметки.

⁸ Петрунина 2008: 84–96; Мисюревич 1997.

⁹ Служебная карьера Мустоксиди описана в: Fray 2008: 20–21.

¹⁰ Драγούμης 1994: 23, 107.

Определенную роль в возрождении греческого элемента в Македонии сыграл российский консул. Он оказывал всевозможную помощь и покровительство соотечественникам, чем также содействовал повышению авторитета России среди них. Мустоксиди знал несколько иностранных языков и мог свободно общаться с местным населением, османскими властями, российскими инстанциями. Он поддерживал отношения с местной интеллигенцией, духовенством, купечеством. Мустоксиди оказывал покровительство и содействие греческому консулу в Салониках Феодоросу Валианосу (1835–1841). Валианос, российский грек из Таганрога, получил военное образование в России, но затем перешел на службу королю Греции¹¹. Валианос настолько явно поддерживал греческое партизанское движение, особенно во время Восточного кризиса 1839–1841 гг., что, после протестов со стороны Порты, греческое правительство было вынуждено его отозвать¹².

То обстоятельство, что Мустоксиди поддерживал именно греческое население, в 1830–1840-е гг. не вызывало беспокойства в России. В конце 1820-х — начале 1830-х гг. активно поддерживали греческое население и другие российские дипломаты греческого происхождения — переводчик консульства в Патрах, затем консул в Афинах (с 1831 г.) Иоаннис Папарригопулос, консул в Патрах Иоаннис Калоракис¹³.

Американский исследователь Люсьен Фрери высоко оценивает деятельность Мустоксиди и в последующие годы, считая его эффективным защитником российских интересов¹⁴. Однако первый российский консул в Битоле Михаил Александрович Хитрово (1860–1864), а также изучавшая его деятельность современная исследовательница Марина Михайловна Фролова далеки от такой оценки. После Крымской войны Мустоксиди был уже очень пожилым человеком, что не могло не сказаться на его активности. Кроме того, в этот период интересы России предполагали оказание покровительства балканским славянам, что шло вразрез с греческими национальными чувствами российского консула. В частности, по его недосмотру болгарское население города Кукуш (греч. Килкис) едва не перешло

¹¹ О нем см.: Vakilopoulos 1988: 23–25.

¹² Папулидис 1999: 47.

¹³ Fray 2013: 50–56.

¹⁴ Fray 2008: 24–25.

в унию с Римом¹⁵. Как отметил М. А. Хитрово, «нельзя ожидать полезной деятельности от русского консула-грека в стране славянской»¹⁶.

Очень теплые чувства к соплеменникам испытывал другой греческий дипломат на российской службе — Константин Михайлович Базили (1809–1884). Уроженец Константинополя, он был вынужден бежать в Россию после начала греческой национально-освободительной революции 1821 г. Здесь трудолюбивый молодой грек получил образование, позже был принят на дипломатическую службу: в 1830 г. молодой человек был назначен секретарем по дипломатической части при адмирале Петре Ивановиче Рикорде, командовавшем российской эскадрой в греческих водах. В 1833 г. вместе с эскадрой Базили вернулся в Россию. После нескольких лет службы внутри страны он был назначен консулом, затем генеральным консулом в Сирии и Палестине (1839–1853). Наконец, после Крымской войны Базили представлял Россию в международной комиссии, определявшей новое устройство Молдавии и Валахии. На всех этих должностях ему приходилось иметь дело с соплеменниками и их интересами: в начале 1830-х гг. на глазах у Базили шел процесс складывания независимого греческого государства, в Сирии и Палестине ему приходилось иметь дело с греческим духовенством, засильем которого были все более недовольны местные арабы, власти Дунайских княжеств после Крымской войны были решительно настроены на конфискацию богатейших имений восточных (то есть греческих) церковных учреждений.

О том, как национальные чувства Базили соединялись в нем со служебным долгом, можно судить по отзывам о нем современников, его собственным консульским донесениям, и во многом на них основанным опубликованным сочинениям. Во время своего путешествия с эскадрой П. И. Рикорда по греческим землям и Османской империи Базили составил пространные путевые заметки, где, помимо обычных для того времени экскурсов в древнегреческую историю и мифологию, изложил свои впечатления о современном состоянии греков¹⁷. За многие годы службы в Сирии и Палестине наблюдатель-

¹⁵ Фролова 2015: 41.

¹⁶ Цит. по: Фролова 2015: 42.

¹⁷ *Базили К. М.* Архипелаг и Греция в 1830–1831 годах. СПб., 1834. Ч. 1–2; *Он же.* Очерки Константинополя. СПб., 1835. Ч. 1–2; *Он же.* Босфор и новые очерки Константинополя. СПб., 1836. Ч. 1–2.

ный дипломат получил множество сведений о самых разных сторонах местной жизни, которые описал в отдельном сочинении¹⁸.

В своем описании путешествия по малоазийскому побережью Османской империи и получившим независимость греческим землям молодой Базили часто сравнивал соплеменников с другими народами, и сравнение всегда выходило не в пользу последних. Так, гречанки многонациональной Смирны одеты со вкусом и красивы лицом, чего нельзя сказать о представительницах «франкской касты», которые, «к тому же, приняли все неприятные привычки Леванта: жуют несносный мастик¹⁹ и сидят на диванах, поджавши одну ногу и выставив другую»²⁰. О внешности турчанок любознательному греку составить представление не удалось: их лица всегда закрыты покрывалами. Турки-мужчины Базили были неприятны, особенно военные. «Меня поразила неопрятность офицеров и уродливость солдат и их нищенство», — писал он²¹. Свое эстетическое восприятие греков и турок Базили приписывал самому султану Махмуду, рассказывая анекдот о том, как султан выбирал себе садовников из числа греков, поскольку их «физиономии были благовиднее»²². В противоположность трудолюбивым и законопослушным грекам Пелопоннеса населявшие о. Порос албанцы были ленивы, «потеряв первобытную живость албанского племени, они только сохранили его дикий нрав»²³. Недостаток образования левантинцев в глазах Базили выглядел грубостью, но грекам он его легко прощал: идеальный, в описании Базили, глава независимой Греции Иоаннис Каподистрия «погречески выражался <...> не совсем свободно, но с приятностью»²⁴.

Интересно, что в начале 1830-х гг. Базили, как и многие менее образованные его соплеменники, рассматривал греков не как цельный

---

¹⁸ *Базили К. М.* Сирия и Палестина под турецким правительством в историческом и политическом отношениях. Одесса: в типографии Л. Нитче, 1862. Ч. 1–2. Далее цитируется по переизданию: *Базили К. М.* Сирия и Палестина под турецким правительством в историческом и политическом отношениях. М.: Мосты культуры, 2007.

¹⁹ *Мастика* — смола мастикового дерева (*Pistacia lentiscus*). Традиционно ее жевали женщины для освежения полости рта и отбеливания зубов. В османское время мастика ценилась на вес золота.

²⁰ *Базили К. М.* Архипелаг. Ч. 1. С. 52–53.

²¹ Там же. С. 60.

²² *Базили К. М.* Сирия и Палестина. С. 124.

²³ *Базили К. М.* Архипелаг. Ч. 1. С. 83.

²⁴ Там же. С. 146–147.

национальный организм, а как совокупность родственных, но не идентичных народов. Ионийцы (жители средиземноморского побережья Турции) отличаются от морейских (пелопоннесских) греков; на каждом из островов проживает отдельный греческий народ со своими традициями, обычаями, иногда и языковыми особенностями.

Этот традиционный для греков «местный патриотизм» сочетался с осознанием принадлежности к единой православной общности, где конфессиональный идентификатор еще превалировал над национальным. Такая ситуация объяснялась известной особенностью государственно-политического устройства Османской империи, идентифицировавшей своих подданных по конфессиональному признаку²⁵, наднациональным в своей основе характером православия, недостаточной зрелостью греческого национального самосознания.

Со временем у Василия сложилось восприятие греков как единой нации: во время службы в Сирии ему приходилось иметь дело с греками, происходившими из разных областей, но следовавшими общим стандартам поведения в инонациональной среде, где они находились в меньшинстве. В книге Василия о Сирии и Палестине все соплеменники уже называются греками и не имеют между собой культурных различий. Однако симпатий автора они не утратили. Как и прежде, они — лучшие в сравнении с другими народами. Лишь однажды автор отдал пальму первенства армянам, превзошедшим греков по части хозяйственной организации²⁶.

Но в целом, по мнению Василия, греки были более способны к церковному управлению и менее склонны к злоупотреблениям, чем арабы, поэтому эллинизацию ближневосточных Церквей он считал благом²⁷. Антиохийская и Иерусалимская патриархия на страницах его книги постоянно называются греческими Церквями. Даже то обстоятельство, что вплоть до современника Василия патриарха Иерусалимского Кирилла II (1845–1872) все главы Иерусалимской церкви

²⁵ «В Турции гражданское управление как владетельного, так и подвластных народов, основано на религиозном их разделении. Народом называется здесь совокупность всех подданных империи одного исповедания. Таким образом, турецкое название греков, *рум*, — равно присвоено и сербам, и болгарам, и малоазийским грекам, и православным арабам, словом, всем подданным православного исповедания, которых политическим представителем у Порты служит Вселенский патриарх» (*Василий К. М.* Сирия и Палестина. С. 310.).

²⁶ Там же. С. 408.

²⁷ Там же. С. 351.

постоянно жили в Константинополе и не бывали в Иерусалиме²⁸, российский генеральный консул в Сирии оценивал позитивно: он утверждал, что присутствие патриархов в столице империи было необходимо для охранения прав Церкви²⁹. Взяв в свои руки церковное управление в Антиохийской и Иерусалимской патриархиях, греки, по мнению Базили, стали активными и успешными борцами за интересы православия: им, а не арабам удалось вытеснить католиков и армян с некоторых захваченных последними позиций в Святых местах. Рассуждая о доходах и благосостоянии этих двух Церквей, Базили полностью оправдывает наличие у них обширных имений в Молдавии и Валахии. Желание местных правительств конфисковать эти имения Базили приписывает расточительству и жадности нового поколения местных бояр³⁰. Такова позиция будущего члена международной комиссии по устройству этих княжеств после Крымской войны. Монастырский вопрос (вопрос о судьбе имений восточных Церквей) был одним из наиболее острых в ходе работы комиссии.

Национально-политическое сознание греков было более развитым, чем арабское, считал Базили. Именно это обстоятельство, по его мнению, обеспечило грекам поддержку России и других европейских держав в их борьбе за независимость. Арабы Османской империи далеко отставали в этом от греков³¹. Вообще, все, за что можно похвалить население Сирии, вплоть до европейских черт лица горожан, Базили приписывает греческому влиянию³². В этом плане его представления о греческой нации близки популярной сто лет назад³³ и сохранившейся до сих пор³⁴ теории о том, что все православные жители Ближнего Востока — потомки древних эллинов, утратившие

---

²⁸ Кирилл II высказал намерение постоянно жить в Иерусалиме, но вскоре «под разными предлогами, переехал на жительство в Константинополь. По крайней мере, он навещает от времени до времени престол». См.: Там же. С. 357.

²⁹ Там же. С. 353.

³⁰ Там же. С. 358–359.

³¹ Там же. С. 201.

³² Там же. С. 309.

³³ Эта концепция была сформулирована одним из крупнейших греческих историков того времени П. Каролидисом: Καρολίδης Π. Περὶ τῆς ἐθνικῆς καταγωγῆς τῶν ὀρθόδοξων χριστιανῶν τῆς Συρίας καὶ Παλαιστίνης. Ἐν Αθήναις: Π. Δ. Σακελλαρίου, 1909.

³⁴ См., например, одну из последних работ, где высказывается этот тезис: Στόικου 2008: 33–34. Как и большинство греческих историков, автор полагает, что арабский вопрос сам по себе не существовал, а был выдуман начальником Русской духовной миссии в Иерусалиме архимандритом Порфирием (Успенским).

греческий язык и историческую память. Книга Базили о Сирии и Палестине писалась в середине XIX столетия, когда противоречия между греками и арабами в сфере церковного управления на Востоке уже вышли на поверхность и были хорошо известны в России. Но Базили как будто бы их не замечал.

Несмотря на очевидные симпатии к соплеменникам, К. М. Базили имел прекрасную репутацию в России: «отличный консул наш г. Базили», — писал о нем известный церковно-общественный деятель Андрей Николаевич Муравьев³⁵. Как справедливо отмечает И. М. Смилянская, дом российского консула в Бейруте был настоящим культурным центром сирийской православной общины. И хотя собирался в нем небольшой круг образованных греков, сам консул коллекционировал арабские рукописи и стал одним из первых российских арабистов³⁶. По мнению некоторых исследователей, российское генеральное консульство в Бейруте под руководством К. М. Базили координировало всю политическую деятельность России на Ближнем Востоке³⁷.

Базили внимательно следил за развитием межэтнических и межконфессиональных отношений в Сирии и отстаивал интересы православной Церкви, но старался не вступать при этом в конфликты со своими соплеменниками и не покушался на их традиционные привилегии в Палестине. В ряде случаев, как вполне обоснованно указывал Н. Н. Лисовой, позиция Базили расходилась с установкой российского МИД на поддержку арабского большинства в Иерусалимской и Антиохийской патриархиях³⁸. Этим объясняется достаточно спокойное к нему отношение со стороны местных греков. Напротив, всевозможные нападки греков вызывала деятельность основанной в 1847 г. Русской духовной миссии в Иерусалиме во главе с архимандритом Порфирием (Успенским), разоблачавшим злоупотребления со стороны греческого духовенства³⁹.

³⁵ Письмо А. Н. Муравьева к патриарху Антиохийскому Иерофею, 1 января 1851 г. // Россия в Святой Земле. Документы и материалы / подг. изд. Н. Н. Лисового. М.: Индрик, 2015. Т. 1. С. 127.

³⁶ Смилянская 2007: 7, 17.

³⁷ Horwood 1969:15–16.

³⁸ Россия в Святой Земле. С. 718.

³⁹ Παλαδόπουλος Χ. Ἱστορία τῆς Ἐκκλησίας Ἱεροσολύμων. Ἐν Ἱεροσολύμοις καὶ Ἀλεξανδρείᾳ: Πατριαρχικὸν τυπογραφεῖον Ἀλεξανδρείας, 1910. Σ. 699–712.

Мы рассмотрели две фигуры дипломатов греческого происхождения на российской службе, длительное время занимавших консульские посты в Османской империи. Переход на российскую службу не означал для них утраты греческих корней. Стремясь по долгу службы отстаивать интересы России в своем регионе, они в то же время не могли преодолеть вполне естественных симпатий к соплеменникам. Это обстоятельство не вступало в противоречие с интересами России в 1830-е гг., поскольку в это время национальные движения других подвластных султану народов еще не соперничали с греческим. Однако ближе к середине столетия ситуация стала меняться. В условиях, когда национальные движения балканских славян и ближневосточных арабов набирали силу и все более привлекали внимание российского государства и общества, консулы-греки в этих областях постепенно превращались в тех самых «наемных чужеземцев», которым, как писал Порфирий (Успенский), нельзя было доверять⁴⁰.

Литература

- Кудрявцева 2010 — *Кудрявцева Е. П.* Русские на Босфоре: российское посольство в Константинополе в первой половине XIX века. М.: Наука, 2010.
- Мисюрович 1997 — *Мисюрович О. Е.* Становление национального государства в Греции: «русская партия» в 1837–1844 гг. М.: Диалог-МГУ, 1997.
- Папулидис 1999 — *Папулидис К.* К вопросу о деятельности греков, служивших в МИД Российской империи в XVIII–XIX вв. // Греческая культура в России XVII–XX вв. / отв. ред. Г. Л. Арш. М.: Институт славяноведения РАН, 1999. С. 44–50.
- Петрунина 2008 — *Петрунина О. Е.* 50 лет на службе России: портрет российского дипломата XIX в. И. Э. Персиани // Вестник Московского университета. Сер. 21. Управление (государство и общество). 2008. № 1. С. 84–96.
- Смилянская 2007 — *Смилянская И. М.* Предисловие // Базили К. М. Сирия и Палестина под турецким правительством в историческом и политическом отношениях. М.: Мосты культуры, 2007. С. 7–21.
- Флоря 1996 — *Флоря Б. Н.* Россия, стамбульские греки и начало Кандийской войны // Славяне и их соседи. Греческий и славянский мир в средние века и раннее новое время. Вып. 6. М.: Наука, 1996. С. 174–187.

---

⁴⁰ *Порфирий (Успенский)*. Книга бытия моего. Дневники и автобиографические записки епископа Порфирия Успенского. Т. VII. Часть 1854 года и годы 1855, 1856, 1857, часть 1858 и годы 1859, 1860 и часть 1861-го. СПб.: Императорская Академия наук, 1901. С. 348–352.

- Φρόλοβα 2015 — Φρόλοβα Μ.Μ. Μ.Α. Χιτρόβο — πέρβυ ρúσκιυ κονσúλ β Μακεδονίη // Σλαβιανσκιυ αλμáναχ. 2015. Βύπ. 3–4. Σ. 38–56.
- Frary 2008 — Frary L. Russian interests in nineteenth-century Thessaloniki // *Mediterranean Historical Review*. Vol. 23. No. 1. June 2008. P. 15–33.
- Frary 2013 — Frary L. Russian consuls and the Greek war of independence (1821–1831) // *Mediterranean Historical Review*. 2013. Vol. 28. No. 1. P. 46–65.
- Hopwood 1969 — Hopwood D. *The Russian presence in Syria and Palestine 1843–1914: Church and politics in the Near East*. Oxford: Clarendon Press, 1969.
- Vakalopoulos 1988 — Vakalopoulos K. *Modern history of Macedonia (1830–1912), from the birth of the Greek state until the Liberation*. Thessaloniki: Barbounakis, 1988.
- Δραγούμης 1994 — Δραγούμης Ι. Μαρτύρων και Ηρώων αίμα [Κρúβη μύчениκúν ι ηρωεύ]. Θεσσαλονίκη: Ρηγόπουλος, 1994.
- Στόϊκού 2008 — Στόϊκού Ε. Όψεις του εθνοφυλετισμού των ορθοδόξων Αράβων από τα μέσα του 19ου αιώνα έως τον Α΄ Παγκόσμιο πόλεμο [Άσπεκτύ εθνοφιλετισμá πρúσλαβνύχ αράβúν σ μερédινη ΧΙΧ β. δú Πέρβυ μύρωβυ βούηνυ]. Μεταπτυχιακή διπλωματική εργασία. Θεσσαλονίκη: Αριστοτέλειú Πανεπιστήμιο Θεσσαλονίκης, 2008.

References:

- Dragoúmes, I., 1994. *Martýrōn kai Ērōōn aíma* [The blood of martyrs and heroes]. Thessaloniki: Rēgōpoulos.
- Floria, B.N., 1996. Rossiia, stambulskie greki i nachalo Kandiiskoi voiny [Russia, the Istanbul Greeks and the beginning of the Kandian War]. In: *Slaviane i ikh sosedi. Grecheskii i slavianskii mir v srednie veka i rannee novoe vremia*, 6, Moscow: Nauka, pp. 174–187.
- Frary, L., 2008. Russian interests in nineteenth-century Thessaloniki. *Mediterranean Historical Review*, 23 (1), pp. 15–33.
- Frary, L., 2013. Russian consuls and the Greek war of independence (1821–1831). *Mediterranean Historical Review*, 28 (1), pp. 46–65.
- Frolova, M.M., 2015. M.A. Khitrovo — pervyi russkii konsul v Makedonii [M.A. Hitrovo — the first Russian consul in Macedonia (1860–1864)]. *Slavianskii almanakh*, 3–4, pp. 38–56.
- Hopwood, D., 1969. *The Russian Presence in Syria and Palestine 1843–1914: Church and Politics in the Near East*. Oxford: Clarendon Press.
- Kudriavtseva, E. P., 2010. *Russkie na Bosfore: rossiiskoe posolstvo v Konstantinopole v pervoi polovine 19 veka* [Russians on the Bosphorus: Russian embassy in Constantinople in the first half of the nineteenth century]. Moscow: Nauka.
- Misiurewicz, O. E., 1997. *Stanovlenie natsionalnogo gosudarstva v Gretsii: “russkaiia partiia” v 1837–1844 gg.* [Formation of the national state in Greece: “Russian party” in 1837–1844]. Moscow: Dialog-MGU.

- Papoulidis, C., 1999. K voprosu o deiatelnosti grekov, sluzhivshikh v MID Rossiiskoi imperii v 18–19 vv. [To the question of the activities of the Greeks who served in the Foreign Ministry of the Russian Empire in the eighteenth and nineteenth centuries]. In: Arsh, G. L., ed., 1999. *Grecheskaia kultura v Rossii XVII–XX vv.* Moscow: Institut slavianovedeniia RAN, pp. 44–50.
- Petrulina, O. E., 2008. 50 let na sluzhbe Rossii: portret rossiiskogo diplomata 19 v. I. E. Persiani [50 years in the Russian service: a portrait of a nineteenth-century Russian diplomat I. E. Persiani]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Ser. 21. Upravlenie (gosudarstvo i obshchestvo)*, 1, pp. 84–96.
- Smilianskaia, I. M., 2007. Predislovie [Preface]. In: Basili, C. M., 2007. *Siriia i Palestina pod turetskim pravitelstvom v istoricheskom i politicheskom otnosheniakh.* Moscow: Mosty kul'tury, pp. 7–21.
- Stoikou, E., 2008. *Ópseis tou ethnophyletismou tōn orthodoxōn Arabōn apó ta méssa tou 19ou aiōna éōs ton A' Pankósmio pólemo. Metaptychiaké diplōmatiké ergasía* [Aspects of ethnophyletism of Orthodox Arabs from the mid-nineteenth century to World War I]. Master's Dissertation. Thessaloniki: Aristotle University of Thessaloniki.
- Vakalopoulos, K., 1988. *Modern History of Macedonia (1830–1912), from the birth of the Greek state until the liberation.* Thessaloniki: Barbounakis.

Olga Ye. Petrunina

Dr. Sc., Leading Research Fellow, Institute of Slavic Studies, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia. 119334, Moscow, Leninsky Prospekt, 32A; Professor, Faculty of History, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia. 119991, GSP-1, Lomonosovsky Prospekt, 27/4. E-mail: petrunina@narod.ru

Greeks as perceived by Greek diplomats in the Russian service (using the examples of A. Mustoxidi and C. Basili)

The paper deals with the problem of whether the national feelings of diplomats of foreign origin in the Russian diplomatic service in the nineteenth century influenced their performance of their duties. Two diplomats of Greek origin were selected as subjects of research: Angelo Mustoxidi (1786–1861) and Constantine Bazili (1809–1884), who served for many years as consuls in Macedonia and Syria, which were multi-ethnic areas of the Ottoman Empire, where the interests of the Greek population overlapped with the interests of other peoples. The study of their own impressions of the Greeks, the assessment of their work activities by contemporaries and later researchers suggest how their attitudes towards their compatriots influenced their activities. Striving to do their duty to defend the interests of Russia in their region, they could not overcome quite natural sympathies for their compatriots. This did not contradict the state interests of Russia in the 1830s, since at that time the national movements of the Sultan's other Christian subjects did not compete with the Greeks, and the consuls were supposed to patronize Christians regardless of their ethnicity. However, towards the middle of the century the situation began to change. As the nationalist movements of the Balkan Slavs and Middle Eastern Arabs were gaining strength and were increasingly attracting the attention of the Russian state and society, the national feelings of the Greek consuls began to conflict with the priorities of Russian foreign policy.

Keywords: Russian foreign policy, foreign diplomats in the Russian service, C. Basili, A. Mustoxidi, Balkan nationalisms, modern Greek studies

Александр Сергеевич Стыкалин

Кандидат исторических наук., ведущий научный сотрудник,
Институт славяноведения РАН, Москва, Россия. 119334, Ле-
нинский проспект, 32А. E-mail: zhurslav@gmail.com

Межэтнические трения в Трансильвании конца XIX — начала XX в. глазами русских наблюдателей

Преобразование в 1867 г. Австрийской империи в двуединую Австро-Венгерскую монархию сопровождалось попыткой нивелировать специфику имевшей собственную длительную государственную традицию Трансильвании, растворив ее среди других земель венгерской короны. Это вызвало противодействие усиливавшегося с каждым новым десятилетием румынского национального движения в этом крае. Превращение его в мощный центробежный фактор, угрожающий целостности Дунайской державы, не могло не стать предметом пристального внимания российской дипломатии, в том числе в королевской Румынии, где вопрос о положении трансильванских румын занимает все более существенное место в политической повестке дня. В статье на основе архивных и опубликованных источников показано, как русские наблюдатели (прежде всего дипломаты, служившие в Бухаресте) на рубеже XIX–XX вв. описывали не только сложные межэтнические отношения в Трансильвании, но и отношение политической элиты и общественного мнения королевской Румынии к положению трансильванских румын, подданных соседней монархии Габсбургов. Автор приходит к выводу о том, что взгляд извне, брошенный на край, мало связанный с Россией, позволял тем не менее подойти с неожиданной стороны и к осмыслению актуальных для Российской империи вопросов (в частности, бессарабского).

Ключевые слова: Трансильвания, Габсбургская монархия, австро-венгерский дуализм, венгерско-румынские противоречия, российская дипломатия, бессарабский вопрос

Статья подготовлена при финансовой поддержке РФФИ, проект «Монархия Габсбургов: новые направления в изучении экономического, социально-политического и национального развития композитарного государства Центральной Европы», № 19-59-23005.

DOI 10.31168/4469-1767-9.08

В 1867 г. Австрийская империя, к тому времени вытесненная из Северной Италии и ослабленная вследствие поражения в споре с Пруссией за право стать центром объединения германских земель, преобразуется в дуалистическую Австро-Венгерскую монархию. Соглашение явилось компромиссом Вены с наиболее мощным венгерским национальным движением, который был достигнут во многом за счет других народов полиэтничной империи. Это вызывало противодействие румын; активизировавшееся в Трансильвании¹ румынское национальное движение, заметно укрепившись к началу XX в., стало довольно мощным центробежным фактором в империи, во многом благодаря расширявшимся связям с независимым румынским государством по другую сторону Карпат.

Если умеренное крыло трансильванского румынского движения в своей программе исходило из необходимости реформирования империи с учетом интересов румын (как и других нетитульных наций), то в своих по мере углубления кризиса системы дуализма все усиливавшихся радикальных течениях это движение выступало под панрумынскими лозунгами, то есть выдвигало в качестве программы максимум объединение всех румын в одном государстве. Разумеется, этот проект мог быть реализован только на руинах монархии Габсбургов².

Российская дипломатия, в том числе в Будапеште, где после 1878 г. функционировало на постоянной основе генеральное консульство Российской империи, внимательно изучала и анализировала межнациональные трения в монархии Габсбургов как фактор, ослабляющий соседнюю державу, с которой Россия хотя и находилась в очень сложных отношениях³, но тем не менее была заинтересована в существовании ее как неотъемлемого участника «европейского концерта» и гаранта стабильности в полиэтничном Дунайско-Карпатском регионе. В 1890-е гг. немалое внимание российских дипломатов

¹ См. синтетические труды по истории Трансильвании на английском языке, подготовленные историками Румынии и, соответственно, Венгрии и отражающие методологические подходы, доминирующие в каждой из национальных историографий: Pop, Năgler, Magyari (eds) 2005–2010; Köpeczi (ed.) 2001–2002. См. также однотомный румынский обобщающий труд: Pop, Bolovan 2016.

² См. подробно: Кирилина, Стыкалин, Хаванова (ред.) 2018: 90–248.

³ Некоторое временное сближение двух держав наметилось в конце XIX в., что нашло отражение в подписании русско-австрийского договора 1897 г. Огромной силы удар по двусторонним отношениям нанес боснийский кризис 1908–1909 гг.

было приковано к находившемуся на подъеме румынскому движению Трансильвании.

В сентябре 1892 г. российская миссия в Бухаресте доносила в Петербург о приеме королем Каролем (Карлом) в своей резиденции деятеля трансильванского румынского движения А. Мочони и более того, апеллируя к некоторым источникам, обращала внимание на оказываемую из Румынии с ведома короля финансовую поддержку этому движению. В частности, посланник Н. А. Фонтон, ссылаясь на информаторов, близких Румынской культурной лиге (общественной организации, созданной в 1890 г. и занимавшейся связями с соотечественниками за пределами королевства), приволил мнение о том, что «успехами своей пропаганды в крае лига эта обязана, главным образом, негласной материальной помощи, которая оказывается будто бы из частных средств Его Величества короля»⁴. Полученные сведения, представляющие короля самым непосредственным образом «содействующим материально движению, происходящему в этой провинции», посланник, впрочем, считал довольно сомнительными ввиду явного нежелания Карла Гогенцоллерна оказаться в неприятном положении в глазах дружественного ему венского двора.

Суть дела в том, что начиная с 1883 г. Румыния находилась в союзнических отношениях с Австро-Венгрией (как и с Германией)⁵ и при существовавшем раскладе сил на международной арене ее элита была заинтересована в сохранении этого Тройственного союза, а значит в пресечении любого рода панрумынистской риторики. Официальные лица в Бухаресте последовательно стремились развеять любые возможные подозрения Петербурга в том, что правящие круги королевской Румынии хоть сколько-нибудь задумываются о превращении вопроса о положении трансильванских румын в орудие подрыва союзной Габсбургской державы. В частности, министр иностранных дел Румынии А. Лаховари не уставал заверять Фонтон в том, что Румынское королевство не может ставить свою внешнюю политику в зависимость от чаяний иностранных подданных, даже если речь идет о соплеменниках, и что «ни он, ни его политические друзья никаких видов на присоединение Трансильвании не имеют, и что даже если бы им

---

⁴ Rapoarte diplomatice ruse din România, 1888–1898. Iași: Editura Universității “Alexandru Ioan Cuza”, 2014. P. 276.

⁵ Каширин 2017а.

предложили овладеть этой провинцией, то они от нее отказались бы по многим причинам»⁶. Российская дипломатия также в это время полагала, что отдельные проявления внимания к положению трансильванских румын «не могут изменить общего направления осторожной и сдержанной политики Румынии»⁷. С другой стороны, с течением времени она то и дело фиксировала высказывания разного рода общественных деятелей (подчас весьма влиятельных) относительно неизбежного в будущем объединения всех румын в одном государстве. Это не могло не наводить на мысль о возможности постепенной корректировки официальной линии в зависимости от ситуации и о том, что некоторые лозунги, доселе считавшиеся явно несвоевременными, могут со временем быть поставлены в плоскость текущей политики.

К маю 1893 г. положение действительно осложнилось, поскольку к этому времени венгерские власти начинают судебные преследования активистов румынского национального движения в Трансильвании, привлекая огромное внимание общественного мнения королевской Румынии. За год до этого, в мае 1892 г., большая группа энтузиастов представляет венскому двору меморандум протеста против ограничений в применении румынского языка в административной и школьной сферах. В нем было не только выражено неприятие венгерской национальной политики (в том числе мадьяризации школ, дискриминации при приеме этнических румын на госслужбу), но и сформулирована развернутая программа национальной эмансипации трансильванских румын, затрагивавшая разные стороны общественной деятельности (политику, экономику, культуру). При этом документ пронизывала идея хотя и коренной, но все же эволюционной трансформации всей системы власти с учетом требований румын.

Ни на какое осуществление великорумынского национального идеала на обломках Габсбургской монархии не было ни малейшего намека, меморандисты 1890-х гг. позиционировали себя лояльными подданными империи, следовавшими уже давно (с XVIII в.) сложившейся в румынской среде Трансильвании традиции адресовать правящему дому меморандумы с выражением своих чаяний⁸. Вместе

⁶ Rapoarte diplomatice ruse din România. P. 275.

⁷ Ibidem.

⁸ О меморандистской традиции в румынском национальном движении Трансильвании см.: Maior 2008.

с тем сам факт представления меморандума в канун торжеств по случаю 25-летия системы дуализма был не случаен, акция была предпринята в расчете на отклик европейского общественного мнения, которое активисты румынского трансильванского движения надеялись сделать инструментом давления на венгров. Эта изначально избранная стратегия придать вопросу международное звучание получала импульсы и со стороны соседней Румынии, где фактически все политические круги внимательно следили за ситуацией⁹. В Бухаресте поначалу рассчитывали, что венский двор повлияет на будапештское правительство, призвав его к уступкам трансильванским румынам, однако Вена считала этот вопрос внутренним делом венгерской половины империи и в соответствии с договоренностями, легшими в 1867 г. в основу дуалистической системы, старалась не проявлять излишнего вмешательства в венгерские внутренние дела, ибо это могло бы поколебать союз двора с венгерской элитой.

Как доносил из Бухареста посланник Н. А. Фонтон министру иностранных дел Н. К. Гирсу 21 июня 1893 г., начавшиеся судебные преследования подали «повод общественному мнению к громкому проявлению сочувствия и соболезнования к тяжелой судьбе трансильванских румын и к ожесточенным нападкам на Австро-Венгрию»¹⁰. «В противность обычной своей сдержанности», даже проправительственная пресса выступила с жесткими нападками на венгерскую политику, указав, что «положение трансильванских собратьев неминуемо отзовется неблагоприятно на отношении Румынии к соседней Монархии, а тем самым неизбежно и на отношении к Тройственному союзу»¹¹. Ведь Румыния, говорилось в статье под броским заголовком «Опасная политика», «ни в коем случае не может оставаться долее в дружеских отношениях с государством, стремящимся к истреблению румынской народности, как это ныне делается в Венгрии»¹².

Еще дальше шла оппозиционная пресса, не только критиковавшая действующее правительство за недопустимые «потачки венгерцам», но и поставившая под сомнение ценность самого этого «унизительного» союза с Австро-Венгрией, лишившего

⁹ Подробнее см.: Кирилина, Стыкалин, Хаванова (ред.) 2018: 198–201.

¹⁰ Rapoarte diplomatice ruse din România. P. 285.

¹¹ Ibidem.

¹² Ibidem.

Румынию благорасположения как Франции, так и России. Само упоминание в этом контексте потенциальных пророссийских ориентаций в румынской внешней политике обратило на себя особое внимание петербургской дипломатии как совершенно новое веяние, свидетельствовавшее, впрочем, не столько о начавшихся поисках внешнеполитических альтернатив, сколько о степени возбужденности общественных настроений. Всегда довольно сдержанный в своих симпатиях к трансильванскому «румынскому делу» Лаховари, озабоченный сохранением Тройственного союза, хотя и резко выступил против предполагаемой поездки некоторых общественных активистов на съезд трансильванских румын в Сибиу, вместе с тем, комментируя в беседе с русским посланником Н. А. Фонтоном факты преследования венгерскими властями трансильванских румын, заметил, что, «если Венгрия не изменит своего образа действия по отношению к своим румынским подданным, она неизбежно создаст себе серьезные внутренние затруднения»¹³.

Последующее развитие событий еще больше обострило ситуацию. Как доносила в Петербург российская дипломатия, съезд в Сибиу, хотя и привел к принятию довольно умеренной программы действий, но:

самое горячее сочувствие <...> встретил со стороны другого народа, притесняемого венгерцами, именно словаков, и, без сомнения, сближение румын со славянским элементом Австро-Венгрии для общей борьбы с венгерцами не могло не произвести впечатления на руководящие круги Габсбургской монархии¹⁴.

Император Франц Иосиф посетил Восточную Венгрию и принял в Араде депутацию всегда лояльного венскому двору (но далеко не всегда Будапешту) румынского православного духовенства. Его поездка, по наблюдению дипломатов, «не могла не дать понять бухарестскому правительству, что не только в Будапеште, но и в Вене зорко следят за румынским ирредентизмом»¹⁵. При этом, по оценке дипмиссии, руководители румынского национального движения в Австро-Венгерской монархии, «невзирая на все его неудачи,

¹³ Ibid. P. 286.

¹⁴ Ibid. P. 289.

¹⁵ Ibid. P. 295.

не пришли, по-видимому, к сознанию, что шумные проявления им сочувствия оказывают весьма плохую услугу населяющим мадыарскую территорию румынам»¹⁶, ведь политика властей только ужесточается.

Сообщая о единении на антивенгерской платформе движений национальных меньшинств восточной половины монархии Габсбургов, петербургская дипломатия расценила это в данном случае достаточно беспристрастно, как сугубо внутреннее дело Дунайской империи. Как показывают исследования, несомненное предпочтение российской внешней политикой в этот период отдавалось сохранению статус-кво в регионе при признании возможности определенного реформирования сверху Австро-Венгерской монархии с учетом интересов всех населяющих ее, в том числе славянских, народов¹⁷. В сравнении с венгерско-славянскими противоречиями при анализе венгерско-румынских российские дипломаты в еще большей мере старались выдерживать в общем равноудаленный и довольно беспристрастный аналитический взгляд, который труднее было сохранить при освещении фактов притеснений венграми славян, например закарпатских русин на Марамарош-Сигетских судебных процессах начала XX в.¹⁸ Тем не менее и здесь не обходилось иной раз без выражения эмоций. Так, по оценке российской миссии, «полная бесправность и притеснения, претерпеваемые трансильванскими румынами от венгерских властей, не могли не вызвать сочувствия в пределах (Румынского) королевства»¹⁹. Движение солидарности с ущемляемыми соотечественниками приняло самый широкий размах, по всей стране формируются новые отделения Румынской культурной лиги, и правительству Л. Катарджиу «стоило немалого труда сдержать движение это в законных пределах»²⁰.

В сложившейся обстановке в Бухаресте в разных политических кругах довольно быстро приходят к пониманию того, что положение заграничных, трансильванских румын легко может стать картой, разыгрываемой во внутриполитической борьбе королевской Румынии в целях компрометации оппонентов и собственного успеха на выборах.

¹⁶ Ibid. P. 294–295.

¹⁷ См., в частности: Ненашева 1997.

¹⁸ Клопова 2016.

¹⁹ Rapoarte diplomatice ruse din România. P. 288.

²⁰ Ibid. P. 289.

С этих пор на долгие годы как либералы, связанные с кланом Брэтиану, так и противостоявшие им на политической арене консерваторы в ходе парламентских дебатов и в прессе то и дело обвиняют своих противников «в измене и подкупе их Австрией», «в угодливом образе их действий» или по крайней мере в равнодушии к положению соотечественников за Карпатами, рассчитывая тем самым на поддержку избирателем собственной, «более патриотичной» позиции. Предостережения осторожного Лаховари, призывавшего не преувеличивать гонений на трансильванских румын и тем более не смотреть на этот деликатный во внешнеполитическом плане вопрос «с партийной точки зрения», тонули в гуле шумной патриотической риторики. В этих условиях более отчетливо, чем ранее, проявилась, по наблюдению Н. А. Фонтана, панрумынистская тенденция: «здешние подстрекатели, мечтающие об объединении всех румын» и взявшие при этом на вооружение опубликованные высказывания действующего министра просвещения о неминуемом в будущем слиянии «всей румынской народности», преследуют «лишь тщеславные свои цели», «мало заботясь об осуществлении на деле домогательств своих собратьев»: «в видах поддержания несколько улегшейся за последнее время агитации, эти политиканы, рассчитывая на легко возбуждаемое увлечение учащейся молодежи, прибегли к ее содействию»²¹. Направленные против «образа действий будапештского правительства» речи, как отмечалось далее, способны привести «к явному возбуждению на посягательства на государственный строй соседней Монархии»²². Любые разрушительные устремления, создающие угрозу дезинтеграции Австро-Венгрии, российской дипломатией решительно не принимались, подстрекательство к внутренней дестабилизации и беспорядкам, в том числе на основе выдвижения далеко идущих национальных требований, никак не одобрялось, ибо противоречило линии на поддержку повсеместно в Европе законных правительств в случае, если те подвергались давлению разного рода антисистемных сил. Как и в 1848 г., в Петербурге существовали к тому же опасения, что проявления нестабильности в соседней державе могут перекинуться и в пределы собственной империи²³.

²¹ Ibid. P. 295.

²² Ibidem.

²³ Подробнее см.: Колин, Стыкалин 2014. Из публикаций венгерских историков по событиям революции и освободительной войны 1848–1849 гг. и роли в них Российской империи см.: Рошонци 2014, Рошонци 2018.

Лидер румынских либералов Д. Стурдза в полной мере использовал события, связанные с преследованием трансильванских меморандистов, для того чтобы добиться отставки кабинета консерваторов, обвиненных в пренебрежении правами соплеменников. Особое внимание российской миссии привлекла его попытка не только поставить трансильванский вопрос во взаимосвязь с задачами процветания Румынского королевства, но и сделать его международным наподобие польского вопроса. Поскольку в Российской империи в приграничной Бессарабской губернии проживало более 1 млн румыноязычного населения, это напрямую затрагивало геополитические интересы России. Стурдза в стенах парламента в декабре 1893 г. говорил:

[Если] один миллион бессарабских румын обрусееет, три миллиона единоплеменников обмаджарются, и один миллион румын Македонии подвергнутся эллинизму, тогда <...> национальное положение здешних румын значительно ослабеет, и если, наконец, семиградские (то есть трансильванские. — А. С.) румыны вполне будут порабощены мадьярами, тогда настанет последний час для Румынии. В интересах же великих держав <...> сохранение не только Румынского королевства, но и румынской народности²⁴.

Занявшись проведением геополитических параллелей, Стурдза указал на применимость к Румынии формулы, широко применявшейся в отношении Австрийской империи: «если бы она не существовала, ее следовало бы изобрести»²⁵. Политик, ранее стойко приверженный Тройственному союзу (в бытность министром иностранных дел он даже извинялся перед Веной за неосторожные высказывания отдельных официальных лиц Бухареста по поводу единства румынской нации поверх границ), Стурдза призывал теперь не только к жесткости в общении с Будапештом, но и (довольно демагогически) к вынесению трансильванского вопроса на обсуждение международной конференции с активным участием Румынии: по его мнению, «правительству следовало бы, по примеру князя Бисмарка на Берлинском конгрессе, выступить честным маклером и примирить будапештское правительство с семиградскими румынами», пусть даже речь идет

²⁴ Rapoarte diplomatice ruse din Romania. P. 300.

²⁵ Ibidem.

не о маклерстве между независимыми державами, а о выяснении отношений между имперским центром и подданными той же империи²⁶. Комментируя внешнеполитические инициативы Стурдзы, Фонтон приводил их как пример непомерного самолюбия румынских лидеров, заставляющего их то и дело предаваться бездельному пустословию, опасным увлечениям и тщеславным мечтаниям²⁷.

Забегая вперед, заметим, что, оказавшись позже в роли премьер-министра, Стурдза был вынужден избрать все ту же компромиссную линию при выстраивании отношений как с Веной, так и с Будапештом²⁸, что было использовано против него оппонентами и стоило ему поражения на новых выборах. В частности, весной 1899 г. был распространен компромат на Стурдзу, который, будто бы по договоренности с венгерским премьер-министром Д. Банфи (отличавшимся особой жесткостью в отношении трансильванских румын), лишил румынские школы Трансильвании средств, прежде исправно поступавших из королевской Румынии. По донесению российской миссии, в этих условиях парламентская «оппозиция, признавая дальнейшее пребывание у власти господина Стурдзы несовместимым с достоинством Рум[ынского] Королевства, обещает вести неумолимую борьбу против первого министра и прибегнуть даже к обструкционизму»²⁹. В конечном счете это привело к отставке Стурдзы, впрочем, всего через два года вновь возглавившего правительство. Активная эксплуатация трансильванского фактора во внутривнутриполитической борьбе была возможна в силу того, что в румынском обществе существовал стойкий консенсус относительно неприемлемости проводимой в Венгрии национальной политики, и любые притеснения соотечественников, живущих по другую сторону Карпат, вызывали настолько сильный отклик, что никак не могли быть проигнорированы властями.

²⁶ Ibid. P. 300–301.

²⁷ Ibid. P. 302, 306.

²⁸ Собственно говоря, и опытнейший король Кароль, доверяя в 1895 г. Стурдзе формировать новое правительство, хорошо понимал, что несмотря на весь свой критический пыл в отношении якобы слишком проавстрийской политики прежнего кабинета, оказавшись у власти, «он немедленно обнаружит программу, которая вполне удовлетворит венское правительство» (Ibid. P. 342). Это свое мнение он довел при аудиенции до австро-венгерского посла.

²⁹ См.: АВП РИ. Ф. 169/2: Миссия в Бухаресте. Оп. 511/1. Д. 101. Л. 44–49.

Это прекрасно показали не прекращавшиеся в течение 5 дней многолюдные демонстрации в Бухаресте, которые состоялись в мае 1894 г., когда из Клужа пришло известие о судебном приговоре, вынесенном меморандистам. Как доносила в Петербург российская миссия, в демонстрациях протеста против «непомерного шовинизма» венгров «участвовали, кроме нескольких сот учащейся молодежи, самые разнородные элементы, не исключая лиц, занимающих выдающееся политическое положение»³⁰. А через несколько месяцев, когда министр иностранных дел Австро-Венгрии Г. Кальноки в своем будапештском выступлении охарактеризовал действующее румынское правительство как надежного внешнеполитического партнера, это «вызвало в правительственных сферах некоторое смущение» и опасения, что похвала в устах графа Кальноки означает медвежью услугу, ибо в преддверии новых выборов только «подаст повод оппозиции обвинить перед страной правительство в антинациональном направлении и в равнодушии к судьбе семиградских собратьев»³¹. В результате проправительственной прессе пришлось, не скрывая кислой реакции, поблагодарить графа Кальноки за комплимент и вместе с тем выразить надежду на то, что венская элита своими «просвещенными советами» окажет должное влияние на внутреннюю политику официального Будапешта в интересах укрепления дружбы соседних государств³². Однако в итоге не столько Вена, сколько Берлин в интересах недопущения трещин в союзе Румынии с центральными державами стал оказывать давление на Будапешт, призывая его к более компромиссной позиции, что привело в 1895 г. к прекращению судебного дела меморандистов, обвиненных в подстрекательстве к нарушению общественного порядка.

Что же касается дискуссий, разворачивавшихся в румынском парламенте вокруг трансильванского вопроса, они еще и потому привлекали столь большое внимание петербургской дипломатии, что в ходе них неизменно упоминались и «безмолвно страдающие» под тяжелой русификаторской пятой «бессарабские единоплеменники». В донесениях миссии тщательно фиксировались звучавшие в бухарестских политических кругах высказывания о том, что королевской Румынии

---

³⁰ Rapoarte diplomatice ruse din România. P. 315.

³¹ Ibid. P. 321.

³² Ibid. P. 322.

не следует ограничиваться заботой о положении одних лишь трансильванских румын, но надо обратить более пристальное внимание на притеснения коренного румынского населения в принадлежащей Российской империи Бессарабии. Таким образом, российской дипломатии приходилось констатировать, что ухудшение положения трансильванских румын вдруг неожиданно давало повод для муссирования проблемы, которую в России со времен Берлинского конгресса 1878 г. и возвращения Южной Бессарабии считали окончательно решенной, то есть для оживления реваншистских устремлений бухарестско-яской элиты, ставящих под сомнение территориальную целостность российского государства. Тем самым трансильванский вопрос вдруг удивительным образом вплетался в круг вопросов, непосредственно затрагивавших интересы защиты российских имперских границ.

С другой стороны, в посольских донесениях со ссылкой на выступления румынской прессы и высказывания отдельных политиков не только приводились прогнозы о неизбежности по вине Будапешта ухудшения отношений Румынии со своим австро-венгерским союзником, но и затрагивался в самом общем плане вопрос об открывавшихся в этом случае перспективах ее сближения как с Францией, так и с Россией. Такого рода ожиданиями делился с Фонтоном и французский посланник в Бухаресте граф д'Обиньи, который ссылался на звучавшие в некоторых румынских политических кругах соображения о том, что

юному королевству <...> надлежит исключительно искать опоры в могущественной соседней империи и с этой целью сделать все возможное, чтобы доказать искренность своих чувств к России и заслужить мощное ее благорасположение.

Впрочем, «эти домогательства и эти же самые стремления» неоднократно высказывались и самому Фонтону, по его выражению, «некоторыми здешними политическими людьми» и своевременное доводилось им до сведения императорского министерства³³. Для упрочения подобных, то есть пророссийских настроений, по мнению российского посланника, было бы желательно «хотя бы малейшее с нашей стороны поощрение»³⁴. Впрочем, слишком больших иллюзий питать не приходилось, ибо российская дипломатия в Бухаресте

³³ Ibid. P. 339.

³⁴ Ibid. P. 340.

принимала как данное тот факт, что «как консерваторы, так и либералы, питают к нам одинаковое недоверие и неприязнь»³⁵. Соответственно, и румыно-австрийские отношения не сталкивались с серьезными внешними вызовами. Тем не менее возможность румыно-российского сближения вследствие некоторого охлаждения отношений Румынии с союзной Австро-Венгрией просчитывалась и в венских кабинетах. Для того чтобы усилить проавстрийские ориентации своих восточных соседей и воспрепятствовать всеми доступными ему средствами их внешнеполитическому дрейфу в ином направлении, сам император Франц Иосиф не считал излишним удостоить Бухарест и короля Кароля своим личным посещением.

Стоявший, как правило, над схваткой в румынских внутривосточных спорах король Кароль I, происходивший из южнонемецкого католического рода, связанного тесными узами с Венной, в течение десятилетий был близок с австрийским императором в личном плане (тем более что разница в возрасте между ними была не столь уж велика, менее 10 лет). Позднее, в сентябре 1904 г., новый посланник в Бухаресте М. Н. Гирс в письме министру иностранных дел Российской империи В. Н. Ламсдорфу замечал:

Вашему Сиятельству не безызвестно, что правители Австро-Венгрии и Румынии находятся в весьма близких взаимно-дружественных отношениях, и что король Карл навещает августейшего своего соседа почти каждый год³⁶.

Несмотря на это в период скандала с меморандумом трансильванских румын (1892–1893), Кароль, всегда чувствительный к общественным настроениям в своем королевстве, не боясь осложнений с Венной, публично выражал солидарность с меморандистами. Он посетил тогда и Будапешт, потребовав от тогдашнего венгерского премьер-министра графа Д. Сапари сделать более демократичным избирательное право в Трансильвании, прекратить наступление на румынские школы и культурные институты³⁷. По сути, целью его визита,

³⁵ Ibid. P. 342.

³⁶ АВП РИ. Ф. 151: Политархив. Оп. 482. Д. 674. Л. 211. Через Вену, как правило, пролегал ежегодный маршрут румынской королевской четы в их родовой замок Зигмаринген в Юго-Западной Германии.

³⁷ «При всей своей привязанности к императору Францу Иосифу и дружественных сношениях с Австро-Венгрией, король, не выходя из границ дозволенного,

не нарушившего гармонии в личных отношениях двух монархов, было воспрепятствовать углублению конфликта между союзническими странами, возникшего в силу неуступчивости Будапешта. А в сентябре 1896 г. по приглашению короля Кароля император Франц Иосиф посетил Румынию и был с энтузиазмом встречен румынским обществом, воспринимавшим его не только как главу сильной соседней державы, но и как главного гаранта улучшения положения соотечественников за Карпатами. Н. А. Фонтон в своем донесении в МИД обратил внимание на «волнение, охватившее все, без различия, политические сферы Румынии, забывшие на время внутренние раздоры и единодушно и восторженно приветствующие прибытие в столицу страны маститого монарха, издавна благоволившего к молодому королевству, упорно, со своей стороны, тяготевшему к Австро-Венгрии и усматривавшему в таком тяготении залог своего политического преуспеяния»³⁸. Впрочем, ожидания оказались напрасными в силу того, что во главе венгерского правительства в этот период (1895–1899) стоял Д. Банфи, политик, известный особенно жестким отношением к движениям национальных меньшинств. Не имела эффекта и поездка Кароля в Будапешт в сентябре следующего, 1897 г. — Франц Иосиф в интересах снятия румыно-венгерской напряженности предложил провести встречу двух монархов именно в венгерской столице. Венгерская официозная пресса пыталась истолковать визит Кароля как знак признания официальным Бухарестом статус-кво в положении румынского национального меньшинства на землях венгерской короны. Румынские же политики, в том числе и в беседах с Фонтоном, выражали неудовольствие тем, что и во время чествования короля Кароля в Будапеште некоторые активисты движения трансильванских румын продолжают томиться в тюрьмах³⁹. Сам его приезд расценивался в политических кругах (не только оппозиционных) как неприемлемая в сложившихся условиях уступка венграм. В ряде городов Румынии состоялись даже уличные выступления протеста, особенно в связи с награждением румынским орденом

не упустит, полагаю я, ни одного случая, могущего укрепить в трансильванцах их национальные стремления», — так уже через несколько лет и по другому случаю, в сентябре 1903 г., М. Гирс в письме графу Ламсдорфу характеризовал позицию короля Кароля. См.: Там же. Д. 671. Л. 271.

³⁸ Rapoarte diplomatice ruse din România. P. 380.

³⁹ Ibid. P. 415.

одного венгерского чиновника, на самом деле причастного к травле меморандистов. Фонтон, в письме графу Ламсдорфу комментируя происходящее, заметил, что «вопрос о положении трансильванских румын будет всегда являться источником нелегко устранимых затруднений»⁴⁰. Все-таки с приходом к руководству венгерским правительством в 1899 г. К. Селла, последовательно либерального политика, позиционировавшего себя продолжателем традиций великих либералов прошлого Ференца Деака и Йозефа Этвёша, будапештские власти принимают реальные меры в целях налаживания диалога с движением трансильванских румын⁴¹.

В первые годы XX в. в Венгрии резко обострилась внутриполитическая борьба между апологетами и критиками дуалистического соглашения, что стало одним из проявлений вступления двуединой монархии в полосу глубокого кризиса. За сложившейся ситуацией внимательно наблюдали как в политических кругах, так и при королевском дворе Румынии⁴², оценивая перспективы развития событий с точки зрения их возможного влияния на положение трансильванских румын. Король лично принял в своей загородной резиденции в Синае депутацию активистов трансильванского румынского движения (около 15 человек), о чем новый посланник в Бухаресте М. Н. Гирс докладывал 23 марта 1905 г. министру иностранных дел графу В. Н. Ламсдорфу:

Его Величество король Карл следит с большим вниманием за упорной борьбой, происходящей в Венгрии между партией Кошута⁴³ и сторонниками соглашения 1867 г. Не подлежит сомнению, что все симпатии короля на стороне последних, так как он вполне сознает, что торжество кошутистов приведёт лишь к еще большему

---

⁴⁰ Ibid. P. 418. Тем более что, как читаем в другом, более позднем дипломатическом послании, «венгерское правительство отмечалось всегда особенной требовательностью по отношению к молодому королевству и не упускало случая производить на него сильное и крайне чувствительное давление в жизненных для него экономических вопросах». См.: АВП РИ. Ф. 151. Оп. 482. Д. 671. Л. 272.

⁴¹ О национальном движении румын Трансильвании в начале XX в. см.: Кирилина, Стыкалин, Хаванова (ред.) 2018: 233–238.

⁴² Каширин 2017b.

⁴³ Речь идет о так называемой Партии независимости и 1848 г., позиционировавшей себя продолжательницей традиций харизматического лидера венгерской революции 1848–1849 гг. Лайоша Кошута, до самой своей кончины в итальянской эмиграции в 1894 г. непримиримо настроенного к Габсбургам.

подавлению румынской народности, вошедшей в состав Короны св. Стефана. Его Величество стремится установить возможно близкие сношения между румынами Трансильвании и их сородичами румынского королевства.

Заметив в ходе беседы с ними склонность некоторых сблизиться из тактических соображений с венгерскими националистами, «в надежде выговорить себе более выгодные условия», король явно не принял этой позиции. Как комментировал далее позицию монарха Гирс:

Король Карл, вполне сочувствуя возвращению трансильванских румын к участию в политической жизни Венгрии, порицает всякое их сближение с венгерскими националистами, на каких бы то ни было условиях, поскольку понимает, что партия Кошута “никогда не исполнит своих обещаний” и “не откажется от конечной своей цели окончательно овенгерить румын”⁴⁴.

Глубокий внутривластный кризис в Венгрии 1905–1906 гг. угрожал самим основам дуалистической монархии, поскольку открывал дорогу к власти в ее восточной половине противникам Соглашения 1867 г. о дуализме. В этих условиях при румынском дворе питали надежды, что Франц Иосиф в интересах сохранения устоев своей империи побудит венгерскую элиту к введению более широкого избирательного права при выборах в парламент и тем самым «призовет к политической жизни около трех миллионов румын, населяющих Трансильванию»⁴⁵. Король Карл, читаем в другом донесении, «по-видимому, рассчитывает, что по введении этой реформы румынская национальность в Венгрии приобретет особенное политическое значение и, вместе с тем, усилится в ней сознание о племенном ее родстве с населением Румынского королевства»⁴⁶. Надежды эти не оправдались.

К началу 1910-х гг. в империи Габсбургов развернулась острая борьба за влияние на трансильванских румын между двумя тяжеловесами австро-венгерской политики — графом Иштваном Тисой, крупным венгерским консервативным деятелем, приложившим большие

⁴⁴ АВП РИ. Ф. 151. Оп. 482. Д. 677. Л. 61–62 об.

⁴⁵ Там же. Л. 181–182. Донесение от 20 сентября 1905 г.

⁴⁶ Там же. Л. 184 об.

усилия для укрепления пошатнувшейся системы дуализма, и эрцгерцогом Францем Фердинандом, задумавшим перестроить монархию на новых основаниях с ослаблением позиций Венгрии. Успех в этой борьбе к лету 1914 г. был скорее на стороне наследника, сумевшего мобилизовать более сильные династические и административные ресурсы. Даже согласие Тисы включить представителей румынского национального движения в венгерское правительство не заставило трансильванских румынских политиков взять на себя обязательство остаться на позициях поддержки системы дуализма в случае принципиальных изменений в соотношении сил между Веной и Будапештом. С гибелью своего покровителя Франца Фердинанда от пули сербского террориста и началом мировой войны, делавшей весьма неопределенными перспективы сохранения Австро-Венгерской монархии, румынским политикам уже не было смысла искать нового покровительства в Вене, их взоры со все большей определенностью устремлялись на Бухарест. Когда для этого созрели объективные условия, румынское национальное движение Австро-Венгрии обратилось, таким образом, к поискам путей самоопределения трансильванских румын вне пределов Габсбургской империи, что означало по сути дела: на ее руинах.

Таким образом, Соглашение 1867 г., явившееся компромиссом Вены с наиболее мощным в империи венгерским национальным движением, достигнутым за счет других ее народов, лишь на полвека продлило существование империи. При сохранявшейся нерешенности национального вопроса дунайская монархия пала в результате поражения в Первой мировой войне, и целый ряд проживавших в ней народов, включая трансильванских румын, сделал выбор в пользу совсем иных государственных проектов.

Взгляд «чужеземца», брошенный из России на Трансильванию с ее острыми межэтническими спорами, не только фиксировал экзотику края, мало связанного с русскими землями общностью исторических судеб, но и позволял с неожиданной стороны подойти к рассмотрению вопросов насущных для Российской империи с точки зрения даже сохранения ее целостности, таких как бессарабский вопрос, не слишком значительный в 1890-е гг., но приобретший актуальность в 1918 г. и до сих пор остающийся яблоком раздора и неустрашимой болевой точкой в российско-румынских отношениях.

Список сокращений

АВП РИ — Архив внешней политики Российской империи, Москва
РГВИА — Российский государственный военно-исторический архив, Москва

Литература

- Каширин 2017a — *Каширин В. Б.* Румыния: от завоевания независимости к рубежу XX в. // История Балкан. На переломе эпох (1878–1914 гг.) / отв. ред. К. В. Никифоров. М.: Институт славяноведения РАН, 2017. С. 26–54.
- Каширин 2017b — *Каширин В. Б.* Румыния: маневры 1900–1914 // История Балкан. На переломе эпох (1878–1914 гг.) / отв. ред. К. В. Никифоров. М.: Институт славяноведения РАН, 2017. С. 231–269.
- Кирилина, Стыкалин, Хаванова (ред.) 2018 — Политические партии и общественные движения в монархии Габсбургов, 1848–1914 гг. Очерки / отв. ред. О. В. Хаванова. М.: Индик, 2018.
- Клопова 2016 — *Клопова М. Э.* Этноконфессиональные аспекты Марамарош-Сигетского процесса 1913 г.: взгляд из России // Взаимодействия и конфликты на конфессионально и этнически смешанных территориях Центральной и Восточной Европы, 1517–1918 / отв. ред. О. В. Хаванова. М.; СПб.: Нестор-История, 2016. С. 321–331.
- Колин, Стыкалин — *Колин А. И., Стыкалин А. С.* «Пребывание наших войск в Германштадте и Кронштадте теперь более, чем когда-либо необходимо». Межэтнические распри в Трансильвании в условиях венгерской революции 1848–1849 гг. и российское военное присутствие в Дунайских княжествах // Российско-австрийский альманах: исторические и культурные параллели. Вып. VI. К 150-летию образования Австро-Венгерской империи / отв. ред. И. В. Крючков, О. В. Павленко. Ставрополь, 2018. С. 149–178.
- Ненашева 1997 — *Ненашева З. С.* Словацкий вопрос в контексте национальных движений Венгрии в конце XIX — начале XX в. (По материалам российских дипломатических служб) // Славянский вопрос: Вехи истории / отв. ред. М. Ю. Досталь. М.: Институт славяноведения РАН, 1997. С. 130–151.
- Рошонци 2014 — *Рошонци И.* Венгерская кампания российских войск в 1849 году // Российско-австрийский альманах: исторические и культурные параллели. Вып. V / отв. ред. И. В. Крючков, О. В. Павленко. Ставрополь, 2014. С. 48–56.
- Рошонци 2018 — *Рошонци И.* Роль железнодорожного сообщения в оказании военной помощи Австрии в мае 1849 г. // Славянский мир в третьем тысячелетии. 2018. Вып. 13. № 3–4. С. 32–49.

- Köpeczi (ed.) 2001–2002 — The history of Transylvania. / gen. ed. B. Köpeczi. Highland Lakes (New Jersey); New York: Columbia University Press, 2001–2002. Vol. 1–2.
- Maior 2008 — *Maior L.* In the Empire: Habsburgs and Romanians. From dynastic loyalty to national identity. Cluj-Napoca: Romanian Academy, 2008.
- Pop, Năgler, Magyari (eds.) 2005–2010 — The history of Transylvania. / coord. I.-A. Pop, Th. Năgler, A. Magyari. Cluj-Napoca: Romanian Academy, 2005–2010. Vol. I–III.
- Pop, Bolovan 2016 — *Pop I.-A., Bolovan I.* Istoria Transilvaniei. Cluj-Napoca: Academia Româna, 2016.

References

- Colin, A. I., Stykalin, A. S., 2018. “Prebyvanie nashikh voisk v Germanshtadte i Kronshtadte teper' bolee, chem kogda-libo neobkhodimo”. *Mezhnetnicheskie raspri v Transil'vanii v usloviyakh vengerskoi revolyutsii 1848–1849 gg. i rossiiskoe voennoe prisutstvie v Dunaiskikh knyazhestvakh* [“The stay of our troops in Hermannstadt and Kronstadt is now more than ever necessary.” Interethnic tensions in Transylvania during the Hungarian revolution of 1848–1849 and the Russian military presence in the Danube Principalities]. In: Kriuchkov, I. V., Pavlenko, O. V., eds, *Rossiisko-avstriiskii al'manakh: istoricheskie i kul'turnye paralleli. Vyp. VI. K 150-letiiu obrazovaniya Avstro-Vengerskoi imperii* [Russian-Austrian Almanac: historical and cultural parallels. Vol. VI. To the 150th anniversary of the Austro-Hungarian Empire]. Stavropol', pp. 149–178.
- Kashirin, V. B., 2017a. Rumyniia: ot zavoevaniia nezavisimosti k rubezhu 19 v. [Romania: from gaining independence to the end of the nineteenth century]. In: Nikiforov, K. V., ed., *Istoriia Balkan. Na perelome epokh (1878–1914 gg.)* [History of the Balkans. At the turn of the epochs]. Moscow: Institut slavianovedeniia RAN, pp. 26–54.
- Kashirin, V. B., 2017b. Rumyniia: manevry 1900–1914 [Romania: manoeuvres of 1900–1914]. In: Nikiforov, K. V., ed., *Istoriia Balkan. Na perelome epokh (1878–1914 gg.)* [History of the Balkans. At the turn of the epochs]. Moscow: Institut slavianovedeniia RAN, pp. 231–269.
- Khavanova, O. V., Kirilina, L. A., Stykalin, A. S., eds., 2018. *Politicheskie partii i obschestvennyie dvizheniya v monarkhii Gabsburgov, 1848–1914 gg. Ocherki* [The Political Parties and Social Movements in Habsburg Monarchy, 1848–1914. Sketches]. Moscow: Indrik.
- Klopova, M. E., 2016. Etnokonfessional'nye aspekty Maramarosh-Sigetskogo protsessa 1913 g.: vzgliad iz Rossii [Ethno-confessional aspects of Maramaros-Szigeth trial: seen from Russia]. In: Khavanova, O., ed., *Vzaimodeistviia i konflikti na konfessional'no i etnicheski smeshannykh territoriyakh Tsentral'noi*

- i Vostochnoi Evropy, 1517–1918* [Interactions and conflicts on confessionally and ethnically mixed territories of Central and Eastern Europe, 1517–1918]. Moscow; Saint Petersburg: Nestor-Istoriia, pp. 321–331.
- Köpeczi, B., ed., 2001–2002. *The History of Transylvania*. 3 vols. Highland Lakes (New Jersey); New York: Columbia University Press.
- Maior, L., 2008. *In the Empire: Habsburgs and Romanians. From dynastic loyalty to national identity*. Cluj-Napoca: Romanian Academy.
- Nenasheva, Z.S., 1997. Slovatskii vopros v kontekste natsionalnykh dvizhenii Vengrii v kontse 19 — nachale 20 v. (Po materialam rossiiskikh diplomaticheskikh sluzhb) [The Slovak question in the context of the national movements of Hungary in the late nineteenth and early twentieth century. (based on the materials of the Russian diplomatic services)]. In: Dostal', M.Yu., ed., 1997. *Slavianskii vopros: Vekhi istorii* [Slavic question. Historic milestones]. Moscow: Institut slavianovedeniia RAN, pp. 130–151.
- Pop, I.-A., Năgler, Th., Magyari, A., eds., 2005–2010. *The History of Transylvania*, 3 vols. Cluj-Napoca: Romanian Academy.
- Pop, I.-A., Bolovan, I., 2016. *Istoria Transilvaniei*. Cluj-Napoca: Academia Româna.
- Rosonczy, I., 2014. Vengerskaia kampaniia rossiiskikh voisk v 1849 godu [Hungarian campaign of the Russian troops in 1849]. In: Kriuchkov, I.V., Pavlenko, O.V., eds., *Rossiisko-avstriiskii al'manakh: istoricheskie i kul'turnye paralleli. Vyp. V*. [Russian-Austrian Almanac: historical and cultural parallels]. Stavropol', pp. 48–56.
- Rosonczy, I., 2018. Rol' zheleznodorozhnogo soobshcheniia v okazanii voennoi pomoshchi Avstrii v mae 1849 g. [The role of railway communication in rendering military assistance to Austria in May 1849]. *Slavianskii mir v tret'em ty-siacheletii*, 14, 3–4. pp. 32–49.

Aleksandr S. Stykalin

PhD, Leading Research Fellow, Institute of Slavic Studies, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia. 119334, Leninsky Prospekt, 32A. E-mail: zhurslav@gmail.com

Interethnic contradictions in Transylvania (middle of the nineteenth — early twentieth centuries) as seen through the eyes of Russian observers

Reorganisation of the Austrian Empire into the dual Austro-Hungarian Monarchy in 1867 was followed by an attempt to cancel the special status of the Grand Principality of Transylvania, which had a long tradition of autonomous statehood, and absorb it into the Kingdom of Hungary. This caused a reaction by the Romanian nationalist movement in the region that intensified decade by decade. That this movement became a threat to the integrity of Austria-Hungary could not help but become an object of observation for Russian diplomats in the neighbouring Kingdom of Romania, where the issue of the status of Transylvanian Romanians was gaining more and more political attention. In this essay, based on archival and published sources, it is shown how Russian observers, first and foremost Russian diplomats in Bucharest, described not only the complex interethnic relations at the turn of the nineteenth and twentieth centuries, but also the attitude of the Romanian political elite and Romanian public opinion towards the status of Romanians in Transylvania — subjects of the Habsburgs. The author comes to the conclusion that a glance thrown from outside on this remote region, loosely connected with Russia, nevertheless allows conclusions to be drawn that help to reassess issues that concerned the Russian Empire (such as the Bessarabia question).

Keywords: Transylvania, the Habsburg monarchy, Austro-Hungarian dualism, Hungarian-Romanian contradictions, Russian diplomacy, Bessarabian question

Екатерина Владимировна Каменская

Кандидат исторических наук, доцент кафедры истории России, Уральский федеральный университет, Екатеринбург, Россия. 620083, ул. Тургенева, 4. E-mail: ekam82@yandex.ru

«Прага в эти дни»: чехословацкий конфликт в сообщениях специальных корреспондентов советских газет

В статье анализируются публикации специальных корреспондентов советских газет, являвшиеся частью информационного освещения ввода войск ОВД в Чехословакию в августе 1968 г. Внимание обращено к материалам как крупнейших центральных изданий — «Правда», «Известия», «Труд», так и специфических по своей аудитории — «Литературная газета», «Красная звезда». Рассматриваются ключевые темы, сюжеты публикаций, применяемые авторами методы подачи материала, сочетание текстовой и визуальной информации. Показывается формирование образа чехословацкой оппозиции, который в итоге стал ключевым в сознании основной массы советских граждан. Анализируется специфика построения заголовков и их функций как главной части газетного текста. Заметки собственных корреспондентов рассматриваются как инструмент укрепления биполярной картины мира, существовавшей в советской системе массовой информации. На примере чехословацкого кризиса прослеживается реакция газетных изданий на изменение политической ситуации, что не всегда является простой задачей для журналистов. В статье анализируются как опубликованные, так и не опубликованные архивные документы и воспоминания участников событий, показывается, как излагаемые в газетных заметках факты соотносились с реальными событиями в Чехословакии. Отдельной проблемой является выяснение восприятия заметок собкоров как советской аудиторией, так и читателями в Чехословакии. В итоге делается вывод о потенциальной возможности показа в советской прессе разных позиций в условиях жесткого конфликта внутри социалистической системы и использования этой возможности корреспондентами центральных изданий.

Ключевые слова: чехословацкий конфликт, информационная кампания, советская пресса, общественное мнение, СССР, внешняя политика СССР, Чехословакия

Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского научного фонда, проект № 18-18-00216. «Концепции конфликта и согласия в российской общественной мысли в контексте европейских подходов (XVIII–XX вв.)»

Чехословацкий кризис 1968 г. спровоцировал одну из самых масштабных внешнеполитических информационных кампаний брежневской эпохи. Ключевым средством массовой информации в тот момент являлась пресса. В газетах весной–осенью 1968 г. было несколько информационных волн, отражающих разные стадии конфликта. Особой силы кампания достигла в августе после ввода войск Организации Варшавского договора (ОВД) в Чехословакию. При подаче информации газеты использовали широкую палитру жанров: официальные сообщения, отчеты с собраний и митингов, письма читателей, отклики зарубежной прессы и т. д. После 21 августа ведущую роль заняли репортажи корреспондентов центральных изданий, работавших в этот период в Праге, Братиславе, Острове.

В газетах появились специальные рубрики «От наших спецкоров из Праги», «Наши спецкоры из ЧССР». Заголовки «Прага в эти дни», «На улицах Праги» стали привычными для читателей. Из центральных изданий они перепечатывались в региональных, что значительно расширяло читающую аудиторию. Если официальные заявления, документы были одинаковыми во всех изданиях, а тексты с собраний и письма читателей были шаблонными, то заметки специальных корреспондентов, несмотря на общую линию, имели авторский стиль. Это выгодно отличало их публикации на фоне потока однотипных сообщений и привлекало читательское внимание.

«Правда» публиковала материалы В. Журавского, В. Маевского, С. Борзенко, «Известия» — Н. Новикова, В. Кривошеева, «Труд» — А. Дидусенко, «Литературная газета» — В. Крымова. Значительной сетью корреспондентов обладала «Красная звезда». Военное издание пристально следило за ходом операции. В каждом сентябрьском номере публиковалось несколько заметок спецкоров: Г. Рукавишников, подполковника Л. Еремеева, подполковника А. Золотова, подполковника А. Сгибнева. Постоянно появлялись фотографии майора В. Куняева, его работы публиковались и в других газетах. Анализ материалов собраний трудовых коллективов показывает хорошее знакомство населения с заметками спецкоров. Фразы из них отчетливо звучали в выступлениях и вопросах при обсуждении ситуации в Чехословакии. Особенно часто использовались материалы «Правды».

Какая картина складывалась при прочтении заметок собкоров в первые дни проведения операции «Дунай»? В последней декаде августа репортажи корреспондентов напоминали сводки боевых

действий. В каждом номере указывалось на вооруженные провокации, приводившие к гибели советских солдат, поджоги советских машин, зданий, связанных с СССР (например здания общества советско-чехословацкой дружбы) и т. д. Часто упоминались факты вредительства (снятие табличек с названиями улиц, дорожных указателей и т. д.), примеры пассивного сопротивления (отказ фотографироваться, давать какую-либо информацию, пр.). Проблематику заметок отражал специфический лексикон авторов. Значительно возросло употребление таких слов, как «контрреволюция», «реакция», «сборища», «провокационная» и т. д. Регулярно упоминались митинги, распространение листовок, призывающих к вооруженной борьбе с Советской армией либо пассивному сопротивлению и т. д. Фиксировались надписи на зданиях. К примеру, в заметках спецкора «Труда» А. Дидусенко указывались следующие лозунги: «Никаких компромиссов!», «Народ — к бунту!», «Не подчинимся!», рассказывалось о драке во время выступления А. Дубчека и т. д.¹ Одним из активно публиковавшихся в «Правде» корреспондентов в эти дни был полковник С. А. Борзенко, фронтовик, Герой Советского Союза, который часто описывал жизнь советских войск на территории Чехословакии в духе военных очерков. Названия его материалов были соответствующие: «Сражение за души людей», «На страже».

Сведения прессы во многом отражали чехословацкую действительность тех дней. В сводках о настроениях населения ЧССР, поступавших в КГБ, указывалось на негативное восприятие ввода войск ОВД. В частности, в информации Западно-Чешского обкома Коммунистической партии Чехословакии (КПЧ) от 2–3 сентября отмечалось:

Среди широкой общественности постоянно преобладают взгляды, которые связаны с требованием немедленного вывода иностранных войск из нашей страны. Абсолютное большинство населения считает контрреволюцию вымыслом, считает присутствие иностранных войск не главным средством, а главным препятствием на пути к полной хозяйственной и экономической консолидации жизни в стране².

¹ Труд. 1968. 31 VIII. С. 3.

² Чехословацкие события 1968 года глазами КГБ и МВД СССР. Сборник документов / сост. А. А. Зданович, В. Ф. Лашкул, Ю. Н. Моруков, Ю. Х. Тотров. М.: Объединен. ред. МВД России, 2010. С. 181.

Вооруженным силам ЧССР был дан приказ не оказывать сопротивление войскам ОВД, что и было выполнено. Руководство страны призывало и мирное население не мешать продвижению союзных войск, не проявлять агрессию по отношению к ним, чтобы не спровоцировать ненужные жертвы. Однако часть населения Чехословакии, особенно в первые недели после ввода войск, выражала свое возмущение появлением на территории их государства иностранных войск. В воспоминаниях советских военнослужащих приводятся многочисленные примеры противодействия союзным войскам³. За месяц нахождения союзных войск на территории Чехословакии от рук местного населения погибло 11 советских военнослужащих, ранено и травмировано было 87 человек⁴. Намного больше погибло в результате катастроф, несчастных случаев, болезней и т.д.⁵ Чешские авторы указывают на проведение в стране в этот период «массовой кампании гражданского сопротивления»⁶.

В заметках собкоров много внимания уделялось деятельности чешской оппозиции. Подробно описывались работа оппозиционных СМИ. На страницах советских газет главным выразителем антисоветских настроений в Чехословакии была молодежь. На втором месте — представители интеллигенции. Данная ситуация сложилась в советской печати еще до ввода войск ОВД. Авторы говорили о провокациях «групп хулиганствующих, фашиствующих молодчиков», «гривастых, неестественно возбужденных юнцов»⁷. Отмечу, что в сводках общественных настроений также постоянно подчеркивалось, что отрицательное отношение к войскам стран ОВД в Чехословакии было особенно распространено среди молодого поколения⁸.

---

³ Воробьев Э. Незванные гости // Независимое военное обозрение. 2002. 20 XII. URL: http://nvo.ng.ru/history/2002-12-20/5_czechoslovakia.html (дата обращения 19.08.2012); Жемайтис О. Ф. Чехословацкий дневник (1968–1972) // Вопросы истории. 1999. № 8. С. 88–90; Майоров А. М. Вторжение. Чехословакия. 1968. Свидетельство командарма. М.: Права человека, 1998. С. 342–344; Синельщиков Ю. П. Чехословацкие события 1968 года глазами советского сержанта // Военно-исторический журнал. 2012. № 8. С. 74.

⁴ Гриф секретности снят. Потери Вооруж. Сил СССР в войнах, боевых действиях и воен. конфликтах: Стат. исслед. М., 1993. С. 343.

⁵ Золотарев 2000: 341; Васинкевич 2010.

⁶ Шимов 2008: 49.

⁷ Известия. 1968. 23 VIII. С. 2; Красная звезда. 1968. 1 IX. С. 3.

⁸ Чехословацкие события 1968 года глазами КГБ и МВД СССР. С. 181.

В воспоминаниях Ю. П. Синельщикова указывается, что на контакт охотнее шли люди среднего и пожилого возраста, видимо, относясь к войскам организации Варшавского договора как к неизбежному, но проходящему злу, вроде гриппа — поболел и выздоровел. Молодежь же была настроена агрессивно, порой воинственно⁹.

Постоянным сюжетом для заметок и фотографий являлся диалог между советскими военнослужащими и местным населением. Причем в нем участвовали и студенты, и люди старшего возраста, отличающиеся по социальному и профессиональному признаку. Это подчеркивалось в текстах и было видно по изображениям. Вот распространенные фразы чешской молодежи, которые фигурировали в публикациях: «Никакой угрозы социализму и нашей государственности мы не видели!.. Нам лучше известна ситуация у себя дома!», «Вы преувеличиваете опасность», «Зачем вы явились к нам?», «Кто тебя звал?», «Вы — оккупанты», «Зачем пришли, как захватчики, на нашу землю?». Подобные вопросы присутствовали почти в каждой заметке из Чехословакии, показывая, насколько распространенной была данная ситуация. По воспоминаниям советских граждан, находившихся в то время в рабочих командировках в Чехословакии, именно такие вопросы и задавали их чешские и словацкие коллеги:

Зачем ваши войска пришли к нам? <...> Где и в чем Вы ее [контрреволюцию] видели? Разве к Вам и Советскому Союзу мы плохо относимся? Разве вы видели у нас какие-то беспорядки? Кому мы мешаем? Мы хотим сами навести у себя порядок, своими силами!¹⁰

Обычно после подобных вопросов в газетных статьях шло подробное описание ответов советских военных, в которых представлялась официальная точка зрения относительно ситуации в Чехословакии и причин использования вооруженных сил. Однако вместе с повторением уже привычных пропагандистских лозунгов, таких как «Группа членов ЦК КПЧ, правительства и Национального собрания ЧССР пригласила нас, чтобы защитить вашу страну от атаки реакционных сил», из уст солдат шли и более понятные объяснения, адресованные в том числе советским читателям. К примеру: «Если бы

⁹ Синельщиков Ю. П. Чехословацкие события. С. 75.

¹⁰ Шинкарев 2010: 432.

мы были оккупантами <...>, то мы бы спали не на земле в палатках, а на ваших перинах, а вы бы ночевали в подвалах»¹¹.

Таким образом, читатели имели представление о частых проявлениях негативного отношения к советским войскам среди рядовых граждан. Было очевидным, что советские военнослужащие столкнулись с определенным психологическим прессингом местного населения, воспринимавшего их как захватчиков, нарушивших естественное развитие страны. Участники операции «Дунай» вспоминают, что их «не готовили к разговорам с местным населением», в связи с чем они оказались в сложном положении¹¹.

В материалах отдела сводной информации ЦК КПЧ указывалось, что «большинство солдат пяти стран удивлены тем, что их называют оккупантами»¹². Чешский фотограф Й. Коуделка, снимавший Прагу в августе 1968 г., отметил, что его тогда поразило

искреннее изумление в глазах многих солдат армии вторжения, которых говорили, что они едут подавлять «контрреволюционный мятеж», они же увидели толпы безоружных демонстрантов¹³.

Стоит сказать, что в мемуарах советских военнослужащих можно встретить и воспоминания о дружественном отношении к ним со стороны местных жителей.

Почему-то принято считать, что после ввода войск чехи видели в нас лишь оккупантов и каждого советского человека ненавидели лютой ненавистью. Это далеко не так. Военнослужащие 10 отб¹⁴, в течение нескольких месяцев выполнявшие боевую задачу в Праге, успели обзавестись за это время множеством друзей среди местного населения <...> впоследствии и дружили семьями долгие годы¹⁵.

Параллельно с показом фактов противодействия союзным войскам и проявления враждебности в отношении СССР корреспонденты советских изданий стремились укрепить мысль о существовании

¹¹ Синельщиков Ю. П. Чехословацкие события. С. 75.

¹² Чехословацкий кризис 1967–1969 гг. в документах ЦК КПСС. М.: Фонд «Президентский центр Б. Н. Ельцина»: РОССПЭН, 2010. С. 925.

¹³ Шимов 2008: 48.

¹⁴ 10-й отб — отдельный танковый батальон.

¹⁵ Толстых В. Бросок на Прагу. URL: http://10otb.ru/content/history/berlin/1968_praga.html (дата обращения: 26.08.2019).

широкой поддержки действий армий ОВД со стороны населения Чехословакии. В заметках подчеркивалась доброжелательность чехов и словаков, осознание ими той важной миссии, которую выполняют прибывшие войска. Закономерно, что чаще всего слова одобрения в адрес действий стран ОВД и, в частности советских войск, исходили из уст людей старшего поколения.

В статьях основой позитивного настроения местного населения к советским солдатам выступала и память о помощи Чехословакии со стороны СССР при освобождении от фашистских войск, и стремление сохранить завоевания социализма. Для большей убедительности подобные мысли вкладывались в уста самих чехов: «Хорошо, что вы пришли... А то у нас нашлись люди, которые могли довести страну до беды. Мы рады, что вы пришли, и верим: вы нам поможете»¹⁶.

Однако подобные публикации не снимали все вопросы советских читателей. В заметках указывалось, что «с пониманием» ввод войск ОВД встретили «честные рабочие и крестьяне, реалистически мыслящие представители интеллигенции, кому дороги и чьему сердцу близки судьбы родины»¹⁷. Советские граждане хотели больше конкретных данных, имен:

Как понимать сообщение информации, что рабочий класс, крестьянство, интеллигенция Чехословакии поддерживают деятельность стран социалистического лагеря, а кто же поддерживает контрреволюционные силы?¹⁸

В заметках часто описывались слухи, распространяющиеся среди рядовых граждан ЧССР, в рядах ЧНА (Чехословацкой народной армии). Логика публикаций предполагала опровержение в тексте какого-либо слуха и, что было важнее, осознание неправды самим жителями Чехословакии. Некоторые слухи, фигурирующие в советской печати 1968 г., повторяются и в воспоминаниях участников операции «Дунай». К примеру, о голоде среди советских военнослужащих в первые недели после ввода войск¹⁹. Корреспонденты пытались

¹⁶ Известия. 1968. 26 VIII. С. 2.

¹⁷ Правда. 1968. 23 VIII. С. 4.

¹⁸ ЦДОСО (Центр документации общественных организаций Свердловской области). Ф. 4: Свердловский областной комитет КПСС. Оп. 72. Д. 93. Л. 38.

¹⁹ Известия. 1968. 18 IX. С. 3; *Шевченко В. В.* Навстречу рассвету. Р. н./Д.: Альтаир, 2011. С. 147, 207.

противостоять распространению информации о насилии со стороны советских войск. В заметках постоянно опровергались факты, приводимые в листовках и в чешской печати (убийства местных жителей, разрушение Военного музея и т. д.)²⁰. Отметим, что и по прошествии многих лет стороны конфликта не могут договориться о реальности / нереальности многих фактов насилия как с советской, так и с чехословацкой стороны²¹.

Множественные упоминания слухов присутствовали при показе в газетах восприятия жителями Чехословакии московских переговоров и подписания соглашения делегацией ЧССР. Специальные корреспонденты транслировали недоверие, а часто острокритическое отношение чехов и словаков к московской встрече. Наиболее распространенными были разговоры о насильственном привозе руководства КПЧ в Москву, давлении в ходе переговоров и т. д.²² Через диалог с местными жителями авторы пытались опровергнуть подобные мнения:

Чехи увидели в газете снимок, запечатлевший встречу Президента ЧССР Л. Свободы в Москве. «А у нас ходили слухи, что Президент Свобода арестован и отправлен куда-то в Сибирь... по радио даже общались... чего только не придумают вражеские элементы, чтобы бросить тень на дружбу наших народов»²³.

Другим приемом был показ по схеме «до и после». В данном случае собкоры делали акцент на изменении общественных настроений в ЧССР после подписания московского соглашения:

Такое впечатление, будто пражан сразу стало в несколько раз больше. На площадях и улицах и раньше бывалолюдно, но что-то напряженное, нездоровое, нарушенное было в этих скоплениях, в нервных движениях толпы в последнее время. Сейчас по лицам, жестам, по походке, по каким-то еще неуловимым признакам можно было заметить, что многие пражане почувствовали себя спокойнее, увереннее²⁴.

---

²⁰ Красная звезда. 1968. 4 IX. С. 3.

²¹ Паздерка Й. Вторжение. Взгляд из России. Чехословакия, август 1968. М.: Новое литературное обозрение, 2016. С. 27–55.

²² Данные сюжеты подробно рассмотрены и в научной литературе, и в воспоминаниях участников событий.

²³ Красная звезда. 1968. 29 VIII. С. 3.

²⁴ Известия. 1968. 28 VIII. С. 2.

Стоит отметить, что в целом освещение в советской печати московских переговоров было крайне непоследовательно. Факты противоречили друг другу, за несколько дней оценка А. Дубчека изменилась от критической до нейтральной и даже частично положительной. Все это вызвало массу вопросов не только в Чехословакии, но и в самом СССР: «Почему делегацию ЧССР возглавляет Свобода, а не Дубчек?», «В состав делегации на совещание в Москве не входил Дубчек, когда он приехал?», «Почему на совещание в Москву приехало руководителей ЧССР 9 человек, а уехало 17?» и др.²⁵ Люди не могли понять, как относиться к А. Дубчеку, если только вчера он был объявлен, по сути, предателем, а сегодня Москва ведет с ним переговоры. Интересовались его взглядами, причинами сохранения за ним поста руководителя партии²⁶. Коммунистов волновало, как им подавать секретаря КПЧ в своих политинформациях²⁷.

Очевидные недоработки в информационном сопровождении, провоцировавшие большое количество вопросов у читателей, были вызваны отступлением от заранее спланированной программы действий. А. Дубчек в своих воспоминаниях указывает на определенную растерянность советского руководства после ввода войск, связывая это с провалом первоначального замысла по созданию революционного правительства и получения поддержки у большинства руководителей ЧССР²⁸. Это привело к импровизации и в ходе переговоров.

Заключение соглашения, изменение политической ситуации повлекли за собой и смену ориентиров в информационной кампании. Спустя две недели после ввода войск ОВД тональность заметок собкоров изменилась. Все реже упоминались факты сопротивления чехов и словаков. Основной акцент делался на возврат к спокойной трудовой жизни, восстановление партийного управления в центре и на местах, социально-экономическое развитие. Воинские части постепенно передислоцировались из крупных городов в сельскую местность. Это естественным образом отразилось на публикациях. Собкоры писали заметки «Из чешской деревни», «Поездка в одно село», говоря о помощи советских военнослужащих жителям Чехословакии в уборке урожая, в ремонте сельскохозяйственной техники.

²⁵ ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 72. Д. 93. Л. 13, 31, 37.

²⁶ Там же. Л. 17, 19, 29, 88, 98, 134, 141.

²⁷ Там же. Л. 38.

²⁸ В августе 68-го. С. 156–160.

Трансформировались названия. Вместо лаконичных и тревожных «Прага в эти часы» заголовки приобрели успокоительный характер: «Жизнь входит в привычное русло», «Нормализация — главная задача» (слово «нормализация» было одним из наиболее популярных). Часто в названиях публикаций подчеркивалось изменение отношения местного населения к советским войскам и операции в целом: «Мы стали лучше видеть», «Интервал и дистанция сокращаются».

Изменения коснулись и фоторяда. В сентябре основными темами стали будничная жизнь советских военнослужащих в Чехословакии (политинформация, письмо на родину), установление нормальной обстановки в стране (чистка памятника в Праге от листовок оппозиции, прогулки молодых мам с колясками). Популярным сюжетом для фотографий была уборка урожая, что было характерно в это время и для внутрисоюзной информации. Все это должно было наглядно иллюстрировать стабилизацию ситуации в стране.

Корреспондент «Известий» В. М. Кривошеев, работавший в тот период в Праге, в своих воспоминаниях указывает, что материалы о мирной нормальной жизни и редких проявлениях антисоветских настроений преследовали вполне определенную цель. Они показывали, что «есть основания ставить вопрос о выводе войск»²⁹, поскольку свою задачу, то есть спасение завоеваний социализма в ЧССР, они уже выполнили. Схожие идеи можно увидеть в заявлениях и чехословацкой стороны. Так, в резолюции райкома КПЧ в г. Кромержиже отмечалось: «Райком партии обращается ко всем слоям населения с просьбой о помощи в проведении этих решений в жизнь и к выводу чужих войск с нашей земли. Лозунгом дня должно быть: не создавать поводов, способствующих задержке иностранных войск хотя бы на один день»³⁰.

Однако публикации соборов в сентябре не сводились только к описанию «нормализации и оздоровления». Сохранялась критика чехословацкой оппозиции, деятельности капиталистических стран в условиях кризиса в Чехословакии. В частности, «Известия» активно обличали «провокационную пропаганду» западноевропейских стран, адресованную «еще действующим в Чехословакии

---

²⁹ Кривошеев 2010: 570.

³⁰ Чехословацкие события 1968 года глазами КГБ и МВД СССР. С. 206.

антисоветским элементам»³¹. Главным врагом на страницах издания выступала ФРГ.

Заметки спецкоров в основном строились на описании одного отдельного случая. Варианты были разнообразны: уборка урожая в конкретной деревне, разговор с местным жителем, случай в кафе или на площади, эпизод из жизни чехословацкой армии и т. д. Это отражалось в заголовках: «Встречи на дорогах», «Сошлись за беседой товарищи» и т. д.

Показ потерь в ходе проведения операции, в том числе среди советских граждан, также проходил через рассказ об одной катастрофе или провокации. К примеру, «Литературная газета» поместила 28 августа небольшую заметку журналистов АПН о гибели в Чехословакии их коллеги К. Непомнящего при крушении вертолета. Публикация сопровождалась двумя откликами на его смерть — председателя компартии США и писателя Д. Олдриджа³². Сводные данные о числе погибших и пострадавших военнослужащих и гражданских лиц в заметках отсутствовали. Это вызывало частые вопросы на собраниях³³. Население хотело знать масштабы событий, представлять общую картину.

Традиционным приемом являлся показ в одной заметке «своих и чужих». Дуализм присутствовал и в заголовках. В некоторых использовалось простое противопоставление («Друзья и враги»). В ряде случаев добавлялись метафоры, чаще «световые» («Свет и тени», «На свету и во тьме», «Туман рассеивается»). С одной стороны, это шло в русле существовавшей в советских СМИ биполярной системы международных отношений и постоянного столкновения на страницах газет «нас и их», «света и мрака». С другой стороны, в случае с Чехословакией давало возможность показать как поддержку в ЧССР действий Советского Союза, так и обосновать необходимость присутствия войск ОВД наличием враждебных элементов. К примеру, характеризуя материалы чехословацкой прессы, «Известия» отмечали, что хотя большинство изданий поддерживают руководство КПЧ после московских переговоров; существовали газеты, придерживающиеся оппозиционных взглядов. В статье «Чья это

³¹ Известия. 1968. 6 IX. С. 3.

³² Литературная газета. 1968. 28 VIII. С. 3.

³³ ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 72. Д. 93. Л. 13, 29, 98, 126, 140.

линия?» Н. Новиков критиковал редакционную политику газеты «Свободное слово», публикующей антисоветские материалы³⁴.

Остановимся на таком вопросе, как отношение к публикациям соборов свидетелей и участников конфликта. Через несколько дней после ввода войск из СССР в Чехословакию огромными тиражами стали отправляться брошюры, книги, а также такие центральные газеты, как «Правда», «Известия», «Красная звезда»³⁵. Данные издания советские войска должны были распространять среди местного населения. В заметках соборов постоянно указывалось, что местные жители очень ждут советские газеты, на фотографиях советские военные регулярно либо сами, либо совместно с местными жителями читали «Правду» и другие газеты³⁶. В воспоминаниях советских военнослужащих отмечается, что эти материалы были хорошим подспорьем при общении с чехами и словаками, помогали аргументировать политику СССР, объяснять свое нахождение на территории ЧССР³⁷. В беседах с местными жителями советские военные регулярно использовали газетные фразы. Вполне естественно, что любое искажение фактов в советских изданиях очень болезненно воспринималось чехословацкими читателями. Причем критические замечания высказывали не столько убежденные противники коммунизма и Советского Союза (они априори негативно воспринимали советские издания), а партийные работники, рабочие и т. д., которые интересовались советскими газетами, пытались использовать их в своей работе. Они опровергали многие факты проявления контрреволюционных настроений населения, существования предреволюционной обстановки в Чехословакии, которыми советские журналисты обосновывали приход союзных войск.

Среди авторов, чьи заметки вызывали недовольство, значились В. Журавский, Е. Григорьев, А. Мурзин³⁸ — то есть те журналисты, которые каждый день публиковались на страницах «Правды», чьи

³⁴ Известия. 1968. 12 IX. С. 2.

³⁵ Ключевым пропагандистским изданием с миллионным тиражом станет сборник «К событиям в Чехословакии», который будет активно распространяться на территории ЧССР. Но это издание появится только в октябре 1968 г. См. К событиям в Чехословакии. Факты, документы, свидетельства прессы и очевидцев. М.: Пресс-группа советских журналистов, 1968. Вып. 1.

³⁶ Красная звезда. 1968. 30 VIII. С. 3; 31 VIII. С. 3; 1 IX. С. 3; 5 IX. С. 4 и др.

³⁷ Синельщиков Ю. П. Чехословацкие события. С. 76.

³⁸ Чехословацкий кризис 1967–1969 гг. в документах ЦК КПСС. С. 145.

статьи перепечатывали областные и городские газеты СССР. Пражские политики постоянно критиковали советские газеты за дезинформацию читателей. Так, дискредитация министра иностранных дел И. Гаека в «Известиях» дошла до обвинения его в связях с гестапо. Советник чехословацкого посольства в Венгрии Л. Винце в беседе с советским дипломатом Н. Н. Сикачевым решительно опровергал эту информацию, считая это «элементарной непорядочностью»³⁹.

В заключение стоит отметить, что для большинства советских граждан официальная печать являлась основным источником сведений о происходящем в Чехословакии. Именно глазами корреспондентов центральных газет читатели смотрели на улицы Праги и Братиславы в августе–сентябре 1968 г. Образы, создаваемые в заметках соборов, надолго сохранялись в общественном сознании. Тексты редко содержали прямое искажение информации. Чаще использовались приемы высвечивания нужных фактов и оценок, обобщения, экстраполяции одного случая на весь процесс и т. д. Но стоит отметить, что и в существовавших идеологических рамках у авторов получалось показать разные стороны конфликта, несомненно, с учетом деления мира на черное и белое.

Список сокращений

ОВД — Организация Варшавского договора
ЦДОСО — Центр документации общественных организаций Свердловской области, Екатеринбург
ЧНА — Чехословацкая народная армия

Литература

Васинкевич 2010 — *Васинкевич О.* Советские потери 1968-го. 23.10.2010. URL: <http://www.radio.cz/ru/rubrika/progulki/sovetskie-poteri-1968-go> (дата обращения: 26.08.2018).
Золотарев (ред.) 2000 — Россия (СССР) в войнах второй половины XX века / под ред. А. В. Золотарева. М.: Кучково поле; Полиграфресурсы, 2000.
Кривошеев 2010 — *Кривошеев В. М.* О вводе войск Варшавского договора в ЧССР и не только об этом (Собственный корреспондент «Известий» вспоминает...) // 1968 год. «Пражская весна» (Историческая

---

³⁹ Там же. С. 890.

- ретроспектива): сб. ст. / под ред. Т. В. Волокитиной, Г. П. Мурашко, А. С. Стыкалина. М.: РОССПЭН, 2010. С. 556–570.
- Шимов 2008 — Шимов Я. «Ян Палах? Это какой-то спортсмен?» Молодые чехи забывают советское вторжение 1968 года // Новое время. 2008. 18 VIII. № 33.
- Шинкарев 2010 — Шинкарев Л. И. О некоторых психологических моментах восприятия событий 1968 г. в глубинке России // 1968 год. «Пражская весна» (Историческая ретроспектива) / под ред. Т. В. Волокитиной, Г. П. Мурашко, А. С. Стыкалина. М.: РОССПЭН, 2010. С. 421–436.

References

- Vasinkevich, O., 2008. *Sovetskie poteri 1968-go* [Soviet losses of 1968]. URL: <http://www.radio.cz/ru/rubrika/progulki/sovetskie-poteri-1968-go> (accessed 23.10.2010).
- Krivosheev, V. M., 2010. О вводе войск Варшавского договора в ЧССР и не только об этом (Sobstvennyi korrespondent “Izvestii” vspominaet...). In: Murashko, G. P., Stykalin, A. S., Volokitina T. V., 1968 god. “Prazhskaia vesna” (Istoricheskaia retrospektiva) [1968. Prague spring (Historical retrospective)]. Moscow: ROSSPEN, pp. 556–570.
- Shimov, Ia., 2008. “Jan Palach? Eto kakoi-to sportsmen?” Molodye chekhi zabylaiut sovetskoe vtorzhenie 1968 goda [“Jan Palach? Is he some kind of athlete?” Young Czechs forget the Soviet invasion of 1968]. *Novoe vremia*, 33, pp. 48–49.
- Shinkarev, L. I., 2010. О некотorykh psikhologicheskikh momentakh vospriiatiia sobytii 1968 g. v glubinke Rossii. In: Murashko, G. P., Stykalin, A. S., Volokitina T. V., 1968 god. “Prazhskaia vesna” (Istoricheskaia retrospektiva) [1968. “Prague spring” (Historical retrospective)] Moscow: ROSSPEN, pp. 421–436.
- Zolotarev, A. V., ed., 2000. *Rossia (SSSR) v voynakh vtoroi poloviny 20 veka* [Russia (USSR) in the wars of the second half of the twentieth century]. Moscow: Kuchkovo pole; Poligrafresursy.

Ekaterina V. Kamenskaya

PhD, Assistant professor at the Department of Russian History, Ural Federal University, Ekaterinburg, Russia. 620027, ul. Turgeneva, 4. E-mail: ekam82@yandex.ru

“Prague these days”: the Czechoslovakian conflict in the reports of special correspondents of Soviet newspapers

The essay analyses the publications of the special correspondents of Soviet Newspapers who were involved in the media coverage of the Warsaw Pact invasion of Czechoslovakia in August 1968. Attention is especially paid to the largest Central editions — Pravda, Izvestia, Trud, and specifically for your audience, the Literaturnaya gazeta and Krasnaya zvezda. The essay examines the key themes, the stories published, the authors' use of presentation methods, and the combinations of textual and visual information. It details the formation of the image of the Czechoslovak opposition, which eventually became a key piece of information within the minds of Soviet citizens at large. The specificity of headlines and their functions as the main part of the newspaper text are also analysed. The correspondents' personal notes are considered as a tool that strengthened the divided view of the existing world in the Soviet system of mass information. Using the example of the Czechoslovak crisis, the reactions of newspaper publications to changes in the political situation are traced, which is shown to not always be an easy task for journalists. Based on both published and unpublished archival documents and memoirs of the participants in events, the essay compares how the facts stated in the newspaper notes correspond to the reality of the events. Another problem is ascertaining differences between the perceptions of the correspondents notes for the Soviet and Czechoslovak audiences. The author concludes that there was a potential opportunity to display different stances in the Soviet press under the conditions of a tough conflict within the socialist system, and the use of this opportunity by correspondents of Central publications.

Keywords: the Czechoslovak conflict, information campaign, the Soviet press, public opinion, the USSR, foreign policy of the USSR, Czechoslovakia

Виктор Викторович Никитин

Младший научный сотрудник, Институт славяноведения РАН, Москва, Россия. 119334, Ленинский проспект, 32А.
E-mail: nikitin.viktor.1979@gmail.com

Внешняя политика России времен Б. Н. Ельцина глазами словацких дипломатов (1993–1999)

На основе впервые вводимых в научный оборот архивных документов посольства Словацкой Республики в Москве в статье рассматривается отношение словацких дипломатов к российской внешней политике в целом. В период, когда министром иностранных дел РФ был А. В. Козырев, словацкие представители в России критиковали прозападную, не отвечающую российским национальным интересам политику, проводимую тогдашней верхушкой российского МИД. Основная проблема российской дипломатии виделась им в том, что ухудшение социально-экономического положения населения РФ, с одной стороны, и акцентирование Козыревым внимания на «стратегическом партнерстве» с США, — с другой, порождало возрастающие антиамериканские настроения как в политической элите, так и среди российского электората. Это привело, в частности, к тому, что даже важнейшие для самой России двусторонние договоры с США воспринимались депутатами Федерального Собрания РФ как предательство российских национальных интересов. При новом главе российского МИД Е. М. Примакове, после модификации как риторики, так и подходов к внешнеполитической платформе, словацкие дипломаты и к нему отнеслись достаточно критично, а западные страны, особенно США, пытались добиться снятия Примакова с поста. Но Словакии не нужен был даже намек на конфликт между Россией и Западом, так как и западное, и постсоветское пространство стали важнейшими и в определенном смысле даже незаменимыми направлениями словацкой внешней политики.

Ключевые слова: дипломатия, международные отношения, Российская Федерация, А. В. Козырев, Е. М. Примаков

Внешняя политика традиционно привлекает внимание историков и политологов. Проблема изучения внешней политики России в 1990-е гг. и взгляда на нее со стороны словацких дипломатов

заключается в том, что все основные работы, в которых хотя бы вскользь упоминается внешняя политика Словакии на российском направлении или дипломатия самой России касаются либо словацко-российских отношений, либо словацкой внешней политики. В двухтомном издании «Чехия и Словакия в XX веке» помимо внутренней политики анализируются отношения между Словакией и Западом в 1990-е гг.¹ Восточное измерение ее дипломатии рассматривается в работе «Вишеградская Европа: откуда и куда?»². Но это все довольно общие работы с незначительным объемом текста, посвященного словацко-российским отношениям.

Более конкретно, хотя и весьма тенденциозно, освещал в 1990-х гг. взаимосвязь между Россией и Словакией словацкий политолог А. Дулеба. В работе «Слепой прагматизм словацкой внешней политики» он коснулся таких факторов в словацко-российском сотрудничестве, как экономика, безопасность или геополитическая идентичность словацкой элиты³. В других работах он критиковал и экономические связи, и сотрудничество в военно-промышленном комплексе, и несоответствие словацкого производства масштабам российского рынка⁴. Российскую же внешнюю политику он более подробно описал в книге «Россия в конце эпохи Б. Н. Ельцина», в написании которой принял участие и другой словацкий политолог К. Хирман. Впрочем, необходимо отметить, что Дулеба основные выводы почерпнул у польского политолога и совершенно не знаком с серьезными работами российских историков и философов.

Обратившись к анализу событий в СССР второй половины 1980-х гг., словацкий политолог утверждал, что советское руководство во главе с М. С. Горбачевым переняло «европейскую» традицию марксизма и подошло к проблемам советского общества в полном соответствии с западными образцами: постепенное введение элементов свободы слова и совести, рыночной экономики и демократизации политической жизни.

Горбачев придавал во внешней политике решающее значение отношениям с развитыми демократическими странами Запада. Его

¹ Задорожнюк 2005: 389–394.

² Шишелина 2010: 252–262.

³ Duleba 1996: 20, 29.

⁴ Duleba 1997a: 31–50; Duleba 1998: 38–56; Duleba 1997b: 25–33.

инициатива “нового политического мышления” в международных отношениях привела к разрядке в холодной войне и пониманию важности создания “общего европейского дома”⁵.

Дулеба, хотя и использовал оценку внешней политики Горбачева, данную ему английским политологом С. Н. Макфарлейном как «ранний международный либерализм», но не преминул отметить, что «во времена перестройки, в русской дискуссии и политической практике явно преобладали черты, характерные для традиционного русского западничества (или русского имперского национализма)»⁶. Также он подошел и к дипломатии первого российского правительства, возглавляемого Е. Т. Гайдаром. Ее он оценил как «явное продолжение лучших западных традиций во внутренней и внешней политике», то есть как русский имперский национализм. Правда, словацкий политолог затем добавил оценку внешнеполитической деятельности российского кабинета министров Макфарлейна, охарактеризовавшего ее как «классический пример международного либерализма»⁷. Более позднюю же эпоху правления Ельцина он назвал «радикальным русским национализмом». Справедливости ради необходимо отметить, что основных действующих лиц российской внешней политики (Б. Н. Ельцина, Е. М. Примакова и др.) он не называл, довольствуясь упоминанием таких политиков и общественных деятелей, как Э. В. Лимонов, В. В. Жириновский и С. Н. Бабурин⁸, которые с российской дипломатией и осуществлением внешней политики России имели очень мало, если не сказать ничего, общего. Анализировал он данное направление политического мышления на примере работ Н. А. Нарочницкой⁹.

Словацкий политолог привел в доказательство существования данного типа национализма защиту прав русских меньшинств в «ближнем зарубежье» в частности и политику в отношении этих стран в целом, а также отношение России к балканскому конфликту и югославскому кризису (поддержка духовно родственных славян и православных сербов). То есть поддержка своих соотечественников за рубежом,

⁵ Duleba, Hirman 1999: 22.

⁶ Duleba, Hirman 1999: 22–23.

⁷ MacFarlane 1994: 241–245.

⁸ Duleba, Hirman 1999: 23.

⁹ Narochnitskaya 1993: 122–128; Нарочницкая 1995: 241–260; Нарочницкая 1996:

наподобие венгерской земляческой политики (в том числе и поддержка словацких венгров), а также участие в урегулировании балканского конфликта наряду с США, Германией, Францией и Великобританией применительно к российской действительности и ее более или менее успешной политике объявлялось Дулебой «радикальным русским национализмом». Все это демонстрирует весьма субъективный подход словацкого политолога к российской внешней политике.

Совершенно противоположной точки зрения придерживался российский политолог А. П. Цыганков, который исходил из того, что внешняя политика России при министре иностранных дел РФ А. В. Козыреве не только предала национальные интересы России, но и вылилась в поражение внешнеполитической программы Ельцина и Козырева¹⁰. Будучи намного объективнее словацкого политолога, российский эксперт все-таки не привел никаких конкретных фактов из истории российской дипломатии 1990-х гг., довольствуясь общими посылами о провалах западной внешней политики при Козыреве и возрождением российской государственности и возникновению статуса великой державы сразу же после назначения Ельциным на пост нового главы российского МИД Примакова. К тому же, не добавляет конкретики и постоянная ссылка им на «государственников», «цивилизационщиков» и «западников».

Словацкие дипломаты в Москве не использовали эти субъективные или весьма абстрактные подходы словацких и российских политологов. Их задача заключалась в том, чтобы максимально объективно и в то же самое время как можно подробнее и разностороннее проанализировать роль России в тогдашнем мире, весьма сложную и в определенных моментах достаточно противоречивую. Необходимо понимать, что любое государство собирает информацию о подходах к решению насущных вопросов мировой повестки дня. В современном мире не может ускользнуть от внимания дипломатов ни один вопрос мировой политики, который затрагивает их страну.

Словацкие дипломаты в Москве составляли донесения для словацкого МИД на основе посольской концепции деятельности Политического отдела Посольства СР в Москве¹¹, разработанной сотруд-

¹⁰ Цыганков 2008: 111.

¹¹ Словацкие посольства делятся на три части: Политический отдел, Консульский отдел и Торгпредство. В данной статье использованы документы первого из них.

никами ведомства и одобренной в Братиславе. Принципы их работы на территории Российской Федерации были сформулированы следующим образом:

Согласно концепции внешней политики Словакии, как в соответствии с требованиями МИД СР, так и по собственной инициативе, Политический отдел Посольства СР в Москве предоставляет оперативную информацию о внутривнутриполитическом развитии и внешней политике РФ и стран СНГ, как и об их взаимных отношениях и процессах, происходящих на территории СНГ, уделяя при этом особое внимание той информации, которая способствует усовершенствованию словацко-российских отношений и других двусторонних связей Словакии в политической сфере¹².

В 1990-х гг. эти функции возлагались на четырех дипломатов. Прежде всего это был советник Посольства СР (с января 1993 г. — Милан Токар, в 1995 г. к нему примкнул Ижо Почьятек). В сферу их деятельности входило изучение словацко-российских отношений в политической сфере, многосторонних вопросов внешней политики (ООН, ОБСЕ, ЕС, СЕ, НАТО, Вышеградская группа, разоружение, безопасность и т. д.), процессов в трех странах Закавказья и отношения с ними РФ, событий в регионах и автономных республиках России. Первый секретарь (с января 1993 г. — Павел Благут, которого в 1995 г. сменил Петер Юза) анализировал внутриполитические события в Российской Федерации (политическая система, то есть президент, парламент, правительство, политические партии и движения, профсоюзы; субъекты РФ), внешнеполитические двусторонние отношения России. Второй секретарь (в 1993 г. — Петер Бирчак, с сентября 1994 г. — Павол Затлжай) ведал вопросами, связанными с российскими СМИ, культурой, образованием (включая словацких стипендиатов в РФ и СНГ), наукой, здравоохранением, делами религий. Третий секретарь (в 1993 г. — Любомир Регак и Василь Гривна, которого на этом посту в 1995 г. сменил Марьян Адам) изучал общее развитие как в СНГ, так и в отдельных республиках Центральной Азии, Казахстана, Белоруссии,

---

¹² DA MZV SR. ZÚ Moskva. Kartón (Kr.) 78. Fascikel (F.) 252–101. Interná koncepcia činnosti PÚ ZÚ SR. S. 2.

Молдовы, отношений РФ с ними, а также с Украиной и странами Балтии, и рассматривал военно-политическую сферу в России¹³.

По форме донесения можно разделить на две группы. В первую входят «политические отчеты». Эти документы составлялись дипломатами непосредственно после события, которое они анализировали. Они могли касаться как общих вопросов российской внешней политики (российско-немецкие отношения, позиция России по отношению к расширению НАТО), так и более конкретных вопросов (отдельное заседание Контактной группы по делам бывшей Югославии, саммит Б. Н. Ельцин — Б. Клинтон, пресс-конференция президента России после встречи «Большой восьмерки»). Вторую группу составляли «отчеты о разговоре/встрече». Эти донесения записывались сразу после разговора словацких дипломатов с российскими представителями. В данном случае речь идет о сотрудниках российского МИД. В статье используются, главным образом, донесения из первой группы.

Российская Федерация в 1990-х гг. принимала участие в решении самых сложных и во всем мире весьма эмоционально воспринимаемых конфликтов, в частности проблемы в Боснии и Герцеговине или на Ближнем Востоке. В то же время насыщенной стала внешняя политика России по отношению к НАТО или Евросоюзу. Российский МИД занимал свою позицию и по общеевропейской повестке дня, которая напрямую затрагивала интересы Словакии. Так, например, в первом варианте Пакта стабильности в Европе, предложенного Францией, который еще называли инициативой Балладюра (по фамилии тогдашнего французского премьер-министра), говорилось о возможности изменения послевоенных границ в Европе. Такая позиция не могла понравиться словацким представителям, учитывая значительное венгерское меньшинство на юге Словакии. Крайне важным для Словакии стало получение поддержки их позиции со стороны России. Ее представители сообщили словацким дипломатам в Москве, что РФ выступила против такого подхода, хотя французы с ним согласились¹⁴. В итоге к концу 1993 г. клаузулу о возможности изменения границ в Европе французы убрали из текста документа. Сотрудники российского МИД проинформировали словацких

¹³ Ibid. S. 5.

¹⁴ Ibid. Kr. 81. Fasc. 256–100. Záznam o rozhovore z 24. 8. 1993. Č.j. 2713/93-PÚ. S. 2.

дипломатов о том, что французский план, главным образом, является попыткой Франции повысить геополитический статус в связи с инициативами других европейских стран¹⁵.

Несколько позже Словакия попросила Россию поддержать ее кандидата на пост генерального секретаря ОБСЕ¹⁶. В свою же очередь заместитель министра иностранных дел С. Б. Крылов попросил заместителя министра иностранных дел Словакии Й. Шестака поддержать Россию в ходе переговоров о ее вступлении в ВТО. Шестак положительно отреагировал на данную просьбу¹⁷.

Российский МИД информировал словацких дипломатов в Москве о разных направлениях российской внешней политики: Югославия, Босния и Герцеговина, Ближний Восток, США и Канада, страны Евросоюза, НАТО, страны Центральной и Восточной Европы, Содружество независимых государств (СНГ) и т. д. В связи с такой весьма насыщенной внешнеполитической программой России, в рамках статьи возможно рассмотреть лишь общую характеристику словацкими дипломатами внешней политики, без конкретизации и анализа ее основных направлений.

Российская внешняя политика в целом, с точки зрения словацких дипломатов, привела к сложным, противоречивым результатам, в особенности в бытность министром А. В. Козырева. Когда в конце ноября 1995 г. стала очевидной будущая его отставка, словацкий дипломат П. Юза составил записку «Размышления о некоторых взглядах на внешнеполитическое направление Российской Федерации в посткозыревский период и краткое изложение нынешней критики деятельности министра Козырева». В записке отмечалось, что «единственным всеобъемлющим подходом во внешней политике была логика того, что ослабленная Россия должна послушно делать то, что Соединенные Штаты Америки (США) хотят от нее в рамках своих великодержавных амбиций, так как только осуществление данного курса обеспечит ее интеграцию в мировые экономические и другие структуры»¹⁸. На этом основывается отстаиваемая, но на

¹⁵ Ibid. Kr. 79. Fasc. 256–100. Č.j. 3791/93-PÚ. Záznam o rozhovore z 2. 12. 1993. S. 1–2.

¹⁶ Ibid. Kr. 93. Fasc. 256–100. Č.j. 1.658/96-PÚ. Záznam o rozhovore z 13. 2. 1996. S. 1–2.

¹⁷ Ibidem.

¹⁸ Ibid. Kr. 87. Fasc. 253–100. Úvaha o niektorých názoroch na smerovanie zahraničnej politiky RF v postkozyrevskom období a sumarizácia súčasnej kritiky ministra A. Kozyreva. S. 1–2.

практике нереализованная идея Козырева о стратегическом альянсе с США, позднее смягченная до идеи стратегического партнерства, при котором Россия низводилась до статуса второстепенной страны. Козырев ожидал, что РФ, согласившаяся на эту роль в мировой политике в качестве второстепенного статиста, будет Западом вознаграждена финансовой и технологической помощью. Команда министра иностранных дел в тандеме с тогдашним исполняющим обязанности премьер-министра России Е. Т. Гайдаром стала продвигать политический подход к внешней политике, который не имел широкой политической и социальной поддержки. Он был сосредоточен на усилиях навязать в России так называемый германо-японский вариант, который исходил из того, что побежденные во Второй мировой войне Германия и Япония были вынуждены заниматься только своим экономическим восстановлением и долгое время не участвовали во внешнеполитических процессах. По этому варианту Россия «должна была, во-первых, признать ведущую роль США в мире во всех областях, во-вторых, добровольно лишиться всего инструментария для возможного продвижения своих законных национальных интересов, и, в-третьих, решать только внутрироссийские экономические вопросы»¹⁹. Этот вариант брал свое начало в 1988–1992 гг., когда «СССР отверг логику геополитики». Однако применение этого варианта по самой своей природе означало, что «Запад стремился укрепить свои позиции в мире не во благо России, а вопреки ее основополагающим интересам»²⁰. Поэтому, с точки зрения Юзы, изначально положительный подход Гайдара и Козырева, связанный с постепенным восстановлением российской государственности, не мог быть реализован. Неконтролируемый распад СССР не привел к формированию демократических основ государственности, но ослабил страну.

Различные прогнозы 1991–1993 гг. предполагали, что процесс дезинтеграции в России, инициированный элитами сверху, продолжится. Это пытались использовать некоторые субъекты федерации для укрепления своих позиций и минимизации влияния Москвы на принятие решений местными элитами. Однако российская государственность начала консолидироваться в середине 1990-х гг., на что

---

¹⁹ Ibid. S. 2.

²⁰ Ibidem.

«официальная Москва слишком поздно отреагировала». В качестве примера словаки приводили запоздалый и неадекватный ответ Москвы на растущий сепаратизм в Чечне с точки зрения как содержания, так и формы. Словацкий дипломат особенно подчеркнул тот факт, что этот неадекватный ответ был связан

[с] новой российской бюрократией, экономическими элитами, несформировавшимся гражданским обществом и пассивностью Запада, который использовал Москву только для преследования своих интересов, часто против интересов России²¹.

В связи с данным фактом:

[Благодаря] непостижимой политике Запада по отношению к России, во внешней политике незаметно утвердилось положение (как отражение радикализации внутриполитической ситуации, когда помимо национального и националистического подходов общей платформой стал антиамериканизм), согласно которому Россия является мировым лидером, а другие великие державы, прежде всего США, Франция, Германия и Великобритания, обязаны это признать²².

Идея «Великой России» появилась в связи с необходимостью разработки новой национальной идеологии, которая «учитывала бы корпоративные интересы российской политической элиты, а также растущую силу российского национального капитала, становящегося влиятельным фактором в некоторых странах мира»²³. С точки зрения словацкого дипломата, российская политическая элита хотела, чтобы Россия вновь стала сильной и чтобы ее национальные интересы учитывались при принятии важных стратегических решений. Подход Козырева к реализации внешней политики, основанный на добровольной зависимости от США, стал для нее абсолютно неприемлемым. Это сказалось на кадровой политике российского правительства. Так, в начале ноября 1995 г. президент Б. Н. Ельцин назначил еще одного заместителя министра иностранных дел В. С. Сидорова, которому он поручил координировать деятельность МИД с решениями аппарата президента РФ и с другими ветвями исполнительной власти в России²⁴.

---

²¹ Ibidem

²² Ibidem.

²³ Ibid. S. 3.

²⁴ Ibidem.

В записке отмечено, что подход Козырева к осуществлению внешнеполитической концепции России на практике имел парадоксальный эффект: во-первых, он нанес ущерб российским национальным интересам и, во-вторых, ослабил основы «фетишизированного российско-американского сотрудничества». Деятельность Козырева на посту министра иностранных дел к середине 1995 г. стала рассматривалась большей частью российской политической элиты (и не только в рядах оппозиции) как политика, направленная не на защиту российских национальных интересов, а удовлетворение идейно-политическим требованиям либералов. Благодаря данному подходу, а также из-за неспособности американских ведомств объективно анализировать внутрироссийскую ситуацию, особенно в 1991–1992 гг., у США отсутствовало представление об основных акторах внутренней и внешней политики России.

Взгляды узкой российской политической группы были необоснованно восприняты в США как согласованные подходы широкой политической элиты и приняты в качестве аксиомы во вред себе (рост антиамериканских настроений в России), а также в ущерб региону Центральной и Восточной Европы для его развития и консолидации. Другим недостатком стало то, что США приняли представленные взгляды в качестве закономерного развития России²⁵.

Это привело к существенному непониманию политическими элитами США как внутривнутриполитического развития, так и реальных возможностей проведения российской внешней политики.

Не отвечающее реальности представление о национальных интересах России привело к уверенности Госдепартамента США, что Москва обязана соглашаться на все шаги Вашингтона. Поэтому, когда Россия, претендуя на статус одной из мировых держав, начала говорить о своих интересах в Боснии и Герцеговине, взглядах на европейскую систему безопасности, неприемлемости возможного расширения НАТО на Восток, американские эксперты поняли это как поворот на 180 градусов в позициях России. Неправильно информированные американские политические элиты остались разочарованными, так как считали, что действовали во благо России²⁶.

---

²⁵ Ibidem.

²⁶ Ibidem.

Мозаику таких убеждений дополняла внутрироссийская риторика Козырева, убеждавшего, что партнерство с США гарантирует экономическую и финансовую помощь России как в краткосрочной, так и в долгосрочной перспективе.

Вашингтон, однако, не был готов вникать в сложности отношений России с другими странами бывшего СССР, в частности с Украиной и странами Балтии.

Неподготовленность проявлялась в попытках навязать их отношениям аспекты, не возможные в силу исторических и психологических причин. Кроме того, если возникли какие-либо проблемы между этими странами и Россией, США без должного анализа исторического прошлого выступали против Москвы. Это вызывало дальнейшее наращивание антиамериканских настроений в России. А Козырев не смог объяснить российскому населению, почему лучшие друзья России — США и Германия — инициировали антироссийские выступления на Украине (причем известно, что без поддержки России разрушение украинской экономики достигло бы такого размаха, которое могло бы привести к угрозе существования Украины и неконтролируемой миграции, способной повлиять даже на Западную Европу)²⁷.

Глава МИД РФ также не давал вразумительного ответа, почему западные страны вели дело к расширению НАТО несмотря на «соглашения, принятые при объединении Германии»²⁸. Это были решающие факторы, ставшие «самыми тяжелыми ударами для проводимой Козыревым внешней политики», сделавшие невозможным дальнейшее проведение демократических реформ внутри страны²⁹.

Постепенно внешняя политика все больше влияла на политику внутреннюю. В Государственной Думе прочно утвердилось мнение, что любое соглашение, подписанное Козыревым, является антироссийским, что повлияло, в свою очередь, на процесс ратификации американо-российских соглашений, в том числе договора СНВ-2. Осенью 1995 г. недоверие к министру иностранных дел переросло в открытое недовольство, в том числе в таких силовых ведомствах, как внешняя разведка, аппарат Совета безопасности РФ и Министерство обороны России³⁰.

---

²⁷ Ibid. S. 4.

²⁸ Ibidem.

²⁹ Ibidem.

³⁰ Ibid. S. 5.

В связи с вышеизложенным 9 января 1996 г. Б. Н. Ельцин своим указом назначил на пост министра иностранных дел РФ Е. М. Примакова³¹. Уже через три дня новый глава МИД РФ на пресс-конференции обозначил основные приоритеты российской внешней политики: поддержание статуса сверхдержавы, укрепление территориальной целостности страны, реинтеграция РФ со странами СНГ в экономической сфере, стабилизация международного положения РФ на региональном уровне, что на практике означало «усилие по урегулированию межэтнических, межрегиональных и межгосударственных конфликтов на пространстве СНГ», решение вопросов, связанных с распространением оружия массового уничтожения. Общий вывод словацких дипломатов о внешнеполитической деятельности российского правительства был следующим:

Главными отличительными чертами российской внешней политики остаются отказ от конфронтации, недопущение возврата к холодной войне, создание и развитие дружеских отношений с бывшими противниками, но с акцентом на реализацию сотрудничества с ними в духе равноправного партнерства³².

Данные приоритеты, в особенности критика расширения НАТО на Восток, интеграция со странами СНГ и равноправные отношения с западными странами, Примаков отметил в начале февраля 1996 г. на заседании Комитета по внешней политике Государственной Думы РФ³³.

С приходом Примакова в российский МИД началась новая эпоха российской внешней политики, в основе которой лежала защита российской дипломатией национальных интересов. Изменилась не только риторика, но и подходы к данной сфере. Однако необходимо заметить, что модифицировать ее президент РФ пытался еще в начале 1993 г. Тогда словацкие дипломаты в Москве в одном из донесений в словацкой МИД писали:

³¹ Ibid. Kr. 91. Fasc. 253–100. Č.j. 1.070/96-PÚ. Jevgenij Primakov – nový minister zahraničných vecí RF. S. 1.

³² Ibid. Č.j. 1.152/96-PÚ. Prvá tlačová konferencia ministra zahraničných vecí RF Jevgenija Primakova. S. 1.

³³ Ibid. Č.j. 1.580/96-PÚ. Zaminir Primakov v zahraničnom výbore ŠD. S. 1.

В связи с продолжающейся отсрочкой обещанной массовой финансовой помощи со стороны Запада, катастрофическим ухудшением российской экономики и сужением социальной базы президента Ельцина в настоящее время произошли некоторые сдвиги в сторону укрепления позиций национал-патриотической оппозиции в российском парламенте³⁴.

Козырев, тем не менее, не был сторонником таких изменений. Хотя он и отметил на заседании парламента тот факт, что российский МИД принимает во внимание точку зрения парламента, однако четко определил «исключительную компетенцию» президента и правительства в области формирования внешней политики и принятия конкретных действий в данном направлении. «Несмотря на это, бесспорно, что именно внутривполитический фактор в виде повышенной критики оппозиции приводит к нынешней модификации российской внешней политики», — отметил первый секретарь Посольства СР в Москве П. Благут³⁵.

Уже во второй половине января 1993 г. президент Ельцин на пресс-конференции перед отъездом в Индию «обвинил США в том, что они диктуют свои условия и заявил, что Россия должна проводить более сбалансированную политику в отношении остального мира. В то же время впервые после формирования антииракской коалиции и принятия соответствующих резолюций Совета безопасности ООН по бывшей Югославии он отметил, что позиции США и РФ в отношении этих конфликтов разнятся»³⁶.

Изменение отношения к западным странам со стороны президента Ельцина зафиксировала и словацкая правительственная делегация во главе с премьер-министром Словакии В. Мечьяром, посетившая Москву 24–25 марта 1993 г. На встрече с ее представителями российский президент отметил, что «ни одной из стран Центральной и Восточной Европы не помогла их ориентация на Запад». Этот факт он проиллюстрировал на примере прибалтийских республик. Их нынешнюю ситуацию он «охарактеризовал как катастрофическую, заявив, что разрыв отношений с Россией привел

³⁴ Ibid. Кр. 79. Fasc. 253–100. Č.j. 1498/93. Nové tendencie v ruskej zahraničnej politike. S. 1–2.

³⁵ Ibid. S. 2.

³⁶ Ibidem.

к более ощутимым последствиям в этих странах, нежели в самой России»³⁷.

При Козыреве реального изменения внешней политики не произошло. Как отметили словацкие дипломаты в Москве Козырев и радикальные демократы, группировавшиеся вокруг Гайдара, ошибочно полагали, что изменение риторики Ельцина было всего лишь «согласованным усилием парализовать политическое влияние отдельных групп и личностей: В. Жириновского, А. Лебеда или Г. Зюганова»³⁸.

Отставка Козырева и назначение на его пост Примакова расставили все по своим местам. Однако внешняя политика не могла радикально измениться из-за глубоких экономических проблем, с которыми столкнулась страна в 1990-е годы. Об этом говорится в записке Юзы «Фактор внешней политики в послании президента РФ Ельцина» Федеральному Собранию РФ от 23 февраля 1996 г.:

Общее содержание послания <...> подтвердило, что Ельцин и его окружение остались приверженцами демагогии: грозили различными ответными действиями или контрмерами, не имея реальной внутрироссийской социальной и экономической базы, необходимой для фактического осуществления подобных контрмер³⁹.

Примечательно, что Юза в конце 1995 г. обвинял в провалах российской внешней политики западные страны и министра иностранных дел Козырева, а в начале 1996 г. досталось уже президенту РФ. Внешнеполитическая часть данного документа, с точки зрения словацкого дипломата,

подтверждает, что в критический момент Ельцин умеет найти виновных в постоянно накапливающихся внешнеполитических неудачах, несмотря на то что именно у него практически неограниченные президентские полномочия. Из контекста ясно, что ответственность за слабость

³⁷ SNA. Fond Úrad vlády Slovenskej republiky. Šk. 16. Č.m. 1798/93. Informácia priebehu a výsledkoch oficiálnej návštevy delegácie vlády Slovenskej republiky vedenej jej predsedom Vladimírom Mečiarom v Ruskej federácii v dňoch 24. a 25. marca 1993. Príloha I. B. Záznam z prijatia predsedu vlády SR Vladimíra Mečiara u prezidenta RF Borisa Jelcina. S. 1.

³⁸ DA MZV SR. F. ZÚ Moskva. Kr. 87. Fasc. 253–100. Úvaha o niektorých názoroch na smerovanie zahraničnej politiky RF v postkozyrevskom období a sumarizácia súčasnej kritiky ministra A. Kozyreva. S. 3.

³⁹ Ibid. Kr. 91. Fasc. 253–100. Č.j. 1.835/96-PÚ-1. Faktor zahraničnej politiky v posolstve B. Jelcina (doplnenie nášho č. 1.835/96-PÚ). S. 1.

России в международной сфере, согласно анализу президента, несет бывший министр Козырев, хотя лично он и не упоминается⁴⁰.

Словацкие дипломаты акцентировали внимание на зависимости России от кредитов Международного валютного фонда и Всемирного банка. Так, например, в начале 1996 г. премьер-министр России В. С. Черномырдин прибыл в США с целью получения согласия Всемирного банка выделить России кредит в размере 9 млрд долларов на три года. Глава Совета министров РФ добился желаемого результата, что стало после декабрьских российских парламентских выборов в 1995 г. «важным сигналом для западных инвесторов и проявлением определенного доверия американских кругов России»⁴¹. В такой внутривластной и социально-экономической ситуации вряд ли стоило ожидать существенных сдвигов в области изменения российской внешней политики.

Тем не менее, назначение Примакова на пост министра иностранных дел РФ вызвало неприятие в США. Уже в начале 1996 г., по словам заместителя министра иностранных дел РФ С. Б. Крылова, США замедлили процесс трансформации G-7 в G-8, продемонстрировав недовольство новым внешнеполитическим курсом РФ. Американским властям не понравились как концентрация внимания России на СНГ (в том числе на урегулировании конфликтных ситуаций на данной территории), так и возрождение интереса к странам Центральной и Восточной Европы и «более конкретное сопротивление РФ возможному приближению НАТО к своим границам»⁴².

В 1998 г. США начали предпринимать действия по смещению Примакова. Причиной, по данным словацких дипломатов, стало то, что «некоторым кругам в США не нравился рост влияния РФ» в связи «с ее активизацией на дипломатическом поле в рамках урегулирования мировых очагов напряженности». Западные СМИ его обвиняли даже в «сталинских методах во внешней политике и в искусственном создании сверхдружественных отношений с такими диктаторами, как С. Милошевич и С. Хуссейн»⁴³. Однако амери-

⁴⁰ Ibidem.

⁴¹ Ibid. Kr. 93. Fasc. 256–100. Č.j. 1.658/96-PÚ. Záznam o rozhovore z 13. 2. 1996. S. 1.

⁴² Ibidem.

⁴³ Ibid. Kr. 96. Fasc. 253–100. Č.j. 2215/98-RUVV/PÚ. Ruské postoje k situácii v Kosove, čiastková analýza ruskej zahraničnej politiky, pozícia Primakova po výmene vlády. S. 2.

канское давление, как отмечали словацкие дипломаты, только убедило в правильности выбора главы МИД⁴⁴.

Россия продолжила свою внешнеполитическую линию, а США — расширение НАТО и уже начали говорить о необходимости отказаться от комплексного выполнения ими Договора по ПРО. Это в 1999 г. привело к ужесточению российской риторики.

Сегодня на фоне чеченского конфликта, споров об адаптации ПРО и других проблем, не только множатся очень резкие и противоречивые заявления не только военных, но и представителей МИД и сотрудников других правительственных учреждений. “Слабая” реакция на эту тенденцию со стороны политической верхушки органов исполнительной власти свидетельствует либо о высокой степени политического влияния и амбиций в данном направлении среди российских военных кругов, либо о том, что такая линия не является абсолютно чужой для <...> политической элиты России.

Словацкие дипломаты частично объясняли агрессивную риторику предстоящими в конце 1990-х гг. парламентскими и президентскими выборами. Тем не менее, они были убеждены:

Элементы периодической конфронтации и наращивание мускулов в российской внешней политике являются традиционными и не могут быть объяснены исключительно настроениями накануне выборов. Однако тормозом реального изменения вектора внешней политики России выступает нехватка финансовых ресурсов для его реализации⁴⁵.

Таким образом, возможно сделать вывод: словацкие дипломаты считали, что внешняя политика России при Козыреве не защищала национальные интересы и это вылилось, в свою очередь, в противостояние тогдашнему МИД значительной части российской политической элиты. С другой стороны, когда Примаков и И. Иванов начали проводить политику, исходившую из национальных интересов России, словацкие дипломаты критиковали и ее. В этом их можно понять. Ведь худший вариант для Словакии — это необходимость делать выбор между западными странами и Российской Федерацией.

⁴⁴ Ibid. Kr. 97. Fasc. 253–100. Č.j. 2805/98-RUVV/PÚ. Zásadné vystúpenie prezidenta Jeľčina o ruskej zahraničnej politike. S. 3.

⁴⁵ Ibid. Kr. 101. Fasc. 253–100. Č.j. 5184/99-RU-PU. Niektoré aspekty ruskej zahraničnej politiky. S. 3.

Учитывая важность обоих направлений словацкой внешней политики для внутреннего развития, совершенно очевидно, что такой выбор был бы чреват отрицательными последствиями для страны. Поэтому дипломаты хотели бы, чтобы отношения между Западом и Россией развивались беспроблемно. Однако к концу 1990-х г. это было уже невозможно, а затем последовали выход НАТО к российским границам, реальное изменение внешней политики России, взаимный санкционный режим, от которого экономика Словакии действительно пострадала.

Список сокращений

ЕС — Европейский Союз

НАТО — Североатлантический альянс

ОБСЕ — Организация по безопасности и сотрудничеству в Европе

ООН — Организация объединенных наций

ПРО — Противоракетная оборона

СЕ — Совет Европы

DA MZV SR — Diplomatický archív Ministerstva zahraničných vecí Slovenskej republiky, Bratislava

SNA — Slovenský národný archív, Bratislava

ZÚ Moskva — Fond Zastupiteľský úrad Slovenskej republiky v Moskve

Литература

Задорожнюк 2005 — *Задорожнюк Э.Г.* Первое десятилетие политической истории Словацкой Республики. 1993–2003 // Чехия и Словакия в XX веке: Очерки истории: в 2 кн. / под ред. Э.Г. Задорожнюк, В.В. Марьиной (отв. ред.), Е.П. Серапионовой. М.: Наука, 2005. Т. 2. С. 383–439.

Нарочницкая 1995 — *Нарочницкая Н.А.* Тенденции в мировом соотношении сил государств и цивилизаций, в изменении геополитического положения России, в политике государств и их союзов, военно-политических блоков и международных организаций // Россия и Центральная Европа в новых геополитических реальностях / отв. ред. Л.Н. Шишелина. М.: ИМЭМО РАН, 1995. С. 241–260.

Нарочницкая 1996 — *Нарочницкая Н.А.* Россия и русские в мировой истории // Международная жизнь. 1996. № 3. С. 75–86.

Цыганков 2008 — *Цыганков А.П.* Внешняя политика России от Горбачева до Путина. М.: Научная книга, 2008.

- Шишелина (ред.) 2010 — Вишеградская Европа: Откуда и куда. Два десятилетия по пути реформ в Венгрии, Польше, Словакии и Чехии / под ред. Л. Н. Шишелиной. М.: Весь мир, 2010.
- Duleba 1996 — *Duleba A. Slepý pragmatizmus slovenskej východnej politiky: Aktuálna agenda slovensko-ruských bilaterálnych vzťahov*. Bratislava: Výskumné centrum Slovenskej spoločnosti pre zahraničnú politiku, 1996.
- Duleba 1997a — *Duleba A. Slovensko-ruské hospodárske vzťahy: viac otázok ako odpovedí (obchodné problémy, vízie, suroviny a ...)* // *Mezinárodní vztahy*. 1997. Č. 2. S. 31–50.
- Duleba 1997b — *Duleba A. Nerovné partnerstvo: Rusko a Slovensko* // *Mezinárodní vztahy*. 1997. Č. 4. S. 25–33.
- Duleba 1998 — *Duleba A. Slovensko-ruská spolupráca vo vojenskej a vojensko-priemyselnej oblasti alebo Kde končí obchod a začína politika* // *Mezinárodní vztahy*. 1998. Č. 1. S. 38–56.
- Duleba, Hirman 1999 — *Duleba A., Hirman K. Rusko na konci Jeľcinovej éry. Zahraničná a vnútorná politika, rozširovanie NATO a záujmy Slovenska*. Bratislava: Inštitút pre verejné otázky, 1999.
- MacFarlane 1994 — *MacFarlane S.N. Russian conceptions of Europe* // *Post-Soviet Affairs*. 1994. Vol. 10. No. 3. P. 234–269.
- Narochmitskaya 1993 — *Narochmitskaya N. Russia belongs to neither the East nor the West. The World needs and will need it as precisely Russia* // *International Affairs*. 1993 (August). P. 122–128.

References

- Duleba, A., 1996. *Slepý pragmatizmus slovenskej východnej politiky: Aktuálna agenda slovensko-ruských bilaterálnych vzťahov*. Bratislava: Výskumné centrum Slovenskej spoločnosti pre zahraničnú politiku.
- Duleba, A., 1997a. Slovensko-ruské hospodárske vzťahy: viac otázok ako odpovedí (obchodné problémy, vízie, suroviny a záujmy). *Mezinárodní vztahy*, 2, pp. 31–50.
- Duleba, A., 1997b. Nerovné partnerstvo: Rusko a Slovensko. *Mezinárodní vztahy*, 4, pp. 25–33.
- Duleba, A., 1998. Slovensko-ruská spolupráca vo vojenskej a vojensko-priemyselnej oblasti alebo Kde končí obchod a začína politika. *Mezinárodní vztahy*, 1, pp. 38–56.
- Duleba, A., Hirman K., 1999. *Rusko na konci Jeľcinovej éry. Zahraničná a vnútorná politika, rozširovanie NATO a záujmy Slovenska*. Bratislava: Inštitút pre verejné otázky.
- MacFarlane, S.N., 1994. Russian conceptions of Europe. *Post-Soviet Affairs*, 10, 3, pp. 234–269.
- Narochmitskaia, N.A., 1995. Tendentsii v mirovom sootnoshenii sil gosudarstv i tsivilizatsii, v izmenenii geopoliticheskogo polozheniia Rossii, v politike

- gosudarstv i ikh soiuзов, voenno-politicheskikh blokov i mezhdunarodnykh organizatsii [Trends in the global balance of forces of states and civilizations, in changing the geopolitical position of Russia, in the politics of states and their unions, military-political blocs and international organizations]. In: Shishelina, L. N., ed. *Rossia i Tsentral'naia Evropa v novykh geopoliticheskikh real'nostiakh* [Russia and Central Europe in new geopolitical realities]. Moscow: IME MO RAN, pp. 241–260.
- Narochnitskaia, N. A., 1996. Rossiia i russkie v mirovoi istorii [Russia and Russians in the world history]. *Mezhdunarodnaia zhizn'*, 3, pp. 75–86.
- Narochnitskaya, N., 1993. Russia belongs to neither the East nor the West. The World needs and will need it as precisely Russia. *International Affairs*, August, pp. 122–128.
- Shishelina, L. N., ed., 2010. *Vishegradskaia Evropa: Otkuda i kuda. Dva desiatiletia po puti reform v Vengrii, Pol'she, Slovakii i Chekhii* [Vyšehrag Europe: where from and where to. Two decades on the way of reforms in Hungary, Poland, Slovakia and Czechia]. Moscow: Ves' mir.
- Tsygankov, A. P., 2008. *Vneshniaia politika Rossii ot Gorbacheva do Putina* [Russia's foreign policy from Gorbachev to Putin]. Moscow: Nauchnaia kniga.
- Zadorozhniuk, E. G., 2005. Pervoe desiatiletie politicheskoi istorii Slovatskoi Respubliki. 1993–2003 [The first decade of political history of Slovak Republic. 1993–2003]. In: Zadorozhniuk, E. G., Mar'ina, V. V. (Ed.-in-chief), Sepapionova, E. P., eds. *Chekhii i Slovakiia v 20 veke. Ocherki istorii v 2 tomakh*. [Czechia and Slovakia in the twentieth century. Essays of history in 2 vols.], 2, Moscow: Nauka.

Viktor V. Nikitin

Junior Research Fellow, Institute of Slavic Studies, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia. 119334, Leninsky Prospekt, 32A.
E-mail: nikitin.viktor.1979@gmail.com

Russia's foreign policy in the age of Boris Yeltsin through the eyes of Slovak diplomats (1993–1999)

Based on archival documents from the Embassy of the Slovak Republic in Moscow, which are being introduced into scholarly use for the first time, this essay discusses the two basic approaches of Slovak diplomats to Russian foreign policy. The first approach, utilised during the era of the Minister of Foreign Affairs of the Russian Federation Andrei V. Kozyrev, was described by Slovak representatives in Russia criticising its pro-Western policy that they said did not meet Russian national interests, but was then being pursued by the then top of the Russian Foreign Ministry. They saw the main problems of Russian diplomacy as being the deterioration of the socio-economic situation of the population of the Russian Federation on the one hand, and Kozyrev's emphasis on "strategic partnership" with the United States on the other, which gave rise to growing anti-American sentiments both among the political elite and the Russian electorate. This led, in particular, to a situation where even the most important bilateral agreements between Russia and the United States were perceived by the deputies of the Federal Assembly of the Russian Federation as a betrayal of Russian national interests. The second approach, which appeared in Slovak diplomatic reports under the next head of the Russian Foreign Ministry, Evgeny M. Primakov, was characterised by, after modifying both their rhetoric and approach to foreign policy, criticism of the minister, which resulted in an attempt by Western countries, especially the United States, to have him removed from his post. This is because Slovakia did not need even a hint of a conflict between Russia and the West, since both the Western and the post-Soviet spaces became the most important and, in a sense, even irreplaceable areas of Slovak foreign policy.

Keywords: diplomacy, international relations, Russian Federation, Andrey Kozyrev, Evgeny Primakov

ГЛАВА 3

В ШАГЕ ОТ ВОЙНЫ: НАБЛЮДЕНИЯ, ВПЕЧАТЛЕНИЯ, ОЦЕНКИ

Олег Евгеньевич Алпеев

Кандидат исторических наук, старший научный сотрудник,
Научно-исследовательский институт (военной истории)
Военной академии Генерального штаба Вооруженных Сил РФ,
Москва, Россия. 119571, проспект Вернадского, 100.
E-mail: oalpeev@yandex.ru

Вооруженные силы и стратегические планы Великобритании в Центральной и Южной Азии в оценках офицеров российского Генерального штаба (конец XIX — начало XX в.)

Статья посвящена разведывательному обеспечению разработки Россией планов войны с Великобританией в Центральной Азии, которая началась во время Пендинского кризиса 1885 г. и продолжалась вплоть до 1914 г. Русские оперативные планы предусматривали ведение наступательных действий против индо-британской армии в Центральной Азии. Во время наивысшего обострения отношений с Великобританией приоритетной задачей русского Генерального штаба становилась разработка планов «похода в Индию». После 1905 г. в России отказались от планов вторжения в индийские владения Великобритании. Важную роль в подготовке к войне играло изучение русской военной разведкой индо-британской армии и вероятных планов противника на Туркестанском направлении. Подготовка русского Генштаба к войне против Афганистана и Британской Индии на рубеже XIX–XX вв. осуществлялась в условиях «информационного голода» и носила во многом предположительный характер. После русско-японской войны военное ведомство стало уделять больше внимания ведению разведывательной деятельности и научному анализу добытой информации о регионе. Так, с 1904 г. русская военная разведка внимательно следила за развитием масштабной реформы индо-британской армии, начатой генералом Г. Китченером, и на основании поступавших сведений пришла к неверным выводам относительно угрозы центральноазиатским владениям Британской империи. Во многом преувеличенные оценки военной мощи и планов Великобритании отразились на русском стратегическом планировании, и на их основании в 1905–1910 гг. произошел отказ от плана «похода в Индию».

Ключевые слова: военная разведка, Центральная Азия, Индия, русский Генеральный штаб

Борьба за господство в Центральной Азии и противодействие попыткам Великобритании утвердить влияние в регионе являлись важными направлениями внешней политики Российской империи в конце XIX — начале XX в. Со временем это соперничество стало известно как «Большая игра». В условиях перманентного дипломатического противоборства с Великобританией большое значение для России приобрело планирование военных действий на территории Афганистана и Северной Индии — наиболее вероятном стратегическом направлении, где могло состояться столкновение между сухопутными армиями двух империй. Важную роль в русском стратегическом планировании в Центральноазиатском регионе играла деятельность военной разведки по освещению состояния вооруженных сил и вероятных планов Великобритании¹.

Систематическая подготовка России к военным действиям против Великобритании на северо-западных подступах к Индии началась после Кушкинского боя 18 марта 1885 г.² Результатом Пендинского кризиса стал глубокий дипломатический конфликт между Россией и Великобританией, поставивший две империи на грань войны. В течение весны и лета 1885 г. будущий военный министр генерал-майор А. Н. Куропаткин разработал план, изложенный в записке «Соображения на случай войны с Англией на Среднеазиатском театре действий» от 8 июля 1885 г.³ Он предусматривал нанесение главного удара в направлении на Герат, а после занятия Гератской провинции и Афганско-Туркестана Куропаткин предполагал приступить к оккупации всего Афганистана и вторжению в Индию. Развитие плана вторжения «похода в Индию», предложенного А. Н. Куропаткиным, достигло наивысшей точки в 1903 г. Это было связано с новым обострением отношений с Великобританией. С целью подготовки к вероятному столкновению с Англией 18–20 декабря 1903 г. в Санкт-Петербурге под председательством А. Н. Куропаткина было проведено совещание по вопросам планирования войны с Афганистаном и Великобританией⁴. Оно прохо-

¹ См.: Алексеев 1998; Звонарев 2003; Постников 2005.

² См.: Басханов 2015; Игнатьев (ред.) 1997; Сергеев 2012; Heathcote 2013; Marshall 2006.

³ РГВИА. Ф. 402. Оп. 2. Д. 34. Л. 1–53 об.

⁴ Журналы совещания см.: Журнал № 1 заседания 18 декабря 1903 г. // РГВИА. Ф. 400. Оп. 4. Д. 504. 2-я паг. Л. 2–11; Журнал № 2 заседания 19 декабря 1903 г. // Там же. Л. 12–23 об.; Журнал № 3 заседания 20 декабря 1903 г. // Там же. Л. 24–30 об.

дило на фоне все больше заходивших в тупик переговоров с Японией. Участники совещания назвали целью действий русской армии в Центральной Азии осуществление «похода в Индию». По итогам совещания был подготовлен доклад по Главному штабу №31 от 6 февраля 1904 г.⁵ В нем излагался план войны в Центральной Азии, предполагавший поэтапное овладение Афганистаном в течение двух последовательных кампаний и нанесение решительного удара Великобритании «в пределах самой Индии, с целью лишить ее этой важнейшей колонии, служащей главным источником ее могущества»⁶. Таким образом, к началу русско-японской войны 1904–1905 гг. русский план «похода в Индию» через Герат и Кандагар окончательно оформился.

После поражения в Маньчжурии русский Генштаб пересмотрел планы военных действий в Центральной Азии. Теперь он стал готовиться к проведению оборонительной или контрнаступательной операции на территории Афганистана против предполагаемого наступления англо-афганских войск, а главным направлением вместо Гератского называлось направление на Мазари-Шариф и далее на Кабул. Новый план был разработан туркестанским делопроизводством ГУГШ — вновь созданным планирующим органом Российской империи, и излагался в «Высочайших указаниях командующему войсками Туркестанского военного округа на случай войны с англо-афганцами» от 23 мая 1910 г.⁷ План войны против Афганистана и Великобритании предполагал разгром объединенных сил противников в течение двух кампаний. В ходе первой требовалось занять Северный Афганистан и укрепиться в нем, во второй — провести наступательную операцию на Кабул и Кандагар. Вопрос о «походе в Индию» в новых стратегических реалиях уже не поднимался.

Во многом изменение вектора русского стратегического планирования в Центральной Азии диктовалось прогнозами военной разведки. В конце XIX — начале XX в. в России сформировалась система сбора и анализа разведывательных данных об Индии и индо-британской армии. Центральным органом русской военной разведки до 1903 г. был Военно-ученый комитет Главного штаба, с 1903 до 1905 г. — 7-е отделение (по военной статистике иностранных государств) 1-го

⁵ РГВИА. Ф. 400. Оп. 4. Д. 504. 2-я паг. Конверт: Л. 52. Вложенные листы: Л. 1–11 об.

⁶ Там же. Л. 2.

⁷ РГВИА. Ф. 2000. Оп. 1. Д. 3590. Л. 1–3 об.

военно-статистического отдела управления 2-го генерал-квартирмейстера Главного штаба. После создания в 1905 г. ГУГШ за ведение разведки в Центральной Азии стало отвечать Туркестанское статистическое делопроизводство, переформированное затем в оперативно-статистическое делопроизводство части 3-го, а с 1910 г. — 2-го обер-квартирмейстера Управления (затем — отдела) генерал-квартирмейстера Генштаба. Также ведение разведывательной деятельности осуществлялось отчетным, впоследствии разведывательным отделением штаба Туркестанского военного округа и русским консульством в Бомбее, учрежденном в 1900 г. При консульстве состоял негласный агент в качестве переводчика. Самые важные сведения доставлял военный агент (в современной терминологии — атташе) в Лондоне. Наиболее высококвалифицированным специалистом по Великобритании и Британской Индии был генерал-майор Н. С. Ермолов, занимавший этот пост с 1891 по 1905 г. и с 1907 по 1916 г.

Какие имелись у русского Генерального штаба источники разведанных о регионе и вооруженных силах вероятного противника? Во-первых, это были открытые источники информации — официальные издания британского и индо-британского военных ведомств и периодическая печать. Вторым источником информации служили официальные командировки офицеров Генерального штаба. Так, на рубеже XIX и XX столетий в Индию неоднократно командировались офицеры Генерального штаба: капитан В. Ф. Новицкий (в 1898 г.), подполковник А. А. Полозов и штабс-капитан А. Е. Снесарев (оба — в 1899 г.), подполковник И. К. Серебrenников (в 1901 г.), подполковник Л. Г. Корнилов (в 1903 г.) и др.⁸ Третьим источником разведывательной информации были негласные агенты, которые в основной массе давали непроверенную и недостоверную информацию. Особенно это касалось агентов из числа местных жителей, не имевших, разумеется, специальной подготовки. Случайные сведения поступали от авантюристов, вертевшихся вокруг военного агента в Лондоне — среди них назовем агента под псевдонимом «Долговязый» и некоего «Американца “F”»⁹.

Организация изучения разведкой Центральноазиатского региона признавалась неадекватной самими представителями военного

⁸ Басханов 2015: 43.

⁹ РГВИА. Ф. 2000. Оп. 1. Д. 970. Л. 1.

ведомства России. Так, по образному выражению постоянного члена Совета государственной обороны, видного военного инженера А. П. Вернандера, высказанному им в 1906 г., лежащий между Индией и Россией Афганистан представлялся страной, «в которой даже в 20-ти верстах от границы неизвестно что происходит»¹⁰. После русско-японской войны знания об этом регионе стали возрастать, во многом благодаря созданию ГУГШ. Большая заслуга в этом принадлежала выдающемуся военному востоковеду А. Е. Снесареву, служившему с 1906 г. помощником делопроизводителя части 3-го оберквартирмейстера ГУГШ. 4 августа 1905 г. он представил начальнику Генерального штаба генерал-лейтенанту Ф. Ф. Палицыну для дальнейшей передачи в Совет государственной обороны записку «Организация наблюдений Афганистана и Индии»¹¹. В ней он обосновал необходимость создания в ГУГШ специального подразделения по военно-статистическому изучению Центральной Азии и предложил ряд мероприятий по улучшению разведывательной деятельности в регионе. Благодаря ему, в частности, в ГУГШ и появилось туркестанское военно-статистическое делопроизводство.

Несмотря на неудовлетворительное обеспечение разведанными, русский Генеральный штаб в конце XIX — начале XX в. сформировал вполне адекватное представление об индо-британской армии мирного времени. Результатом деятельности военной разведки в Центральной Азии стали публикации информационно-аналитических материалов в ведомственных изданиях Главного штаба и штаба Туркестанского военного округа. Так, в 1883 г. вышла работа полковника Генштаба Н. Я. Шнеура «Военный обзор Индии»¹², а в 1886 и 1887 г. — труд подполковника барона А. Е. Тизенгаузена «Военно-статистический очерк Британской Индии»¹³. В них излагались общие сведения о географии, экономике, транспортных коммуникациях Индии, такие же общие сведения о вооруженных силах, их численности и организации. Более подробные данные содержались в издававшихся в начале XX в. тематических «Сборниках новейших сведений о вооруженных силах

¹⁰ РГВИА. Ф. 830. Оп. 1. Д. 53. Л. 5 об.

¹¹ РГВИА. Ф. 2000. Оп. 1. Д. 969. Л. 100–108.

¹² Шнеур [Н. Я.] Военный обзор Индии. СПб.: Военная типография, 1883.

¹³ Тизенгаузен А. [Е.] Военно-статистический очерк Британской Индии. СПб.: Военная типография, 1887. С 1886–1887 гг. в «Военном сборнике» вышла журнальная версия труда.

иностранных государств»¹⁴. Наиболее полной работой считается двухтомная книга полковника И. К. Серебренникова «Индо-британская армия», первый том которой вышел в 1903 г., а второй — в 1908 г.¹⁵ Здесь уже подробно анализировались вопросы вооружения, боевой подготовки, мобилизации войск, их комплектования, которое рассматривалось с позиции принятой тогда в Британской империи теории «воинственных рас», из которых рекрутировались военнослужащие индо-британской армии. Регулярно публиковались различные материалы в повременных изданиях — «Сборнике географических, топографических и статистических материалов по Азии»¹⁶ и сборнике «Сведений, касающихся стран, сопредельных с Туркестанским военным округом»¹⁷. В целом приводимые в них сведения были близки к действительности — так, индо-британская армия, по русским данным 1902 г., состояла из 52 батальонов и 36 эскадронов английских войск, 139 батальонов и 161 эскадрона индийцев, 466 орудий — почти все в составе британских контингентов¹⁸. Англо-индийские войска распределялись по четырем армиям — Пенджабской, Бенгальской, Мадрасской и Бомбейской. Их общая численность составляла 232 тыс. 714 чел.¹⁹ Эти цифры были чуть выше реальной списочной численности индо-британской армии, которая в 1901 г. состояла из 208 тыс. 917 военнослужащих²⁰. Такая точность достигалась при помощи скрупулезного изучения открытых источников — прежде всего, бюджетной росписи вооруженных сил Британской Индии — *Indian Military Estimates*.

Что касается оценок русским Генштабом вероятных планов индо-британской армии и ее состава военного времени, то здесь ситуация была куда как более плачевная, так как вероятная угроза со стороны британцев чрезмерно преувеличивалась. В конце XIX — начале XX в. предполагалось, что англичане в случае войны выставят против

¹⁴ См., например: Сборник новейших сведений о вооруженных силах иностранных государств. Британская империя. СПб.: Военная типография, 1902.

¹⁵ *Серебренников И. [К.] Индо-британская армия*. Ташкент: Типография штаба Туркестанского военного округа, 1903–1908. Вып. 1–2.

¹⁶ Сборник географических, топографических и статистических материалов по Азии. СПб.: Военная типография, 1882–1914. Вып. 1–87.

¹⁷ Сведения, касающиеся стран, сопредельных с Туркестанским военным округом. Ташкент: Типография штаба Туркестанского военного округа, 1898–1907. Вып. 1–85.

¹⁸ Сборник новейших сведений. С. 66.

¹⁹ Там же. С. 86.

²⁰ См.: Omissi 1998: 133.

России 50–60 тыс. войск, которые будут двигаться в направлении на Герат — то есть в западной части Афганистана. После русско-японской войны эти оценки изменились, что послужило причиной смены вектора стратегической мысли русского Генштаба. Еще с 1904 г. в распоряжение военной разведки начали поступать данные о реформе индо-британской армии, начатой ее новым главнокомандующим генералом виконтом Г. Китченером. Главным ее компонентом стало введение постоянных тактических соединений — бригад и дивизий, которые организационно объединялись сперва в три командования, а с 1907 г. в Северную и Южную армии. Первое донесение о начавшейся реорганизации англо-индийских войск передал в Петербург 15 (28) ноября 1904 г. военный агент (атташе) в Лондоне генерал-майор Н. С. Ермолов²¹. По мнению разведчика, реформа Китченера была направлена против России, так как «в Средней Азии Англии более не с кем воевать корпусами (командованиями. — О. А.)»²².

Кроме этих сведений, Ермолов получил ряд разрозненных недостоверных данных, как показывает сравнение их с британскими планирующими документами, о разрабатываемых с середины 1904 г. Комитетом имперской обороны планах войны против России. Они предусматривали очень смелый десант на Балтийском побережье и решительное выдвижение индо-британской армии на линию Герат — Мазари-Шариф навстречу наступающим русским войскам. Содержание этих планов было изложено в записке Главного штаба от 26 января 1905 г., представленной Николаю II²³.

Русская военная разведка внимательно следила за развитием реформы Г. Китченера и на основании данных о дислокации индо-британской армии и сведений об английском стратегическом планировании реконструировала предполагаемый план войны Великобритании в Центральной Азии. По мнению русского Генштаба, британцы стали бы наступать главными силами (77 $\frac{3}{4}$ батальона, 92 эскадрона, 178 орудий) из Пешавара через Хайберский проход на Кабул и далее на Мазари-Шариф, по направлению к Амударье. На это указывала дислокация Северной англо-индийской армии в составе пяти дивизий и трех отдельных бригад, компактно эшелонированной вдоль

²¹ РГВИА. Ф. 400. Оп. 4. Д. 283. Л. 161–166 об.; приложения к донесению см.: Л. 167–179 об.

²² РГВИА. Ф. 2000. Оп. 1. Д. 6924. Л. 6.

²³ Там же. Л. 1–6.

мощной железнодорожной магистрали Калькутта — Лукнов — Мирут — Лахор — Равалпинди — Пешавар²⁴. Всего через полтора месяца после объявления мобилизации англо-афганские войска на театре военных действий могли насчитывать вместе с экспедиционными силами из метрополии 314 $\frac{3}{8}$ батальона, 468 эскадронов, 846 орудий. Вся информация о британском плане войны, имеющаяся в распоряжении русского Генштаба, суммировал и проанализировал в 1908 г. делопроизводитель туркестанского делопроизводства части 3-го обер-квартирмейстера ГУГШ полковник В. Ф. Новицкий в записке «Оперативные соображения, касающиеся вероятных действий англо-афганских войск на Афганском театре военных действий»²⁵.

Об угрозе среднеазиатским владениям России свидетельствовали также получаемые разведанные об инженерных работах англичан по развитию транспортных коммуникаций, ведущих из Читрала в афганский Бадахшан, и по оборудованию перевалов в Восточном Гиндукуше. Особенности опасения вызывали сведения о начавшемся строительстве в 1905 г. железной дороги от Пешавара к Джамруду, которую британцы, по мнению русского Генштаба, планировали довести до Кабула. Подтверждала пессимистическое видение ситуации и дислокация вооруженных сил Афганистана в восточной части страны в районе Газни—Кабул—Джелалабад.

Выводы ГУГШ и штаба Туркестанского военного округа по британскому стратегическому планированию в действительности были глубоко неверными. Причина была одна — трудность добывания и анализа подлинных планирующих документов. Так, в распоряжении русского Генштаба были совершенно недостоверные сведения о том, что по англо-японской конвенции 1905 г. Япония отправит в Индию от 150 до 300 тыс. войск²⁶. Такое развитие событий в случае конфликта с Россией полностью исключалось — официально Лондон не планировал допускать японцев на полуостров Индостан из-за логистических сложностей сосредоточения и снабжения здесь войск, а на самом деле — из-за опасения, что присутствие войск «молодого тигра Востока» приведет к росту националистического движения в Индии. Другой ключевой проблемой для русского Генштаба была нулевая

²⁴ Вооруженные силы Британской Индии (по данным к 1 июля 1908 г.). СПб.: Военная типография, 1908. С. 24.

²⁵ РГВИА. Ф. 2000. Оп. 1. Д. 6924. Л. 47–63.

²⁶ Там же. Л. 30–38.

осведомленность о провозной и пропускной способности индийских железных дорог, исключавшая формирование достоверной картины о сосредоточении войск вероятного противника в начале войны.

Хотя в начале XX в. в высшем военно-государственном руководстве Британской империи победили апологеты «форвардистской политики», предусматривавшей оборону Индии на подступах к ней, в военной администрации колонии не планировали двигаться севернее так называемой научной границы: хребта Гиндукуш и линии Кандагар — Кабул. Организация борьбы с русским вторжением на этих рубежах требовала не менее 104 тыс. англо-индийских войск и 100 тыс. дополнительных подкреплений, что далеко превышало мобилизационные ресурсы Индии и ее метрополии²⁷.

Английские стратеги не питали особых иллюзий относительно возможностей собственных сухопутных сил и не рассчитывали добиться победы над русской армией в Туркестане. Не менее трезво они смотрели и на перспективу быстрой переброски подкреплений с Британских островов в Центральную Азию. Транспортировка сотысячных экспедиционных сил могла занять от полугода до года, самые ранние подкрепления могли быть высажены через два месяца, тогда как русский Генштаб считал возможным появление новых британских частей и соединений в Индии на 20–21-й день мобилизации. Сосредоточение местных войск в южной части Афганистана могло занять не месяц, как ожидали в России, а три. Страх русского военного руководства перед индо-британской армией не имел под собой почвы²⁸. В действительности даже русско-японская война не убедила британское командование в военной слабости России в Азии, несмотря на реалистичные прогнозы председателя Комитета имперской обороны сэра Дж. Кларка. В 1901 и 1905 г. офицеры Разведывательного отделения «*War Office*» Э. Олтэм и Дрэйк подготовили аналитические записки, в которых отвергались как идеи наступательных действий против России в Центральной Азии, так и осуществление десантных операций в Европе²⁹. Основным содержанием британского стратегического планирования

²⁷ Gooch 1974: 203.

²⁸ О месте России в британском стратегическом планировании подробнее см.: Gooch 1974: 165–237; Neilson 1995: 110–143.

²⁹ The National Archives, Kew. WO 106/48. E. A. Altham. Military needs of the Empire in a case of war with France and Russia, 12.08.1901; Drake. War with Russia, 1905. Выражаю благодарность В. Б. Каширину, любезно предоставившему копии этих документов.

оставались обеспечение транспортировки подкреплений из метрополии в Индию, блокада Балтики силами флота, ведение наступательных операций в Закавказье силами союзных турецких войск, борьба с судоходством на Черном море. Пессимизм британского командования стал одной из причин движения лондонского кабинета к заключению русско-английского соглашения 1907 г.

Таким образом, сделанный после 1905 г. ошибочный вывод русского Генерального штаба о том, что при возникновении вооруженного конфликта в Центральной Азии основные военные действия развернутся в Западном Афганистане и Белуджистане, а индо-британская армия будет действовать наступательно, стал результатом неудовлетворительной работы разведки. Изучение вооруженных сил Британской Индии сильно отставало в качественном плане от изучения армий главных соперников в Европе — Германии и Австро-Венгрии. Ошибочные оценки привели к отказу от старого наступательного плана войны и от идеи «похода в Индию» в пользу подготовки к проведению контрнаступательной операции на территории Афганистана против ожидавшегося наступления британских войск. Также это привело к разработке проекта развертывания главных сил Туркестанской армии в районе Термеза — против Восточного Афганистана.

Список сокращений

ГУГШ — Главное управление Генерального штаба

РГВИА — Российский государственный военно-исторический архив, Москва

Литература

- Алексеев 1998 — *Алексеев М.* Военная разведка России от Рюрика до Николая II. М.: Русская разведка, 1998. Кн. 1–2.
- Басханов 2015 — *Басханов М.К.* «У ворот английского могущества»: А. Е. Снегарева в Туркестане, 1899–1904. СПб.: Нестор-История, 2015.
- Звоначев 2003 — *Звоначев К.К.* Агентурная разведка. М.: БДЦ-пресс, 2003. Кн. 1.
- Игнатьев (ред.) 1997 — История внешней политики России. Конец XIX — начало XX века / отв. ред. А. В. Игнатьев. М.: Международные отношения, 1997.
- Постников 2005 — *Постников А.В.* Схватка на «Крыше Мира»: Политики, разведчики, географы в борьбе за Памир в XIX веке. М.: РИПОЛ классик, 2005.
- Сергеев 2012 — *Сергеев Е.Ю.* Большая игра, 1856–1907: мифы и реалии российско-британских отношений в Центральной и Восточной Азии. М.: Товарищество научных издательств КМК, 2012.

- Gooch 1974 — *Gooch J.* The plans of war. The General Staff and British military strategy c. 1900–1916. London: Routledge & Kegan Paul, 1974.
- Heathcote 2013 — *Heathcote T.A.* The military in British India. The development of British land forces in South Asia, 1600–1947. Barnsley: Biteback Publishing, 2013.
- Marshall 2006 — *Marshall A.* The Russian General Staff and Asia, 1860–1917. London; New York: Routledge, 2006.
- Neilson 1995 — *Neilson K.* Britain and the last tsar. British policy and Russia 1894–1917. Oxford: Clarendon Press, 1995.
- Omissi 1998 — *Omissi D.* The Sepoy and the Raj. The Indian army, 1860–1940. Houndmills (Basingstoke, Hampshire); London: MacMillan Press, 1998.

References

- Alekseev, M., 1998. *Voennaia razvedka Rossii ot Riurika do Nikolaia II. Kn. 1–2.* [Russian military intelligence from Rurik to Nicholas II. Vol. 1–2]. Moscow: Russkaia razvedka.
- Baskhanov, M. K., 2015. “*U vorot angliiskogo mogushchestva*”: *A. E. Snesev v Turkestane, 1899–1904* [“At the gates of English power”: A. E. Snesev in Turkestan]. Saint Petersburg: Nestor-Istoriia.
- Gooch, J., 1974. *The plans of war. The General Staff and British military strategy c. 1900–1916.* London: Routledge & Kegan Paul.
- Heathcote, T. A., 2013. *The military in British India. The development of British land forces in South Asia, 1600–1947.* Barnsley: Biteback Publishing.
- Ignat’ev, A. V., ed., 1997. *Istoriia vneshnei politiki Rossii. Konets 19 — nachalo 20 veka* [History of Russian foreign policy. The late nineteenth and early twentieth centuries]. Moscow: Mezhdunarodnye otnosheniia.
- Marshall, A., 2006. *The Russian General Staff and Asia, 1860–1917.* London; New York: Routledge.
- Neilson, K., 1995. *Britain and the last tsar. British policy and Russia 1894–1917.* Oxford: Clarendon Press.
- Omissi, D., 1998. *The Sepoy and the Raj. The Indian army, 1860–1940.* Houndmills (Basingstoke, Hampshire); London: MacMillan Press.
- Postnikov, A. V., 2005. *Skhvotka na “Kryshe Mira”*: *Politiki, razvedchiki, geografy v bor’be za Pamir v 19 veka* [Battle on the “Roof of World”. Politicians, spies and geographers in the struggle for Pamir in the nineteenth century.]. Moscow: RIPOl klassik.
- Sergeev, E. Iu., 2012. *Bol’shaia igra, 1856–1907: mify i realii rossiisko-britanskikh otnoshenii v Tsentral’noi i Vostochnoi Azii* [The Great Game, 1856–1907. Myths and truth about Russo-British relations in Central Asia]. Moscow: To-varishchestvo nauchnykh izdatel’stv KMK.

Oleg Ye. Alpeev

PhD, Senior Research Fellow, Research Institute of Military History of the Military Academy of the General Staff of the Armed Forces of the Russian Federation. Moscow, Russia. 119571, Prospekt Vernadskogo, 100. E-mail: oalpeev@yandex.ru

Estimates of the Armed Forces and war plans of Great Britain in Central and South Asia by officers of the Russian General Staff in the late nineteenth and early twentieth centuries

The essay is devoted to the intelligence assessment of planning for war against Great Britain in Central Asia in the late nineteenth and early twentieth centuries. The systematic preparation for war against Great Britain began during the Pandjeh Incident of 1885 and continued until 1914. Russian war planning foresaw offensive operations against the British Indian Army in Central Asia. The development of the “Invasion of India” plan became a high-priority objective for the Russian General Staff during the lowest point of relations with Great Britain. After 1905, the development of this plan was abandoned. Study of the British Indian Army and possible enemy war plans in Central Asia by Russian military intelligence played an important role in the war planning. The Russian General Staff’s preparation for a war against Afghanistan and British India in the late nineteenth and early twentieth centuries was carried out with a lack of information about the region and enemies. After the Russo-Japanese war, the War Ministry began paying more attention to the conduct of intelligence activities and the scientific analysis of information about the region. Since 1904, Russian military intelligence had observed the development of a large-scale reform of the British Indian Army, initiated by General H. Kitchener. The Russian General Staff came to the wrong conclusions about the threat to Turkestan. Therefore, exaggerated estimates of the military readiness and plans of Great Britain influenced Russian strategic planning and brought about the cancellation of the “Invasion of India” plan in 1905–1910.

Keywords: military intelligence, Central Asia, the Russian General Staff

Никита Сергеевич Гусев

Кандидат исторических наук, старший научный сотрудник,
Институт славяноведения РАН, Москва, Россия. 119334, Ле-
нинский проспект, 32А. E-mail: gusevns@gmail.com

Русские корреспонденты — авторы книг о Первой балканской войне в Болгарии в 1912–1913 гг.

В статье рассматривается работа русских корреспондентов в Болгарии во время Первой балканской войны. Указывается на препятствия, чинимые им со стороны цензуры, ставившей своей задачей скрыть от европейской общественности изнанку войны. В итоге это нередко приводило к сознательному выдумыванию новостей. Одновременно сотрудников печати ждало «обхаживание» со стороны властей, желавших в максимально выгодном свете представить свою страну на страницах печати. Для понимания авторских позиций очерчивается биография авторов, собравших свои очерки в книги: патриарха отечественной военной журналистики писателя Вас. И. Немировича-Данченко, юриста и журналиста А. А. Пилленко, писателя Е. Н. Чирикова и офицера Н. П. Мамонтова. Упоминаются и другие произведения, в которых рассматриваются данные события (книги В. Н. фон Дрейера, Л. Д. Троцкого, Е. И. Мартынова, Н. И. Гасфельда), но не входящие в рамки заявленной темы, а также две неопубликованные работы русских очевидцев (Н. К. Самосеева и В. Викторова-Топорова).

Ключевые слова: Балканские войны, Болгария, русские корреспонденты, Вас. И. Немирович-Данченко, А. А. Пилленко, Е. Н. Чириков, Н. П. Мамонтов

Осенью 1912 г. в «пороховом погребе Европы» началась Первая балканская война, в которой противостояли с одной стороны Болгария, Сербия, Греция и Черногория, а с другой — Османская империя. В России данные события вызвали большой интерес, на полуостров отправились добровольцы, лазареты Красного Креста и, конечно, корреспонденты¹. На Балканы прибыло немало представителей

Статья написана при финансовой поддержке РФФИ в рамках проекта «Дипломаты, публицисты, ученые-путешественники о Восточной, Центральной и Юго-Восточной Европе Нового времени: от наблюдений к знаниям», № 18-09-00346.

¹ Гусев 2015; Кострикова 2017; Шевцова 2012.

русских периодических изданий, причем не только центральных. Своих корреспондентов имели, например: «Южный край», «Живое слово», «Копейка», «Вятская речь», «Рижский вестник», «Приазовский край», «Отклики Кавказа», однако, как правило, в таком случае журналисты лишь совмещали работу с крупнейшими газетами². Их деятельность затруднялась политикой властей. Журнал «Нива» писал: «И турки, и союзники заключили между собой оборонительный союз против седьмой великой державы (печати. — *Н.Г.*)»³. При помощи цензуры на Балканах старались всячески избежать рассекретивания своих планов и лицемерия европейской общественностью неблагодарной изнанки войны. Прежде всего на этом настаивали военачальники. Но делались и исключения, одним из них был «конечно, Немирович-Данченко, болгарский любимец и участник освободительной войны; с ним конкурировать невозможно», как с завистью вспоминал оставшийся при главной квартире сотрудник «Русских ведомостей» Михаил Андреевич Осоргин (Ильин)⁴. Василий Иванович Немирович-Данченко получил от болгарского командования разрешение прибыть на фронт уже 24 сентября⁵, то есть еще до официального объявления войны. Спустя некоторое время подобной чести удостоились еще несколько корреспондентов, среди которых двое представляли русские издания: штабс-капитан Николай Петрович Мамонтов («Утро России») и полковник Владимир Николаевич фон Дрейер («Новое время»). Вас. И. Немирович-Данченко писал:

В результате отсутствие достоверной информации приводило к ее выдумыванию. Описывались подвиги авиаторш, хотя пока здесь нет и авиаторов. Трогательна была дочь генерала Попова, но такой генерал нашелся — в отставке, и никакой дочери у него не оказалось. <...> Выигрывались и проигрывались сражения, сдавались и брались крепости и города, когда армии еще только перешли границу⁶.

² ЦДА. Ф. 176 К. Оп. 2. А.е. 1482. Л. 63–73.

³ Нива. 1913. 16 II. С. 1406.

⁴ *Осоргин М.* На маленькой войне // *Осоргин М.* Заметки старого книгоеда. Воспоминания / сост. и примеч. О. Ю. Авдеевой. М.: Интелвак, 2007. С. 525. Деятельность самого М. А. Осоргина в качестве корреспондента «Русских ведомостей» рассмотрена в: Богданова 2013.

⁵ ЦДА Ф. 176 К. Оп. 2. А.е. 1222. Л. 2.

⁶ *Немирович-Данченко Вас. И.* С вооруженным народом // Собрание сочинений. СПб.: Типолитография Акц. О-ва «Самообразование», 1913. Т. XIV. С. 22.

Другой корреспондент рассказывал, как появлялись новости:

Сидит человек в комнатке около цензурного бюро и строчит описание того, как осаждают Адрианополь. С подробностями, с техническими выражениями, номерами дивизий и с описаниями геройских поступков⁷.

Вас. И. Немирович-Данченко считал, что данными своими действиями болгарские генералы показали себя «близорукими и односторонними государственными людьми», играющими на руку Австрии и Германии, поскольку они не дали иностранным журналистам узреть подвиг народа, «отняли у своего народа счастье быть оцененным и вознесенным на невиданную высоту». При этом он указывал на то, какую роль пресса сыграла в истории Болгарии, начиная хотя бы с американского журналиста Я. Мак-Гахана, рассказавшего Европе о жестокости подавления Апрельского восстания 1876 г.⁸

Тем не менее, победы болгарской армии не нуждались в вымысле, их следовало лишь правильно осветить, затушевав то, что могло представить страну в глазах европейского общественного мнения в невыгодном свете. Для этого болгарские власти прикладывали немалые усилия, стараясь добиться расположения корреспондентов, которых спустя около месяца после начала войны допустили в армию в массовом порядке. Сотрудник «Русского слова» И. Калина (Иван Николаевич Кашинцев) писал в редакцию:

Здесь, в Болгарии, меня, напротив, постоянно упрекают в недостаточном болгарофильстве, нередко с возмущением цитируют выдержки из моих корреспонденций, ставят мне в пример всех других русских корреспондентов⁹.

При этом чего не упомянул журналист, болгары винили его и в самом сотрудничестве с этой газетой, которую считали «сербофильским листком»¹⁰. Когда Н. П. Мамонтов и В. Н. фон Дрейер по дороге от Чаталджи к Софии оказались в Пловдиве, их позвала к себе

⁷ Пилленко А.А. Около Болгарской войны. Дневник и сорок девять любительских фотографий. СПб.: Издание газеты «Вечернее время», 1913. С. 17–18.

⁸ Немирович-Данченко Вас. И. С вооруженным народом. С. 210–211.

⁹ Цит. по: Кострикова 2007: 252.

¹⁰ Шелудко 1967: 109.

находившаяся там болгарская царица Элеонора. Беседа была бессодержательна, но важнее наряд монаршей особы — та вышла «в полковничьем мундире шефского полка Ее Величества поверх шерстяного серого платья». На прощание она подарила обоим по подписанной своей фотографии и сказала: «Я искренне благодарю русскую прессу за ее сочувствие нашему великому делу и за поддержку его перед русским обществом»¹¹.

Различными способами проявляла знаки внимания не только власть предержащая. Вблизи фронта корреспондент Александр Александрович Пиленко не мог отправлять телеграммы, поскольку линия связи была занята военными сообщениями. Но он встретил знакомого, даже обедавшего у него в гостях¹², бывшего премьер-министра Болгарии Николу Генадиева и пожаловался ему. Тогда тот «настроил начальнику станции любезное письмо: “Так и так, важные депеши, Пиленко *симпатизирует болгарской каузе* (курсив мой. — Н.Г.), пожалуйста, поскорей” и т. д. Отправили»¹³. Затем он ходатайствовал об аудиенции у командующего 3-й армией Радко Димитриева, получив ее, просил о содействии.

“Да, — сказал генерал, — недостаточно одерживать победы; нужно еще, чтобы о них знали. Так учил сам Наполеон”. И выдал записку, согласно которой телеграммы в “Новое время” должны были пропускать после посылаемых монарху и в штаб армии, “*ранее телеграмм дивизионных*”, как подчеркнул А. А. Пиленко. Затем же Р. Димитриев предоставил свой автомобиль для доставки текстов телеграфистам в Лозенград¹⁴.

Позднее у того же корреспондента исчерпался его счет на телеграфе, и чиновник Топузов, когда ему сообщили об этом, отдал приказ отправлять телеграммы А. А. Пиленко под его ответственность¹⁵.

Справедливости ради, такое случалось только во время побед. Разочарование в неудаче при штурме 4–5 ноября Чатадджийских укреплений — последнего рубежа обороны Константинополя — военные выплеснули и на корреспондентов. «Любезное отношение членов

¹¹ *Мамонтов Н. П.* С болгарскими войсками от Балкан до Чатадджи. М.: Тип. т-ва Мамонтова, 1913. С. 169–170.

¹² *Пиленко А. А.* Около Болгарской войны. С. 40.

¹³ Там же. С. 99.

¹⁴ Там же. С. 100–101.

¹⁵ Там же. С. 140.

штаба к корреспондентам сменилось нескрываемым недовольством, что они сами еще не догадались уехать», — вспоминал Н. П. Мамонтов. Вскоре после этого он и В. Н. фон Дрейер сообщили командованию о своем намерении покинуть армию — «нас никто особенно не удерживал». Но на прощание они встретились с Р. Димитриевым, который сказал: «Вы видели многое, вы могли оценить нашего дивного солдата, — теперь вы можете поведать о нем нашим братьям в Великой Руси. С Богом»¹⁶.

Ближе к концу 1912 г., когда боевые действия фактически прекратились, корреспонденты, предполагая окончание войны, стали покидать Балканы. Однако мирные переговоры в Лондоне не увенчались успехом, и в январе 1913 г. война возобновилась. Тогда руководство болгарской армии приняло решение и близко к войскам не подпускать журналистов. Уже 19 января 1913 г. заместитель главнокомандующего Михаил Савов отправил премьеру и министру обороны депешу:

При возобновлении операций военные атташе и какие бы то ни было корреспонденты ни в коем случае не будут допущены до театра военных действий. Все останутся в Софии и относительно хода операций будут информированы канцелярией военного министерства¹⁷.

Начальник Тайной канцелярии царя Фердинанда Страшимир Добрович писал М. Савову о необходимости удовлетворить просьбы нескольких проверенных, в том числе и европейских, журналистов. С этим был согласен и Кабинет министров. Но генерал недальновидно отказал: «Не печать принесет нам победы, а мораль армии и сохранение в тайне всех наших соображений о проведении операций»¹⁸. Глава парламента Стоян Данев просил М. Савова допустить хотя бы Вас. И. Немировича-Данченко как известного болгарофила, человека талантливого и проверенного, но получил ответ: «Неудобно делать исключения для кого бы то ни было. С сожалением вынужден отказать на этом основании и Немировичу-Данченко»¹⁹. Генерал был тверд — в архиве сохранился не один его отказ

¹⁶ Мамонтов Н. П. С болгарскими войсками. С. 159–160.

¹⁷ ЦДА. Ф. 176 К. Оп. 2. А.е. 1222. Л. 144.

¹⁸ Шипчанов 1983: 57.

¹⁹ Шипчанов 1983: 57.

представителям европейской печати²⁰. Лишь 13 марта в день падения Адрианополя было разрешено допустить по одному корреспонденту от страны²¹ — видимо, требовались свидетели триумфа. Однако для Болгарии Первая балканская война фактически уже закончилась.

В штабе армии внимательно следили за публикациями журналистов и решили представить их к наградам. 26 апреля 1913 г. на имя главы МИД был отправлен рапорт, в котором корреспондентов разделили на три категории по их заслугам. К первой были отнесены Николай Сурин («Петербургское телеграфное агентство»), Вас. И. Немирович-Данченко, В. Викторов-Топоров (Владимир Викторович Топоров, «Речь»), В. Н. фон Дрейер, А. А. Пиленко («Новое время»), Т. Ольгенин (Антуан Березовский-Ольгинский, «Биржевые ведомости»). Ко второй — Н. П. Мамонтов, И. Н. Калина, И. Гончаров («Голос Москвы»), М. А. Осоргин («Русские ведомости»), Валерий Иоильевич Язвицкий («Утро России»), Александр Аркадьевич Деренталь (Дикгоф, «Русские ведомости») и представитель газет «День» и «Киевская мысль», названный в этом документе «Тропский»²², а в другом — «Троповский»²³. За этой фамилией, видимо, скрывается Лев Давидович Троцкий, тогда сотрудничавший с обоими изданиями.

По возвращении несколько корреспондентов опубликовали свои впечатления — в виде статей и книг. Этот тип источников интересен по нескольким причинам. Во-первых, эти статьи, как правило, ранее уже публиковались в прессе, во-вторых, эти книги издавались почти сразу же — в 1913 г., поэтому продолжали создавать образ Балканской войны, пока та еще не закончилась. В-третьих, в отличие от корреспонденции с театра военных действий, данные тексты не подвергались цензурированию в Болгарии и Сербии, в-четвертых, являлись не сугубо новостным повествованием, а развернутым описанием увиденного. О ценности взгляда русских очевидцев на южнославянские народы конца XIX — начала XX в. уже немало написано²⁴. В узкие рамки статьи невозможно уместить описание са-

²⁰ ЦДА. Ф. 176 К. Оп. 2. А.е. 1222. Л. 155–160.

²¹ Там же. Л. 165.

²² Там же. А.е. 1482. Л. 4–6.

²³ Там же. Л. 46–49.

²⁴ Шемякин 2004; Шемякин 2010; Шемякин 2012; Шемякин 2017; Белов 2011; Белов 2012; Гусев 2019а.

мих произведений, потому хотелось бы остановиться на биографиях авторов, поскольку они дают ключ к правильному пониманию и толкованию их текстов.

Стоит оговорить, что в статье анализируются только книги о Болгарии в Первой балканской войне, вышедшие в 1913 г., потому рассматриваются не все известные источники. К примеру, книга В. Н. фон Дрейера, поскольку она вышла уже после Второй балканской войны²⁵, и там Болгария была представлена уже в негативном ключе. Возможно, это объясняется не только желанием следовать настроению русского общества, согласно которому в конце лета 1913 г. на Болгарию поставили клеймо предателя славянства. На симпатии корреспондента мог повлиять и следующий случай. Другой представитель русской печати писатель Евгений Николаевич Чириков описал свою встречу при отъезде из Лозенграда в Димотику двух корреспондентов:

Оба возмущены недоверием, пылают жаждой мести и грозят по приезде в Россию, разоблачениями <...>. Оба одеты в русскую офицерскую форму, с кокардами и никелированными шпорами <...>. “Меня, бывшего офицера русского генерального штаба, лишают права обедать при главной квартире с болгарскими офицерами! И это в то время, когда я, имея возможность напакостить, старался поднять дело Болгарии. <...> Я считаю это личным оскорблением! Как только я перееду границу, покажу им!”²⁶.

Е. Н. Чириков не уточнил, кто это, но, по всей видимости, указанными лицами являлись возвращавшиеся в Софию В. Н. фон Дрейер и Н. П. Мамонтов. Последний, действительно, описывает такую ситуацию. Сотрудник заместителя главнокомандующего генерала М. Савова полковник Нерезов, оставшийся временным начальником штаба, «предложил» ему и В. Н. фон Дрейеру не посещать штабной столовой, «куда были допущены испанские офицеры, кинематографщик от Патэ и какие-то весьма подозрительные маркитанты». Корреспонденты покорились и столовались на базарной площади с погонщиками аробных транспортов, угостившими их вином и устроившими

---

²⁵ *Дрейер В.* Разгром Болгарии. Вторая Балканская война 1913 г. СПб.: Тип. т-ва А. С. Суворина «Новое время», 1914.

²⁶ *Чириков Е. Н.* Поездка на Балканы. Заметки военного корреспондента. М.: Московское книгоиздательство, 1913. С. 103.

«чистосердечную овацию»²⁷. Из двух офицеров лишь полковник В. Н. фон Дрейер был сотрудником Генерального штаба, соответственно, именно он обещал Е. Н. Чирикову «показать» болгарам.

В рамках статьи не буду останавливаться и на биографии Александра Валентиновича Амфитеатрова, поскольку во время Первой балканской войны он не поехал на полуостров. Ему как знатоку региона предлагали это, но он в силу ряда соображений был уверен, что война не начнется, хотя на Балканы уже отправились корреспонденты русских изданий²⁸. Его останавливало также то, что сотрудников прессы не подпускали к местам событий, о чем он писал Максиму Горькому:

Меня-то, положим, пустили бы ввиду личных отношений к Фердинанду, которому я уже приготовил, было, телеграмму, да — как раздумался над нею, что это значит фрак, звезда, “ваше величество”, “благоволите” и пр., — тошно²⁹.

Тем не менее, в 1912–1913 гг. вышли книги А. В. Амфитеатрова «Славянское горе»³⁰, написанная по его «политическому путешествию» 1909 г.³¹, и «Эхо», в которой была собрана часть статей за 1912 г., в том числе и о Балканах³².

Не удалось стать объектом рассмотрения в данной статье и постоянному корреспонденту «Речи» В. Викторову-Топорову. Он готовил свою книгу, которую хотел озаглавить «1912 год на Балканах». 21 февраля 1913 г. он рассказывал об этом в письме Вас. И. Немировичу-Данченко:

В нее войдут, отчасти — в виде статей, отчасти — в виде отрывков из дневника, мои наблюдения над жизнью полуострова за целый год. <...> Перечитывая материал, я все больше и больше убеждаюсь, что в такой форме книга эта должна была бы заинтересовать русского читателя, как дополнение к той книге, которую Вы, несомненно, выпустите о самой войне.

²⁷ Мамонтов Н. П. С болгарскими войсками. С. 164.

²⁸ Амфитеатров Ал. Эхо. М.: Московское книгоиздательство, 1913. С. 197–213.

²⁹ Литературное наследство. Т. 95: Горький и русская журналистика начала XX века. Незданная переписка / отв. ред. И. С. Зильберштейн, Н. И. Дикушина М.: Наука, 1998. С. 412.

³⁰ Амфитеатров А. Славянское горе. М.: Московское книгоиздательство, 1912.

³¹ Там же. С. I.

³² Амфитеатров Ал. Эхо.

Но реализации этого мешали вполне прозаические проблемы — как признавался В. Викторов-Топоров, он не имел связей среди издателей и предложить свой труд никому не мог. Потому и просил Вас. И. Немировича-Данченко в этом помочь, заранее соглашаясь на любые финансовые условия³³. Однако книга так и не появилась.

Подобная судьба ждала рукопись добровольца в болгарской армии Николая Карповича Самосеева. Уже после начала Первой мировой войны он отправил машинописный текст для дальнейшей публикации А. И. Гучкову, но книга не вышла, видимо, в силу несоответствия моменту — в ней демонстрировались достоинства болгарской армии и звучал призыв привлечь Болгарию на сторону Антанты³⁴.

Много позднее вышли под единой обложкой и известные статьи Л. Д. Троцкого, в тот момент представлявшего на полуострове несколько газет³⁵, его корреспонденцию стоит признать наиболее изученной³⁶. Сам политик и публицист разительно отличался от других представителей русской печати, к примеру, не пил ракию, а «хлебал с утра до вечера» чай³⁷, в Белграде играл в шахматы с корреспондентом «Русских ведомостей» М. А. Осоргиным³⁸. И в Софии он держался особняком, не участвовал в общих собраниях русских журналистов в книжном магазине, представлявшем издательскую империю И. Д. Сытина. Как писал М. А. Осоргин, «на фронте будущий советский главнокомандующий не был, держался тыла и скоро уехал в Белград — бранить болгар, а оттуда дальше — бранить сербов. Но писал отлично — прирожденный фельетонист»³⁹. Действительно, Л. Д. Троцкого не допустили до линии боевых действий,

³³ РГАЛИ. Ф. 355. Оп. 1. Ед. хр. 83. Л. 1–1 об.

³⁴ О рукописи и ее авторе см.: Гусев 2019b.

³⁵ *Троцкий Л. Д.* Сочинения. М.–Л.: Госиздат, 1926. Т. 6; Переиздания и переводы: *The War correspondence of Leon Trotsky. The Balkan Wars 1912–13* / ed. by G. Weissman, D. Williams. New York: Monad press; Pathfinder press, 1980, 1993; *Trotsky L. Le guerre balcaniche 1912–1913*. Milano: Lotta comunista, 1999; *Trotsky L. Les guerres balkaniques, 1912–1913*. Paris: Science marxiste, 2002; *Троцкий Л.* Перед историческим рубежом. Балканы и Балканская война. СПб.: Новый Прометей, 2011; *Троцкий Л.* Балканите и Балканската война. София: Изток-Запад, 2015.

³⁶ Воеckh 1998; Todorova 2013; Нюркаева 2008; Станчев, Чернявский 2008; Шемякин 2013.

³⁷ Станчев, Чернявский 2008: 88.

³⁸ *Осоргин М. А.* Кануны // *Осоргин М.* Заметки старого книгоеда. С. 690.

³⁹ *Он же.* Лубочкики // Там же. С. 341.

и он довольствовался рассказами раненых или описанием тыла. Особенно его занимала политическая система и уровень социально-политического развития страны, которые он оценивал весьма критично, иногда стущая краски. Позже он вспоминал: «Разумеется, я не мог сказать в легальной непартийной газете всего, что хотел сказать. Но я никогда не писал того, что не хотел сказать»⁴⁰. Однако и то, что он публиковал, болгарам крайне не нравилось, и местная пресса была благодарна ротмистру Богаевскому за то, что он в «Русском инвалиде» парировал «нападки <...> корреспондента «Киев. мысли»»⁴¹.

Первым среди интересующих нас авторов книг следует назвать Василия Ивановича Немировича-Данченко⁴². Родился он 24 декабря 1844 г. в Тифлисе в семье офицера. Детство он провел на Кавказе в разгар войны с Шамилем, переезды вместе с отцом и братом, будущим известным режиссером⁴³, позволили ему посетить Грузию, Азербайджан и Дагестан. Там он впервые стал проявлять внимание к деталям жизни и нравам народов. Поступив в кадетское училище в Москве, а после смерти отца бросив его, Вас. И. Немирович-Данченко отправился в Петербург, рассчитывая там войти в писательскую среду. Однако случайные заработки в бульварных изданиях не обеспечивали ему желанного уровня жизни, и он совершил проступок, за который был сослан на север Европейской части России — в город Архангельск. Ссылка стала для него трамплином к будущей известности: он начал писать статьи в популярном тогда жанре путевых заметок, насыщая их деталями быта и нравов местного населения, пейзажными зарисовками, рассказами о дорожных приключениях и интересных встречах. Эти работы выходили в ведущих российских журналах, тепло принимались критикой и ввели их автора в число наиболее популярных журналистов страны.

⁴⁰ Станчев, Чернявский 2008: 61.

⁴¹ Мир. 1912. 23 XII.

⁴² Подробнее о его биографии см: *Кулагина А. А.* Публицистика В. И. Немировича-Данченко в русско-турецкую войну 1877–1878 годов // Век информации. 2015. № 2; *Хмара В.* Возвращение // *Немирович-Данченко Вас. И.* На кладбищах. Воспоминания / сост., примеч. Т. Ф. Прокопова М.: Русская книга, 2001; *Эрлихман В.* Режиссер на театре военных действий // Родина. 2017. № 5.

⁴³ Маршал С. С. Бирюзов почему-то считал, что писатель имел инициалы «И. В.» и являлся отцом театральному деятелю. См.: *Бирюзов С. С.* Советский солдат на Балканах. М.: Воениздат, 1963. С. 244.

В 1876 г. Сербия объявила войну Османской империи. На стороне маленького славянского государства сражались тысячи русских добровольцев, возглавил сербскую армию знаменитый генерал, покоритель Ташкента М. Г. Черняев. Не смог усидеть на месте и Василий Иванович, отправившийся в район военных действий и даже получивший там легкое ранение в ногу и солдатского «Георгия». А через год, когда началась русско-турецкая война, журналист вновь оказался на Балканах, и последовавшие затем события стали его звездным часом.

Репортажи из-под Плевны, с Шипки и зимнего перехода через Балканы, подписанные псевдонимом «Шесть», снискали Вас. И. Немировичу-Данченко общероссийскую славу, а его грудь украсил второй солдатский Георгиевский крест. По окончании войны впечатления и очерки послужили основой для ряда произведений⁴⁴. Поездка 1879 г. в молодое, строившееся государство восхитила писателя, под чьим пером родилась еще одна книга о Болгарии⁴⁵. Поэтому он, к тому моменту побывавший вдобавок на русско-японской войне и окончательно закрепившийся в статусе патриарха отечественной военной журналистики, не мог упустить возможность увидеть изгнание Турции из Европы силами недавно освобожденных и в 1912 г., несмотря на солидный возраст, отправился в статусе корреспондента газеты «Русская мысль» в Софию⁴⁶. «Ибо хорошо известно, что без Василия Ивановича, ни одна порядочная война не делается, и в каждой порядочной войне он — вроде напутственного молебна с водосвятием», — иронизировал в тот момент А. В. Амфитеатров⁴⁷. В Болгарии Вас. И. Немирович-Данченко был известен как «большой болгарофил», обладал связями с болгарской интеллигенцией, знаменитого поэта Петко Славейкова называл своим другом⁴⁸. Сотрудник

---

⁴⁴ *Немирович-Данченко В. И.* Год войны (дневник русского корреспондента). СПб.: Тип. В. И. Лихачева и А. С. Суворина, 1878–1879. Т. 1–3; *Он же.* Скобелев. Личные воспоминания и впечатления. СПб.: Издание А. Ф. Девриена, 1882; *Он же.* В огне. СПб.: Издание Ф. А. Иогансона, 1892. Об этой корреспонденции см., например: Миловидова 2016.

⁴⁵ *Немирович-Данченко В. И.* После войны. СПб.: Издание П. Е. Кехрибарджи, 1880.

⁴⁶ Подробнее о его корреспонденции во время Первой балканской войны см.: Гусев 2018.

⁴⁷ *Амфитеатров Ал.* Эхо. С. 197.

⁴⁸ *Немирович-Данченко Вас. И.* На боевых полях // Собрание сочинений. СПб.: Типолитография Акц. О-ва «Самообразование», 1913. Т. XV. С. 266–267.

местного издания «*Вечерна пошта*» («Вечерняя почта») писал о посланнике «Русской мысли» как о человеке, который «никак не чужд нам, который очень любим нами, который в свои 64 года сохраняет юношеский восторг и веру настоящего нашего брата в успех нашего оружия»⁴⁹. Поэтому неудивителен факт, что перед его отъездом на родину был дан званый обед, где журналиста чествовали как представителя России и русского общества. Правда, обед пришлось перенести, поскольку согласно письму Вас. И. Немировича-Данченко поэту Петко Тодорову, у пребывавшего в возрасте писателя, разыгралась «ревматическая лихорадка»⁵⁰. Впоследствии, когда мероприятие состоялось, газета правящей болгарской партии «*Мир*» уделила ему заметное место на своих страницах⁵¹.

Вернувшись с Балкан, Вас. И. Немирович-Данченко опубликовал в 1913 г. двухтомную книгу впечатлений от Балканской войны «С вооруженным народом»⁵². Автор весьма живописно и красочно описал увиденное, но нельзя полностью и безоговорочно доверять этому источнику в связи с большими сомнениями в беспристрастности его автора. Юмористический журнал «Сатирикон» довольно едко высмеял стиль писателя. Там поместили текст с пародией на сообщения Вас. И. Немировича-Данченко:

Задержаны сербами восемь товарных поездов с австрийскими иглолками, которые предназначены для выкалывания глаз сербам. Отрезанными ногами гяуров засыпают горные пропасти и провозят артиллерию. У убитых турок находят комплекты «Русского слова», переплетенные в обложки из христианской кожи⁵³.

Другой представитель русской печати, Е. Н. Чириков, удивлялся, увидев своими глазами населенный пункт, который Вас. И. Немирович-Данченко описал⁵⁴. В. Н. фон Дрейер вспоминал, что за глаза пи-

⁴⁹ Вечерна пошта. 1912. 17 X.

⁵⁰ ГА РФ. Ф. Р8091. Оп. 36. КМФ-5. Болгария, поступление 3А-36. Ед. хр. 264. Л. 1–4.

⁵¹ Мир. 1912. 21 XII.

⁵² *Немирович-Данченко Вас. И.* Собрание сочинений. Т. XIV–XV. СПб., 1913.

⁵³ Сатирикон. 1912. 19 X. Там же размещены пародии на Ф. Купчинского, Н. Н. Брешко-Брешковского и некоего «Нововременникова», являвшегося, видимо, собирательным образом газеты «Новое время», поскольку высмеивалось корыстолюбие при одновременном яром антисемитизме.

⁵⁴ *Чириков Е. Н.* Поездка на Балканы. С. 99.

сателя называли «Немирович-Вральченко», и оставил его словесный портрет: «Крепыш, библейского вида со своими седыми волосами и бородой, среднего роста, очень плотный, он целые сутки, несмотря на свои 60 лет, мог сидеть на лошади, и после этого еще строчить свои фельетоны». Патриарх русской военной журналистики «с гордостью таскал своего солдатского Георгия», но в военном деле не разбирался, а рядом с Чаталджой панически опасался холеры и все обрызгивал известью⁵⁵.

Своим специфическим, оторванным от реальности взглядом на географию Балкан запомнился он секретарю русской дипломатической миссии в Белграде Василию Николаевичу Штрандтману. Вас. И. Немирович-Данченко в разговоре с посланником Н. Г. Гартвигом обвинял главу МИД С. Д. Сазонова в невежестве, поскольку тот, дескать, считал город Пирот сербским. Дипломаты не стали развеивать иллюзий писателя, дабы реальное положение дел удивило его еще больше. По словам В. Н. Штрандтмана, «очевидно было, что Немирович-Данченко продолжал жить по тексту Сан-Стефанского договора»⁵⁶. Однако для него полуостров все же не был *terra incognita* в отличие от двух других корреспондентов, ехавших на Балканы без каких-либо серьезных представлений о южных славянах. В силу этого их биографию очерчу лишь пунктирно.

От «Нового времени» отправился постоянный сотрудник этого издания Александр Александрович Пиленко. Родился он в Гатчине в 1873 г., закончив в 1896 г. юридический факультет Санкт-Петербургского университета, ученик Ф. Ф. Мартенса, занимался изучением патентного и международного права и стал преподавателем своей *alma mater* и императорского Александровского лицея, а в 1911 г. защитил докторскую диссертацию⁵⁷. Оставив жену и трехмесячного ребенка⁵⁸, он отправился в 1912 г. в Болгарию. Будучи более беспристрастным, нежели Вас. И. Немирович-Данченко, А. А. Пиленко увидел не только парадную сторону «справедливой» войны. Он немало внимания уделил описанию состояния дорог и служб обеспечения,

⁵⁵ Дрейер В. Н. На закате империи. Мадрид: [Б. и.], 1965. С. 129–130.

⁵⁶ Штрандтман В. Н. Балканские воспоминания / подг. А. Л. Шемякин. М.: Книжница, 2014. С. 184.

⁵⁷ Более подробную биографию см.: Зарубинский, Ставинский 1999; Ем, Ларионов 2001.

⁵⁸ Пиленко А. А. Около Болгарской войны. С. 8.

заметил не только совершенные турками жестокости по отношению к местному населению, но и то, что болгары это старались как можно шире осветить. При посещении селения Айвали он зафиксировал, что жертв устроенной турками резни долго не хоронили, и у него «проскочила мысль», что болгары рассуждали следующим образом:

Если уж убито 167 женщин, стариков и детей, так “пусть от этого будет какая-нибудь польза для святого дела освобождения”; пусть их увидит возможно большее количество проходящих солдат, докторов, корреспондентов⁵⁹.

Симпатии А. А. Пиленко были явно на стороне воюющих славян, подтверждение чему — следующий эпизод: после падения Лозенграда и разрешения цензуры на публикацию этого, корреспондент вскочил в фэтон, отправился на почту, желая телеграфировать первым, ехал по улице и «кричал, сколько позволял ему голос»: «Лозенград взят!»⁶⁰. По возвращении в Петербург он нередко черпал информацию для статей в болгарском посольстве, и с посланником Стефаном Бобчевым у него сложились хорошие отношения⁶¹.

На Балканах присутствовал в качестве представителя «Киевской мысли» писатель Евгений Николаевич Чириков⁶². Он родился в 1864 г. в Казани, там же поступил в университет, но в 1887 г. за участие в беспорядках был отчислен (вместе с В. И. Лениным). Затем ему было суждено долго искать средства к существованию, работая в различных местах, дважды попасть под арест, жить под надзором полиции. В начале XX в. он получил признание как писатель. Читая газеты о Первой балканской войне, он пришел к мысли:

Ба! Немирович-Данченко⁶³ уже под турецкими пулями!.. Даже Брешко-Брешковский!⁶⁴ А я-то, я-то... Хорошо бы поехать

⁵⁹ Там же. С. 62.

⁶⁰ Вечерна пошта. 1912. 19 X.

⁶¹ *Бобчев С.* Страницы из мюта дипломатическа мисия в Петроград 1912–1913. София: Славянско дружество в България, 1940. С. 38.

⁶² Также о его корреспонденции см.: Михайлова, Назарова 2013.

⁶³ Отмечу, что между ними существовали теплые отношения. В 1927 г. Вас. И. Немирович-Данченко поздравлял Е. Н. Чирикова с 40-летием его творческой деятельности и называл его «редким по душе товарищу». См.: РГАЛИ. Ф. 355. Оп. 2. Ед. хр. 125. Л. 1.

⁶⁴ Имеется в виду писатель и журналист Николай Николаевич Брешко-Брешковский, откомандированный на Балканы газетой «Биржевые ведомости».

посмотреть, что там делается! Как-никак, а ведь во всемирную историю вписывается совершенно новая «история с географией»⁶⁵.

Но тут его ждали бюрократические препоны, поскольку выявилась необходимость заполнить графу о роде занятий, для этого следовало получить справку с последнего места работы в лесном департаменте, что он уже не служит⁶⁶. После всех мытарств он очутился в Болгарии. Его корреспонденция выходила в газете «Киевская мысль» обычно через номер, иногда в каждом номере⁶⁷.

Вернувшись с фронта, он опубликовал книгу о поездке на Балканы⁶⁸. Она представляет большой интерес в связи с тем, что автора интересовали простые люди, а не военачальники, дороги или собственные пространственные рассуждения. Е. Н. Чириков довольно значительное внимание уделил царящим на Балканах нравам, передал свои диалоги с местными жителями. Правда, иногда он ударялся и в поэтические размышления, глядя, к примеру, на локон женских волос, перевязанных белой шелковой ленточкой, который нашел в пустом окопе⁶⁹, или же говоря о таящей «какой-то особый, затаенный смысл» кошке, оставшейся в пустой турецкой деревне⁷⁰.

В 1921 г. Е. Н. Чириков вновь посетил Болгарию, уже находясь в эмиграции. Несмотря на широкий круг знакомств, писатель оказался в тяжелой финансовой ситуации, поскольку, как он писал Александру Ивановичу Куприну, там было «невозможно заработать литературой». В 1922 г. Чириков переехал в Прагу⁷¹.

Среди корреспондентов, опубликовавших свои впечатления отдельной типографской единицей, были и военные. Причем, как правило, это была не первая война в их жизни и не впервые им приходилось писать книги. В силу профессионального интереса они акцентировали внимание на сюжетах, связанных с армией.

От «Утра России» в Болгарию был отправлен штабс-капитан Николай Петрович Мамонтов. В чине прапорщика он участвовал в русско-японской войне, был ранен, получил Орден св. Станислава 3-й

⁶⁵ Чириков Е. Н. Поездка на Балканы. С. 3.

⁶⁶ Там же. С. 7.

⁶⁷ Михайлова, Назарова 2013.

⁶⁸ Чириков Е. Н. Поездка на Балканы.

⁶⁹ Там же. С. 83.

⁷⁰ Там же. С. 72.

⁷¹ Косик 2008: 122.

степени, и в 1907 г. опубликовал свой походный дневник⁷². А дальше началась иная страница его карьеры. Он был отправлен на курсы восточных языков при Генеральном штабе, в 1908 г. — командирован для практики языка в Персию (откуда вернулся с Орденом льва и солнца 2-й степени), а в следующем году — в Турцию⁷³. Однако послужной список не отразил еще несколько поездок⁷⁴. В 1908 г. Н. П. Мамонтов посетил Македонию и Старую Сербию и «пришел к убеждению, что война объединенных балканских государств с Турцией неизбежна»⁷⁵. Видимо, тогда же он совершил путешествие по Черногории, поскольку в 1909 г. вышла его книга об этой стране⁷⁶. Данный труд был положительно оценен хорошо знавшим Черногорию славистом Павлом Аполлоновичем Ровинским⁷⁷, о чем ученый и дипломат написал автору⁷⁸. В 1911 г. журналист из Триполи вместе полковником В. Н. фон Дрейером освещал Итало-турецкую войну⁷⁹, а в 1912 г. отправился на Первую балканскую войну корреспондентом и по прибытии в Москву опубликовал свои путевые заметки. Примечательно, что после поездки на Балканы весной 1913 г. Мамонтов получил светло-бронзовую медаль в память 300-летия царствования дома Романовых, а уже осенью подал в отставку, хотя ему на тот момент исполнилось только 29 лет. Однако летом 1914 г. Мамонтову пришлось вернуться в армию из-за мобилизации в связи с Первой мировой войной. Также интересно, что в течение войны журналист не единожды оказывался офицером для поручений при генерале Р. Димитриево⁸⁰, герое Балканских войн, в 1914 г. вступившем в ряды русской армии.

Помимо Н. П. Мамонтова Балканские войны наблюдали и описывали не только упоминавшийся В. Н. фон Дрейер, но и Николай

---

⁷² Мамонтов Н. П. Смерть странного человека: (Листки поход. дневника) // Война и Мир. 1907. № 5; № 7.

⁷³ РГВИА. Ф. 409. П/с 145–631. Л. 1, 8 об.

⁷⁴ Если не предположить, что это два разных человека. Однако отсутствие в РГВИА информации о других офицерах с теми же фамилией и инициалами и совпадение воинского звания делают эту догадку маловероятной.

⁷⁵ Мамонтов Н. П. С болгарскими войсками. С. 4–5.

⁷⁶ Мамонтов Н. П. Княжевина Црна Гора. По братской земле. М.: Печ. А. Снегиревой, 1909.

⁷⁷ О значении П. А. Ровинского для изучения истории Черногории см.: Хлебникова 1986; Хлебникова 1987.

⁷⁸ СПбФ АРАН. Ф. 123. Оп 2. Ед. хр. 89. Л. 1–3.

⁷⁹ Мамонтов Н. П. С болгарскими войсками. С. 14.

⁸⁰ РГВИА. Ф. 409. П/с 145–631. Л. 4–6.

Исидорович Гасфельд⁸¹, Евгений Иванович Мартынов⁸². Они уделили внимание болгарам, но находились на территориях, занятых сербами, в силу чего их произведения и биографии выходят за рамки данной статьи.

Подводя итог, можно отметить, что Первая балканская война была довольно подробно освещена в русской периодической печати того времени, но, что более важно, были представлены разные взгляды на нее. Однако наблюдателем и автором всегда являлся человек, в той или иной степени субъективный. А это неизбежно ведет к искажению картины. По словам отечественного лингвиста и культуролога Ю. М. Лотмана, необходимо выявить «коэффициент искажения», чтобы воссоздать ситуацию в ее полноте⁸³. Данная же статья, будучи надеяться, может сослужить подобную службу.

Сокращения

РГАЛИ — Российский государственный архив литературы и искусства, Москва

РГВИА — Российский государственный военно-исторический архив, Москва

СПбФ АРАН — Санкт-Петербургский филиал Архива Российской академии наук, Санкт-Петербург

ЦДА — Централен държавен архив на Република България, София

Литература

Белов 2011 — Белов М. В. Русские путешественники и дипломаты на Балканах в первой половине XIX века: типология и эволюция описательных стратегий // Человек на Балканах глазами русских / отв. ред. Р. П. Гришина, А. Л. Шемякин. СПб.: Алетейя, 2011.

Белов 2012 — Белов М. В. «Служебное» славяноведение в России первой половины XIX века // Славяноведение. 2012. № 4. С. 53–68.

---

⁸¹ Шевалье Н. Правда о войне на Балканах. СПб.: Типолитография «Якорь», 1913.

⁸² Мартынов Е. И. Сербы в войне с царем Фердинандом. Заметки очевидца. М.: Тип. П. П. Рябушинского, 1913. Частично переизданы: Мартынов Е. И. «Сербы удивлялись русской политике...» // Военно-исторический журнал. 1996. № 1; *Он же*. Сербы в войне с царем Фердинандом. Заметки очевидца // Русские о Сербии и сербах. СПб.: Алетейя, 2006. Т. 1: Письма, статьи, мемуары / сост. А. Л. Шемякин.

⁸³ Лотман 2002: 683.

- Богданова 2013 — *Богданова Е.М.* «Русские ведомости»: социально-этический аспект публицистики 1900–1918 гг. (на примере публикаций П. Д. Боборыкина и М. А. Осоргина): дисс. ... канд. филолог. наук. Пенза, 2013 (на правах рукописи).
- Гусев 2015 — *Гусев Н. С.* Первая балканская война и русское общество // *Славяноведение*. 2015. № 5. С. 43–50.
- Гусев 2018 — *Гусев Н. С.* Патриарх отечественной военной журналистики Вас. И. Немирович-Данченко и его корреспонденция с Первой балканской войны // *Studia historiae Bulgariae et Europae Orientalis*. К юбилею Т. В. Волокитиной / ред. Е. Л. Валева и др. М.: Институт славяноведения РАН, 2018. С. 31–44.
- Гусев 2019а — *Гусев Н. С.* Южные славяне в начале XX века: перспективы и сложности научного подхода // *Славяноведение*. 2019. № 1. С. 3–14.
- Гусев 2019б — *Гусев Н. С.* Неизвестный очерк о Болгарии периода Балканских войн 1912–1913 гг. // *Bulgantica, slavica et rossica*. Научный сборник в честь заслуженного профессора Московского университета Людмилы Васильевны Гориной / отв. ред. О. А. Дубовик, П. Е. Лукин. СПб.: Алетейя, 2019. С. 146–158.
- Ем, Ларионов 2001 — *Ем В. С., Ларионов Д. А.* Александр Александрович Пиленко (Биографический очерк) // *Пиленко А. А.* Право изобретателя / отв. ред. В. С. Ем, Т. В. Мальчикова. М.: Статут, 2001. С. 22–33.
- Зарубинский, Ставинский 1999 — *Зарубинский Г. М., Ставинский Е. Н.* К 125-летию со дня рождения российского правоведа Александра Александровича Пиленко // *Правоведение*. 1999. № 2. С. 53–68.
- Косик 2008 — *Косик В. И.* Софии русский уголок. М.: Пробел-2000, 2008.
- Кострикова 2007 — *Кострикова Е. Г.* Российское общество и внешняя политика накануне Первой мировой войны 1908–1914. М.: Институт российской истории РАН, 2007.
- Кострикова 2017 — *Кострикова Е. Г.* Геополитические интересы России и славянский вопрос: Идеинная борьба в российском обществе в начале XX века. М.: Кучково поле, 2017.
- Лотман 2002 — *Лотман Ю. М.* История и типология русской культуры. СПб.: Искусство-СПб, 2002.
- Миловидова 2016 — *Миловидова Н. В.* Воспоминания писателя и корреспондента В. И. Немировича-Данченко о русско-турецкой войне 1877–1878 гг. как исторический источник // *Вестник КГУ им. Н. А. Некрасова*. 2016. № 5. С. 29–31.
- Михайлова, Назарова 2013 — *Михайлова М., Назарова А.* Война как пространство антижизни и антикультуры (военные корреспонденции Е. Н. Чирикова с фронтов Первой балканской и Первой мировой войн) // *Русская литература и журналистика в движении времени. Ежегодник кафедры истории русской литературы и журналистики факультета журналистики*

- МГУ / под ред. Е. И. Орловой. М.: Факультет журналистики, 2013. С. 233–244.
- Нюркаева 1994 — *Нюркаева А. З.* Балканы во взглядах Троцкого. Пермь: Изд-во Перм. ун-та, 1994.
- Станчев, Чернявский 2008 — *Станчев М., Чернявский Г. Л. Д.* Троцкий, Болгария и болгары. София: Марин Дринов, 2008
- Хлебникова 1986 — *Хлебникова В. Б.* Ровинский как исследователь Черногории. Дис. ... канд. ист. наук. М., 1986 (рукопись).
- Хлебникова 1987 — *Хлебникова В. Б.* Павел Аполлонович Ровинский в Черногории // Славяноведение. 1987. № 2. С. 25–31.
- Шевцова 2012 — *Шевцова Г. И.* Русский гуманный поход на Балканы (1912–1913). М.: [Б. и.], 2012.
- Шелудко 1967 — *Шелудко Н.* Иван Николаевич Кашинцев (Калина) // Исторически преглед. 1967. Кн. 3. С. 107–111.
- Шемякин 2004 — *Шемякин А. Л.* Сербское общество последней трети XIX — начала XX века глазами русских наблюдателей // Славяноведение. 2004. № 3. С. 21–32.
- Шемякин 2010 — *Шемякин А. Л.* Особенности политического процесса в Сербии глазами русских (последняя треть XIX — начало XX века) // Славяноведение. 2010. № 5. С. 3–15.
- Шемякин 2012 — *Шемякин А. Л.* Сербия и сербы накануне Балканских войн глазами русских (к дискуссии о «современном» государстве) // Модернизация vs. война. Человек на Балканах накануне и во время Балканских войн (1912–1913) / отв. ред. Р. П. Гришина, А. Л. Шемякин М.: Институт славяноведения РАН, 2012. С. 123–162.
- Шемякин 2013 — *Шемякин А. Л.* Л. Д. Троцкий о Сербии и сербах (военные впечатления 1912–1913 гг.) // Историки-слависты МГУ. М.: Родина-медиа, 2013. Кн. 10. Славянский мир профессора Матвеева / отв. ред. Ю. А. Борисенок. С. 51–76.
- Шемякин 2017 — *Шемякин А. Л.* Сербские сочинения П. А. Ровинского (первичное осмысление и перспективы исследования) // Славяноведение. 2017. № 3. С. 87–98.
- Шипчанов 1983 — *Шипчанов И.* Вестители на бойна слава (военные корреспонденты през Балканската война от 1912–1913 г.). София: Военно издателство, 1983.
- Boeckh 1998 — *Boeckh K.* Rezension über: Trotzki, Leo, Die Balkankriege 1912–13 // Südost-Forschungen. 1998. Bd. 57. S. 330–332.
- Todorova 2013 — *Todorova M.* War and memory: Trotsky's war correspondence from the Balkan Wars // Perceptions: Journal of International Affairs. 2003. Vol. XVIII. No. 2. P. 5–27.

References

- Belov, M. V., 2011. Russkie puteshestvenniki i diplomaty na Balkanakh v pervoi polovine 19 veka: tipologii i evoliutsiia opisatel'nykh strategii [Russian travellers and diplomats in the Balkans in the first half of the twentieth century: typology and evolution of descriptive strategies]. In: Grishina, R. P., Shemiakin, A. L., eds. *Chelovek na Balkanakh glazami russkikh* [A man in the Balkans through the Russians' eyes]. Saint Petersburg: Aleteia.
- Belov, M. V., 2012. "Sluzhebnoe" slavianovedenie v Rossii pervoi poloviny 19 veka ["Applied" Slavic studies in Russia in the first half of the twentieth century]. *Slavianovedenie*, 4. pp. 53–68.
- Boeckh, K., 1998. Rezension über: Trotzki, Leo, Die Balkankriege 1912–13. *Südost-Forschungen*, 57, pp. 330–332.
- Bogdanova, E. M., 2013. "Russkie vedomosti": sotsial'no-eticheski aspekt publitsistiki 1900–1918 gg. (na primere publikatsii P.D. Boborykina i M.A. Osorgina) ["Russkie vedomosti": social and ethnic aspects of political writings in 1900–1918 (based on the publications of P.D. Boborykin and M.A. Osorgin)]. Diss. ... kand. filolog. nauk Penza (manuscript).
- Em, V. S., Larionov, D. A., 2001. Aleksandr Aleksandrovich Pilenko (Biograficheski ocherk) [Aleksandr Aleksandrovich Pilenko (a biographic sketch)]. In: Em, V. S., Mal'chikova, T. V., eds. *Pilenko A.A. Pravo izobretatel'ia* [Pilenko A. A. Inventor's right]. Moscow: Statut, pp. 22–33.
- Gusev, N. S., 2015. Pervaia Balkanskaia voina i russkoe obshchestvo [The First Balkan War and Russian society]. *Slavianovedenie*, 5, pp. 43–50.
- Gusev, N. S., 2018. Patriarkh otechestvennoi voennoi zhurnalistiki Vas. I. Nemirovich-Danchenko i ego korrespondentsiia s Pervoi balkanskoi voiny [Patriarch of Russian military journalism Vas. I. Nemirovich-Danchenko and his correspondence from the First Balkan War]. In: Valeva, E. L., et al., eds. *Studia historiae Bulgariae et Europae Orientalis. Kiubileiu T. V. Volokitinoi* [Studia historiae Bulgariae et Europae Orientalis. To the jubilee of T. V. Volokitina]. Moscow: Institut slavianovedeniia RAN, pp. 31–44.
- Gusev, N. S., 2019a. Iuzhnye slaviane v nachale 20 veka: perspektivy i slozhnosti nauchogo podkhoda [The Southern Slavs at the beginning of the twentieth century: perspectives and difficulties of a scientific approach]. *Slavianovedenie*, 1, pp. 3–14.
- Gusev, N. S., 2019b. Neizvestnyi ocherk o Bolgarii perioda Balkanskikh voyn 1912–1913 gg. [An unknown essay on Bulgaria during the period of Balkan Wars 1912–1913]. In: Dubovik, O. V., Lukin, P. E., eds. *Bulgarica, slavica et rossica. Nauchnyi sbornik v chest' zasluzhennogo professora Moskovskogo universiteta Liudmily Vasil'evny Gorinoi* [Bulgarica, Slavica et Rossica. Scholarly proceeding collection in honor of the Professor Emeritus of the Moscow University Lyudmila Vasil'evna Gorina]. Saint Petersburg: Aleteia, pp. 146–158.

- Khlebnikova, V. B., 1987. Pavel Apollonovich Rovinskii v Chernogorii [Pavel Apollonovich Rovinsky in Montenegro]. *Slavianovedenie*, 2, pp. 25–31.
- Khlebnikova, V. B., 1986. Rovinskii kak issledovatel' Chernogorii. [Rovinsky as a researcher of Montenegro...]. Diss. ... kand. ist. nauk. Moscow (manuscript)
- Kosik, V. I., 2008. *Sofii russkii ugolok* [Sofia's Russian corner]. Moscow: Probel-2000.
- Kostrikova, E. G., 2017. *Geopoliticheskie interesy Rossii i slavianskii vopros: Ideinaia bor'ba v rossiiskom obshchestve v nachale 20 veka* Russia's geopolitical interests and the Slavic question: The ideological struggle in Russian society at the beginning of the twentieth century Russia's geopolitical interests and the Slavic question: The ideological struggle in Russian society at the beginning of the twentieth century. Moscow: Kuchkovo pole.
- Kostrikova, E. G., 2007. *Rossiiskoe obshchestvo i vneshnaia politika nakanune Pervoi mirovoi voiny 1908–1914* [Russian society and the foreign policy on the eve of the First World War 1908–1914]. Moscow: In-t rossiiskoi istorii RAN.
- Lotman, Yu. M., 2002. *Istoriia i tipologiia russkoi kul'tury* [History and typology of Russian culture]. Saint Petersburg: Iskusstvo-SPb.
- Mikhailova, M., Nazarova, A., 2013. Voina kak prostranstvo antizhizni i antikul'tury (voennye korrespondentsii E. N. Chirikova s frontov Pervoi Balkanskoi i Pervoi mirovoi voyn) [War as a space of anti-life and anti-culture (military correspondence of E. N. Chirikov from the fronts of the First Balkan and World War I)]. In: Orlova, E. I., ed. *Russkaia literatura i zhurnalistika v dvizhenii vremeni. Ezhegodnik kafedry istorii russkoi literatury i zhurnalistiki fakul'teta zhurnalistiki MGU* [Russian literature and journalism in the movement of time. Yearbook of the Department of History of Russian Literature and Journalism, Faculty of Journalism, Moscow State University]. Moscow: Fakul'tet zhurnalistiki, pp. 233–244.
- Milovidova N. V., 2016. Vospominaniia pisatel'ia i korrespondenta V. I. Nemirovicha-Danchenko o rusko-turetskoi voine 1877–1878 gg. kak istoricheskii istochnik [Memoirs of the writer and correspondent V. I. Nemirovich-Danchenko about the Russian-Turkish war of 1877–1878 as a historical source]. *Vestnik KGU im. N. A. Nekrasova*, 5, pp. 29–31.
- Niurkaeva, A. Z., 1994. *Balkany vo vzglyadakh Trotskogo* [The Balkans in Trotsky's views]. Perm': Izd-vo Perm. un-ta.
- Sheludko, N., 1967. Ivan Nikolaevich Kashintsev (Kalina) [Ivan Nikolaevich Kashincev (Kalina)]. *Istoricheski pregled*, 3, pp. 107–111.
- Shemiakin, A. L., 2004. Serbskoe obshchestvo poslednei treti 19 – nachala 20 veka glazami russkikh nabliudatelei [Serbian society of the last third of the twentieth – beginning of the twentieth century through the eyes of Russian observers]. *Slavianovedenie*, 3, pp. 21–32.
- Shemiakin, A. L., 2010. Osobennosti politicheskogo protsessa v Serbii glazami russkikh (posledniaia tret' 19 – nachalo 20 veka) [Features of the political process in Serbia through the Russians' eyes (the last third of the

- twentieth – the beginning of the twentieth century)]. *Slavianovedenie*, 5, pp. 3–15.
- Shemiakin, A. L., 2012. Serbiia i serby nakanune Balkanskikh vojn glazami russkikh (k diskussii o “sovremennom” gosudarstve) [Serbia and the Serbs on the eve of the Balkan Wars through the eyes of Russians (to a discussion about the “modern” state)]. In: Grishina, R. P., Shemiakin, A. L., eds. *Modernizatsiia vs. voina. Chelovek na Balkanakh nakanune i vo vremia Balkanskikh vojn (1912–1913)* [Modernisation vs. war. A man in the Balkans on the eve and during the Balkan Wars (1912–1913)]. Moscow: Institut slavianovedeniia RAN, pp. 123–162.
- Shemiakin, A. L., 2013. L. D. Trotskii o Serbii i serbakh (voennye vpechatleniia 1912–1913 gg.) [Leo Trotsky about Serbia and the Serbs (military experience of 1912–1913)]. In: Borisenok, Yu. A., ed. *Istoriki-slavisty MGU. Kn. 10. Slavianskii mir professora Matveeva* [Historians-Slavists of the Moscow State University. Vol. 10. The Slavic world of Professor Marveev]. Moscow: Rodina-media, pp. 51–76.
- Shemiakin, A. L., 2017. Serbskie sochineniia P. A. Rovinskogo (pervichnoe osmyslenie i perspektivy issledovaniia) [Serbian works of P. A. Rovinsky (primary consideration and further research prospects)]. *Slavianovedenie*, 3, pp. 87–98.
- Shevtsova, G. I., 2012. *Russkii gumannyi pokhod na Balkany (1912–1913)* [Russian humane trip to the Balkans (1912–1913)]. Moscow: [s.n.].
- Shipchanov, I., 1983. *Vestiteli na boina slava (voennite korespondenti prez Balkanskata voina ot 1912–1913 g.)* [Heralds of martial glory (military correspondents during the Balkan War of 1912–1913)]. Sofia: Voenno izdatelstvo.
- Stanchev, M., Chernyavskii, G., 2008. *L. D. Trotskii, Bolgariia i bolgary* [Leo Trotsky, Bulgaria and Bulgarians]. Sofia: Marin Drinov.
- Todorova, M., 2003. War and memory: Trotsky’s War correspondence from the Balkan Wars. *Perceptions: Journal of International Affairs*, XVIII, 2, pp. 5–27.
- Zarubinskii, G. M., Stavinskii, E. N., 1999. K 125-letiiu so dnia rozhdeniia rossiiskogo pravoveda Aleksandra Aleksandrovicha Pilenko [On the 125th anniversary of the birth of Russian lawyer Alexander Alexandrovich Pilenko]. *Pravovedenie*, 2, pp. 53–68.

Nikita S. Gusev

PhD, Senior Research Fellow, Institute of Slavic Studies, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia. 119334, Leninsky Prospekt, 32A. E-mail: gusevns@gmail.com

Russian correspondents — authors of the books on the First Balkan War in Bulgaria in 1912–1913

This essay is devoted to the work of Russian correspondents in Bulgaria during the First Balkan war. The author points to the obstacles imposed by censorship, which aimed to hide the truth of the war from the European public. As a result, this often led to the invention of news. At the same time, the authorities showed affection towards journalists and wanted to present their country in the most favourable light in the press. To understand the author's positions, we outline the biography of the authors who collected their essays in books: the patriarch of Russian military journalism, the writer Vas. I. Nemirovich-Danchenko; lawyer and journalist A. A. Pilenko; writer E. N. Chirikov; and officer N. P. Mamontov. This position is also shown in other works about the Balkan wars (books by V.N. von Dreyer, L.D. Trotsky, E.I. Martynov, and N.I. Gasfeld), but is not included in the framework of the stated theme, as well as in two unpublished works of Russian eyewitnesses (N.K. Samoseev and V. Viktorov-Toporov).

Keywords: Balkan wars, Bulgaria, Russian correspondents, Vas. I. Nemirovich-Danchenko, A. A. Pilenko, E. N. Chirikov, N. P. Mamontov

Елизавета Евгеньевна Полянская (Артюшкова)

Аспирант, исторический факультет, Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, Москва, Россия. 119192, Ломоносовский проспект, д. 27, корп. 4.
E-mail: L.artuyshkova@gmail.com

Восприятие природы и населения Кавказского театра военных действий (1914–1917) представителями русской медико-санитарной службы

В статье раскрываются такие вопросы, как восприятие врачами и сестрами милосердия природы территорий Кавказского театра военных действий, взаимоотношения представителей медико-санитарной службы с местным населением. Источниками исследования стали отчеты, дневники, воспоминания, сообщения в прессе врачей, сестер милосердия, санитаров и представителей военно-санитарного ведомства, Российского общества Красного Креста, земского и городского союзов. В источниках, освещающих данные вопросы, неоднократно подчеркивалась «особенность» Кавказского фронта. Его «особые условия» оказали серьезное влияние на ведение боевых действий на Кавказе и, разумеется, на работу медицинской службы. Большая часть представителей медико-санитарной службы прибыла туда из европейской части России и впервые столкнулась с природно-географическими и санитарными условиями, а также традициями, менталитетом населения Закавказья, Турции и Персии. Часть персонала жила ранее на территории Кавказа, но также попала в иную культурную и природную среду, оказавшись в Малой Азии и Персии. В этих условиях пришлось организовать медицинскую помощь армии, беженцам, наладить санитарную обстановку в занятых русской армией территориях. Такой опыт прошли и мужчины, и, что весьма примечательно, женщины, которым в начале XX в. предоставлялось меньше возможностей для знакомства с далекими территориями. Женщины Востока жили на занятых русскими территориях, женщины Запада, ввиду военных действий активно привлекаемые на должности врачей, сестер милосердия, заведующих хозяйством и т. п., пришли туда вместе с учреждениями санитарно-медицинской помощи. На примере Кавказского фронта можно говорить о том, что произошла вынужденная встреча Запада и Востока, оказавших друг на друга взаимное влияние.

Ключевые слова: Первая мировая война, Кавказский фронт, военная медицина, Российское общество Красного Креста, сестры милосердия

Тема восприятия культурного взаимопроникновения Запада и Востока на примере русской медико-санитарной службы на Кавказском фронте не была ранее изучена, хотя вопросы деятельности медицинской службы там затрагивались. В связи с этим, особый интерес представляют работы Г.А. Мелкумяна¹. Историк рассмотрел деятельность медицинских отрядов на территории Персии, изучил проблему беженцев и деятельность общественных организаций. Источниковой базой работ Мелкумяна стали материалы РГВИА. Он высоко оценил заслуги медицинской службы, в том числе РОКК, на Кавказском фронте, признав, что в тех условиях невозможно было решить все задачи, поставленные перед санитарной службой. Однако тема восприятия Кавказского фронта представителями медико-санитарной службы не была им выделена и раскрыта.

Источниковой базой данной статьи является комплекс делопроизводственных материалов, периодических изданий и источников личного происхождения.

Корпус делопроизводственных источников, относящихся к исследуемой теме, составляют многочисленные отчеты, доклады главноуполномоченного, уполномоченных, врачей-консультантов РОКК, осуществлявших деятельность на Кавказском фронте, переписка представителей Красного Креста. Относительно небольшая часть делопроизводственных материалов была опубликована в «Вестнике Красного Креста»², остальные документы обнаружались в фондах РГВИА. Наибольший интерес для статьи представляют фонды Российского общества Красного Креста (№ 12651), особоуполномоченного РОКК при Кавказской армии (№ 12685). Также были

¹ Мелкумян 1971; Мелкумян 1973; Мелкумян 1975; Мелкумян 1977; Мелкумян 1979.

² Главное управление РОКК издавало журнал, содержащий сведения о деятельности Красного Креста, статьи о медицине и многое другое. В 1870–1877 гг. выходил «Вестник общества попечения о раненых и больных воинах», в 1877–1880 гг. издание выходило под названием «Вестник народной помощи». В 1881–1906 гг. журнал именовался «Вестником Российского общества Красного Креста», в 1907–1917 гг. — «Вестником Красного Креста». В период Первой мировой войны журнал имел четко сложившуюся структуру и содержал официальную часть (законодательные акты, имеющие отношение к деятельности РОКК, циркуляры и распоряжения главного управления), раздел докладов и отчетов, раздел, посвященный международной деятельности Красного Креста, сообщения печати, имеющие отношение к деятельности РОКК, информацию об открытии новых организаций РОКК, медицинские статьи, некрологи, библиографию.

использованы материалы фонда госпиталя Российского Общества Красного Креста отряда США³ (№ 12733).

Некоторые сведения о работе медико-санитарной службы на Кавказском фронте были взяты из периодических изданий (газет «Кавказ»⁴, «Биржевые ведомости»⁵, журнала «Армянский вестник»⁶), а также из нескольких источников личного происхождения: они вышли из-под пера современников и участников исследуемых событий.

В эмиграции в США в 1950-е годы написал воспоминания Федор Иванович Елисеев⁷. Офицер казачьих войск, всю Великую войну он находился на Кавказском фронте. В ходе исследования были использованы суждения Елисеева о природно-географических особенностях Кавказского театра военных действий. Помощник уполномоченного Всероссийского земского союза Ф. И. Емельянов был отправлен на Персидский фронт для организации медицинской помощи экспедиционному корпусу Н. Н. Баратова⁸. В воспоминаниях он подробно описал свою деятельность, работу Земского союза и Союза городов, организаций Красного Креста⁹. Дневник С. Р. Минцлова¹⁰ позволяет ознакомиться с положением дел во взятом русскими войсками Трапезунде. Его автор — писатель, чиновник особых поручений министерства земледелия, и.д. начальника Трапезундского округа. Минцлову было поручено организовать Продовольственный комитет и наладить снабжение района. Пристальное внимание

---

³ Американский Красный Крест направил миссию в Россию, которая организовала помощь германским и австро-венгерским военнопленным, а также сформировала хирургический лазарет в Киеве, который в октябре 1915 г. был переведен на Кавказский фронт.

⁴ Политико-литературное издание. Газета издавалась в Тифлисе в 1846–1918 гг. В разделах «В городе» и «На Кавказе» нередко помещались сведения о деятельности медико-санитарной службы на фронте.

⁵ Политическая и коммерческая газета, печаталась в Петербурге (Петрограде) ежедневно утром и вечером. Некоторые номера, издававшиеся в годы Первой мировой войны, содержали срочные донесения корреспондентов о деятельности РОКК.

⁶ Журнал издавался в Петрограде с 1916 г., в нем появлялись сведения о действиях русских войск, медицинской службы.

⁷ *Елисеев Ф. И.* Казаки на Кавказском фронте 1914–1917. М.: Воениздат, 2001.

⁸ Отдельный экспедиционный корпус был создан осенью 1915 г. для противодействия прогерманским силам в Персии.

⁹ *Емельянов А. Г.* Персидский фронт (1915–1918). Берлин: Гамаюн, 1923.

¹⁰ *Минцлов С. Р.* Трапезундская эпопея: Киев. Трапезонд. Финляндия: Дневник. Берлин: Сибир. кн. изд-во. 1925.

в своих записях он уделил санитарному состоянию города и деятельности медицинской службы. Воспоминания Л. С. Фридланда¹¹, военного врача, чрезвычайно образно передают впечатления человека, получившего весть о назначении на Кавказский фронт. Деятельность Фридланда в военном госпитале позволяет глубже понять сложившуюся во время войны обстановку в медицинском деле. Дочь Л. Н. Толстого А. Л. Толстая в годы войны была принята сестрой милосердия в передовой отряд Всероссийского земского союза Кавказского фронта. Вместе с отрядом Толстая оказывала помощь русским войскам в Турции и Персии, позже описав то время в воспоминаниях¹². Она уделила внимание положению беженцев на занятых русскими турецких территориях, деятельности там санитарной службы. Х. Д. Семина — супруга медика, назначенного старшим врачом санитарного транспортного отделения и отправленного на фронт. Семина окончила курсы сестер милосердия военного времени и получила назначение. Молодая женщина служила в различных отрядах и госпиталях, позже подробно описав происходившие с ней события¹³.

Территория Кавказского фронта воспринималась современниками как что-то отчасти загадочное, отчасти непохожее на то, что они видели раньше. Весьма отрицательную характеристику фронту дал Фридланд, который записал в дневнике следующее:

Это был фронт голода, тифов и смерти. Оттуда ползли слухи о бездорожье, громадных расстояниях, фантастическом взяточничестве и воровстве среди снабженческого начальства, обрекавшего армию на лишения и эпидемии <...>, время от времени наших товарищей как бы выдувало из лечебных учреждений Юго-Западного фронта, а потом от них, от тех, из которых многие уже никогда не вернулись, приходили издалека письма со странными названиями и именами, непривычными для уха. Между строк можно было прочесть об отчаянии и тоске этих людей¹⁴.

¹¹ Фридланд Л. С. Шесть баллов. Л.: Изд-во писателей в Ленинграде, 1933.

¹² Толстая А. Л. Дочь (Воспоминания). М.: Вагриус, 2000.

¹³ Семина Х. Д. Трагедия русской армии Первой Великой Войны 1914–1918. Записки сестры милосердия Кавказского фронта. Нью-Мексико: [Издательство автора], 1963. Кн. 1; Она же. Трагедия русской армии Первой Великой Войны 1914–1918. Записки сестры милосердия Кавказского фронта. Кн. 2. Нью-Йорк: Rausen Bros, 1963.

¹⁴ Фридланд Л. С. Шесть баллов. С. 42.

У Семиной возникли тягостные впечатления по поводу назначения мужа на Ванский фронт:

Это, во-первых, страшно далеко в Турции, а, во-вторых, совершенно дикие места. Дорог нет! Шайки курдов стерегут русских из-за каждого камня. Транспорт буквально лепится по горам и обрывам¹⁵.

В воспоминаниях Емельянова неоднократно встречается противопоставление Запада (Европы, в том числе России) и Востока (Персии). Автор писал, что «фронт интересный»:

[Туда ехали] отовсюду и все разные, знатные <...> великие князья, титулованная знать, идейные люди, искатели приключений <...>, были такие, что стремились погибнуть на этом проклятом фронте¹⁶.

Итак, Кавказский театр военных действий, действительно, был необычным благодаря его особенностям: климату и природе, дальности расстояний и отсутствию дорог, населению (традиции, этно-конфессиональный состав).

Природа и климат, безусловно, осложняли пребывание на Кавказском фронте войск и медицинской службы. Один из участников событий отметил, что перед современниками встала «грандиозная картина борьбы армии не только с врагом, но и природой»¹⁷. Позже в своих воспоминаниях Елисеев повторит ту же мысль:

Русские войска Кавказской армии вели борьбу <...> с суровой природой и климатом полудикой Турции <...>. Зимой — дикая стужа, снег в три сажени высотой <...>. Летом — раскаленная жара: ни дерева, ни воды¹⁸.

Весьма емкое и образное сравнение, связанное со спецификой ведения боевых действий в горах, было приведено в номере «Вестника Красного Креста»: «Рай внизу, а под небесами — ад, — вот особенность нашего театра войны! Шиворот на выворот!»¹⁹.

Равным образом с природой приходилось «воевать» и медицинскому персоналу Кавказского фронта. Показательно заявление

¹⁵ Семина Х.Д. Трагедия русской армии. С. 267.

¹⁶ Емельянов А.Г. Персидский фронт. С. 93.

¹⁷ Биржевые Ведомости. Вечерний выпуск. 1915. 6 (19) VI. № 14948. С. 1.

¹⁸ Елисеев Ф.И. Казаки на Кавказском фронте. С. 7.

¹⁹ Вестник Красного Креста. 1915. № 6. С. 2720.

представителя Земского союза, который сообщил, что организация «нуждается в горном снаряжении для осуществления эвакуации», а именно, нужна обувь с «кошками» или с гвоздями, или местная горная обувь и палки с металлическими остриями²⁰. Теплой одеждой в горах приходилось запастись не только на зиму. Например, 29 июля 1915 г. в заседании главного управления РОКК обсуждался вопрос о закупке 3 тыс. шинелей для санитаров «ввиду наступления в горах холодов»²¹.

О природно-географических условиях в Персии образно написал Емельянов: «Летом — невыносимая жара, отсутствие здоровой воды, песок на перевальных путях, густые клубы пыли. Мириады комаров, москитов и мошек днем и миллионы паразитов ночью», резкие колебания температуры в течение суток (летом от 10 до 40 градусов Цельсия), раскаленная почва днем, скорпионы, змеи, фаланги²². Выбывали из строя главным образом, «вследствие всевозможных болезней, вследствие невероятно тяжелых и совершенно непривычных для русского солдата и казака условий, — страшной жары с солнечными и тепловыми ударами, малярийными и холероподобными заболеваниями»²³. Ввиду природно-географических условий порой непросто было найти подходящее помещение для того, чтобы открыть полевое лечебное учреждение. В воспоминаниях Емельянова есть рассказ о создании представителями Всероссийского земского союза лазарета в районе Керинда. Наиболее подходящим помещением оказался полуразрушенный кирпичный караван-сарай XVII в., служивший конюшней для вьючных животных проходящих караванов. С помощью рабочих-персов стены очищали от травы, кустарника, плесени и мха; земляной пол — от скорпионов, фаланг и змей, навоза, отбросов, грязи, трупов павших лошадей. Койки, столы, табуретки делали из купленных бревен, когда бревна кончились, стали рубить лес²⁴.

Другой особенностью Кавказского театра военных действий было отсутствие подходящих дорог для перемещения войск и, соответственно, медицинских отрядов. Емельянов отметил особую тягость

²⁰ Кавказ. 1914. 17 XII. № 286. С. 3.

²¹ РГВИА. Ф. 12651. Оп. 1. Д. 1139. Л. 414.

²² Емельянов А. Г. Персидский фронт. 1923. С. 51, 53, 54.

²³ Там же. С. 54.

²⁴ Там же. С. 74.

преодоления огромных расстояний. Так, отряду Земского союза по приказанию генерала Баратова было поручено «безотлагательно» отправиться «за 200 слишком верст» в Керинд и там развернуть лазарет. Во время наступления по Багдадскому направлению войска проходили «без малого триста пятьдесят верст», а за войсками должны были следовать и медицинские отряды²⁵. 8-му передовому отряду РОКК, сформированному по просьбе Баратова для помощи экспедиционному корпусу, пришлось покрыть громадное пространство. Одна из эвакуационных линий (Кум — Энзели), обслуживаемая отрядом, составляла 600 верст. 8-ой передовой отряд в 18 дней устроил лазарет на 200 кроватей в Казвине и выделил два летучих отряда, которые в свою очередь устроили 50-кроватьные лазареты в Хамадане и Куме²⁶.

В докладе заведующего медицинской частью С. Ф. Чижя главномуполномоченному РОКК на Кавказе об объезде Батумского района в ноябре 1915 г. имеются описания дорог в названном районе. Итак, по пути из Куры через Парехский перевал в Патаджур вначале дорога была еще сносная, но уже через несколько верст началась сплошная, топкая, невылазная грязь, так что лошади увязали. В связи с этим, отметил доктор, нетрудно было представить, что должны испытывать раненые и больные во время транспортировки при подобных передвижениях их на вьючных носилках. Дорога из Пиларгета в Пиронит оказалась столь плохой, что пришлось идти пешком и вести лошадей за собой. Лошади вязли в грязи, скользили в обрыв, шли прыжками, вытаскивая из грязи ноги с трудом. Доктор отметил, что до лазарета, расположенного в тылу на 20–30 верст из десяти раненых, доходило такими дорогами не более четырех²⁷. В докладе Чиж стремился доказать важность учреждений подвижных лазаретов, в которых была возможность оказания необходимой помощи в первые часы ранения, тогда как в лазареты, расположенные дальше от позиций, путь был весьма затруднительным. Медицинская служба РОКК на Кавказе применила именно эту тактику. Передовым и летучим отрядам «в силу горных условий войны и отсутствия железных дорог» пришлось подготовить вьючные носилки и выделить из своего состава небольшие подвижные лазареты на 10, 15 и 50 кроватей²⁸.

²⁵ Там же. С. 44, 50, 101.

²⁶ РГВИА. Ф. 12651. Оп. 1. Д. 1146. Л. 277–279.

²⁷ РГВИА. Ф. 12685. Оп. 9. Д. 3. Л. 204–208а.

²⁸ Краткий обзор деятельности Российского общества Красного Креста. С. 35, 36.

Еще одной особенностью Кавказского театра военных действий являлся сложный этноконфессиональный состав местного населения. По-разному складывались отношения у представителей медико-санитарной службы с местными жителями. Религиозные и национальные противоречия, существовавшие до начала войны, чрезвычайно возросли с началом действий противников. Практически сразу началось движение армянского населения Турции на российский Кавказ. Турецкое население российской территории стало переходить границу с Османской империей в обратном направлении. Уже 11 ноября 1914 г. в Тифлисе было объявлено, что беженцам-армянам необходима помощь²⁹. Ее оказали медицинская служба и общественные силы³⁰. В конце 1914 г. началось движение к русской границе армян и айсоров Персии. К 7 января 1915 г., по сообщению «Биржевых Ведомостей», из Персии «бежало» около 25 тыс. чел.³¹

Нередко приходилось оказывать помощь и мирному местному населению, пострадавшему не только от близости театра военных действий, но в результате тяжелых межэтнических конфликтов. При продвижении русских войск в глубь турецкой территории начались события, позже названные геноцидом армян. Турки уничтожили часть армянского населения. Те, кто остался в живых, находились в бедственном положении. Многие бежали в российские земли. Часть населения возвращалась на контролируемую Кавказской армией территорию³². Это создавало серьезные проблемы для медицинской службы: необходимо было помочь голодавшим, больным, сиротам. Среди беженцев распространялись инфекционные заболевания, это создавало угрозу заражения войск.

Курдское население Персии и Турции нападало на мирное христианское население, на русские войска и медицинские отряды. Например, однажды на конный транспорт Земского союза в пути по дороге в Керинд напали курды. Были убитые и раненые. По словам заведовавшего транспортом, против пятидесяти членов транспорта выступило около пятисот курдов³³. Семина писала, что каждый

²⁹ Биржевые Ведомости. Вечерний выпуск. 1914. 12 (25) XI. № 14491. С. 2.

³⁰ Кавказ. 1914. 30 XII. № 295. С. 3.

³¹ Биржевые Ведомости. Вечерний выпуск. 1914. 30 XII. (1915. 11 I.) № 14583. С. 1; Биржевые Ведомости. Утренний выпуск. 1915. 7 (20) I. № 14596. С. 1.

³² Биржевые ведомости. Вечерний выпуск. 1916. 4 (17) X. № 15842. С. 2.

³³ *Емельянов А. Г.* Персидский фронт. С. 104.

раз, когда ее муж ездил за ранеными, транспорт обстреливали шайки курдов и партизан-турок³⁴.

Следует отметить, что насильственные действия проводило и христианское население по отношению к мусульманскому на русских и турецких территориях³⁵. Один из примеров — маховик этнического конфликта в г. Ван. Там армянское население обороняло свой квартал. После ухода турецких войск армяне предприняли ответные действия. Толстая, прибыв в город в составе медицинского отряда Земского союза стала свидетельницей армянского насилия: некоторым турчанкам переломали и вывернули руки, ноги. Отряд пытался помочь пленным, но сделать это в тех условиях было практически невозможно³⁶.

Можно привести и положительные примеры «встреч» Запада с местным населением. Порой обе стороны шли навстречу друг другу. Сестра милосердия Лаврова рассказывала: «В турецких деревнях, куда мы приходили со своими ранеными, жители добровольно приносили нам молоко, баранину, кур»³⁷.

Представители русской медико-санитарной службы шли навстречу местным жителям по нескольким причинам. Во-первых, они понимали, что поддержка и расположение населения создаст более благоприятные условия пребывания русских на завоеванных территориях, а также сослужит добрую службу в том случае, если турки начнут наступление, но не получают поддержку мирного населения. Так, например, профессор Чиж отметил, что в Патаждуре с крыши минарета мечети, где находился лазарет Красного Креста, необходимо убрать флаг Красного Креста. Доктор указал, что видел, как толпа рабочих аджарцев молча стояла минут двадцать и даже более, не спускающая глаз с флага. Вскоре последовало распоряжение главноуполномоченного убрать этот флаг с минарета³⁸.

Во-вторых, не имея каких-либо корыстных целей, русские порой проникались жалостью к пострадавшим взрослым и детям. Семина писала, что некоторые из оставшихся в живых армян Вана после взятия города русскими продолжали прятаться в пещерах

³⁴ Семина Х.Д. Трагедия русской армии Первой Великой Войны. Кн. 1. С. 40.

³⁵ Кавказ. 1915. 11 I. №8. С. 3.

³⁶ Толстая А.Л. Дочь. С. 241.

³⁷ Вестник Красного Креста. 1915. №6. С. 2723.

³⁸ РГВИА. Ф. 12685. Оп. 9. Д. 3. Л. 204–208а.

и лесах, среди них было «много одичалых детей, родители которых убиты». Местный комендант собрал команду солдат-армян и отправил их на поиски детей в горах. При ванском госпитале для них был организован временный приют. По рассказам мужа Семиной, его транспорт однажды шел к Вану, команда остановилась на ночлег и стала ужинать, и в это время «из-за камней вылезли к дороге не то люди, не то какие-то звери», согнувшись и «почти ползком», они направились в сторону ужинающих. Оказалось, что это были ванские беженцы-армяне³⁹. Фридланд рассказал и о том, как с ним сблизилась жившая в соседнем с расположившимися русскими войсками селении курды. Сначала в Кизил-Чубук приходили взрослые люди. Они топтались около солдат, около палаток, около врачей. Однажды появились дети. Старший мальчик дал понять, что они голодны. Детям дали хлеба, и они стали приходить каждый день. Фридланд написал: «Совершенно непостижимым образом мы научились понимать друг друга». Однажды мальчик привел мужчину с больной девочкой на руках. Ее мать побоялась спуститься с гор к неверным. Девочку вылечили. Затем за лечением стали приходить и другие, даже взрослые женщины. Фридланда водили в гости в курдское селение⁴⁰.

В РГВИА были найдены материалы, которые позволяют восстановить трогательную историю, случившуюся с сестрой милосердия госпиталя Российского общества Красного Креста отряда США и девочкой-айсоркой.

В ноябре 1915 г. девочка 7–8 лет по имени Дада была найдена на дороге раненой в ногу, ребенка поместили в госпиталь отряда США⁴¹, расположенный в Хое. С ней сблизилась сестра милосердия Алина Ассор. Согласно спискам персонала госпиталя, Ассор была латышкой, исповедовала лютеранство, до войны жила с родителями⁴². В фонде госпиталя содержится прошение Ассор на имя начальника госпиталя от 4 июня 1916 г., в котором сестра милосердия просила разрешения взять в Россию на свое попечение девочку. В тот же день начальник госпиталя отправил прошение российскому консулу

³⁹ *Семина Х.Д.* Трагедия русской армии Первой Великой Войны. Кн. 2. С. 31, 32, 35.

⁴⁰ *Фридланд Л.С.* Шесть баллов. С. 63, 64, 65, 105, 117, 168.

⁴¹ РГВИА. Ф. 12733. Оп. 1. Д. 2. Л. 196.

⁴² Там же. Л. 255.

в Хое — дать удостоверение Даде на выезд⁴³. В деле нет ответа от консула, но, видимо, ребенка увезли в Россию, так как Ассор взяла отпуск в Петроград с 5 июня по 5 июля 1916 г.⁴⁴

Действия русских войск и медико-санитарной службы способствовали укреплению русского влияния в Персии. Емельянов написал, что после побед корпуса Баратова «вся Персия пришла в изумление»⁴⁵. При продвижении войск далее вглубь страны и южнее Тегерана возник вопрос об устройстве лазарета в столице. Церемониймейстер шаха Хаджи-Доуле предложил для этого собственный дом. Однако дом этот оказался не подходящим для лазарета. После этого персидское правительство предложило Красному Кресту взять в свое распоряжение шахскую больницу, «прекрасно оборудованную на 100 кроватей»⁴⁶. В Красный Крест поступали пожертвования от знатных лиц Персии. Так, бывший азербайджанский губернатор фельдмаршал персидских войск Сердан Рашид пожертвовал Красному Кресту при Кавказской армии 500 руб.⁴⁷, наследник заместителя Азербайджана Шунджа Уд Доул и его брат Сердар Муайед передали в Тавризе главноуполномоченному РОКК 10 тыс. руб.⁴⁸

Можно выделить еще одну особенность Кавказского театра военных действий: успешные операции русских войск и продвижение вглубь Турции и Персии. Это создавало немалые проблемы медицинской службе, так как приходилось организовывать помощь армии в крайне антисанитарных условиях. Необходимо было не только ухаживать за ранеными и больными воинами, но выполнять очистительные и дезинфекционные работы.

Весьма значимым событием стало взятие турецкой крепости Эрзерум (28 декабря 1915 г. — 3 февраля 1916 г.). Данная победа на фоне неуспехов на западном фронте была встречена правительством, армией и обществом с большим воодушевлением. После успешно проведенной русскими войсками операции медицинской службе предстояло выполнить сложную и важную задачу — привести город и его окрестности в нормальное санитарное состояние. 27 января 1916 г.

⁴³ Там же. Л. 201.

⁴⁴ Там же. Л. 202.

⁴⁵ Емельянов А. Г. Персидский фронт. С. 33.

⁴⁶ РГВИА. Ф. 12651. Оп. 1. Д. 1146. Л. 277–279.

⁴⁷ Там же. Д. 1133. Л. 410.

⁴⁸ Там же. Д. 1145. Л. 285 об.–286.

генерал П. П. Калитин сообщил заместителю главнокомандующего Кавказским фронтом генералу Н. Н. Янушкевичу о необходимости «экстренно командировать в Эрзерум особые сильные рабочие санитарные команды, снабдив их широкими средствами, инструментами, арбами, лошадьми». Сделать это нужно было для того, чтобы не «потерять войска от эпидемий». Калитин указал, что местные средства были «недостаточны для города, бывшего всегда источником тифа, холеры и чумы». В конце января уже «наступало тепло», а трупы были «почти не закопаны». Через деревянные водопроводные трубы инфекция попала в питьевую воду⁴⁹.

Сведения из доклада уполномоченного от Сарыкамышского района Всероссийского союза городов доктора А. Г. Макарьянца главноуполномоченному кавказского отдела Союза городов А. И. Хатисову позволяют дополнить общую картину санитарного состояния города в январе 1916 г. По словам Макарьянца, там 40 тыс. чел. болели сыпным тифом (всего население города составляло 100 с лишним тыс.), их смертность достигала 50–60%. Нечистоты из города не вывозились и образовали посреди улиц «своеобразные холмы». Огромное болото, окружавшее город, способствовало распространению малярии⁵⁰. Еще один крупный турецкий город, занятый русскими войсками, — Трапезунд. «С первого дня взятия Трапезунда» в городе находился временный лазарет Красного Креста, обслуживающий городское население, позже был устроен хирургический лазарет⁵¹. Согласно информации из дневника начальника Трапезондского военного округа Минцлова, санитарное состояние города летом 1916 г. не было благоприятным⁵².

Источники практически ничего не сообщают о культуре Востока, с которой встретились их авторы, лишь Емельянов в воспоминаниях обращался к природе, традициям населения, культуре Персии. Он указал, что Персия — страна вьючного транспорта и средневекового уклада⁵³, подробно описал персидский город. Так, Казвин оказался «как все персидские города, непохож на привычные для нашего взгляда европейские, в частности, русские города». Дома были

⁴⁹ Цит. по: *Мелкумян Г. А.* Роль общественных организаций. С. 232–233.

⁵⁰ Армянский вестник. 1916. 13 III. № 7. С. 37.

⁵¹ Вестник Красного Креста. 1916 г. № 7. С. 2379.

⁵² *Минцлов С. Р.* Трапезондская эпопея. С. 67.

⁵³ *Емельянов А. Г.* Персидский фронт. 1923. С. 117.

построены из глины, изредка из камня или кирпича. Чаще в один этаж, иногда в два, но эти этажи были очень низкими. Все постройки выглядели однообразными. На улицах днем пустынно. Небольшое оживление только на площадях. Дома обращены внутрь дворов; поэтому совсем не имеют окон на улицу, а ворота и входные двери всегда на глухих запорах. Это было связано с тем, что личная жизнь персов была, согласно Емельянову, частным и сокровенным пространством. Мужчина в семье был неограниченным хозяином и властителем, быт и характер семейных отношений определял мусульманский закон⁵⁴. Непривычными для европейского глаза, как пишет Емельянов, были персидские лошади. Благородные, беспокойные, прекрасные скакуны. Конь под всадником не стоит спокойно, «он гарцует, а когда гарцует, эффектно выбрасывает ноги»⁵⁵. Емельянов сокрушался о том, насколько далека современная ему Персия от былого величия ее прошлого. Не создавалось новой литературы, не развивалась наука. Просвещение народа основывалось на Коране, знания по медицине, праву, астрономии и другим дисциплинам персы черпали из устаревших, по его мнению, произведений шиитов⁵⁶.

Итак, выше были рассмотрены особенности Кавказского фронта, отмеченные представителями медико-санитарной службы. Важно отметить, что главное управление РОКК принимало во внимание особые условия работы медицинского персонала на Кавказе. 7 апреля 1915 г. был открыт лазарет Красного Креста для заболевающих сестер милосердия, в котором «чувствовалась крайняя нужда»⁵⁷. Управление Красного Креста вскоре «оповестило все лазареты и учреждения, работающие под флагом Красного Креста, чтобы всех сестер милосердия, заболевших неинфекционными заболеваниями, направляли на лечение в тифлисский лазарет для сестер милосердия, помещающийся в здании православной духовной семинарии в Ваке»⁵⁸.

Информация из источников свидетельствует о высокой заболеваемости медицинского персонала на Кавказском театре военных действий. В том числе многие пострадали во время эпидемии тифа, получившего широкое распространение с появлением большого

⁵⁴ Там же. С. 20–22.

⁵⁵ Там же. С. 25.

⁵⁶ Там же. С. 123.

⁵⁷ Кавказ. 1915. 10 IV. № 80. С. 3.

⁵⁸ Кавказ. 1915. 19 IV. № 88. С. 3.

количества турецких военнопленных после Сарыкамьшской операции⁵⁹. В заседаниях главного управления периодически объявляли о заболеваниях тифом персонала на Кавказе⁶⁰. Заболела сыпным тифом и часть персонала отряда Государственной думы, в том числе уполномоченный отряда князь В. Л. Геловани⁶¹, деятельность которого начальник кавказской стрелковой дивизии назвал самоотверженной⁶². Для 36-летнего Геловани эта болезнь стала смертельной. 25 февраля 1915 г. в зале Главного управления была отслужена панихида по скончавшемуся уполномоченному и всем павшим в войну при исполнении своих обязанностей деятелям Красного Креста⁶³. По распоряжению принца Александра Петровича Ольденбургского временно была приостановлена работа отряда Государственной думы, так как бóльшая часть персонала болела. 21 марта 1915 г. М. В. Родзянко в заседании Главного управления сообщил, что отряд возобновил свою деятельность⁶⁴.

Когда отряд Земского союза, в котором находилась А. Л. Толстая, прибыл в Ван, выяснилось, что докторов (за исключением одного русского военного врача) в городе не было: все заболели тифом, и некоторые уже умерли. Александра Львовна заболела «тропической малярией», от чего страдала потом долгие годы⁶⁵.

13 февраля 1915 г. вслед за Городским и Земским союзами Красный Крест постановил обеспечивать жертв заболеваний сыпным тифом двадцатикратным месячным содержанием, так как бывали случаи отказа персонала работать на территориях с распространением

---

⁵⁹ Сражение при Сарыкамьше (9 (22) декабря 1914 – 22 декабря 1914 (4 января 1915)) – оборонительная операция русской Кавказской армии против турецких войск в районе населенного пункта Сарыкамьш Карской области Российской империи (ныне территория Турции).

⁶⁰ РГВИА. Ф. 12651. Оп. 1. Д. 1133. Л. 356, 402 об.

⁶¹ Князь, политический и общественный деятель, депутат IV Государственной думы Российской империи. Личный друг А. Ф. Керенского. С началом Первой мировой войны отправился на германский фронт в качестве командира санитарного отряда Государственной думы. Под Августовым (город на северо-востоке Польши) лично выносил из-под обстрела раненых бойцов, награжден Георгиевской медалью и знаком отличия Красного Креста. Супруга князя Нина Георгиевна была сестрой милосердия в его отряде, также заразилась сыпным тифом, но выздоровела.

⁶² РГВИА. Ф. 12651. Оп. 1. Д. 1147. Л. 57 об., 58.

⁶³ Там же. Д. 808. Л. 196.

⁶⁴ Там же. Д. 1133. Л. 408 об.

⁶⁵ Толстая А. Л. Дочь. С. 241, 245.

такого заболевания⁶⁶. На основании постановления 7 октября 1914 г. сестрам, уходящим в отпуск по болезни, выплачивалась половина жалования в месяц в течение не более четырех месяцев. По просьбе главноуполномоченного РОКК на Кавказе Л. В. Голубева ввиду особых условий фронта, дающих большой процент заболеваемости, согласно решению главного управления от 2 ноября 1915 г., в отпуске по болезни сестер милосердия Кавказского фронта сохранялся полный оклад, но в течение не более чем двух месяцев⁶⁷.

Таким образом, из изученных источников следует, что Кавказский фронт воспринимался участниками событий как место необычное и отчасти загадочное. Непривычная разнообразная природа и климат, отсутствие дорог и дальность расстояний, местное население, живущее в иных условиях, по другим традициям и исповедующее по большей части другую веру, — все это стало неожиданным открытием для многих. Открывали для себя Запад, пришедший из России, и местные жители Турции и Персии.

Список сокращений

РГВИА — Российский государственный военно-исторический архив, Москва

РОКК — Российское общество Красного Креста

Литература

Айрапетов 2014–2015 — *Айрапетов О.Р.* Участие Российской империи в Первой мировой войне (1914–1917): в 4-х т. М.: КДУ, 2014–2015.

Жигальцова 2011 — *Жигальцова Л.В.* «О ней слагают стихи, наивные и искренние...» Александра Павловна Ливен (1879–1974). Судьба русской сестры милосердия // Родина. 2011. № 3. С. 88–91.

Корсун 1937 — *Корсун Н.Г.* Сарыкамьшская операция на Кавказском фронте мировой войны в 1914–1915 году. М.: Гос. военное изд-во Наркомата обороны Союза ССР, 1937.

Корсун 1938 — *Корсун Н.Г.* Эрзерумская операция. На Кавказском фронте мировой войны в 1915–1916 гг. М.: Гос. военное изд-во Наркомата обороны Союза ССР, 1938.

⁶⁶ РГВИА. Ф. 12651. Оп. 7. Д. 130. Л. 81.

⁶⁷ РГВИА. Ф. 12685. Оп. 3. Д. 6. Л. 8 об.; Биржевые Ведомости. Утренний выпуск. 11 (24) ноября 1915 г. № 15203. С. 4.

- Корсун 1940 — *Корсун Н.Г.* Алашкертская и Хамаданская операция на Кавказском фронте мировой войны в 1915 г. М.: Воениздат, 1940.
- Масловский 1933 — *Масловский Е.В.* Мировая война на Кавказском фронте 1914–1917 гг. Париж: Возрождение, 1933.
- Мартirosян 2006 — *Мартirosян Д.Г.* Российско-турецкий фронт Первой мировой войны. Дис. ... к.и.н. Саратов, 2006 (рукопись).
- Мелкумян 1971 — *Мелкумян Г.А.* О госпитальной сети Кавказского фронта // *Էքսպերիմենտալ և կլինիկական բժշկության հանդես* [Журнал экспериментальной и клинической медицины]. Ереван, 1971. № 11 (4). С. 101–106.
- Мелкумян 1973 — *Мелкумян Г.А.* Медицинская помощь беженцам в 1915 году (на Кавказской фронте первой мировой войны) // Вестник общественных наук Академии наук Армянской ССР. Ереван, 1973. № 6. С. 92–98.
- Мелкумян 1975 — *Мелкумян Г.А.* Врачи-армяне на кавказском фронте первой мировой войны // *Պատմա-բանասիրական հանդես* [Историко-филологический журнал]. Ереван, 1975. № 3. С. 126–134.
- Мелкумян 1977 — *Мелкумян Г.А.* Роль общественных организаций в медицинском обеспечении Кавказской армии в годы первой мировой войны // *Պատմա-բանասիրական հանդես* [Историко-филологический журнал]. Ереван, 1977. № 3. С. 221–234.
- Мелкумян 1979 — *Мелкумян Г.А.* Деятельность медицинских учреждений общественных организаций в иранском Азербайджане в 1915 году // Вестник Ереванского университета. Общественные науки. Ереван, 1979. № 2 (38). С. 169–173.

References

- Airapetov, O. R., 2014–2015. *Uchastie Rossiiskoi imperii v Pervoi mirovoi voine (1914–1917)* [The participation of the Russian Empire in the First World War (1914–1917)], vols. 1–4. Moscow: KDU.
- Zhigal'tsova, L. V., 2011. “O nei slagaiut stikhi, naivnye i iskrennie...” Aleksandra Pavlovna Lieven (1879–1974). Sud'ba russkoi sestry miloserdia [“Poems are written about her, naive and sincere ...” Alexandra Pavlovna Lieven (1879–1974). The fate of a Russian sister of mercy]. *Rodina*, 3, pp. 88–91.
- Korsun, N. G., 1937. *Sarykamyskaja operatsiia na Kavkazskom fronte Mirovoi voiny v 1914–1915 godu* [The Sarykamys operation on the Caucasian front of the World War in 1914–1915]. Moscow: Gosudarstvennoe voennoe izdatel'stvo Narkomata oborony Soiuza SSR.
- Korsun, N. G., 1938. *Erzerumskaia operatsiia. Na Kavkazskom fronte mirovoi voiny v 1915–1916 gg.* [The Erzurum operation. On the Caucasian front of the World War in 1915–1916]. Moscow: Gosudarstvennoe voennoe izdatel'stvo Narkomata oborony Soiuza SSR.

- Korsun, N. G., 1940. *Alashkertskaiia i Khamadanskaia operatsiia na Kavkazskom fronte mirovoi voiny v 1915 g.* [The Alashkert and Hamadan operation on the Caucasian front of the World War in 1915]. Moscow: Voenizdat.
- Maslovskii, E. V., 1933. *Mirovaia voina na Kavkazskom fronte 1914–1917 gg.* [The World War on the Caucasian front 1914–1917]. Paris: Vozrozhdenie.
- Martirosian, D. G., 2006. Rossiisko-turetskii front Pervoi mirovoi voiny [The Russian-Turkish front of the First World War]. Diss. ... kand. ist. nauk. Saratov (manuscript).
- Melkumian, G. A., 1971. O gospiial'noi seti Kavkazskogo fronta [On the hospital network of the Caucasus Front]. *Էքսպերիմենտալ և կլինիկական բժշկութեան հանդես* [Journal of Experimental and Clinical Medicine], 11 (4), pp. 101–106.
- Melkumian, G. A., 1973. Meditsinskaia pomoshch' bezhentsam v 1915 godu (na Kavkazskom fronte pervoi mirovoi voiny) [Medical help to refugees in 1915 (on the Caucasus Front of World War One)]. *Vestnik obshchestvennykh nauk Akademii nauk Armianskoi SSR*, 6, pp. 92–98.
- Melkumian, G. A., 1975. Vrachy-armiane na kavkazskom fronte pervoi mirovoi voiny [Armenian doctors on the Caucasus Front]. *Պատմա-բանասիրական հանդես* [Historical and philological journal], 3, pp. 126–134.
- Melkumian, G. A., 1977. Rol' obshchestvennykh organizatsii v meditsinskom obe-spechenii Kavkazskoi armii v gody pervoi mirovoi voiny [The role of public organisations in medical supply of the Caucasus Army in the years of World War One]. *Պատմա-բանասիրական հանդես* [Historical and philological journal], 3, pp. 221–234.
- Melkumian, G. A., 1979. Deiatel'nost' meditsinskikh uchrezhdenii obshchestvennykh organizatsii v iranskom Azerbaidzhane v 1915 godu [Activities of medical institutions of public organizations in Iranian Azerbaijan in 1915]. *Vestnik Erevanskogo universiteta. Obshchestvennie nauki*, 2 (38), pp. 169–173.

Elizaveta E. Polianskaya (Artyushkova)

Postgraduate Student, Faculty of History, Moscow Lomonosov State University, Moscow, Russia. 119192, Lomonosovsky Prospekt, 27/4. E-mail: L.Artyushkova@gmail.com

Perception of the nature and population of the Caucasian theatre of war by representatives of the Russian health service

In this essay, the author attempts to discuss the perception by doctors and nurses of the nature of territories of the Caucasus front and the relationship of representatives of the Russian medical and sanitary services with the local population. In this study, the author refers to reports, diaries, memoirs, and press reports of doctors, nurses, orderlies and representatives of the military sanitary department, the Russian Red Cross Society, the Zemstvo and city Union, and other organizations. Contemporaries and participants of the studied events repeatedly point to the “peculiarity” of the Caucasian front. The “special conditions” of the Caucasian theatre had a serious impact on the conduct of hostilities there and, of course, on the work of the medical service. Most of the medical and sanitary representatives of the service of the Caucasian theatre of military operations came from the European part of Russia and for the first time were faced with different natural, geographical, and sanitary conditions, as well as the traditions and mentality of the populations of Transcaucasia, Turkey, and Persia. Some of the staff had lived previously in the Caucasus, but nevertheless encountered a different cultural and natural environment being in Asia Minor and Persia. In these conditions, it was more difficult to organize the medical care of the army, the refugees, and to improve the sanitary situation in the territories occupied by the Russian army. It is important to highlight the unusual nature of that time: it was the first opportunity for women to be involved in this process. Women of the “East” lived in the territories occupied by Russians, while women of the “West” held positions as doctors, nurses, heads of the economy, etc., and they came there together concerning the institutions of sanitary and medical care. At the Caucasian Front, we can discern a forced meeting of “East” and “West”, which had a mutual influence on each other.

Keywords: First World War, Caucasus front, military medicine, Russian Red Cross Society, nurses

Леонид Янович Гибянский

Старший научный сотрудник, Институт славяноведения
РАН, Москва, Россия. 119334, Ленинский проспект, 32А.
E-mail: gibianskii@mtu-net.ru

Некоторые наблюдения и размышления посланника Югославии в Москве Милана Гавриловича о советской политике и положении СССР в канун Великой Отечественной войны

В статье анализируются донесения М. Гавриловича из Москвы в Белград с июля 1940 г. и до оккупации Югославии в апреле 1941 г. Он рассматривал советскую политику и положение СССР в основном под углом зрения оценки состояния и перспектив советско-германских отношений. Ибо считал, что эти отношения после их крутого поворота, каким стал договор от 23 августа 1939 г., оказались в последующие полтора с лишним года важнейшим обстоятельством, с учетом которого решались Кремлем как задачи внешней политики, так и актуальные задачи внутри страны. Гаврилович не знал многого, тогда тайного в советской политике, но на основе доступных ему сведений полагал, что руководство СССР пошло на поворот в августе 1939 г., сочтя, как он писал, «эту дружбу с Германией» выгоднее. И приводил, по его мнению, практические причины советского решения. Рассматривая различные аспекты продолжавшегося в 1940 — начале 1941 г. воздействия этих причин на внешнюю политику СССР, Гаврилович особо отмечал двойственность отношения Москвы и Берлина друг к другу. Взаимодействуя в том, что на время отвечало интересам обеих сторон, каждая была тайно нацелена на их взаимное военное столкновение в будущем. Посланник прогнозировал, что при успехе СССР тот станет фактором помощи странам Европы против гитлеровской экспансии, но и источником опасности их «большевизации». Однако, отмечая ухудшение для СССР ситуации в Европе с середины 1940 г., он считал, что вызванная этим тревога Кремля толкает тот как к сохранению отношений с Берлином, так и к усиленной подготовке к моменту, когда столкновение станет неизбежным. При крайне ограниченных возможностях получения адекватных данных донесения Гавриловича содержат критически сопоставляемые разнородные, порой противоречивые сведения из доступных ему источников о состоянии армии, экономики, общественных настроений в СССР с точки зрения перспектив готовности к войне с Германией, о соответствующих мерах власти и их результатах.

Ключевые слова: донесения М. Гавриловича из Москвы в Белград, двойственность советско-германских отношений и политика СССР, проблемы советской готовности к войне с Германией

Посланником в СССР Милан Гаврилович (1882–1976) стал в весьма специфических обстоятельствах. Югославия, возникшая 1 декабря 1918 г., одной из последних в Европе, лишь в 1940 г., установила дипломатические отношения с СССР. Их долгое отсутствие было в основном обусловлено острой враждебностью югославских властей коммунистическому движению и его центру — советскому режиму. Но опасности, вызванные Второй мировой войной, вынудили Белград, заявивший с началом войны о нейтралитете, расширять поле внешнеполитического лавирования, в том числе и установлением связи с СССР. После зондажей, предпринятых Москвой с начала 1940 г. на предмет установления советско-югославских отношений, были в мае оформлены официальные экономические отношения, а в июне — дипломатические на уровне дипмиссий, руководимых посланниками¹. И Гаврилович оказался в роли первопроходца, возглавив дипломатическую миссию Королевства Югославии в Москве.

К тому времени за плечами 57-летнего Гавриловича было многое². После получения юридического образования в Белградском университете и затем профессионального совершенствования в Сорбонне, первым этапом его служебной карьеры стало начавшееся с 1911 г. десятилетие работы в дипломатии сначала еще Королевства Сербии, а с декабря 1918 г. — Югославии³. После этой службы получила известность его деятельность в журналистике и быстро нарастающая политическая активность в довольно заметной партии Союз

¹ Подробнее см.: Гибианский 2011: 315–316.

² Биографические данные о Гавриловиче содержатся в ряде публикаций, самых различных как по своему характеру, так и по оценке его взглядов и деятельности. См., например: R. [Redakcija E. J.] 1958: 433; Радојевић 2010: 33–35. Основные фактические сведения биографии Гавриловича содержатся также в некоторых материалах из большой коллекции документов, которую он за несколько лет до кончины передал в Архив Гуверовского института в Стэнфорде (США), где она составила его личный фонд: Hoover Institution Archives. Collection: Milan Gavrilović Papers; в частности, биографические сведения: НИА–МГР. Vox No. 1. Folder No. 2. Четыре десятилетия спустя фонд был перемещен в Архив Югославии в Белграде (АЈ. Фонд 859: Лични фонд Милана Гавриловића). Но полная копия фонда находится в Архиве Гуверовского института с прежними шифрами документов. Автор изучал документы фонда в 1990-е годы в этом архиве, по которому и даются в статье ссылки на них.

³ Не учитывающее этой деятельности Гавриловича утверждение об «отсутствии дипломатического стажа» у него при вступлении в должность югославского посланника в СССР (Тимофеев 2009: 26; Тимофеев 2010: 174) является ошибочным.

земледельцев, которую он в итоге возглавил в 1939 г. Так что при назначении в середине 1940 г. посланником в СССР Гаврилович имел уже серьезный опыт дипломата и политика.

Его московские наблюдения и размышления отразились в двух видах донесений, посылавшихся в Белград. Одним являлись шифротелеграммы в МИД Югославии, в основном — сообщения о беседах с советскими официальными лицами и находившимися в Москве дипломатами и журналистами из других стран, сопровождавшиеся часто комментариями Гавриловича. Другим видом донесений были отсылавшиеся в Белград диппочтой информационно-аналитические обзоры о том или ином комплексе проблем советской политики⁴.

Когда в ходе начавшегося 6 апреля 1941 г. нападения нацистской Германии и ее сообщников по «Оси» на Югославию та была через десяток дней разгромлена и оккупирована, документы югославского МИД, включая и полученные донесения Гавриловича, оказались частично уничтожены, а частично захвачены гитлеровцами. Но тексты отосланных донесений остались — в машинописных ли копиях, или рукописных оригиналах — в архиве самой дипмиссии. Однако, когда 8 мая 1941 г. от имени правительства СССР, хотевшего в тот момент укрепления отношений с Германией, Гавриловичу было заявлено, что больше нет юридических оснований для деятельности дипмиссии⁵, и возникла необходимость ее выезда, вывоз архива из СССР был невозможен, в том числе ввиду заявления советской стороны, что она уже с 8 мая рассматривает посланника и сотрудников дипмиссии как частных лиц. И пять дней спустя Гаврилович оформил акт о полном сожжении секретного и совершенно секретного разделов архива⁶. Однако в обширной документации, более 30 лет спустя переданной Гавриловичем в Архив Гуверовского института, оказалось множество

---

⁴ Обзоры были по большей части без названия и начинались просто с обращения к министру иностранных дел Югославии Александру Цинцар-Марковичу: «Господин министр» («*Gospodine Ministre*» или «*Gосподине Министре*»).

⁵ Отношения России (СССР) с Югославией 1941–1945 гг.: Документы и материалы / редкол.: И. В. Бухаркин, С. Стоянович (председатели) и др. М.: ТЕРРА — Книжный клуб, 1998. Док. № 34, 35. С. 37–38. Данное решение руководства СССР означало прекращение дипломатических отношений с югославским правительством, которое при поражении Югославии эмигрировало вместе с королем, найдя убежище под британской защитой.

⁶ НИА–МГР. Вох No. 31. Folder No. 1 (Распоряжение Гавриловича о сожжении, сопровождаемое записью о его выполнении в присутствии посланника. 13.05.1941 г.).

материалов, которые в копиях либо оригиналах должны были в рассматриваемый период находиться в упомянутых разделах архива дипмиссии в Москве, в том числе тексты донесений посланника, отосланных в Белград⁷. Это наводит на мысль, что сожжения всей засекреченной части архива дипмиссии, возможно, не было. По некоторым сведениям, Гаврилович тогда передал ее скрытно на хранение в британское посольство в Москве, с которым был тесно связан⁸.

Между тем, начатая 22 июня 1941 г. гитлеровская агрессия против СССР кардинально изменила позицию Кремля. Он, став теперь добиваться союза с Англией и США, предложил эмигрантским правительствам оккупированных европейских стран, включая югославское, восстановление дипломатических отношений и установление сотрудничества. И 19 июля Гаврилович вернулся в Москву на пост посланника⁹. Но уже в ноябре эмигрантское правительство, находившееся в Лондоне, вызвало его туда. Скорее всего, он на сей раз увез какое-то число документов, негласно оставшихся, видимо, у англичан в Москве после его предыдущего отъезда. Теперь это стало возможно, ибо, в отличие от первого раза, Гаврилович обладал иммунитетом дипломата, без риска изъятий его багажа советскими службами. У нас нет сведений, не получал ли он от англичан еще что-то из этих материалов позже: когда в 1942–1943 гг. был министром в эмигрантском правительстве либо когда после войны, не вернувшись в Югославию, где была установлена коммунистическая власть, до самой кончины жил на Западе.

При первом пребывании Гавриловича в Москве его наибольшее внимание, естественно, занимала советская внешняя политика. Основным направлением в его донесениях была оценка состояния и перспектив советско-германских отношений как важнейшего тогда фактора внешнеполитического положения СССР.

Такое значение эти отношения приобрели с их крутым поворотом, которым стало особо отмеченное посланником подписание

---

⁷ Из этих документов видно, что ряд из них, с трудом читаемые в имевшихся у Гавриловича рукописных оригиналах или же машинописных копиях, сдавались в Архив Гуверовского института заново перепечатанными. В некоторых случаях при этом возникали опечатки, а иногда небольшие пропуски в отдельных местах, где те, кто перепечатывали, не смогли разобрать изначальный текст.

⁸ Радојевић 2010: 42.

⁹ Гибианский 2011: 435–436.

23 августа 1939 г. Договора о ненападении между двумя державами. Его заключением режимы, прежде позиционировавшие себя в качестве идейно-политических антиподов друг друга, установили между собой, как не без сарказма писал Гаврилович, «эту дружбу»¹⁰.

В тексте самого договора, сразу опубликованном, а потому доступном Гавриловичу, не говорилось, однако, о «дружбе». Там содержались взаимные обязательства СССР и Германии воздерживаться от всякого «насилия, агрессивного действия и нападения в отношении друг друга», «не поддерживать ни в какой форме» третью державу, которая бы повела военные действия против одной из сторон договора, и не участвовать ни в какой направленной против одной из них «группировке держав»¹¹. Подобные положения были обычными в то время для договоров о ненападении. Правда, в обстановке распространенного тогда ожидания вероятной близости нападения Германии на Польшу они означали, что СССР, одновременно с этим прервавший переговоры с Англией и Францией о заключении военной конвенции для противостояния агрессии, участвовать в противодействии нападению не будет¹². Но эта позиция, при всей ее значимости, сама по себе еще не означала «дружбы», как определил договор Гаврилович.

Между тем, куда более важным и далеко идущим, чем сам договор, являлся секретный дополнительный протокол к нему¹³. В нем, согласно тому, что известно в современной историографии, и заключался подлинный смысл договора (об этом см. ниже). Но тогда протокол сохранялся Москвой и Берлином в строгой тайне, и Гаврилович, подобно многим другим иностранным наблюдателям, не знал о нем. Однако исходил, как и ряд других, из того, что на практике стало происходить вслед за подписанием договора.

Хотя наблюдать непосредственно из Москвы его продолжавшиеся последствия Гаврилович смог лишь без малого через год, по прибытии туда 7 июля 1940 г., однако при их анализе постоянно

¹⁰ НИА–МГР. Box No. 32. Folder No. 3. *Gospodine Ministre* [без номера]. 5.09.1940. P. 6.

¹¹ См.: Документы внешней политики. М.: Международные отношения, 1992. Т. XXII. Кн. 1. Док. 484. С. 630–632.

¹² Этот практический смысл опубликованного текста самого договора стал позднее отмечаться и в историографии. Например, см.: Волков 1999: 70.

¹³ Документы внешней политики. Т. XXII. Кн. 1. Док. 485. С. 632.

возвращался назад, к заключению упомянутого договора как к исходной точке развернувшихся за этим событиям. Ближайшим же из них к данной точке явилось нападение нацистской Германии 1 сентября 1939 г. на Польшу, которым стартовала Вторая мировая война. И в условиях новых отношений, возникших между СССР и Германией с подписанием договора, последовала с 17 сентября 1939 г., при еще продолжавшихся действиях немецких войск, операция Красной армии против польских вооруженных сил. В современной историографии из исследования прежде секретных документов очевидно, что советская операция была согласована с Берлином¹⁴. Таких документальных сведений, как правило, не имели те, кто со стороны наблюдал тогда за происходившим или, подобно Гавриловичу с его донесениями из Москвы, оценивал эти события вслед им, несколько месяцев спустя. Тем не менее, и одни, и другие не сомневались в подобной согласованности. Ибо исходили, во-первых, из самого факта сочетания по времени германских и советских военных действий против польских войск. А во-вторых, что было еще более важным, — из официально обнародованных тогда же как совместных заявлений и соглашений СССР и Германии, так и советских заявлений.

Здесь внимание вызвали прежде всего «германо-советские коммюнике» 18 и 22 сентября 1939 г. В первом шла речь «насчет задач советских и германских войск, действующих в Польше». И говорилось:

[П]равительство СССР и правительство Германии заявляют, что действия этих войск не преследуют какой-либо цели, идущей вразрез интересов (так в документе. — *Л.Г.*) Германии или Советского Союза и противоречащей духу и букве пакта о ненападении, заключенного между Германией и СССР. Задача этих войск, наоборот, состоит в том, чтобы восстановить в Польше порядок и спокойствие, нарушенные распадом польского государства, и помочь населению Польши переустроить условия своего государственного существования¹⁵.

Документ ясно указывал на советско-германское военное взаимодействие в Польше. В том же духе во втором коммюнике объявлялось: «Германское правительство и Правительство СССР установили

¹⁴ Об операции Красной армии см., например: Лебедева 1999: 173–189.

¹⁵ Внешняя политика СССР: Сборник документов / отв. ред. С. А. Лозовский, ред. и авт. примеч. Б. Е. Штейн. Сост. А. С. Тисминец. М.: [ВПШ при ЦК ВКП (б)]. Типография газеты «Правда», 1946. Т. IV (1935 — июнь 1941 г.). [Док.] № 357. С. 449.

демаркационную линию между германской и советской армиями»¹⁶. Затем, подписанный 28 сентября 1939 г. Германо-советский договор о дружбе и границе между СССР и Германией закрепил в качестве «окончательного» решения произведенный ими подобным образом раздел того, что было обозначено в договоре как «территория бывшего Польского государства»¹⁷. Позже, 31 октября 1939 г., в докладе о внешней политике Советского правительства, сделанном на сессии Верховного Совета СССР, глава правительства и народный комиссар иностранных дел В. М. Молотов подтвердил советско-германское военное взаимодействие против Польши, заявив:

[О]казалось достаточным короткого удара по Польше со стороны сперва германской армии, а затем — Красной Армии, чтобы ничего не осталось от этого уродливого детища Версальского договора¹⁸.

Судя по донесениям Гавриловича, такого рода публичные данные, которые были ему доступны, стали во многом основой его оценки отношений между СССР и гитлеровской Германией, установившихся с подписанием договора от 23 августа 1939 г. В частности, употребленное посланником определение этих отношений как «дружбы» повторяло формулировку из названия договора от 28 сентября 1939 г.: «о дружбе и границе»¹⁹.

Гаврилович излагал свои соображения о причинах, почему накануне ожидаемой гитлеровской атаки на Польшу Москва пошла

¹⁶ Там же. [Док.] № 358. С. 449.

¹⁷ Договор см. в: Документы внешней политики. Т. XXII. Кн. 2. Док. 640. С. 134–135. Секретные протоколы к договору, тогда неизвестные: Там же. Док. 641–643. С. 135–136.

¹⁸ Внеочередная пятая сессия Верховного Совета СССР 31 октября — 2 ноября 1939 г.: Стенографический отчет. М.: Издание Верховного Совета СССР. ОГИЗ. Госполитиздат, 1939. С. 8.

¹⁹ Гаврилович мог обратить внимание и на то, что понятие «дружба» было публично применено к советско-германским отношениям еще месяцем раньше Молотовым в выступлении на сессии Верховного Совета СССР при ратификации Договора о ненападении от 23 августа 1939 г. Правда, тогда Молотов употребил это понятие в тактически более осторожном виде: сказал о «дружбе народов СССР и Германии» (Внеочередная четвертая сессия Верховного Совета СССР 28 августа — 1 сентября 1939 г.: Стенографический отчет. М.: Издание Верховного Совета СССР. ОГИЗ. Госполитиздат, 1939. С. 203). В случае же с договором от 28 сентября 1939 г. формулировка о «дружбе народов» была трансформирована в определение «дружба» как официальную квалификацию межгосударственных отношений СССР и нацистской Германии.

на установление таких отношений с Германией, прекратив происходившие до того момента переговоры о военном сотрудничестве с англо-французской коалицией в целях противодействия нацистской агрессии. В информационно-аналитическом обзоре от 5 сентября 1940 г., в котором посланник, по его словам, обобщил и дополнил свои телеграфные сообщения за предшествовавшие два первых месяца работы в Москве²⁰, он высказал убеждение, что руководство СССР в августе 1939 г. сочло «эту дружбу с Германией» более выгодной практически. И указывал на три, как он полагал, причины.

На первое место Гаврилович поставил то обстоятельство, что, по его мнению, «еще тогда была установлена линия раздела сфер между Советами и Германией», касавшаяся государств-соседей СССР по его западной границе. И пояснил, что в результате этого были присоединены к «Советской России» (то есть СССР) «[при]балтийские страны» (Эстония, Латвия, Литва) и ряд территорий, до того находившихся в составе Польши, Финляндии, Румынии²¹.

Выше уже отмечено, что тогда Гавриловичу, как и миру в целом, не был известен секретный дополнительный протокол к договору от 23 августа 1939 г. Протокол представлял собой соглашение о разделе «сфер интересов» между Берлином и Москвой в Восточной Европе, при котором упомянутые страны и территории определялись в качестве советской сферы, что позволяло СССР осуществить при взаимодействии с Третьим рейхом их включение в свой состав. В этом и заключался важнейший смысл всего договора²².

31 августа 1940 г. Гаврилович в разговоре с британским послом в Москве Стаффордом Криппсом услышал от него, что у правительства Англии «есть полностью надежные сообщения», согласно которым «действительно произведен раздел территорий и сфер между Германией и Россией». Об этом югославский посланник тут же известил Белград²³. Но из разговора с Криппсом он так и не узнал, оформлена ли советско-германская договоренность документом, а если да, то каким и как именно. Сам Гаврилович считал, что

²⁰ НИА–МГР. Box No. 32. Folder No. 3. Gospodine Ministre [без номера]. 5.09.1940. P. 1.

²¹ Ibid. P. 2–3, 6–7.

²² Подробнее см., например: Волков 1999: 67–72; Чубарьян 2008: 27–32.

²³ НИА–МГР. Box No. 32. Folder No. 3. Šifrovani telegram Ministarstvu inostranih poslova, Str. Pov. Br. 79. 31.08.1940. P. 1.

руководители СССР «имеют сейчас реальный, практический раздел сфер интересов с Германией, независимо от того, существуют ли об этом письменные договоры или нет»²⁴.

Анализируя, он просто исходил из логики событий: если «Советская Россия» осуществила с осени 1939 г. до середины 1940 г. все вышеназванные территориальные приращения «при молчании Германии», это «невозможно объяснить без [наличия] предварительной договоренности и соглашения» между ними на сей счет²⁵. Под «молчанием Германии» Гаврилович имел в виду отсутствие каких-либо известных тогда возражений Берлина по поводу территориальных приращений, проводившихся с использованием Москвой военной силы либо угрозы ее применения. А как видно из документальных данных, которые есть теперь, возражений не было, кроме, лишь отчасти, одного случая²⁶. Более того, помимо советско-германского военного взаимодействия в отношении Польши, Берлин оказывал политическое содействие другим упомянутым шагам СССР. Сведения о таких примерах до Гавриловича частично доходили²⁷.

²⁴ НИА–МГР. Box No. 31. Folder No. 2. Šifrovani telegram Ministarstvu inostranih poslova. Str. Pov. Br. 57. 22.08.1940. P. 4. См. также, например: НИА–МГР. Box No. 31. Folder No. 2. Gospodine Ministre. Str. Pov. Br. 199. 16.12.1940 (Exp. kurirom 20.12.1940). P. 3.

²⁵ НИА–МГР. Box No. 32. Folder No. 3. Gospodine Ministre [без номера]. 5.09.1940. P. 6–7.

²⁶ Москва решила в конце июня 1940 г. потребовать от Бухареста передачи Советскому Союзу Бессарабии и Буковины. Но в секретном дополнительном протоколе к советско-германскому договору от 23 августа 1939 г. Бессарабия действительно фигурировала как часть «сферы интересов» СССР, а о Буковине там речи не шло. И Берлин, которого Москва перед предъявлением ультиматума Бухаресту проинформировала и о претензиях на Буковину, выдвинул возражение. Правда, когда в ответ Кремль выразил готовность получить не всю Буковину, а только ее северную часть, нацистское руководство, еще заинтересованное в сохранении альянса с Москвой, предпочло согласиться и рекомендовало то же Бухаресту. Подробнее см., например: Гибианский 2006: 483–487.

²⁷ НИА–МГР. Box No. 32. Folder No. 3. Gospodine Ministre [без номера]. 5.09.1940. P. 7 (прибалтийские страны и Финляндия); НИА–МГР. Box No. 32. Folder No. 3. Šifrovani telegram Ministarstvu inostranih poslova. Str. Pov. Br. 92. 13.09.1940. P. 1–2 (Румыния). Правда, случилось, представление Гавриловича о причине некоторых территориальных изменений не соответствовало реалиям, ему неизвестным. Яркий пример — его первоначальная оценка 2-го Венского арбитража, где 30 августа 1940 г. Германия и Италия продиктовали передачу Румынией Венгрии Северной Трансильвании (почти одновременно с согласием Румынии, под давлением Берлина, передать Болгарию Южную Добруджу), и вместе с тем выступили гарантами целостности остающейся

Отмечая территориальное расширение как важнейший реальный успех советской стороны, Гаврилович в начале сентября 1940 г. подчеркивал, что это «могла им в тот момент, год тому назад», то есть когда Кремль предпочел в августе 1939 г. альянс с Берлином, «дать только Германия». А «ни Франция, ни Англия не могли жертвовать [при]балтийскими странами, в еще меньшей степени — согласиться на раздел Польши, на то, чтобы уступить Бессарабию, и т. д.». «Г[осподин] Гитлер», «хотя и понимает, что все эти жертвы», то есть содействие территориальному расширению СССР в Европе, «означают в то же время укрепление советских позиций по отношению к самой Германии», однако пошел на такое содействие Москве, ибо так «Германия получила безопасный тыл» с востока, пока занята войной на западе²⁸.

В том же ключе Гаврилович оценил стимул Кремля к договоренности с Гитлером по данному вопросу.

Сейчас, когда этот (советский. — Л.Г.) режим здесь длится уже двадцать лет и когда, по старому правилу диктаторских режимов, начинает и здесь ощущаться нужда во внешних успехах, и когда обнаруживается, что эти успехи очень легки (легко достижимы. — Л.Г.), почему бы советское правительство не согласилось на них и не пошло этим путем?

И как своеобразное резюме: «Так легко оказались на одной линии и Советская Россия, и Германия, притом и в территориальном смысле»²⁹.

Подчеркивая особое значение территориального аспекта в достижении взаимодействия между СССР и Германией, Гаврилович в основном ограничивался лишь констатацией относящихся к этому событий и явлений, соображениями об их причинно-следственных связях, но не касался моральной, правовой и тому подобной оценки

территории Румынии. Гаврилович тогда решил, что германская гарантия границ Румынии предварительно согласована между Берлином и Москвой (НИА–МГР. Box No. 32. Folder No. 3. *Gospodine Ministre* [без номера]. 5.09.1940. P. 7). Гарантия же была неожиданной для Кремля, вызвала его острый протест Берлину и их полемику, но не публично (подробнее: Гибианский 2006: 496–499).

²⁸ НИА–МГР. Box No. 32. Folder No. 3. *Gospodine Ministre* [без номера]. 5.09.1940. P. 2–3.

²⁹ *Ibid.* P. 3, 6.

политики, проводимой тут Кремлем. Очевидно, он не видел смысла останавливаться на такой оценке в имевших сугубо практическое назначение секретных донесениях в Белград, а исходил из задачи снабдить данными о причинах и механизме упомянутых советских действий, их месте в общей направленности внешней политики Кремля, прогнозировать его дальнейшие устремления такого рода.

Гаврилович связывал заинтересованность и конкретные действия руководства СССР в направлении непосредственного ли территориального расширения страны или создания примыкающих режимов, контролируемых Москвой, не только со свойствами именно советской внешней политики, но и с более длительными тенденциями. Посланник считал, что они были обусловлены объективным «географическим» (то есть геополитическим. — *Л.Г.*) положением СССР, рассматривая его как продолжение в этом смысле модели, прежде присущей Российской империи. Уже в одной из телеграмм Гавриловича конца июля 1940 г. говорилось, что СССР предпринимает усилия по обеспечению своей безопасности извне «занятием позиций царской России»³⁰. А следом он подчеркнул, что раздел сфер интересов в Европе, согласованный между Москвой и Берлином в августе 1939 г., проходил по линии, «которую навязывала география и которую география навязывает Советской России точно так же, как навязывала ее веками и царской России»³¹.

Но наряду с акцентированием геополитической природы и досоветской традиции территориальных устремлений, унаследованных большевистской властью, Гаврилович считал несомненным, что как на территориях, прямо присоединяемых к СССР, так и в странах, которые бы оказались под полным контролем Москвы, неизбежным является установление общественной системы, означающей «введение советского режима»³².

Если среди причин, почему в августе 1939 г. Кремль предпочел альянс с Гитлером, Гаврилович отводил первое место территориальным устремлениям советской стороны, то второе — ее, по оценке

---

³⁰ НИА–МГР. Box No. 31. Folder No. 2. Šifrovani telegram Ministarstvu [без номера]. 29.07.1940. P. 1.

³¹ НИА–МГР. Box No. 32. Folder No. 3. Gospodine Ministre [без номера]. 5.09.1940. P. 2.

³² НИА–МГР. Box No. 31. Folder No. 2. Šifrovani telegram Ministarstvu [без номера]. 29.07.1940. P. 1; НИА–МГР. Box No. 32. Folder No. 3. Gospodine Ministre [без номера]. 5.09.1940. P. 8.

посланника, желанию избежать вовлеченности в войну с Германией, особенно, писал он, «большую и длительную», которая бы «поставила под вопрос существование самого [советского] режима». Позже он уточнил, что, по его мнению, на позицию СССР воздействовал «страх перед Германией, ее военной силой, страх перед длительной войной, страх поражения в этой войне, страх падения режима при этом поражении»³³. Хотя Гавриловичем, прибывшим в Москву почти год спустя после советско-германских договоренностей 1939 г., подобные соображения о советской политике излагались в контексте его впечатлений от уже той более поздней обстановки, свидетелем которой он стал, находясь в СССР с июля 1940 г., однако в середине декабря 1940 г. он подчеркивал: «Со дня подписания Московского пакта о ненападении эта политика не изменилась. Она и не могла измениться, ибо ни один из элементов, которые ее определяют, не изменился». И среди них вновь указал на «страх перед Германией»³⁴. Иными словами, посланник полагал, что и в августе 1939 г. Кремль сознавал неготовность к военному столкновению с Третьим рейхом.

Еще одним фактором кремлевской позиции, посланник считал заинтересованность руководства СССР в масштабном и длительном военном противоборстве между Германией и ее западным противником: до середины 1940 г. англо-французской коалицией, а с поражением Франции — одной Англией. Причиной Гаврилович называл советский расчет как на то, что, пока немецкая армия занята на западе, она не может угрожать СССР, так и на то, что в войне Германии с ее западным противником обе стороны сильно ослабят друг друга, «возможно, до полного истощения», а Советский Союз, получив, наоборот, время для наращивания своей мощи, в итоге «останется самой сильной в военном отношении державой в Европе»³⁵. В донесениях

³³ НИА–МГР. Box No. 32. Folder No. 3. Gospodine Ministre [без номера]. 5.09.1940. P. 3; НИА–МГР. Box No. 31. Folder No. 2. Gospodine Ministre. Str. Pov. Br. 199. 16.12.1940 (Exp. kurirom 20.12.1940). P. 1.

³⁴ НИА–МГР. Box No. 31. Folder No. 2. Gospodine Ministre. Str. Pov. Br. 199. 16.12.1940 (Exp. kurirom 20.12.1940). P. 1.

³⁵ См., например: НИА–МГР. Box No. 31. Folder No. 2. Šifrovani telegram Ministarstvu [без номера]. 29.07.1940. P. 2; НИА–МГР. Box No. 31. Folder No. 2. Šifrovani telegram Ministarstvu inostranih poslova, Str. Pov. Br. 57. 22.08.1940. P. 3; НИА–МГР. Box No. 32. Folder No. 3. Gospodine Ministre [без номера]. 5.09.1940. P. 9; НИА–МГР. Box No. 31. Folder No. 2. Gospodine Ministre. Str. Pov. Br. 199. 16.12.1940 (Exp. kurirom 20.12.1940). P. 2.

данный постулат излагался тоже в контексте впечатлений от ситуации, наблюдаемой с июля 1940 г. Однако его соседство с отмеченным выше тезисом посланника, что позиция, занятая СССР в августе 1939 г., позволила Гитлеру сосредоточить все военные усилия на западе, подвело к выводу, что заинтересованность в этом и была третьей причиной такой позиции³⁶.

Гаврилович считал, что перечисленные факторы, обусловившие решения Кремля при повороте 1939 г., не только продолжали воздействовать на советскую политику, когда он начал наблюдать за последствиями упомянутых решений как посланник в Москве, но значение этих факторов даже возрастало ввиду ставшей проводиться и Германией, и СССР «двойственной политики» в отношении друг друга. По мнению посланника, одной ее стороной были декларируемая обеими державами «дружба» и их реальное взаимодействие по разграничению «сфер интересов» и разделу территорий, по товарным поставкам из СССР в Германию и т. д. А другой стороной являлась тайная, скрываемая Москвой и Берлином друг от друга взаимная нацеленность на их грядущее военное столкновение, в котором каждая из держав надеялась сокрушить нынешнего партнера и установить собственное преобладание³⁷.

Гаврилович был уверен, что если верх возьмет СССР, то усилия Москвы будут направлены на «введение советского режима в других странах». И в этой связи подчеркивал, что, с одной стороны, Югославия, при имеющем место в данный момент разделе сфер интересов находящаяся в немецкой сфере, может в случае, если СССР добьется преобладания над Германией, рассчитывать на советскую помощь

---

³⁶ Гаврилович не знал о фактически подтверждавших его соображения указаниях, данных руководителю Коминтерна Георгию Димитрову 7 сентября 1939 г. И. В. Сталиным. Тот, заявив, что начавшаяся война «идет между двумя группами капиталистических стран», сказал: «Мы не прочь, чтобы они подрались хорошенько и ослабили друг друга». И далее: «Мы можем маневрировать, подталкивая одну сторону против другой, чтобы лучше разодрались. Пакт о ненападении в некоторой степени помогает Германии. Следующий момент — подталкивать другую сторону» (Политбюро ЦК РКП (б) — ВКП (б) и Коминтерн: 1919–1943 гг. Документы / ред. коллегия: Г. М. Адибеков, К. К. Шириня (отв. редакторы-подготовители) и др. М.: РОССПЭН, 2004. Док. № 495. С. 779, 780).

³⁷ См., например: НИА–МГР. Box No. 31. Folder No. 2. Šifrovani telegram Ministarstvu [без номера]. 29.07.1940. P. 2; НИА–МГР. Box No. 32. Folder No. 3. Gospodine Ministre [без номера]. 5.09.1940. P. 1, 3, 7–9, etc.

против гитлеровской опасности. Но, с другой стороны, тогда для Югославии, как и иных стран на Балканах и вообще в Европе, возникнет опасность «большевизации» и включения в СССР, которые назывались посланником конечной целью советской внешней политики³⁸.

Однако это касалось будущего. А пока, вслед за тем, как Гаврилович с середины 1940 г. стал посланником в Москве, он сообщал о весьма трудном положении СССР. Согласно его сведениям, источник которых не назывался, «русские», под которыми, как можно понять, он имел в виду ответственные круги, «в прошлом году считали, что совершили гениальный ход» (речь о повороте 1939 г. в советско-германских отношениях. — *Л.Г.*), но «сегодня они уже начинают сами сомневаться в этом». А достигнутые тогда «успехи начинают и в их глазах приобретать все более эфемерный характер, и все больше встает перед ними вопрос: “Что будет, если Германия окончательно победит [на западе]? И кто тогда на очереди (нацистской агрессии. — *Л.Г.*)?”». В этом смысле, считал посланник, за время, прошедшее после упомянутого поворота 1939 г., ситуация для Москвы ухудшилась. С поражением Франции и гитлеровским победным захватом ряда других западноевропейских стран СССР остался в континентальной Европе, по сути, один на один с Германией, в связке с которой выступила Италия. К тому же с осени 1940 г. и ряд восточноевропейских режимов начал присоединяться к Тройственному пакту, созданному Берлином, Римом и Токио. А само его создание, по оценке Гавриловича, «поставило Советскую Россию в клещи между Германией и Японией». Потому, по мнению посланника, с советской стороны «ощущение германской опасности выросло до чрезвычайно больших размеров», ибо боятся, что могут стать следующим объектом удара Германии, а «еще не готовы», «не близки» к выполнению «своей большой военной программы»³⁹.

В донесениях Белграду отмечалось, что в этой ситуации Москва стремится пока ничем не испортить отношения с Берлином

³⁸ Например: НИА–МГР. Box No. 31. Folder No. 2. Šifrovani telegram Ministarstvu inostranih poslova. Str. Pov. Br. 57. 22.08.1940. P. 3; НИА–МГР. Box No. 32. Folder No. 3. Gospodine Ministre [без номера]. 5.09.1940. P. 8, 11; НИА–МГР. Box No. 31. Folder No. 2. Gospodine Ministre. Str. Pov. Br. 199. 16.12.1940 (Exp. kurirom 20.12.1940). P. 12–13.

³⁹ НИА–МГР. Box No. 32. Folder No. 2. Gospodine Ministre (Exp. kurirom). Str. Pov. Br. 163. 10.11.1940. P. 1–3, 8–9.

и продолжать их на основе соглашения 1939 г. Избегая войны сейчас, она хочет использовать время для необходимой подготовки к тому моменту, когда столкновение с Германией станет неизбежным⁴⁰. Гаврилович указывал, что оттяжка такого момента пока возможна, ибо и Берлину еще необходимо соглашение с Москвой. Но когда «одна или другая сторона найдут нужным разорвать само соглашение, они (значит, и СССР. — *Л.Г.*) это сделают без колебаний»⁴¹.

У Гавриловича, как и других иностранных представителей, было крайне мало данных, чтобы оценить степень советской военной, внутривосточной, экономической готовности/неготовности к схватке. Он писал, что после репрессий 1930-х гг. «русские <...> герметично закрыты, особенно герметично они закрыли армию». На основе сведений из открытых советских изданий или от иностранных наблюдателей он упоминал об усилиях по увеличению и перевооружению армии, совершенствованию ее организации, подготовке кадров, но оговорил: насколько удалось в этом преуспеть и каково в итоге положение, можно только предполагать⁴². Тем не менее, он сделал вывод, что «армия хорошая». Отмечая, что «очень многие высшие и самые высшие офицеры были ликвидированы по процессу [маршала М. Н.] Тухачевского», в их числе «и очень способные», посланник подчеркнул, что им на смену пришло «совершенно новое поколение» молодых офицеров и генералов, «хорошо обученное теоретически», много работающее, энтузиасты. Но «какими они будут на практике (во время войны. — *Л.Г.*), трудно сказать». Высоко оценил он введение единоначалия командиров, считая, что этим армия усилена и чуть ли не «ликвидировано влияние политических комиссаров»⁴³. А по такой проблеме, как вооружение Красной армии, Гаврилович

⁴⁰ НИА–МГР. Box No. 31. Folder No. 2. Šifrovani telegram Ministarstvu [без номера]. 29.07.1940. P. 1–2; НИА–МГР. Box No. 31. Folder No. 2. Šifrovani telegram Ministarstvu inostranih poslova. Str. Pov. Br. 57. 22.08.1940. P. 2; НИА–МГР. Box No. 32. Folder No. 3. Gospodine Ministre [без номера]. 5.09.1940. P. 5–6; НИА–МГР. Box No. 32. Folder No. 2. Etranger. Beograd. Str. Pov. Br. 177. 20–21.11.1940. P. 2.

⁴¹ НИА–МГР. Box No. 32. Folder No. 2. Etranger. Beograd. Str. Pov. Br. 177. 20–21.11.1940. P. 2.

⁴² НИА–МГР. Box No. 32. Folder No. 2. Gospodine Ministre (Exp. kurirom). Str. Pov. Br. 163. 10.11.1940. P. 5.

⁴³ НИА–МГР. Box No. 32. Folder No. 3. Gospodine Ministre [без номера]. 5.09.1940. P. 5; НИА–МГР. Box No. 32. Folder No. 2. Gospodine Ministre (Exp. kurirom). Str. Pov. Br. 163. 10.11.1940. P. 4–5.

преимущественно оперировал общими словами, что военная промышленность СССР «работает полным ходом», «делаются некоторые заказы в Германии и Америке». Упомянув, что на параде в Москве 7 ноября 1940 г. «иностранцы были ошеломлены большой моторизацией, некоторыми новинками в артиллерии (моторизованной), некоторыми истребителями», он не исключил возможности, что этого еще нет «в достаточном количестве для всей их (то есть советской. — Л.Г.) армии»⁴⁴.

Чуть конкретнее его данные по авиации, на производство которой «они кинулись», и «говорят, что подготовят [воздушную] армию в сто тысяч самолетов, с тремя-четырьмя экипажами на каждый самолет», чтобы его «до конца использовать». Но посланник ссылаясь на мнение «иностранных специалистов», что у Красной армии есть «примерно девять тысяч самолетов, пригодных для борьбы немедленно». А «их производство не может превзойти восьми-девяти сотен самолетов в месяц». Причем, «их нынешние самолеты далеко отстали от нынешних английских, американских и немецких», это «не первый, а второй класс боевых самолетов», и в СССР «не могут даже большими усилиями достигнуть качества английских и упомянутых других самолетов». Но «в смысле [подготовки] пилотов могут дать очень большое число, ибо во множестве создают летные школы». Однако для этого «нужно время»⁴⁵.

В середине декабря 1940 г. Гаврилович писал, что «трудно сказать», сколько нужно времени на всю планируемую подготовку Красной армии. Тем не менее, он считал, «что первым, самым близким сроком», когда в Москве предполагают достигнуть готовности армии «к эвентуальной акции», является «осень следующего, 1941 года». На чем основано такое мнение, не говорилось. Но в связи с ним посланник прогнозировал два возможных варианта развития событий. Первый — при неожиданном крахе Германии раньше, чем Красная армия будет полностью готова. В этом случае «у русских нет нужды ждать осени 1941 г.: они бы уже в тот самый момент были сильнее и могли бы быстро вступить в действие». А по второму варианту, вступление в действие произойдет, когда подготовка армии даст

⁴⁴ НИА–МГР. Box No. 32. Folder No. 2. Gospodine Ministre (Exp. kurirom). Str. Pov. Br. 163. 10.11.1940. P. 5.

⁴⁵ НИА–МГР. Box No. 32. Folder No. 3. Gospodine Ministre [без номера]. 5.09.1940. P. 5–6.

«ясное впечатление превосходства» над немецкими силами, «не дожидаясь окончательного краха Германии»⁴⁶.

Большое значение Гаврилович придавал и экономическим аспектам советской подготовки к войне. Так, в июле 1940 г. одна из его первых телеграмм, посланных в Белград из Москвы, начиналась с сообщения о советском стремлении заключить соглашение со Швецией на поставку «огромного материала для железных дорог» СССР. С целью «улучшения транспортных средств», как он пояснил, «для армии»⁴⁷. Особое внимание он уделил предпринятым в СССР летом–осенью 1940 г. мобилизационным мерам, прежде всего в промышленности, которые власть объясняла необходимостью повысить производительность в целях усиления обороноспособности страны в сложной международной обстановке. Это были переход на 8-часовой рабочий день и 7-дневную, без выходных, рабочую неделю; запрет «самовольного», без специального разрешения, ухода рабочих и служащих с одного предприятия или учреждения в другое; и, наоборот, принудительный перевод квалифицированных кадров с одних предприятий на другие; введение ответственности, вплоть до уголовной,

---

⁴⁶ НИА–МГР. Box No. 31. Folder No. 2. *Gospodine Ministre. Str. Pov. Br. 199. 16.12.1940 (Exp. kurirom 20.12.1940). P. 2.* Гаврилович не пояснил, откуда могла взяться ситуация первого варианта. В том же донесении он лишь подчеркнул мысль об ослаблении Германии по мере продолжения, а тем более расширения войны (*Ibidem*). Ждал ли дипломат столь скорого поражения Германии в войне с Англией, шедшей в воздухе и на море, а не на суше? Возможно, он был под впечатлением сказанного ему послом США в Москве месяцем раньше, что вследствие американских поставок самолетов в Англию британские воздушные силы в марте 1941 г. станут равны германским, а в сентябре «у Англии будет огромное преобладание, и это решит исход войны» (НИА–МГР. Box No. 32. Folder No. 2. *Etranger. Beograd. Str. Pov. Br. 177. 20–21.11.1940. P. 2*). Не исключено, что Гаврилович имел в виду как дополнительный фактор и образование в какой-то момент фронта на Балканах против Германии путем совместного выступления некоторых стран региона, прежде всего Югославии, Греции и Турции, при поддержке Англии. Такая возможность рассматривалась им и в том же донесении середины декабря 1940 г., и позже. Причем, он предполагал, что при определенных условиях в этом будет заинтересован СССР (НИА–МГР. Box No. 31. Folder No. 2. *Gospodine Ministre. Str. Pov. Br. 199. 16.12.1940 (Exp. kurirom 20.12.1940). P. 3–13*; НИА–МГР. Box No. 32. Folder No. 2. *Sifrovani telegram Ministarstvu inostranih poslova. St[r]. Pov. Br. 85. 25.02.[19]41. P. 1–7*). Последнее предположение позже подтвердилось (Гибианский 1999: 468, 492–497).

⁴⁷ НИА–МГР. Box No. 31. Folder No. 2. *Šifrovani telegram Ministarstvu [без номера]. 29.07.1940. P. 1*; см. также: НИА–МГР. Box No. 32. Folder No. 3. *Gospodine Ministre [без номера]. 5.09.1940. P. 10*.

за выпуск плохой продукции, нарушение стандартов, за опоздание на работу. Гаврилович писал, что для подготовки к ожидаемому «большому [военному] удару» такие меры можно считать, в известной степени, оправданными. Но, не приводя источник, сообщал, что они «вызвали большое недовольство среди рабочих»⁴⁸.

Он указал на схожие меры властей в 1939–1940 гг. и в сельском хозяйстве. Были произвольно изменены критерии, по которым определялись нормы сдачи колхозами мяса, зерна, шерсти, кожи, молока, нормы сильно повышены без улучшения производственных условий и без материального стимулирования. Отмечая эти меры как призванные заставить деревню увеличить поставку продовольствия и сырья, в которых была в СССР огромная нехватка, Гаврилович одновременно оценил нововведения как серьезное усиление бремени для крестьян. И, ссылаясь на свои разговоры с ними, утверждал, что оно «вызвало в деревне большое недовольство», которое, однако, «не доходит до того, чтобы выражаться организовано»⁴⁹.

Но и введение на рубеже 1940–1941 гг. в колхозах Украины дополнительной оплаты труда за повышение урожайности в земледелии и продуктивности животноводства, а во всем СССР — мер по увеличению производства ширпотреба и продовольствия из местного сырья оценивалось Гавриловичем очень неоднозначно. С одной стороны, позитивно — как действия, направленные на улучшение повседневной жизни. С другой стороны, он выразил скепсис по поводу того, насколько их реализация совместима с основами советской социально-экономической системы, по его мнению, нуждавшейся в очень глубоких изменениях, считая эту систему противоречащей самой природе развития экономики⁵⁰.

Впрочем, столь же критически Гаврилович относился ко всему советскому государственному и общественному устройству. Посланник считал, что оно является порождением идеологической

---

⁴⁸ НИА–МГР. Box No. 31. Folder No. 2. Ministarstvu inostranih poslova. Pov. Br. 579. 8.11.1940. P. 4–7.

⁴⁹ Ibid. P. 1–4. Гаврилович не уточнял, где и каким образом он мог разговаривать с крестьянами, тем более на эту тему.

⁵⁰ НИА–МГР. Box No. 31. Folder No. 2. Господине Министре. Пов. Бр. 105. 1.01/9.02.1941 (с приложением: НИА–МГР. Box No. 31. Folder No. 2. Pravda, Izvestija i svi drugi moskovski listovi: 1 januara 1941.); НИА–МГР. Box No. 31. Folder No. 2. Господине Министре. Пов. Бр. 106. 12.01/9.02.1941.

заданности, ибо определяется теорией марксизма-ленинизма, на его взгляд, умозрительной, почерпнутой из книг, а не из жизненного опыта, но в СССР — единственно допускаемой и, что касается практики использования, «примененной насильно, диктатурой»⁵¹. И в итоге страна, одна из наиболее богатых в мире по природным ресурсам, оказалась с крайне низким уровнем жизни народа, испытывает огромную нехватку продовольствия, товаров повседневного спроса, жилья и т. п.⁵² Эти серьезнейшие тяготы для большинства населения, по мнению посланника, многократно усилены «ужасной бюрократической системой», к которой «на практике сводится марксистская система государственного управления» в СССР: медлительная, дорогостоящая, с чиновничьими интересами раздутого административного аппарата⁵³.

Такие вопросы привлекли внимание Гавриловича прежде всего в контексте того, как от этих факторов внутреннего положения СССР может зависеть готовность страны к вероятной войне с Германией. Здесь он усматривал два основных аспекта. Один — пригодна ли система управления к условиям войны. Посланник оценил коротко: эта бюрократия «весьма неудобна для войны»⁵⁴. Другой аспект — сколько готово население СССР, его разные слои к схватке с Германией. Тут Гавриловичу было куда сложнее с оценкой. Особенно общественных настроений. Он понимал, что картина, рисуемая советской пропагандой, далека от действительности. Даже считал, что «первое свободное голосование дало бы огромное большинство против» существующей

⁵¹ НИА–МГР. Box No. 31. Folder No. 2. Господине Министре. Пов. Бр. 107. 21.12.1940 / 9.02.1941. P. 1–2 и след.

⁵² Например: НИА–МГР. Box No. 32. Folder No. 3. Gospodine Ministre [без номера]. 5.09.1940. P. 4; НИА–МГР. Box No. 31. Folder No. 2. Господине Министре. Пов. Бр. 106. 12.01 / 9.02.1941. P. 1–4.

⁵³ НИА–МГР. Box No. 31. Folder N 2. Господине Министре. Пов. Бр. 663. 18.12.1940. P. 4–7. См. также: НИА–МГР. Box No. 32. Folder No. 3. Gospodine Ministre [без номера]. 5.09.1940. P. 4. Подмечая подобное явление, Гаврилович, однако, сделал из него даже столь далеко идущий вывод, будто «власть медленно переходит от партии к бюрократии, к чиновничеству» (Ibidem). Но не объяснил, ни что в этом случае он имел в виду под формулировкой «партия» (ее руководство, которое было государственным руководством СССР, ее аппарат, который являлся стержнем госаппарата?), ни что, по его мнению, и в какой мере отличало функционера аппарата ВКП (б) от того, кого он называл чиновником аппарата управления.

⁵⁴ НИА–МГР. Box No. 32. Folder No. 3. Gospodine Ministre [без номера]. 5.09.1940. P. 4.

системы⁵⁵. Однако верил официальной версии о «заговоре бухаринцев», военных во главе с Тухачевским, о подготовке ими переворота, об их связях с нацистской Германией, расчетах на ее помощь. И с озабоченностью писал, не станет ли, возможно, значительное число их не выявленных, затаившихся сторонников фактором внутривнутриполитических сложностей в случае войны с Германией⁵⁶. Но главным, что его занимало, было то, как при столкновении с Гитлером поведет себя основная масса народа, те, кого он называл «рабочие и крестьяне». Как уже сказано, Гаврилович полагал, что большинство в той или иной мере недовольно тяжелыми условиями, действиями власти. И реакция на еще большие тяготы, которые будут обусловлены войной, может быть очень резкой, что для властей означает «рисковать самым режимом»⁵⁷. Особенно его волновало, как поведет себя крестьянство. Тем более что, если верить его утверждениям, на этот вопрос некие советские собеседники в доверительных разговорах отвечали: «Не знаем. Это наше большое неизвестное»⁵⁸.

Серьезно учитывая все это, Гаврилович вместе с тем придавал особое значение еще одному, очень важному, на его взгляд, фактору. Он писал, что хотя имеет место «большое недовольство» существующим положением, однако «русские не любят немцев, и неверно, что они едва ждут, чтобы немцы пришли их освободить». Армии и тяжело работающему народу присущи «ненависть к тому, кто посягнет на их страну, и любовь к родине, несмотря на то, какой в ней режим»⁵⁹.

Список сокращений

AJ — Архив Југославије

НИА–МГР — Hoover Institution Archives. Collection: Milan Gavrilović Papers

⁵⁵ НИА–МГР. Box No. 31. Folder No. 2. Господине Министре. Пов. Бр. 106. 12.01/9.02.1941. P. 4; НИА–МГР. Box No. 31. Folder No. 2. Господине Министре. Пов. Бр. 663. 18.12.1940. P. 8.

⁵⁶ НИА–МГР. Box No. 32. Folder No. 2. Gospodine Ministre (Exp. kurirom). Str. Pov. Br. 163. 10.11.1940. P. 4–5, 6–7; НИА–МГР. Box No. 31. Folder No. 2. Господине Министре. Пов. Бр. 663. 18.12.1940. P. 1, 2–3.

⁵⁷ НИА–МГР. Box No. 32. Folder No. 3. Gospodine Ministre [без номера]. 5.09.1940. P. 4

⁵⁸ Ibidem.

⁵⁹ НИА–МГР. Box No. 32. Folder No. 2. Gospodine Ministre (Exp. kurirom). Str. Pov. Br. 163. 10.11.1940. P. 6; НИА–МГР. Box No. 31. Folder No. 2. Господине Министре. Пов. Бр. 663. 18.12.1940. P. 9.

Литература

- Волков 1999 — *Волков В.К.* Страны Восточной Европы в водовороте событий накануне второй мировой войны // Восточная Европа между Гитлером и Сталиным. 1939–1941 гг. / отв. ред. В.К. Волков, Л.Я. Гибианский. М.: Индрик, 1999. С. 13–76.
- Гибианский 1999 — *Гибианский Л.Я.* Югославия перед лицом фашистской агрессии и Советский Союз // Восточная Европа между Гитлером и Сталиным. 1939–1941 гг. / отв. ред. В.К. Волков, Л.Я. Гибианский. М.: Индрик, 1999. С. 405–504.
- Гибианский 2006 — *Гибианский Л.Я.* Балканский кризис и Советский Союз // Международный кризис 1939–1941 гг.: от советско-германских договоров 1939 г. до нападения Германии на СССР. Материалы международной конференции / ред. совет: Н.И. Егорова и др. М.: Права человека, 2006. С. 481–528.
- Гибианский 2011 — *Гибианский Л.Я.* Югославия в период Второй мировой войны // Югославия в XX веке: Очерки политической истории / отв. ред. К.В. Никифоров. М.: Индрик, 2011. С. 305–522.
- Лебедева 1999 — *Лебедева Н.С.* Германо-советское взаимодействие и разрушение польского государства // Восточная Европа между Гитлером и Сталиным. 1939–1941 гг. / отв. ред. В.К. Волков, Л.Я. Гибианский. М.: Индрик, 1999. С. 169–197.
- Тимофеев 2009 — *Тимофеев А.Ю.* Дипломатия по-русски, дипломатия по-сербски... Первые представители СССР в Белграде, первые представители Югославии в Москве // Вестник МГИМО Университета. 2009. № 2 (5). С. 17–31.
- Тимофеев 2010 — *Тимофеев А.Ю.* Русский фактор. Вторая мировая война в Югославии. 1941–1945. М.: Вече, 2010.
- Чубарьян 2008 — *Чубарьян А.О.* Канун трагедии: Сталин и международный кризис. Сентябрь 1939 — июнь 1941 г. М.: Наука, 2008.
- R. [Redakcija E.J.] 1958 — R. [Redakcija E.J.]. Gavrilović, Milan // Enciklopedija Jugoslavije. Zagreb: Leksikografski zavod FNRJ, MCMLVIII. Sv. 3. S. 433
- Радојевић 2010 — *Радојевић М.* Емигрантска влада Краљевине Југославије о југословенско-совјетским односима (погледи Милана Гавриловића) // Ослобођење Београда 1944.: зборник радова / главни и одговорни уредник А. Живоћић. Београд: ИНИС, 2010. С. 31–51.

References

- Chubar'ian, A. O., 2008. *Kanun tragedii: Stalin i mezhdunarodnyi krizis. Sentiabr' 1939 — iyun' 1941 g.* [The eve of the tragedy: Stalin and the international crisis. September 1939 — June 1941]. Moscow: Nauka.

- Gibianskii, L.Ia., 1999. Iugoslaviia pered litsom fashistskoj agressii i Sovetskii soiuz [Yugoslavia in the face of fascist aggression and the Soviet Union]. In: Volkov, V.K., Gibianskii, L.Ia., eds. *Vostochnaia Evropa mezhdu Gitlerom i Stalinym. 1939–1941 gg.* [Eastern Europe between Hitler and Stalin. 1939–1941]. Moscow: Indrik, pp. 405–504.
- Gibianskii, L.Ia., 2006. Balkanskii krizis i Sovetskii Soiuz [The Balkan crisis and the Soviet Union]. In: Egorova, N.I., ed. *Mezhdunarodnyi krizis 1939–1941 gg.: ot sovetsko-germanskikh dogovorov 1939 g. do napadeniia Germanii na SSSR. Materialy mezhdunarodnoi konferentsii* [International crisis of 1939–1941: from the Soviet-German treaties of 1939 to the German attack on the USSR. Materials of the international conference]. Moscow: Prava che-loveka, pp. 481–528.
- Gibianskii, L.Ia., 2011. Iugoslaviia v period Vtoroi mirovoi voiny [Yugoslavia during the Second World War]. In: Nikiforov, K.V., ed. *Iugoslaviia v XX veke: Ocherki politicheskoi istorii* [Yugoslavia in the twentieth century: Essays on political history]. Moscow: Indrik, pp. 305–522.
- Lebedeva, N.S., 1999. Germano-sovetskoe vzaimodeistvie i razrushenie pol'skogo gosudarstva [German-Soviet interaction and the destruction of the Polish state]. In: Volkov, V.K., Gibianskii, L.Ia., eds. *Vostochnaia Evropa mezhdu Gitlerom i Stalinym. 1939–1941 gg.* [Eastern Europe between Hitler and Stalin. 1939–1941]. Moscow: Indrik, pp. 169–197.
- R. [Redakcija E.J.], 1958. Gavrilović, Milan. In: *Enciklopedija Jugoslavije*. Zagreb: Leksikografski zavod FNRJ, 3, p. 433.
- Radojević, M., 2010. Emigrantska vlada Kraljevine Jugoslavije o jugoslovensko-sovjetskim odnosima (pogledi Milana Gavrilovića). In: Životić, A., ed. *Oslobođenje Beograda 1944.: zbornik radova*. Beograd: INIS, pp. 31–51.
- Timofeev, A.Iu., 2009. Diplomatiia po-russki, diplomatiia po-serbski... Pervye predstaviteli SSSR v Belgrade, pervye predstaviteli Iugoslavii v Moskve [Diplomacy in Russian, diplomacy in Serbian ... First representatives of the USSR in Belgrade, first representatives of Yugoslavia in Moscow]. *Vestnik MGIMO Universiteta*, 2 (5), pp. 17–31.
- Timofeev, A.Iu., 2010. *Russkii faktor. Vtoraia mirovaia voina v Iugoslavii. 1941–1945* [Russian factor. World War II in Yugoslavia. 1941–1945]. Moscow: Veche,
- Volkov, V.K., 1999. Strany Vostochnoi Evropy v vodovorote sobytii nakanune vtoroi mirovoi voiny [The countries of Eastern Europe in the maelstrom of events on the eve of the Second World War]. In: Volkov, V.K., Gibianskii, L.Ia., eds. *Vostochnaia Evropa mezhdu Gitlerom i Stalinym. 1939–1941 gg.* [Eastern Europe between Hitler and Stalin. 1939–1941]. Moscow: Indrik, pp. 13–76.

Leonid Ia. Gibianskii

Senior Research Fellow, Institute of Slavic Studies, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia. 119334, Leninsky Prospekt, 32A. E-mail: gibianskii@mtu-net.ru

Some observations and reflections by Yugoslavia's Minister in Moscow, Milan Gavrilović, on Soviet policy and the position of the USSR on the eve of the Great Patriotic War

The essay analyses the reports of Milan Gavrilović sent from Moscow to Belgrade from July 1940 until the occupation of Yugoslavia in April 1941. He examined Soviet politics and the position of the USSR mainly from the point of view of assessing the conditions and prospects of Soviet-German relations. He believed that the Pact of August 23, 1939, proved to be the most important factor over the following year and a half, and was something which the Kremlin had to take into consideration both in pursuing their goals in foreign policy and in solving problems within the country. Gavrilović did not know much of what was kept secret in Soviet politics, but on the basis of the information available he believed that the leadership of the USSR decided in August 1939 that "this friendship with Germany" was more profitable than any alternative. He supported his opinion with the practical reasons for the Soviet decision. Considering various aspects of the impact of these factors, which lasted from 1940 to early 1941, on the foreign policy of the USSR, Gavrilović emphasised the duality of the relationship between Moscow and Berlin. The pact temporarily met the interests of both sides, with each secretly preparing for military conflict in the future. The Minister predicted that if the USSR won the coming conflict, it would help other European countries against Hitler's expansion, but it also put them in danger of "Bolshevisation". However, noting the deterioration of the situation in Europe for the USSR since mid-1940, he believed that the Kremlin's anxiety pushed them both to maintain relations with Berlin and to intensify preparations for the moment when a clash became inevitable. Given the extremely limited possibilities for obtaining adequate data, Gavrilović's reports contain critically analysed heterogeneous, and sometimes contradictory, information from the sources available to him on the state of the army, economy, and public sentiment in the USSR from the point of view of readiness for a possible war with Germany, and about the relevant measures of the authorities and their results.

Keywords: Milan Gavrilović's reports from Moscow to Belgrade, duality in the Soviet-German relations and the policy of the USSR, problems with the USSR's readiness for war with Germany

ГЛАВА 4

**ДИПЛОМАТИЯ
И КУЛЬТУРНАЯ ПОЛИТИКА**

Александр Александрович Силкин

Кандидат исторических наук, старший научный сотрудник,
Институт славяноведения РАН, Москва, Россия. 119334, Ле-
нинский проспект, 32А. E-mail: alexander.silkin.as@gmail.com

«Культурная дипломатия» в отсутствие дипломатических отношений, возвращение в Россию пушкинской «Тетради Всеволожского»

Возвращение из Белграда в Москву «Тетради Всеволожского» в 1933 г. представляет интерес не только с точки зрения изучения и сохранения литературного наследия, но и как важный эпизод истории русско-сербских отношений. Их надлежит рассматривать как сложный феномен, формирование которого, по словам Мирослава Йовановича, происходило на «различных уровнях исторического прошлого: в плоскости политики и дипломатии; духовных и церковных, общественных и культурных связей; относительно частых миграций из одной среды в другую; фрагментарных экономических отношений; и, наконец, в плоскости индивидуальных, личных контактов, связей и впечатлений». Вполне очевидно, что именно из перечисленного вышло на первый план в ситуации взаимного непризнания СССР и Югославии (1918–1940). Рассматриваемая в статье переписка сербского филолога и переводчика Йована Максимовича с В. Д. Бонч-Бруевичем, имевшая результатом приобретение Литературным музеем пушкинской рукописи, относится к тому типу неформальных контактов, которые не давали прерваться отношениям между Россией и Сербией даже в те временные отрезки, когда нарушались политические связи между ними. «С течением времени культурные, духовные и общественные контакты перерастали в то, что сегодня называют традиционным в сербско-русских отношениях, и что в значительной мере повлияло на формирование <...> коллективной памяти, менталитета и взаимного восприятия». Что касается сербов, то одной из особенностей этого восприятия стало распространенное русофильство или представление о «реальной/вымышленной близости» с русскими. Без этого представления пушкинская рукопись не вернулась бы в Россию.

Ключевые слова: А. С. Пушкин, СССР, Югославия, Йован Максимович, В. Д. Бонч-Бруевич, Литературный музей, русско-сербские отношения

Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ, проект «Историческая политика в странах бывшей Югославии», № 19-09-00163.

DOI 10.31168/4469-1767-9.15

События, приведшие к возвращению «Тетради Всеволожского» из Сербии в Россию на рубеже 1933–1934 гг., любопытны не только с точки зрения сохранения и изучения литературного наследия¹, но и как значимый эпизод истории русско-сербских отношений. Прежде чем пояснить, в чем состоит это значение, необходимо вкратце ответить на несколько вопросов. А именно: что представляла собой «тетрадь», как она оказалась в Сербии, кому принадлежала и при каких обстоятельствах ее приобрел Литературный музей во главе с В. Д. Бонч-Бруевичем².

К апрелю 1820 г. после окончания «Руслана и Людмилы» Пушкин подготовил к публикации сборник стихотворений³. Напечатать его не позволили материальные затруднения, а также ссылка, продлившаяся с мая 1820 по 1824 г. Покидая столицу, поэт «полупродал» рукопись своему другу Никите Всеволожскому⁴, дабы покрыть перед ним карточный долг в 500 рублей и выручить такую же сумму наличными. В 1825 г. рукопись, за которой закрепилось название «Тетрадь Всеволожского», вернулась к автору и легла в основу издания «Стихотворения Александра Пушкина», увидевшего свет в 1826 г.

О судьбе рукописи после смерти Пушкина можно только строить предположения. Ею владел брат поэта Лев Сергеевич, который с 1843 г. проживал в Одессе, где и умер в 1851 г. Там «Тетрадь Всеволожского» перешла в руки дипломата Федора Антоновича

---

¹ По словам Л. Л. Домгерра, тетрадь Всеволожского «сыграла важную роль для установления хронологии разновременных исправлений, внесенных Пушкиным в текст лицейских стихотворений». См.: Домгерр 1987: 303.

² Бонч-Бруевич Владимир Дмитриевич (1873–1955) — революционер, большевик, советский партийный и государственный деятель, писатель. Соратник В. И. Ленина. После его смерти отошел от политики. Автор сочинений по истории революционного движения в России, истории религии, этнографии и литературе. Инициатор создания и первый директор (1933–1945) Государственного литературного музея в Москве. В 1945–1955 гг. — директор Музея истории религии и атеизма АН СССР в Ленинграде.

³ *Томашевский Б.* Материалы по истории первого собрания стихотворений Пушкина (1826 г.) // *Литературное наследство.* М., 1934. № 16–18. С. 825–868. URL: <http://litnasledstvo.ru/site/book/id/5> (дата обращения: 31.08.2019).

⁴ Всеволожский Никита Всеволодович (1799–1862) — камер-юнкер (1818), популярный советник (1823). Один из основателей литературного общества «Зеленая лампа» (1820–1822), куда входил А. С. Пушкин, с которым Всеволожского связывала дружба. Они оба служили в Коллегии иностранных дел (см.: Черейский 1999).

Туманского⁵, который последние годы своей жизни провел в Белграде, куда был назначен консулом и где скончался в 1853 г. В пользу того, что рукопись принадлежала Туманскому, свидетельствуют приписываемые ему пометы на ней. По словам советского литературоведа В. Б. Томашевского:

[Консул] без зазрения совести пачкал эту рукопись всяческими надписями, не имеющими к ней никакого отношения. Свободными страницами тетради он распоряжался как грязной бумагой для незамысловатых “проб пера”⁶.

Имя дипломата и поэта А. А. Ольхина⁷, нанесенное на одну из страниц рукой следующего, знакомого с ним владельца рукописи, позволило предположить, что после смерти Туманского она

принадлежала к той серии русских автографов, к[ото]рые хранились в Сербск[ом] госуд[арственном] архиве под общим наименованием: “Письма знатных книжевника”. <...> Коллекция принадлежала серб[скому] полковнику Влајковићу⁸; в ней были и письма Ольхины к нему⁹.

---

⁵ Туманский Федор Антонович (1799–1853) — современник А. С. Пушкина. Служил в Министерстве иностранных дел Российской империи. В 1820-х гг. Туманский был консулом в Яссах, откуда часто приезжал в Кишинев, где жил тогда Пушкин. К этому времени относится «Ответ Ф. А. Туманскому», написанный Пушкиным в Кишиневе по прочтении одного из стихотворений Туманского.

⁶ *Томашевский В.* Материалы по истории. С. 830.

⁷ Ольхин Александр Александрович (1839–1897) — дипломат, мировой судья, прижизненный поверенный и политический ссыльный, поэт. Окончил Императорский Александровский лицей, поступил на дипломатическую службу. Был консулом в Варне. В 1865 г. вышел в отставку. Участвовал как адвокат в ряде крупных политических процессов (процессе нечаевцев и др). Сотрудничал в газетах «Начало» и «Земля и воля».

⁸ Влајкович Джордже (1831–188?) — офицер австрийской и русской армий (1851–1855), полковник сербской службы. В 1848 г. сражался против венгров в рядах сербских добровольцев под командованием Стевана Петровича-Кничанина. Участник Крымской войны в составе русской армии. Потерял ногу при обороне Севастополя. Награжден Георгиевским крестом. Вышел в отставку в звании капитана. После этого возвратился в Сербию. Один из активных членов Объединенной омолодины сербской. Участник сербского восстания в Боснии (1875 г.), сербско-турецких войн (1876 и 1878 гг.). В 1879 г. вышел в отставку в чине полковника. Свое немалое состояние завещал потратить на образовательные цели.

⁹ Москва — Сербия, Белград — Россия. Сборник документов и материалов / авторы-составители А. Тимофејев, Г. Милорадовић, А. А. Силкин. М.: [б. и.], 2017. Т. 4. Русско-сербские отношения. 1917–1945 гг. С. 426–427.

В 1912 г. влайковичевский фонд изучал в Белграде видный русский филолог Владимир Францев¹⁰, которому пушкинская рукопись тогда на глаза не попала. Узнав двадцать лет спустя об упоминании Ольхина из статьи в белградской газете «*Политика*», член Славянского института в Праге озвучил свою гипотезу Бонч-Бруевичу в процитированном письме от 22 октября 1934 г. К этому времени «Тетрадь Всеволожского» уже находилась в Москве.

Идя по следу, указанному Францевым, Бонч-Бруевич в ноябре 1934 г. обратился с пространственным посланием к югославскому премьер-министру Николе Узуновичу, которому рассказал о значении рукописи и задал вопрос о судьбе того архивного фонда, в котором она предположительно находилась:

В настоящее время эту рукопись мы печатаем; наши лучшие литературоведы, профессора наших университетов трудятся над ней уже несколько месяцев, чтобы ее как следует оформить, понять и изучить и дать к ней научные и исторические комментарии. В рукописи мы обнаружили несколько текстов А. С. Пушкина, до сих пор не напечатанные, и множество поправок к тому каноническому тексту, которым мы до сих пор обладали.

В истории хождения этой рукописи по различным странам не все ясно. Нам очень хотелось бы установить совершенно точно, каким образом она из Одессы перекочевала в Сербию, где она и сохранялась. При тщательном изучении всех палеографических свойств, пометок, начертаний, надписей, мы пришли к заключению, что эта рукопись должна была некоторое время находиться в Сербском государственном архиве в том отделе, который имел общее наименование «Писма знатних књижевника». В этом отделе Сербского государственного архива сохранялись и сохраняются различные автографы, написанные на русском языке. В этот архив входила большая коллекция, ранее принадлежавшая сербскому полковнику Влайковичу. <...> Нас очень интересует, не осталось ли в этой коллекции еще несколько листов этой рукописи, так как при детальном рассмотрении той рукописи, которую мы купили, совершенно ясно указывается, что части рукописи нет.

---

¹⁰ Францев Владимир Андреевич (1867–1942) — славяновед и историк, доктор славянской филологии, член-корреспондент Российской академии наук по Отделению русского языка и словесности с 1915 г., с 1921 г. — академик. Преподавал в Донском и Варшавском университетах, Карловом университете в Праге. От звания академика отказался. В 1927 г. принял чехословацкое гражданство, после чего был исключен из состава Академии наук СССР. С 1930 г. — член Славянского института.

Также нам очень интересен список всех автографов, находящихся в этом отделе Сербского государственного архива. Мы знаем, что там имеются письма Ольхина, 2–3 автографа Мицкевича <...> и целый ряд других рукописей. Было бы ужасно приятно, если бы Вы сделали распоряжение составить опись этих автографов¹¹.

Год спустя — в октябре 1935 г. — посольство Чехословакии, с которой у СССР, в отличие от Королевства Югославия, имелись дипломатические отношения, доставило ответ югославских властей:

Государственный архив в Белграде сообщает, что у него была большая коллекция автографов различных русских писателей, которая когда-то принадлежала сербскому полковнику Джоке Влайковичу, но что она во время мировой войны затерялась. Государственный архив сообщает дальше, что просмотрел все свои коллекции рукописей, но что между ними автографов А. С. Пушкина и русских писателей вообще нет¹².

Участь всей «большой коллекции» нам неизвестна, а «Тетрадь Всеволожского» после освобождения Сербии и создания Югославии «всплыла» в начале 1933 г. в доме людей, далеких от литературы:

Как это принято в типичной балканской мещанской семье, Обрадовичи брали в руки книгу, только потому что считали это своего рода обязанностью или хорошим тоном. Что касается рукописи, то ей никогда не придавали значения. Невзрачная лежала она за рядами книг, главным достоинством которых был красивый переплет. О ней вспоминали, только когда нужно было протирать пыль во время генеральной уборки... Лишь где-то в январе прошлого года Миодрага Обрадовича озарила мысль, что эту вещицу можно обменять на деньги. И так как в определенном узком кругу профессор Максимович¹³

---

¹¹ Москва — Сербия, Белград — Россия. С. 428–429.

¹² Там же. С. 432–433.

¹³ Максимович Йован (1864–1955) — сербский литератор, переводчик. Два года изучал славистику и немецкую литературу в Будапештском университете. Диплом защитил в Вене, где и увлекся русской литературой. Тема докторской диссертации — «Роль Пушкина в формировании русского реализма». Работал гимназическим преподавателем в разных городах Сербии. Автор рассказов для детей. Перевел на сербский язык произведения Ф. М. Достоевского, И. С. Тургенева, Л. Н. Толстого, А. П. Чехова, М. Ю. Лермонтова, Н. В. Гоголя, пьесы А. Н. Островского и т. д. Для постановки в белградском Народном театре Максимович перевел с русского 15 драматических произведений. Именем Йована Максимовича в современной Сербии названа премия, которую его потомки и Объединение литературных переводчиков Сербии раз в два года вручают за лучший перевод на сербский язык произведений русской литературы. Несколько

слывет знатоком русской литературы, рукопись попала к нему на экспертизу¹⁴.

Атрибуция, которую Йован Максимович произвел совместно с русским преподавателем Белградского университета Александром Погодиным¹⁵, оказалась делом небыстрым. Только 1 июля 1933 г. сербский филолог отправил в ленинградский Пушкинский дом письмо с предложением выкупить рукопись, подлинность которой подтверждалась вложенными в конверт фотографиями некоторых ее страниц.

Ответа пришлось ждать три с половиной месяца. Автор процитированной статьи в «*Политике*» иронично объяснял такую задержку тем, что «Ленинградская академия, по-видимому, вся находилась в отпуске». Нам же нетрудно представить, сколько крови попортило руководству Института русской литературы как само письмо из страны, не признававшей СССР, так и необходимость на него отвечать. В конце концов, выполнение этой обязанности взял на себя заведующий редакцией сборников «Литературное наследство» И. С. Зильберштейн¹⁶. В середине октября 1933 г. он сообщил Максимовичу, что переадресовал его предложение тому, кто располагал средствами и полномочиями для ведения переговоров о покупке.

27 октября Бонч-Бруевич написал Максимовичу первое письмо, в котором не только выразил готовность «с чрезвычайной радостью» приобрести «тетрадку Пушкина», но и описал собирательскую деятельность Литературного музея¹⁷ в целом:

В Москве мы устраиваем громадный Центральный музей художественной литературы, критики и публицистики, который утвержден нашим центральным правительством и директором которого

литературоведческих произведений посвящено выдающемуся сербскому поэту Йовану Йовановичу-Змаю, с которым Максимович был хорошо знаком.

¹⁴ Москва — Сербия, Белград — Россия. С. 422.

¹⁵ Погодин Александр Львович (1872–1947) — русский историк и филолог-славист. До революции работал в Варшавском и Харьковском университетах. В эмиграции — в Югославии. Профессор Белградского университета (1939–1941).

¹⁶ Зильберштейн Илья Самойлович (1905–1988) — советский литературный критик, литературовед, искусствовед, коллекционер русской живописи. Один из основателей и редакторов сборников «Литературное наследство».

¹⁷ Центральный музей художественной литературы, критики и публицистики организован в 1933 г. С 1934 г., после объединения с Литературным музеем при Всесоюзной библиотеке СССР им. В. И. Ленина, — Государственный литературный музей.

назначен я. Это большое научно-исследовательское учреждение уже имеет колоссальный архив, в котором нами собрано более 200 тыс. архивных номеров, причем нами приобретен громадный новый архив Пушкина, очень много иконографического материала, касающегося Пушкина и его эпохи. У нас очень большой отдел современников Пушкина. <...> Очень вероятно, что среди Ваших друзей и знакомых сосредоточены те или другие автографы русских писателей, общественных деятелей и деятелей искусства. Такие рукописи, письма, дневники, мемуары мы охотно будем приобретать и будем благодарны Вам, если Вы укажете, к кому нужно об этом непосредственно писать¹⁸.

В продолжавшейся до февраля 1934 г. переписке Бонч-Бруевича с Максимовичем и параллельно с Обрадовичем присутствуют условные материалистическая и идеалистическая «сюжетные линии». Первая прослеживается в выраженном стремлении каждого из участников треугольника «покупатель — продавец — посредник» обеспечить собственные интересы.

Что касается Й. Максимовича, то он, рассчитывая на комиссионные, причитавшиеся ему за экспертизу и посредничество, постоянно поторапливал директора музея и призывал предложить «цену самую высшую, для Вас возможную», потому что объявился другой «посредник, который обещал продать в Америке». Кроме того, боясь оказаться лишним, сербский филолог пытался дискредитировать своего соотечественника, представив его человеком «ненадежным». Чем дальше, тем более мрачными красками живописался Обрадович: «Сумасброд, игрок и нахал, кот[орый] норовит продать манускрипт первому попавшемуся, даже и не коллекционеру».

Его родной дядя <...> не имеет другого имени для него как негодяй <...> рассказывает, что два деда буквально умерли от его проделок. Коллекцию марок, стоящую 200.000 динаров, стащил и без знания старших продал за гроши и т.д. И манускрипт А.С. Пушкина взял из дома и принес ко мне без знания семьи. И когда в газете вышел интервью со мной, семейные только тогда узнали и сейчас[же] взяли от него обратно.

В одном из писем Максимович предложил запутанный способ купли-продажи, будучи убежденным, что «Ноздрёв-junior в последнюю

---

¹⁸ Москва — Сербия, Белград — Россия. С. 402.

минуту делает свою штуку — как тот в карточной игре плутовал, так и этот быстро стащит деньги, зная, что с контрактом, который у меня [есть], трудно добить¹⁹ свое»²⁰.

Неизвестно, заслуживал ли Обрадович сравнения с гоголевским персонажем, однако он, действительно, хотел избавиться от посредника. Он писал Бонч-Бруевичу:

Весьма вероятно, что мы выиграем гораздо больше при непосредственном общении. Г-н Максимович не показал мне Ваших писем и телеграмм касательно дела рукописи, желая помешать мне вступить с Вами в непосредственный контакт²¹.

В конце концов, благодаря Бонч-Бруевичу, все получили, что им причиталось, однако и у него осуществление сделки с самого начала вызывало озабоченность. Ее причиной, разумеется, были не опасения Максимовича, а объективные обстоятельства — отсутствие дипломатических отношений с Югославией и нехватка денежных средств. Оба этих вопроса директор Литературного музея 1 ноября 1933 г. поставил в письме к полпреду СССР в Париже В. С. Довгалеvскому²²:

Прежде всего о деньгах. Совсем недавно Наркомпрос для нашего музея в Ваш счет в полпредство в Париже перевел 800 руб. золотом. Не знаю, истратили ли из них что-нибудь на покупку материалов для нашего музея, или нет. Кроме того, у меня здесь имеется почти такая же сумма на нашем счету, которую я постараюсь перевести как можно скорее к Вам. <...> Кроме того, у меня имеются небольшие суммы денег в различных других полпредствах за границей, которые я сейчас же попрошу переслать Вам.

¹⁹ От сербск. *добити* — получить.

²⁰ Москва — Сербия, Белград — Россия. С. 407; См. также: РГАЛИ. Ф. 612. Оп. 1. Д. 3078. Л. 70 об., 64.

²¹ Москва — Сербия, Белград — Россия. С. 410.

²² Довгалеvский Валерян Савельевич (1885–1934) — советский государственный деятель, дипломат. Член Коммунистической партии с 1908 г. В революционном движении с 1904 г. В 1906 г. был арестован и в 1907 г. осужден на вечное поселение, но в 1908 г. бежал за границу. В 1908–1910 гг. — секретарь большевистской группы в Льеже, затем член большевистской группы в Давосе. В 1911–1914 гг. — секретарь большевистской организации в Тулузе. В 1915 г. вступил во Французскую социалистическую партию. В июле 1917 г. возвратился в Россию и был призван в армию. После Октябрьской революции — в Красной армии. С мая 1921 г. — нарком почт и телеграфов РСФСР, в 1923 г. заместитель наркома почт и телеграфов СССР. В 1924–1926 гг. — полпред СССР в Швеции, в 1927 г. в Японии, в 1928–1934 гг. — во Франции.

А теперь обращаюсь к Вам с самой настоятельной просьбой: будьте настолько добры сделать распоряжение кредитовать нас той суммой денег, которую нужно дополнительно добавить к деньгам, которые имеются у Вас для нашего музея, чтобы получилась сумма 1500 долларов, считая [за] доллар по 57 динаров.

Я обязуюсь перед Вами, и Вы, наверное, поверите мне, что я свое обязательство исполню, в самое ближайшее время пополнить все то, что наш музей Вам таким образом задолжает, но сейчас надо спасти подлинную рукопись Пушкина, до сих пор никому не известную, а то она уйдет к иностранцам. Я полагаю, что в средствах полпредства найдется такая незначительная сумма. <...> Теперь возникает вопрос, как взять эту рукопись? Вам, конечно, все это виднее. Но я лично думаю, не нужно ли нам из Парижа или из Праги послать совершенно верного человека сейчас же в Белград получить эту рукопись от этого Максимовича²³.

Спустя несколько дней Бонч-Бруевич обсуждал с Обрадовичем, «как произвести расплату денег 1500 долларов». «Самое простое решение» видится в том, чтобы «рукопись переслать дипломатической или страховой почтой в Париж, в Югославское посольство, с Вашим приказом, чтобы ее выдали полномочному представителю нашего посольства». Тот же способ наиболее удачным считал Довгалеvский, от имени которого 25 ноября 1933 г. написал его помощник Мерле:

Дорогой товарищ, с настоящей диппочтой отправляю Вам 56 писем Тургенева, за которые, согласно условию, заплатил 3 тыс. франков. <...> Тов. Довгалеvский, который по болезни лично Вам не пишет, сообщил мне сегодня следующее:

В Женеве он говорил о деле белградской рукописи Пушкина с Фотичем²⁴, постоянным делегатом Югославии в Женеве. Фотич снесся немедленно по телефону с мининделом Йевтичем²⁵ и обещал т. Дов-

²³ Москва — Сербия, Белград — Россия. С. 404–405.

²⁴ Фотич Константин (1891–1959) — сербский (югославский) дипломат. Чрезвычайный посланник и полномочный министр Королевства Югославия в Вашингтоне (1935–1944).

²⁵ Евтич Боголоб (1886–1960) — сербский (югославский) политик, государственный деятель. Министр двора (1929–1932), министр иностранных дел Королевства Югославия (1932–1935), председатель Совета министров (1934–1935). Сопровождал короля Александра Карагеоргиевича во время роковой поездки в Марсель в октябре 1934 г. Перед смертью монарх якобы прошептал Евтичу: «Храните мою Югославию». Лидер Югославской национальной партии. Член правительства генерала Душана

галеvскому делу с рукописью уладить. Принципиально решено, что в Белграде рукопись у Обрадовича возьмет мининдел, даст для проверки Максимовичу, а затем отправит в Париж диппочтой в Югославское полпредство, которое, со своей стороны, передаст рукопись непосредственно г. Довгалеvскому за уплатой 38 тыс. франков.

Процитированное письмо примечательно не только тем, что в нем зафиксирован окончательный выбор в пользу Парижа как места передачи рукописи. Пересказ состоявшейся в Женеве беседы свидетельствует, что отсутствие официальных отношений между СССР и Королевством Югославия не мешало обсуждению насущных вопросов на уровне представителей в Лиге Наций и даже «мининделов».

В посольстве СССР в Париже «Тетрадь Всеволожского» оказалась 27 декабря 1933 г. При этом доставлена она была не «диппочтой», а способом, который, судя по переписке, не приходил в голову советским функционерам. Несмотря на «монархо-фашистскую диктатуру», свирепствовавшую в Югославии с 1929 г.²⁶, Обрадович просто сел на поезд и сам привез рукопись в Париж. О том, как прошел обмен, рассказывает «*Политика*»:

Известив советское посольство о своем прибытии, он стал ждать приглашения. После телефонного звонка в компании чиновника югославского пресс-бюро в Париже Лукачевича он отправился на улицу Гренель, где находится дворец русского представительства. На его территорию они прошли не через центральные ворота, украшенные скрещенными серпом и молотом, а через боковой вход для посетителей. Советского посла г. Довгалеvского они не видели. Спустя несколько минут ожидания, проведенных за изучением туристических буклетов, их принял один из сотрудников посольства. Он угостил гостей папиросами, и так как те вызвали у них известный интерес, подарил им по одной коробке (с изображением Кремля, надписью «Москва» и золотым мундштуком). Г. Обрадович счел нужным ознакомить своего советского собеседника с результатами научной экспертизы, предпринятой г. Максимовичем. Однако это не слишком заинтересовало советского дипломата, который только махнул рукой: «Ах, господин, нам очень хорошо известно все, что

Симовича (27 марта 1941 — январь 1942 г.). Во время немецкой оккупации Югославии — член югославского правительства в эмиграции. Умер в Париже.

²⁶ Так в СССР именовался режим личной власти короля Александра Карагеоргиевича (1888–1934), установленный 6 января 1929 г.

касается этой рукописи. Пушкин проиграл ее, когда у него наличные кончились». <...>

Обрадович написал расписку, с которой не расставался, пока его не отвели на верхний этаж посольства — в бухгалтерию, где он получил деньги и отдал рукопись. На прощание упоминавшийся советский функционер сказал Обрадовичу, что в свою бытность офицером на Салоникском фронте знал одного Обрадовича <...> Однако бывший собственник пушкинской рукописи, по-видимому, находился в таком возбуждении, что не подумал, что тот Обрадович мог быть его дядей со стороны отца. День спустя поезд умчал Миодрага Обрадовича в Белград, где и др. Максимович получил достойный гонорар за экспертное посредничество²⁷.

Что касается «идеалистической» линии в рассматриваемой переписке, то ее можно считать своего рода следствием бонч-бруевичевской лицемерной риторики, посредством которой он стремился расположить к себе адресатов. Полагая, по-видимому, что в отношениях с сербами надо «давить» на их симпатии к русским, директор в письмах к Обрадовичу и Узуновичу просит «протянуть через Пушкина братскую руку помощи», взывает к

настоящему славянскому отношению к литературной ценности нашего общего гениального писателя, который чтим и любим как живущими у нас в СССР, так и живущими в Вашей прекрасной стране.

Стремясь сблизиться с Максимовичем, Бонч-Бруевич нарочито радуется возможности «литературного общения» с ним («У нас найдется очень много общих интересов в той литературной области, на которую и Вы, и я потратили столько времени из нашей сознательной жизни»), рисует перспективы сотрудничества с Литературным музеем («Надеюсь, что Вы не откажете нам в Вашем содействии, участии и совете в деле организации этого нового культурного учреждения»). Все это для того, чтобы убедить сербского филолога «быть на страже наших интересов» и не выпускать рукопись «из дружеских крепких рук <...> пока мы переведем деньги». Степень искренности советского функционера позволяет оценить тот факт, что в последнем письме, написанном Максимовичу после прибытия рукописи в Москву, предложения «содействия и участия» отсутствуют.

---

²⁷ Москва — Сербия, Белград — Россия. С. 422–424.

Неизвестно, какой отклик в сердцах «Ноздрёва-*junior*» и премьера оставили лозунги в духе славянской взаимности. На Максимовича вышеописанные уловки безусловно произвели ожидаемое впечатление. В Бонч-Бруевиче он разглядел не только человека, от которого зависело получение гонорара, но и интеллектуала, разделявшего с ним любовь к искусству. В письмах он обращался к московскому директору как к человеку своего круга — прибегал к литературным аллюзиям, ссылаясь на Плутарха, цитировал Гоголя, Пушкина, Достоевского, Островского. Верил, что адресату действительно интересно, над чем он работает:

Я лично слишком занят и почти физически и морально исчерпан неотложным, спешным литературным делом — 21-го с.м. празднует наш народ 100-летие от рождения нашего величайшего поэта и обществ[енного] деятеля Змая Ј. Јовановича²⁸, и мне поручено в Матице Сербской²⁹ держать речь о нем — как человеку (жизнь его экземплярна, как украшение для Плутарха была бы годна) и литераторе³⁰.

Всерьез восприняв «приглашение сотрудничать», Максимович в письме от 21 ноября 1933 г. указал, где в Югославии могли сохраниться автографы русских писателей или материальные свидетельства русско-сербских литературных связей: «Матица Сербска <...> очень много следила за русской литературой и наукой. Возможно, что в ее музее и архиве найдутся следы». Рекомендовал человеку, который 5 сентября 1918 г. поставил подпись под постановлением о «Красном терроре», познакомиться с тем, какое впечатление произвела русская литература на поэта и архимандрита монастыря

---

²⁸ Йованович-Змай Йован (1833–1904) — выдающийся сербский поэт-романтик. Врач по образованию. Издавал литературные, политические и детские журналы. Первым из сербских поэтов писал стихи для детей. Переводил на сербский язык стихи венгерских, немецких и русских поэтов (в том числе «Демон» М. Ю. Лермонтова).

²⁹ Матица Сербская — старейшее сербское научное, литературное и просветительское общество, прообраз Академии наук. Основана в 1826 г. сербскими просветителями и меценатами в г. Пешт. В 1864 г. центральные учреждения Матицы были перенесены в г. Нови Сад. Занималась организацией и поддержкой научных исследований в области сербского языка, литературы, истории и этнографии, изданием книг, журналов и газет.

³⁰ Москва — Сербия, Белград — Россия. С. 407.

Шишатовца Лукиана Мушицкого³¹, и какую память о себе оставил в Хорватии Владимир Соловьев, опубликовавший в Загребе «Философию Библейской истории».

Бонч-Бруевичу нечего было написать о своих художественных предпочтениях. Дабы хоть как-то поддержать анонсированное «литературное общение» и продемонстрировать заинтересованность в Максимовиче, он отправил ему книги и просил прислать фотографию: «Таким образом, когда пишу Вам, я как бы пишу лицу, мне знакомому, так как передо мной Ваш портрет».

Сербский филолог фальши в этой просьбе не заметил:

Очень Вам благодарен за присылку внутренне и внешне роскошной книги о Гёте. Это для нас, всю жизнь живущих Россией и веря[щих] в нее как Достоевский (“Дневник писателя”, 1880 г.), — это для нас сейчас как моментальный, хоть и короткий, но сильный свет молнии в темноте. Бог знает что пишут о России — но на основании этого и кой чего другого видим и почти твердо знаем, что Россия очень скоро вовсю разовьет свои огромные, единственные в мире силы. Это должно быть — это необходимо нужно нам, славянам, да и всему миру, который задавится и уже давится без спасительного славянского и русского гения³².

Наивность Максимовича отражала присущее многим представителям межвоенной сербской интеллигенции заинтересованно-сочувственное отношение к Советской России, обусловленное недоверием к своим властям, которые, как известно, до 1940 г. отказывались признавать СССР и оказывали поддержку преимущественно право-монархически настроенной русской эмиграции.

Иллюстрацией «фрондерства» служат рассуждения сербского скульптора Сретена Стояновича в изложении современного сербского автора.

Сербский народ, “слишком тесно связанный с народом русским”, был от него отторгнут, лишен всякой связи с “его трудом и прогрессом”.

---

³¹ Мушицкий Лукиан (1777–1837) — сербский религиозный деятель и поэт. Обучался в Нови Саде, Сегеде и Пеште. После завершения образования — администратор митрополии в Сремских Карловцах, архимандрит монастыря Шишатовца, епископ Плашкий. Первым среди сербов начал писать стихи в духе и стиле псевдоклассической европейской поэзии. Автор четырех сборников лирических стихотворений патриотического, моралистического и дидактического содержания.

³² Москва — Сербия, Белград — Россия. С. 414.

“Все свелось к русским в эмиграции”, — сетовал он. “Забывают, что русский народ все еще в России, и никакие режимы не в состоянии превратить его в другой народ с иными чертами. Точно так же никакая система не уничтожит наше старинное родство с русскими”³³.

От СССР ожидалось, что он явит пример нового передового общества, о чем, в частности, пишет сербский литератор и политик Драгиша Васич, посетивший Москву в десятую годовщину Октябрьской революции:

После перелома, которого еще не знала История, человек стал свидетелем становления нового общественного строя. <...> У нас даже нервов не хватит, чтобы открытыми глазами смотреть на эти муки рождения! Никто не имеет права презирать беспрецедентные и позитивные усилия, которые там предпринимаются³⁴.

Кроме того, в Советском союзе многие видели наследника старой царской России с ее цивилизационной ролью, о чем свидетельствуют переживания того же Васича, охватившие его по пути на восток:

Обуяло ли меня возбуждение. И какое оно, когда известно мне, что молниеносно мчусь я туда, куда так жаждал попасть. <...> Я размышлял, задавал себе вопросы и давал простые ответы. <...> Разве был кто-то и где-то, кроме нас (сербов. — А. С.), кто также трепетал бы от русской земли, русской березы, у которой упал сраженный Пушкин, русской зимы, русской тройки? Что есть в нас лучшего, более глубокого, трогательного и благородного, чем эта любовь, осененная творениями великих писателей, чем эта столь неодолимая тоска по широким и бескрайним просторам? И спрашивал себя и отвечал — не из той ли души родилась душа нашего народа и природа нашего человека, которую мы так стараемся познать?³⁵

* * *

И содействие Максимовича приобретению Литературным музеем пушкинской рукописи, и вышеописанные поездки в Москву относятся к тому типу неформальных контактов, которые не давали прерваться отношениям между Россией и Сербией даже в те временные отрезки, когда нарушались политические связи между ними. Такова

³³ Радоевич 2014: 197.

³⁴ Васић 2011: 468.

³⁵ Васић 2011: 447; также см.: Милорадовић 2017.

природа сложного неоднородного феномена, формирование которого, по словам Мирослава Йовановича, происходило на

различных уровнях исторического прошлого: в плоскости политики и дипломатии; духовных и церковных, общественных и культурных связей; относительно частых миграций из одной среды в другую; фрагментарных экономических отношений; и, наконец, в плоскости индивидуальных, личных контактов, связей и впечатлений³⁶.

Вполне очевидно, что именно из перечисленного вышло на первый план в ситуации взаимного непризнания СССР и Югославии, имевшей место в 1918–1940 гг. Далее читаем:

С течением времени культурные, духовные и общественные связи и контакты перерастали в то, что сегодня чаще всего называют традиционным в сербско-русских отношениях, и что в значительной мере повлияло на формирование <...> коллективной памяти, менталитета и взаимного восприятия <...> сербского и русского народов.

Что касается сербов, то одной из особенностей этого восприятия стало распространенное русофильство или представление о «реальной/вымышленной близости» с русскими. Без этого представления, которым в первую очередь руководствовался Максимович, «Тетрадь Всеволожского» затерялась бы, как это произошло с остальными рукописями из фонда Д. Влайковича:

Молодые писатели приходили посмотреть, было очевидно похоже, что желают поклониться святыне. <...> Очень жалко было и будет расставаться с драгоценностью — но радуюсь, что манускрипт возвратится на родину. Душе Пушкина будет легче. На волоске висело, что попадет Бог знает куда³⁷.

Список сокращений

РГАЛИ — Российский государственный архив литературы и искусства, Москва

---

³⁶ Йовановић 2012: 23–24.

³⁷ Москва — Сербия, Белград — Россия. С. 409.

Литература

- Васић 2011 — *Васић Д.* Утисци из Русије // Срби о Русији и Русима: Од Елизавете Петровне до Владимира Путина (1750–2010). Антологија / приредио М. Јовановић. Београд: Православни богословни факултет Универзитета; Институт за Теолошка истраживања, 2011.
- Домгерр 1987 — *Домгерр Л.Л.* Из историје совјетског академичког издања пулног скупа сочиненија Пушкина 1937–1949 г. (Материјали и коментарији) // Записки руској академичкој групи у США. Transactions of the association of Russian-American scholars in the U.S.A. / ред. Н. А. Жернакова. New York, 1987. Т. XX. С. 295–348. URL: <http://lib2.pushkinskijdom.ru/Media/Default/PDF/PUSH/Klassiki/Domgerr-1987a.pdf> (дата обраћања: 31.08.2019).
- Јовановић 2012 — *Јовановић М.* Срби и Руси, 12–21. век: историја односа. Београд: Народна библиотека Србије, 2012.
- Милорадовић 2017 — *Милорадовић Г.* Културне везе јаче од политичких: Срби и Руси 1917–1945. године // Москва — Србија, Белград — Русија. Сборник докумената и материјала. М. [б.и.], 2017. Том 4. Руско-српске односе. 1917–1945 г. / аутори-составитељи А. Тимофејев, Г. Милорадовић, А. А. Силкин. С. 54–71
- Радојевић 2014 — *Радојевић М.* Српске леве и Совјетска Русија. «Туман» Драгиши Васића // Из историје Србије и руско-српских веза. 1812–1912–2012 / отв. ред. К. В. Никифоров. М.: Институт славјанологије РАН, 2014.
- Томашевски 1939 — *Томашевски Б.* Материјали по историји првог скупа стиховора Пушкина (1826) // Литературно наслеђе. 1939. № 16–18. С. 825–868.
- Черейски 1999 — *Черейски Л.А.* Современници Пушкина. М.: Нева; Олма-Пресс; Паритет, 1999.

References

- Chereiskii, L. A., 1999. *Sovremenniki Pushkina* [Pushkin's contemporaries]. Moscow: Neva; Olma-Press; Paritet.
- Domgerr, L. L., 1987. Iz istorii sovetskogo akademicheskogo izdaniia polnogo sobraniia sochinenii Pushkina 1937–1949 gg. (Materialy i komentarii) [From the history of the Soviet academic publication of the complete works of Pushkin in 1937–1949. (Materials and comments)]. In: Zhernakova, N. A., ed. *Zapiski russkoi akademicheskoi gruppy v S.Sh.A. / Transactions of the association of Russian-American scholars in the U.S.A.* T. XX. New York, pp. 295–348. URL: <http://lib2.pushkinskijdom.ru/Media/Default/PDF/PUSH/Klassiki/Domgerr-1987a.pdf> (accessed: 31.08.2019).

- Jovanović, M., 2012. *Srbi i Rusi, 12–21 vek: istorija odnosa* [The Serbs and the Russians: from the twelfth to the twenty-first century]. Beograd: Narodna biblioteka Srbije.
- Miloradović, G., 2017. Kulturne veze jače od političkih: Srbi i Rusi 1917–1945 godine [Cultural ties stronger than political: Serbs and Russians in 1917–1945]. In: Timofeev, A., Miloradovich, G., Silkin A., eds. *Moskva–Serbiia, Belgrad–Rossiia. Sbornik dokumentov i materialov* [Moscow–Serbia, Belgrad–Russia. Collection of documents and materials]. T. 4. Moscow, p. 54–71.
- Radoevich, M., 2014. Serbskie levye i Sovetskaia Rossiia. “Tumany” Dragishi Vasiča [Serbian Left and Soviet Russia. “Fogs” of Dragisha Vasic]. In: Nikiforov, K. V., ed. *Iz istorii Serbii i rusko-serbskikh sviazei. 1812–1912–2012* [From the history of Serbia and Russian-Serbian relations, 1812–1912–2012]. Moscow: Institut slavianovedeniia RAN.
- Tomashevskii, B., 1939. Materialy po istorii pervogo sobraniia stikhotvorenii Pushkina (1826 g.) [Materials to the history of the first anthology of Pushkin's poems]. *Literaturnoe nasledstvo*, 16–18, pp. 825–868.
- Vasić, D., 2011. Utisci iz Rusije. In: Jovanović, M., ed. *Srbi o Rusiji i Rusima: Od Elizavete Petrovne do Vladimira Putina (1750–2010). Antologija* [Serbs on Russia and the Russians: From Elizabeth Petrovna to Vladimir Putin (1750–2010). Anthology]. Beograd: Pravoslavni bogoslovni fakultet Univerziteta; Institut za Teološka istraživanja.

Aleksandr A. Silkin

PhD, Senior Research Fellow, Institute of Slavic Studies, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia. 119334, Leninsky Prospect, 32A. E-mail: alexander.silkin.as@gmail.com

“Cultural diplomacy” in the absence of diplomatic relations: Pushkin’s “Vsevolozhsky Writing book” returns to Russia

The return of the “Vsevolozhsky Writing Book” from Belgrade to Moscow (1933) is of interest not only from the point of view of studying and preserving literary heritage, but also as an important episode in the history of Russian-Serbian relations. These relations are a complex phenomenon, the evolution of which, according to Miroslav Jovanović, took course at “various levels of the historical past: in the plane of politics and diplomacy; spiritual and church, social and cultural ties; relatively frequent migrations from one environment to another; fragmented economic relations; and, finally, in the plane of individual, personal contacts, connections and impressions”. It is obvious what of the above in particular came to the fore during the period of mutual non-recognition between the USSR and Yugoslavia (1918–1940). The correspondence between the Serbian philologist and translator Jovan Maksimović and Vladimir Bonch-Bruевич that resulted in the acquisition of the Pushkin manuscript by the Literary Museum refers to the type of informal contacts that maintained relations between Russia and Serbia even when political ties were interrupted. “Over time, cultural, spiritual, and social contacts developed into what is today called traditional in Serbian-Russian relations, and what greatly influenced the formation of collective memory, mentality, and mutual perception”. As for the Serbs, one of the peculiarities of this perception was the widespread Russophilia or the idea of “real/fictional proximity” with the Russians. Without this, Pushkin’s manuscript would not have returned to Russia.

Keywords: Aleksandr Pushkin, USSR, Yugoslavia, Jovan Maksimovic, Vladimir Bonch-Bruевич, Literary Museum, Russian-Serbian relations

Алла Олеговна Бурцева

Независимый исследователь, Москва, Россия.
E-mail: nilpferdin@yandex.ru

Туркмения 1930-х годов глазами советского писателя: язык и перевод

Советский проект развития национальных литератур получил в 1930-е гг. мощный импульс, обусловленный государственным заказом. Однако заказчиком выступал не только центр, но и сама периферия. Вопрос о языке литературы, о том, какой она должна быть, сильно волновал туркменскую прессу и зарождавшееся новое литературное сообщество. Это касалось как оригинальных текстов, так и переводов. В статье на примере нескольких частных случаев предпринята попытка обозначить проблему обращения советских писателей с туркменским языком. Материалом для исследования послужили газетные статьи, посвященные вопросу о туркменском литературном языке, рецензия на переводы из туркменской классической поэзии, а также стихотворение Г.А. Санникова, вошедшее в альманах «Айдинг-Гюнлер» (1934), который был составлен по результатам работы бригады советских писателей в Туркменистане. Как видно из материалов прессы, создатели нового туркменского литературного языка столкнулись с противоречиями в вопросе о заимствованиях и диалектных различиях. Переводные тексты в рецензии Р. Алиева подвергаются критике за несоответствие со звучанием туркменского языка и непонимание национальной поэзии. Санников же использовал туркменские слова, по-видимому, для того чтобы создать у читателя впечатление о звуковом облике языка и эффекта зауми. В статье делается вывод о том, что взаимное движение в литературном поле русского и туркменского языков друг к другу на фоне попыток очистить последний от «ненужных» элементов, низкой оценки переводов и поверхностном восприятии туркменского языка советскими писателями постепенно угасло и было замещено массовой переводной практикой. Проект по обмену опытом и языковым материалом, предположительно, оказался неудачным.

Ключевые слова: туркменская поэзия, советская поэзия, дискуссия о языке, Г. А. Санников

1930-е годы можно условно назвать периодом становления национальных литератур в СССР. Именно тогда закрепился тезис о литературе, национальной по форме и пролетарской (затем — социалистической) по содержанию. Этот вектор развития был задан незадолго до Первого съезда советских писателей, в частности в статье И. В. Сталина, обращенной к ученым Востока¹. На съезде декларация о том, что необходимо идти навстречу национальным литературам и поддерживать их (равно как и брать лучшее, что произвела национальная литература за годы развития, в том числе дореволюционного), закрепилась окончательно².

Однако на практике следование этому вектору зависело от внешних факторов. В протоколе заседаний ОГИЗ №55 от 9 февраля 1935 г. (то есть менее чем через год после съезда писателей) можно обнаружить противоречащие друг другу утверждения И. К. Луппола (на тот момент — руководителя ОГИЗ) о том, что не стоит увлекаться тиражированием национальных литератур, но нужно «строго учитывать соответствующие контингенты национальных читателей»³.

В документах ОГИЗ читаем:

в) Должно быть решительно покончено с практикой огульного перевода одной и той же книги для всех национальностей. <...> [Д] олжны быть учтены не только экономическая и культурная особенности, но и наличие литературы, выпущенной на данном языке до 34 г.

г) В тематическом плане 34 г. должен быть максимально увеличен удельный вес оригинальной литературы[.] <...> Это положение особенно справедливо в отношении ГИХЛа, одной из задач которого должно быть выявление и всемерное развитие творческих сил данной национальности в области создания оригинальных художественных произведений⁴.

---

¹ Сталин И. В. О политических задачах Университета народов Востока // *Сталин И. В. Сочинения*. М.: Государственное издательство политической литературы, 1952. Т. 7. С. 138.

² Богомолова 2016: 151–152; Максименков 2003: 269. Первый Всесоюзный съезд советских писателей: Стенографический отчет / под ред. И. К. Луппола, М. М. Розенталя, С. М. Третьякова. М.: Гослитиздат, 1934.

³ РГАЛИ. Ф. 2126. Оп. 2. Ед. хр. 3. Л. 1 об.

⁴ РГАЛИ. Ф. 613. Оп. 1. Ед. хр. 4742. Л. 3.

Можно предположить, что саму установку по поводу контингентов национальных читателей придумал не Луппол. Так, в 1933–1934 гг. на национальные языки (и в том числе на туркменский) активно переводили русскую классику⁵.

Туркмения стала советской республикой в 1924 г. С самого начала советская власть должна была решить проблему сосуществования двух языков, которые значительно отличались друг от друга, и при этом оба стали языком литературы и официальной печати. Русский при этом не насаждался, наоборот, речь шла о повышении статуса туркменского как языка литературного. Так, параллельно издавались официальный печатный орган ТССР «Туркменская Искра» на русском языке и сатирическая газета «Токмак», название которой, согласно переписке Союза писателей, следует переводить как «Топор»⁶. Социально-политическая обстановка после размежевания республик Средней Азии предполагала поиск новых путей в языковой политике и формирование новой идентичности, представлявшей собой сложный конструктор из «советского» и «национального»⁷.

Сформированная в начале 1930-х гг. Туркменская комиссия Союза советских писателей планировала структурировать историю туркменской литературы, в том числе мотивировать писателей учить язык, переводить русскую классику. Комиссия видела своей целью освоение туркменского материала советской художественной литературой и предполагала, что русские советские писатели изучат новый для них туркменский мир, а Туркмения получит от русской литературы все лучшее.

Вместе с тем предполагалось, что туркменские пролетарские писатели освоят русский язык и одновременно «дадут» соответствующий объем литературы на родном языке. Комиссия озаботилась литературным просвещением и общим состоянием дел:

На Туркменском языке выходит 14 газет и др. периодических изданий, на русском — 1 газета, помещающая часто литературную страничку с переводами произведений туркменских писателей. Раз в три месяца выходит журнал “Советская литература” Туркмении до 6 печ. листов в номере.

⁵ РГАЛИ. Ф. 631. Оп. 6. Ед. хр. 27. Л. 4.

⁶ Там же. Л. 9 об.

⁷ См.: Edgar 2004. См. также: Bustanov 2015.

Оргкомитетом ведется массовая работа: творческие вечера <...>, на предприятиях существует 14 лит. кружков. Курсы по истории литературы и по изучению русского языка⁸.

Туркменскую прессу также сильно волновал вопрос о языке, на котором должна была формироваться новая туркменская пролетарская литература.

Так, туркменский литератор и общественный деятель Х.Н. Чарыев в статье «Туркменская литература» (машинопись, хранится в РГАЛИ) заметил:

Развитие советской туркменской литературы и поэзии <...> базируется <...> на тесной связи ее со всем социалистическим строительством в Туркмении, <...> на непрерывных связях <...> со всем великим Союзом советов <...> на критическом освоении и использовании старой туркменской литературы и народного творчества⁹.

В статье профессора И. Бороздина, которая вышла в газете «Туркменская искра» читаем: «Новый литературный язык Туркмении создается на основе языка трудящихся»¹⁰. Здесь намечается проблема литературной нормы туркменского языка и его сепарации от других языков Средней Азии, а также арабского и фарси. Не вполне ясно, язык каких именно трудящихся должен брать за основу: в туркменском множество диалектов, каждый из которых мог претендовать на наддиалектный статус.

В прессе педалировался вопрос о том, как «очистить» туркменскую литературу от «фарсидских и арабских терминов, совершенно чуждых и непонятных для трудящихся туркмен»¹¹, как писал К. Мурадов в статье «Против чуждых влияний в туркменском языке». Также Мурадов утверждал:

Даже такие общеизвестные термины, как “пролетариат” <...> пишутся на туркменском языке по-разному. <...> Переводы поэтов страдают большой и недопустимой неточностью. <...> Данная проблема является острой политической проблемой¹².

⁸ РГАЛИ. Ф. 631. Оп. 6. Ед. хр. 27. Л. 10.

⁹ РГАЛИ. Ф. 631. Оп. 6. Ед. хр. 57. Л. 40.

¹⁰ Бороздин И. Художественная литература Советской Туркмении // Туркменская искра. 1934. 8 VII.

¹¹ Мурадов К. Против чуждых влияний в туркменском языке // Туркменская искра. 1935. 14 IV.

¹² Там же.

Актуален был и вопрос о правописании. Орфография в литературном туркменском на тот момент не устоялась. Например, концентрация правки в машинописи для подготовки одного из туркменских альманахов комиссии ССП¹³ не позволяет говорить о том, что это только ошибки наборщика. Так, в наборе стихотворения «На колхозном поле» А. Ниязова (1932, в устаревшей орфографии — *Kolhoz mejdanonda*) встречаются лишь незначительные опечатки (например, *atъ* вместо *otъ* — трава), тогда как в машинописном варианте стихотворения Д. Клычева «Пережитое» (без года, в устаревшей орфографии — *Görenim meniň*, буквально «Увидела я») правки очень много, текст читается с трудом, в нем много диалектных элементов.

Развивая проблему перевода, Мурадов писал: «[И]менно терминологическое достоинство переводов характеризует их качество. Масса искажений и ошибок <...> так или иначе связаны с путаницей в терминах»¹⁴. Имеются в виду переводы с туркменского на русский и обратно. В заключение Мурадов заявил, что необходимо «растить, обогащать туркменский язык» за счет интернациональных терминов: «[М]ы будем заимствовать <...> и из русского языка, одновременно ведя борьбу с <...> ненужными русскими словами <...>»¹⁵.

Характерно, что, будучи сосредоточенной на языке литературы, статья возводит проблемы языка в ранг политической проблемы.

Другой пример общих рассуждений о языке литературы — пересказ доклада председателя ССПТ О. Таш-Назарова «Задачи советской туркменской литературы» (доклад прозвучал на Первом всетуркменском съезде советских писателей). Здесь вновь актуализировалась проблема «чистоты» в языке литературы:

У нас в Туркмении в отношении языка есть две опасности. Первая состоит в том, что многие т.т. (товарищи. — А.Б.), стремясь сделать произведение звучным красивым и образным, часто используют арабские и персидские слова, непонятные для трудящихся. Так, например, вместо туркменского слова “дири” (?) т. Чарыев берет “Хаят” (забор)¹⁶.

¹³ РГАЛИ. Ф. 613. Оп. 1. Ед. хр. 5088

¹⁴ *Мурадов К.* Против чуждых влияний в туркменском языке // Туркменская искра. 1935. 14 IV.

¹⁵ Там же.

¹⁶ Задачи советской туркменской литературы. Из доклада председателя Оргкомитета союза советских писателей Туркмении тов. Таш-Назарова // Туркменская искра. 1934. 18 V.

Вопросительный знак стоит прямо в тексте в «Туркменской искре» и, вероятно, означает, что слово не поддалось расшифровке. По словарям слово «дири» в значении «забор» и ему подобных не прослеживается.

“Вторая проблема, — продолжил Таш-Назаров, — заключается в следующем: многие т.т. в том случае, если в туркменском языке нет какого-либо термина, занимаются, и часто очень неудачно, словотворчеством или считают необходимым взять термин обязательно из арабского языка. Причем делают это даже в том случае, когда есть вошедшие в употребление интернациональные слова. Например: демонстрация, пролетарий”¹⁷. Характерно здесь противопоставление “арабизмы — интернациональные слова”. И то и другое для туркменского писателя — заимствования, несмотря на это, выбор должен был делаться в пользу «интернациональных слов» как отражения передового языка эпохи. Интересно, что исконно туркменские “словотворчества” Таш-Назарова также не устраивают. Писатель, таким образом, лишался целой области, где он мог бы работать с языком в художественном плане.

Наконец, постулировалась установка на «обучение» у русской советской литературы:

[Н]ужно изучать русский язык, который многие наши писатели очень плохо знают. Советская литература по форме русская, а по содержанию — это интернациональная литература, на ней нужно учиться¹⁸.

Утверждение прочно увязано с предыдущим, так как источником «иностранных слов» выступает в первую очередь русский язык. Здесь можно проследить противоречие с тезисом Мурадова относительно «борьбы с ненужными русскими словами».

Проект по созданию новой литературы охватывал все национальные республики. По материалам экспедиций писательских бригад создавались литературно-художественные альманахи, где соседствовали произведения молодых национальных литераторов и авторов из центра. На фоне полемики вокруг языка Туркменская комиссия задалась целью создать несколько альманахов в сотрудничестве с местными авторами. Предполагались параллельные издания на русском

---

¹⁷ Там же.

¹⁸ Там же.

и туркменском языках, однако последние мною пока не выявлены. Единственным ученым, который подробно разрабатывал эту тему, пока остается К. Хольт¹⁹. Кроме того, Е. Рожнецва в контексте материалов к биографии А. П. Платонова и В. Козина, которые принимали участие в проектах Комиссии, осветила некоторые этапы ее деятельности²⁰. Промежуточными итогами работы членов Комиссии с 1932 по 1936 г. стали альманахи «Туркменистан весной» (1932), «Айдинг-Гюнлер» (1934) и «Туркмения» (1936).

В первый вошли только произведения писателей из центра, два других строились по следующему принципу: советские писатели о Туркмении, туркменские современные писатели в переводе на русский по подстрочнику. В третьем также добавили произведения туркменских классиков, опять-таки в переводе с подстрочника.

Таким образом, можно говорить о непосредственном восприятии туркменского языка и реалий советскими литераторами в работе над альманахом, восприятии через подстрочник и обратной тенденции: попытках туркменских писателей писать по-русски, сохраняя собственные литературные паттерны. Фактически речь идет о сосуществовании двух языков литературы, один из которых находится в стадии становления, так как прямой задачей было создание нового литературного туркменского.

Альманах «Айдинг-Гюнлер» содержал ряд произведений, тексты которых создавались по материалам поездки бригады писателей в Туркмению (для каждого из трех альманахов группа формировалась заново, однако ответственным редактором всегда оставался Г. А. Санников). Это издание было, по сути, первым опытом взаимодействия между туркменскими и русскими авторами. Как уже говорилось, по материалам стенограмм восстанавливается намерение делать параллельные издания юбилейного альманаха «Айдинг-Гюнлер»: туркменское и русское. Вышло ли туркменское, мне неизвестно. Интересно, что, несмотря на господствующую латинскую графику, название альманаха дано кириллицей, по-видимому, из соображений технической композиции издания.

Полностью на русском печатались и остальные альманахи Туркменской комиссии. Интересно, что в книге «Поэты советского

¹⁹ Holt 2013: 57–83; Holt [2013].

²⁰ Рожнецва 2009; Рожнецва 2018.

Туркменистана», вышедшей в начале 1934 г., фамилии туркменских авторов, переведенные на русский, сопровождалась элементом *оглы*, а в «Айдинг-Гюнлере» и последующих уже русифицированы: Клычев, Ниязов, Кекилов. Я предполагаю, что так проявился отголосок борьбы с «колониальностью» в литературе тех лет.

Писатели (если они владели русским языком) могли выступать в качестве посредника между собственным текстом и переводчиком. В этом ключе было бы полезно рассмотреть оригинальные тексты произведений, представленные в обнаруженной мною машинописи, по которой готовили переводы стихотворений для «туркменского сборника»²¹. В альманахах «Айдинг-Гюнлер» вошли лишь несколько стихотворений из этой подборки, в частности «На колхозном поле» А. Ниязова в переводе М.С. Петровых и «Пережитое» Д. Клычева в переводе Э. Левонтина. Остальные стихотворения, вошедшие в издание, по-видимому, изъяты из подборки переводчиком. Других примеров оригинальных туркменских текстов, включенных позднее в альманах, мне не удалось найти, вполне вероятно, что они не сохранились.

Перевод Петровых достаточно точный. Перевод Левонтина — не настолько. Например, там, где в оригинале речь шла о двух аксакалах, у переводчика остался один (получилось, что аксакал собирался жениться на героине, тогда как на самом деле речь шла о традициях сватовства). Вместо упоминаемых в тексте отца и матери остался только отец:

На сватовство явился аксакал,
Вот что тогда увидела я, братья.
Молчала я, отец согласие дал.
Вот что тогда увидела я, братья²².

Интереснее случай О. Таш-Назарова. В альманахе «Туркмения» вместе с Г. Веселковым он фигурирует как переводчик стихотворений Махтумкули «Горы» и «Кто не имеет ничего» (в более позднем переводе Г.А. Шенгели — «Если»). Как ясно из протоколов заседаний, сам Таш-Назаров неплохо говорил по-русски. При этом его поэма «Байрам-Али» в альманахе «Айдинг-Гюнлер» фигурирует как

²¹ РГАЛИ. Ф. 613. Оп. 1. Ед. хр. 5088.

²² Клычев Д. Пережитое // Айдинг-Гюнлер. [Б. м.], 1934. С. 165–166.

переводная (в протоколах заседаний упоминается бесконечная работа по завершению поэмы). Вероятнее всего, Таш-Назаров составлял подстрочник, а Веселков приводил стихотворение в порядок, но значимо, что автор подстрочника указан наравне с переводчиком, обычно так не делалось. Так туркменский автор начинал работать непосредственно в русском литературном поле, пусть и в области перевода.

Показателен пример рецензии на этот перевод, он дает представление о том, как принимало (или отторгало) возникавшие ситуации литературное поле. Было бы интересно рассмотреть, насколько «туркменскими по форме и содержанию» считал критик и сотрудник Института туркменоведения Р. Алиев такие переводы. Как и в случае с машинописью, обнаружение подобных оценочных текстов затруднено, в силу того что немногочисленные рецензии советских критиков не дают подробного разбора, ограничиваясь оценкой русского текста²³. Единственной известной нам рецензией на туркменском остается текст Алиева. Рецензию Р. Алиев направил в Союз писателей, но, по-видимому, ее не приняли к сведению, стихотворения перепечатаны в альманахе без каких-либо изменений. Автор рецензии критиковал перевод за отхождение от языка Махтумкули до полной неузнаваемости. Сам критик, который не был носителем туркменского (в сопроводительном письме Алиев указал, что был носителем «тюркского» языка, что соответствует наименованию в прессе тех лет узбекского или азербайджанского), утверждал, что печатался в газете «Зехмет», однако считал необходимым написать рецензию именно на туркменском (это, видимо, отчасти и послужило причиной того, что она не была принята к сведению Туркменской комиссией в Москве)²⁴. В жалобе в ТКССП на то, что его не печатают, Рухи Алиев утверждал, что ему плохо даются стихи на туркменском, и часто он вынужден прибегать к услугам переводчика или редактора, своего коллеги — «тов. Бурунова». Представляется, что этот случай показателен для языковой ситуации в Средней Азии после размежевания. Несмотря на все сложности, Алиев взялся за рецензию. Впрочем, ему должны были быть вполне понятны общетюркские корни, а под

²³ Бурцева 2020.

²⁴ Рецензия хранится в фонде Туркменской комиссии, куда, по всей видимости, была отправлена на рассмотрение вместе с письмом Алиева, который жалуется, что его новые стихи, написанные на туркменском языке, не печатают (РГАЛИ. Ф. 613. Оп. 6. Ед. хр. 56. Л. 28–38; текст рецензии: Л. 40–44).

скудными познаниями в туркменском языке может иметься в виду прежде всего грамматика.

В рецензии Алиев начал с дежурного заявления о национальной по форме и социалистической по содержанию литературе, а далее утверждал, что личная религиозность автора не означает, что нужно искажать его творчество²⁵. Алиев разобрал оба перевода. «Горы» он обозначает как религиозно-фаталистичное стихотворение, «Кто не имеет ничего» — как патриархально-дидактическое. Переводчиков он обвинил в том, что, стремясь сделать как лучше, они полностью исказили текст, убрав религиозную составляющую и лишили стихотворение его эсхатологического характера (в частности, исчезло имя пророка Нуха, искажены строки, прямо говорящие о конце света и т. п.).

Алиев взял оригинал, а рядом поставил туркменский подстрочник того, что написали Таш-Назаров и Веселков, то есть перевел русский текст обратно на туркменский. Тем самым Алиев попытался показать, что от оригинала ничего не осталось: «Махмуткули пишет о мироустройстве, о религиозном откровении. Он однозначно изображает творца мира, то есть бога»²⁶, а в переводе эти составляющие исчезли²⁷, и пришел к выводу, что авторы испортили стихотворение из лучших побуждений²⁸. Автор рецензии не видел большой беды в религиозности человека, жившего в XVIII в., считая, что лучше сохранить в тексте архаичные черты, чем исказить его звучание. Мотивация переводчиков понятна и объясняется социально-политической ситуацией, однако за осторожность они получили обвинение в неуважении к классике.

Во втором случае, по мнению Алиева, переводчики просто не владели материалом как культурно-историческим, так и языковым. Они не понимали, что написано в тексте, и на выходе получилась бессмыслица. Переводчики стремились сделать как лучше, но продукт их деятельности, по словам Алиева, ужасен.

В стихотворении «Кто не имеет ничего» фраза «Не знающий никакого ремесла свой зад не прикроет»²⁹ превратилась в «Безрукий

²⁵ РГАЛИ. Ф. 613. Оп. 6. Ед. хр. 56. Л. 40.

²⁶ Там же. Л. 41.

²⁷ Там же.

²⁸ Там же. Л. 44

²⁹ Там же. Л. 43.

не прикроет зад»³⁰, по мнению Алиева, совершенно исказив смысл текста, так как не была учтена фразеология Махтумкули. В другом случае, где речь идет о том, что у человека должна быть мечта, переводчики попросту не поняли текст: вместо «Не загорится огонь в груди без мечты/идеи/желания» получилось «Кто не был верен до конца, тот не достигнет ничего»³¹. По мнению Алиева, здесь совершенно исчез мотив надежды, который присутствует в оригинале. Критик выступил как переводчик-буквалист, призывая максимально следовать не только содержанию, но и форме оригинала в переводе: «Классические поэтические творения прошлых веков, подобные этим, требуют понимания идейных тонкостей, а также сохранения стиля и образности до конца, и как можно более точное повторение должно стать основной задачей»³². Дополняет картину то, что 17 сентября 1936 г. в газете «Литературный Ленинград» было напечатано его стихотворение «Комсомол, будь готов!» в переводе с туркменского О. Ф. Берггольц. Можно сделать вывод, что для Алиева не только как для критика, но и как для писателя важно было вмонтироваться в туркменскую советскую литературу именно на туркменском языке.

Русскоязычным авторам самим понадобилось разобраться в языке республики, о чем свидетельствуют рабочие записи писателей, которые специалистами-тюркологами не были, и в частности Санникова. Напомню, что Санников был ответственным редактором в издательском проекте туркменских альманахов, он фигурирует в одном из протоколов заседаний туркменской бригады как председатель³³. Можно сказать, что Санников был «лицом бригады», во всяком случае именно его записи дают представление о том, как туркменский язык воспринимался писателем, изначально не разбирающемся в нем. Что касается текстов из альманахов, Санников был единственным, кто последовательно включал туркменскую лексику в текст своих произведений. Судя по документам, он всерьез интересовался звучанием туркменского языка, записывал показавшиеся интересными слова и выражения, часто с искажениями. Санников подробно фиксировал свои впечатления от поездок, например:

---

³⁰ Там же.

³¹ Там же.

³² Там же. Л. 44.

³³ РГАЛИ. Ф. 631. Оп. 6. Ед. хр. 27. Л. 7.

6/iv Приехали в Мерв. Дождь, грязь.
 Поездка в колхозы: Азатлык-Ленин
 (Ленин[ская?] [С]вобода), Сталин, Большевик, и
 Кызыл-Октябрь³⁴
 <...>.
 Утреннее заседание доклад <...>
 Ташназарова (sic!) на туркм. языке.
 Доклад на 3 часа³⁵.

Приведу несколько примеров слов и выражений, которые Санников, возможно, планировал включить в собственные стихотворения о Туркмении.

«Айнак-очак — зеркало с бар<аньими> рог<ами>»³⁶. Ср. передачу этих же слов в первом большом «Туркменско-русском словаре» 1968 г. (издан в кириллической графике, что позволяет удачно соотнести словарные статьи с записями Санникова):

Айна <...> стекло <...> зеркало³⁷.
 Гочак <...> название орнамента в форме бараньих рогов³⁸.

«Пенде-гуль — роза»³⁹. На самом деле Пенде — топоним, обозначающий Пендинский оазис, где было развито ковровое производство, а гуль (в кириллическом варианте туркменской графики «гүл») — просто цветок, хотя именно роза была распространенным элементом коврового орнамента, видимо, в связи с увиденным ковром у Санникова и появляется эта запись.

«Салда — рога»⁴⁰. Ср. в «Туркменско-русском словаре»: «Шах <...> рога»⁴¹ («дан» — морфема исходного падежа).

«Бараг <...> дом»⁴². Здесь, по-видимому, Санников принял заимствованное через русский французское слово за туркменское.

³⁴ РГАЛИ. Ф. 3256. Оп. 1. Ед. хр. 117. Л. 7. Запись 1930 г., датировка восстанавливается по упоминанию смерти Маяковского.

³⁵ Там же. Ед. хр. 118. Л. 37. Запись от 8 мая 1934 г.

³⁶ Там же. Л. 2.

³⁷ Туркменско-русский словарь / Под общей ред. Н. А. Баскакова, Б. А. Каррыева, М. Я. Хамзаева. М.: Советская энциклопедия, 1968. С. 33

³⁸ Там же. С. 191.

³⁹ РГАЛИ. Ф. 3256. Оп. 1. Ед. хр. 117. Л. 2.

⁴⁰ Там же.

⁴¹ Туркменско-русский словарь. С. 754.

⁴² РГАЛИ. Ф. 3256. Оп. 1. Ед. хр. 117. Л. 2

«Хуржум — ковровая сумка»⁴³. Ср. в «Туркменско-русском словаре»: «Хоржун <...> переметная сума»⁴⁴.

Также Санников записывал туркменские поговорки, пытаясь передать их звуковой облик средствами кириллической графики. Часть поговорок он, по-видимому, записывал на слух, но, не владея языком, искажил звуковой и иногда грамматический образ слова (оглушение, пренебрежение долготами, путание сонорных звуков, ошибка в записи синтаксиса). Складывается впечатление, что, спорадически записывая эти пословицы, он пытался создать для себя представление в первую очередь о звучании туркменского языка. Однако в стихотворениях Санникова из альманаха «Айдинг-Гюнлер» этих слов почти нет, но есть другие, также иногда переданные с искажением.

В альманахе был напечатан цикл стихотворений «Пески и розы», один из текстов которого, как мне удалось выяснить, был опубликован еще в 1930 г. под заголовком «Баллада о туркменском ковре». Санников попытался инкорпорировать в русский текст туркменские слова, причем без каких-либо пояснений. Это касается описания ковровых красок и инструментов:

Кырмызы-бояк пунцовый,
Чоб-бояк и Сары-чоб
То песчаную основой,
То лучами, желтым, красным
Полыхнуть по ниткам разным
Даже взорам горячо.

<...>

Доклаа-дарах и сынды,
Аннауч, пичак бессменный,
Ничего кругом не видно
Из-за этих инструментов⁴⁵.

Ср. в «Туркменско-русском словаре»:

«Бояг <...> краска»⁴⁶.

«Гырмызы <...> красный»⁴⁷.

---

⁴³ Там же. Л. 3.

⁴⁴ Туркменско-русский словарь. С. 702.

⁴⁵ Санников Г. А. Пески и розы // Айдинг-Гюнлер. Б. м., 1934. С. 64.

⁴⁶ Туркменско-русский словарь / под общей ред. Н. А. Баскакова, Б. А. Каррыева, М. Я. Хамзаева. М.: Советская энциклопедия, 1968. С. 113.

⁴⁷ Там же. С. 234.

Орфография слов «Чоб-бояк» и «Сары-чоб» восстанавливается до «чѳбоя» и «сарычѳ», это названия растений марены красильной и дельфиниума соответственно, которые используются для получения ярко-красной и синей краски. Слову «доклаа-дарах», по-видимому, соответствуют «докма <...> ткацкий станок»⁴⁸ и «дарак <...> ковр. гребень (*служащий для уплотнения ворса на ковре*)»⁴⁹. Слово «сынды» (ножницы) передано без искажений. Под «аннаучем», видимо, подразумевается «эневуч <...> *специальный инструмент для ровной натяжки ковра в ширину*»⁵⁰. По всей видимости, слово «пичак» (пичак — нож) можно считать переданным без изменений.

Как уже было сказано, в альманахе все туркменские реалии даются без каких-либо пояснений. То же самое касается первой публикации баллады в журнале «Туркменоведение» (1930, № 8–9)⁵¹. В машинописи, хранящейся в РГАЛИ рядом с гранками для журнала «Красная Новь», тем не менее, есть немногочисленные комментарии, написанные от руки:

Бахши — народные туркменские певцы⁵².

Пенде-гюль — ковер с пендинской розой⁵³.

Сарыки — туркменское племя⁵⁴.

В гранках также поясняется слово «шистоцерка» («одни из видов саранчи»⁵⁵), не имеющее, впрочем, ничего общего с туркменским, и вновь слово «сарыки».

Складывается впечатление, что Санников использовал эти слова в том числе как заумь, попытку погрузить читателя в звучание туркменского языка. Как видно из черновых записей, Санников много работал над стихотворением, однако вышеуказанные места остаются нетронутыми.

Как кажется, можно говорить о тенденциях взаимного движения русско- и туркменоязычных авторов друг к другу. Однако позже,

⁴⁸ Там же. С. 276.

⁴⁹ Там же. С. 246.

⁵⁰ Там же. С. 788.

⁵¹ Гранки хранятся в РГАЛИ. Ф. 3256. Оп. 1. Ед. хр. 7. Л. 14–14 об., 23–23 об.

⁵² РГАЛИ. Ф. 3256. Оп. 1. Ед. хр. 32. Л. 1.

⁵³ Там же.

⁵⁴ Там же. Л. 2.

⁵⁵ Там же. Л. 5 об.

в 1952 г., Санников с сожалением отметил, что нет ни одного достаточно полного туркменского словаря, нет истории литературы, нет истории народа⁵⁶. Хотя новая туркменская литература открыла новых авторов, чьи произведения затем выходили отдельными изданиями и в сборниках, она так и не смогла выйти на общесоветский уровень. Противоречия как во внутренних туркменских делах (вопрос о языке), так и в области качества перевода не позволили литераторам в 1930-е гг. встроиться в литературное поле и приобрести достаточный авторитет. Можно, однако, говорить о том, что представление о туркменской классике советский читатель все же мог получить из переводов (так, позднее А. А. Тарковский опубликовал новые переводы из туркменской классики, которые значительно отличались от тех, что он сделал для третьего альманаха). Для советских писателей Туркмения оставалась, по Платонову, «страной иронии», литературные ресурсы оказались освоены лишь отчасти. Частный случай — деятельность Санникова показывает, что туркменский остался для русскоязычных писателей сферой заумы, источником ориентальных элементов, а русский для туркменских не стал средством литературного творчества (большинство произведений публиковалось в переводе, качество которого, впрочем, невозможно оценить с позиций современного читателя). Некоторые вещи из альманахов, в том числе баллада Санникова в 1950 г., перепечатывались в журнале «Совет адабияты» («Советская литература»). Как кажется, спустя почти 15 лет нового материала у писателей не нашлось и интерес к литературному освоению туркменских реалий постепенно угас. Во всяком случае, ответственный секретарь редакции Д. Халдурды попросил Санникова лишь написать краткую вступительную заметку, но не новое произведение⁵⁷.

Список сокращений

РГАЛИ — Российский государственный архив литературы и искусства, Москва

ССП — Союз советских писателей

ТКССП — Туркменская комиссия Союза советских писателей

ССПТ — Союз советских писателей Туркмении

⁵⁶ РГАЛИ. Ф. 3256. Оп. 1. Ед. хр. 100.

⁵⁷ Там же. Ед. хр. 412. Л. 34.

Литература

- Богомолова 2016 — *Богомолова А.* Понятие «мировая литература» в советской культуре 1930-х гг.: Первый съезд советских писателей // *Текстология и историко-литературный процесс* / под ред. А. О. Бурцевой, Ю. И. Красносельской, Л. А. Новицкас, А. Н. Першкиной, А. С. Федотова. М.: Буки-Веди, 2016. С. 146–155.
- Бурцева 2020 — *Бурцева А. О.* Познание «изнутри» и «снаружи»: литературная критика о туркменских альманахах 1930-х гг. // *Текстология и историко-литературный процесс* / под ред. А. О. Бурцевой, У. В. Кононовой, Е. А. Пастернак, С. Д. Халтурина. М.: Буки-Веди, 2020. С. 160–175.
- Максименков 2003 — *Максименков Л. В.* Очерки номенклатурной истории советской литературы (1932–1946). Сталин, Жданов, Щербаков и другие // *Вопросы литературы*. 2003. № 4. С. 241–297.
- Поцелуевский 1975 — *Поцелуевский А. П.* Избранные труды. Ашхабад: Ылым, 1975.
- Роженцева 2009 — *Роженцева Е.* Опыт документирования туркменских поездок А. П. Платонова // *Архив Андрея Платонова* / отв. ред. Корниенко Н. В. М.: ИМЛИ РАН, 2009. Кн. 1. С. 398–407.
- Роженцева 2018 — *Роженцева Е.* Туркмения в письмах и записных книжках А. Платонова и В. Козина // *Текстологический временник* / отв. ред. Корниенко Н. В. М.: ИМЛИ РАН, 2018. Кн. 3. С. 294–306.
- Bustanov 2015 — *Bustanov A. K.* Soviet Orientalism and the creation of Central Asian nations. London: Routledge, 2015.
- Edgar 2004 — *Edgar A. L.* Tribal nation: The making of Soviet Turkmenistan. Princeton: Princeton University Press, 2004.
- Holt 2013 — *Holt K.* Collective authorship and Platonov's Socialist realism // *Russian Literature*. 2013. Vol. 73. Is. 1–2. P. 57–83. DOI:10.1016/j.ruslit.2013.01.005.
- Holt [2013] — *Holt K.* The rise of insider iconography: visions of Soviet Turkmenia in Russian-language film and literature, 1921–1935. PhD Dissertation. Columbia University, [2013].

References

- Bogomolova, A., 2016. Poniatie "mirovaia literatura" v sovetskoi kul'ture 1930-kh gg.: Pervyi s'ezd sovetskikh pisatelei [The concept of world literature in Soviet culture of the 1930s: The First Congress of Soviet writers]. In: Burtseva, A. O., Krasnoselskaya, Yu. I., Novitskas, L. A., Pershkina, A. N., Fedotov, A. S., eds. *Tekstologiia i istoriko-literaturnyi protsess* [Textual criticism and historical literary process]. Moscow: Buki-Vedi, pp. 146–155.

- Burtseva, A.O., 2020. Poznanie “iznutri” i “snaruzhi”: literaturnaia kritika o turkmenskikh al'manakhakh 1930-kh godov [“Inside” and “Outside” knowledge: Turkmen almanacs of the 1930s in critical reviews]. In: Burtseva, A.O., Kononova, U.V., Pasternak, E.A., Khalturin, S.D., eds. *Tekstologiya i istoriko-literaturnyi protsess* [Textual criticism and historical literary process]. Moscow: Buki-Vedi, pp. 160–175.
- Bustanov, A. K., 2015. *Soviet Orientalism and the Creation of Central Asian nations*. London: Routledge.
- Edgar, A. L., 2004. *Tribal nation: The making of Soviet Turkmenistan*. Princeton: Princeton University Press.
- Holt, K., 2013. Collective authorship and Platonov’s Socialist realism. *Russian Literature*, 73, 1–2, pp. 57–83. DOI:10.1016/j.ruslit.2013.01.005.
- Holt, K., [2013] *The rise of insider iconography: visions of Soviet Turkmenia in Russian-Language film and literature, 1921–1935*. PhD Dissertation. Columbia University.
- Maksimov, L. V., 2003. Ocherki nomenklaturnoi istorii sovetskoii literatury. 1932–1946. Stalin, Zhdanov, Shcherbakov i drugie [Essays on the nomenclature history of Soviet literature. 1932–1946. Stalin, Zhdanov, Shcherbakov and others]. *Voprosy literatury*, 4, pp. 241–297.
- Potseluevsky, A. P., 1975. *Izbrannye trudy* [Selected works]. Ashkhabad, Ylym.
- Rozhentseva, E., 2009. Opyt dokumentirovaniia turkmenskikh poezdok A. P. Platonova [An attempt on investigation of A. P. Platonov’s Turkmenian trips]. In: Kornienko, N. V., ed. *Arkhiv Andreia Platonova. Kniga 1* [Andrey Platonov’s archive. Book 1]. Moscow: IMLI RAN, pp. 398–407.
- Rozhentseva, E., 2018. Turkmeniia v pis'makh i zapisnykh knizhках A. Platonova i V. Kozina [Turkmenia in A. Platonov’s and V. Kozin’s letters and notebooks]. In: Kornienko, N. V., ed., *Tekstologicheskii vremennik. Kniga 3* [Textual chronicle. Book 3]. Moscow: IMLI RAN, pp. 294–306.

Alla O. Burtseva

Independent scholar, Moscow, Russia.
E-mail: nilpferdin@yandex.ru

Soviet Turkmenia through the eyes of the Soviet writer: language and translation

The Soviet project of national literature was strongly motivated by the government in the 1930s. The government was not the only client, as regional literary circles were also interested (Turkmen in particular). The question about the language of literature was actively discussed in the Turkmen press, in particular, the new language, new literature, translation, and the work of Soviet writers on Turkmen themes. The author uses the press, critical review, and a poem by G. A. Sannikov as particular examples of this topic. The poem was published in the almanac *Ajding-Gjunler* which was created for the 10th anniversary of Turkmenistan as a Soviet republic by the writers' "brigade", which had to create poems, short stories, and sketches about "new Turkmenia". I consider the press publications controversial in the matter of the "cleanness" of new Turkmen as well as the loanwords used. The review by R. Aliev strongly criticises the translations from the classic Turkmen literature. In his opinion, the translators do not understand the sound and the nuances of the language used in national poetry. Sannikov uses Turkmen words as a means to make the reader feel the sound and the shape of them, but does not explain the meaning, which leads to the conclusion that this was an attempt to construct *zaum* (more or less). We conclude that the movement of Russian and Turkmen language of fiction towards each other stalled and was substituted by mass translation owing to the background of the discussion about "cleanness", negatively reviewed translations, and the specific usage of Turkmen elements in soviet poetry. We suggest that the project of language exchange was not successful.

Keywords: Turkmen poetry, Soviet poetry, language discussion, G. A. Sannikov

Лариса Петровна Черникова

Кандидат исторических наук, старший научный сотрудник,
Институт востоковедения РАН, Москва, Россия. 107031,
ул. Рождественка, 12. E-mail: info@ivran.ru

Взгляд на Китай и формирование доктрины отношений: отличительные черты имперской и советской культурной политики взаимодействия

При изучении российско-китайских отношений многие аспекты истории освещаются сквозь призму государственных интересов. Статья повествует о том, как знания о Китае и практическое востоковедение становились важными корректирующими элементами внешней политики Российской империи и позднее — советской России—СССР. Здесь большую роль играли люди с профессиональным востоковедным образованием, но таких во все времена было мало; поэтому часть информационного ресурса занимали также свидетельства публицистов, ученых, путешественников, чьи имена достаточно известны, а некоторые имена и достижения малоизвестных людей мы открываем для себя заново. Можно сказать, что основные сведения о цинском Китае (второй половины XIX — начала XX в.) попадали в российскую печать благодаря писателям и журналистам. Из наиболее популярных можно вспомнить путевые очерки И. А. Гончарова «Фрегат “Паллада”», романы писателя Новикова-Прибоя, рассказы путешественника М. Щербакова и многие другие. За период с рубежа XIX—XX вв. до рубежа XX—XXI вв. накоплена гигантская литература по истории русско-китайских отношений разных исторических эпох, в которые включены мемуары, отчеты, донесения дипломатов и референтов, впечатления путешественников и огромное число статей журналистов и репортеров по Китаю. В свою очередь, все эти сведения требовали обобщения, отбора и анализа специалистов-ученых, которые начали создавать работы со второй половины XIX в. и вплоть до наших дней. Эти люди в разные периоды своей жизни и деятельности открывали для себя восточные страны и щедро делились знаниями с соотечественниками. Материалы для статьи включают архивные исследования, русскую периодику в Китае, опубликованные труды ученых-востоковедов, путевые заметки и мемуарную литературу.

Ключевые слова: штатные и нештатные дипломаты России—СССР, имперская и советская доктрины внешней политики

Источниками для этой статьи послужили документы по истории русско-китайских отношений, содержащиеся в фондах двух архивов внешней политики — АВП РИ и АВП РФ. Здесь хранятся документы по становлению дипслужбы Российской империи в Китае, установлению посольства и консульств в различных приграничных регионах страны. Фонды ГА РФ также содержат некоторые материалы по дипломатическому присутствию России в Китае. Наиболее часто просматриваемый фонд — «Дипломатическая переписка вице-консульства в Цуруге с консульствами в Японии и русскими. 09.09.1919–20.03.1920». Несмотря на явно «японскую» тематику, материалы тесно связаны с миграцией русского населения на восток через Китай, Японию в США и другие страны (трудовая миграция), позднее — в связи с революционным движением студентов, в связи с начавшейся Первой мировой войной — с репатриацией, и уже в 1920 г. — в связи с бегством из России людей, боящихся революционных и гражданских потрясений, с одной стороны, и репатриантов-предпринимателей, желающих во что бы то ни стало вернуться на родину по этим же причинам¹.

При написании статьи я опиралась на исследования отечественных востоковедов. Прежде всего, это труды академика В. С. Мясникова²; работы В. М. Крюкова, написанные в соавторстве с сыном³; сочинения А. А. Сизовой⁴; известнейшего востоковеда А. Н. Хохлова⁵, В. Д. Дацышена⁶ и многих других. Очень полезной стала книга Б. Н. Григорьева «Повседневная жизнь царских дипломатов

¹ ГА РФ. Ф. Р3792. Оп. 1. Д. 12.

² Мясников Владимир Степанович (1931 г.р.) — востоковед, китаевед, доктор исторических наук (1978), профессор (1982), академик РАН (1997), специалист по истории российско-китайских отношений, истории внешней политики, исторической биографии. Заместитель председателя Общества российско-китайской дружбы. См. о нем: Российское китаеведение — устная история. Сборник интервью с ведущими российскими китаеведами XX–XXI вв. / под ред. В. Ц. Головачёва. М.: ИВ РАН, 2014. Т. I. С. 322–349. Труды: Демидова, Мясников 1966.

³ Крюков В. М., Крюков М. В. 2015; Крюков В. М., Крюков М. В. 2017. См. также документальную повесть: М.[В.] Крюков. Улица Мольера, 29: Секретная миссия полковника Попова. М.: Памятники ист. мысли, 2000.

⁴ Сизова 2015.

⁵ Хохлов 1998; Хохлов 2002a; Хохлов 2002b; Хохлов 2007a; Хохлов 2007b; Хохлов 2012.

⁶ Дацышен 2004; Дацышен 2010; Дацышен 2012b; Дацышен 2014; Дацышен 2015. Дацышен 2016.

в XIX веке»⁷. Она погружает читателя в тайны профессии, повседневность консульств, миссий и посольств, с помощью богатого материала читатель может «побывать» на дипломатических приемах и переговорах, прикоснуться к повседневной жизни чиновников. С точки зрения темы статьи, книга помогает лучше понять суть мировой закулисной игры, разворачивавшейся на Дальнем Востоке с начала XX в., особенности быстро меняющейся ситуации.

Важным источником о положении иностранцев в Китае от окончания опиумных войн и вплоть до 1930-х гг. стало издание Общества русских ориенталистов «Вестник Азии». Здесь представлены не только исторические очерки, но и аналитика по экономике, правовым вопросам, истории взаимоотношений с официальными китайскими властями. В одном из номеров содержится обширный «Исторический очерк договорных отношений» Китая со всеми странами, имевшими и даже не имевшими там представительства. Не обойдено здесь вниманием и так называемое русское присутствие в Китае⁸.

История отношений между Россией и Китаем насчитывает 400 лет. В статье я ограничусь лишь упоминанием некоторых имен выдающихся дипломатов, оказавших влияние на основные достижения по демаркации границ, заключению договоров, регулирующих торгово-экономические отношения, добывавшихся территориальных уступок и концессионных соглашений. В помощь современному исследователю служит книга А. О. Буксгевдена⁹ «Русский Китай: Очерки дипломатических сношений России с Китаем», где повествуется о подписании основных договорных документов между Россией с Китаем с 1858 г. до конца XIX в.

Знания о стране и ее политическом, экономическом и культурном развитии необходимы для дипломатов. В полной мере это относится ко всем периодам российско-китайских отношений. И здесь важны были свидетельства и профессионалов, и дилетантов, нетривиально

⁷ Григорьев 2010.

⁸ См.: Вестник Азии: Журнал Общества русских ориенталистов = Journal of the Russian Orientalists' Society. Харбин, 1909–1928. № 1–55. Ср.: Дяо. Положение иностранцев в Китае // Вестник Азии. Харбин: Типография КВЖД, 1918. № 46.

⁹ Буксгевден (Vухhoeveden) Алексей Оттович (1871–1902) — барон, мичман (1890), лейтенант (1896), младший флаг-офицер штаба начальника эскадры Тихого океана (1901). Умер в Китае от холеры. См.: Буксгевден А. О. Русский Китай: Очерки дипломат. сношений России с Китаем. Порт-Артур: Издание книжного склада «Новый край», 1902.

смотрящих на страну и ее обитателей. Так, например, начиная с дороги и первых впечатлений о стране, дипломаты приступали к исполнению своих обязанностей, о чем писали в путевых заметках и даже газетных статьях. В книге Б. Н. Григорьева есть эссе о быте русских дипломатов, направленных на службу в Китай. Так, например, военный агент Путята основным своим занятием считал сбор древностей, путешествия по стране и изучение китайских обычаев. Его сменил подполковник К. И. Вогак, «внесший солидный вклад в последующие события, связанные с вторжением русского империализма в Китай. По происхождению швед, Вогак одновременно был военным агентом и в Японии, а потому постоянной его резиденцией был Шанхай. В Пекине он появлялся лишь изредка». Вогак был популярен среди иностранцев, вел широкий образ жизни и в политических вопросах проводил свою особенную линию, часто не совпадавшую с точкой зрения посланника¹⁰.

Временный поверенный в делах Клейменов тоже принадлежал к тем людям, которые к своим обязанностям относились с удивительной простотой. Не успел вновь прибывший Я. И. Коростовец освоиться с обстановкой, как Клейменов собрался в Шанхай встречать цесаревича Николая Александровича, находившегося на пути в Японию:

Он вручил молодому дипломату ключи от кассы, чековую книжку для выдачи жалованья сотрудникам миссии и сказал на прощание обычные в таких случаях слова: давай, мол, управляй хозяйством. На вопросительное выражение Коростовца Клейменов ответил, что по всем внутренним делам следует обращаться за советом к драгоману Попову, а по международным делам — к дуайену дипкорпуса германскому послу фон Брандту. На вопрос, как поступать, если немец даст плохой совет, Клейменов заверил, что такого быть не может, потому что немец «прекрасно знает, что нам нужно и важно»¹¹.

Как видим, русские дипломаты прекрасно ладили и доверялись иностранным коллегам в связи с общим колониальным «фронтом» объединенных сил в Китае. Постепенно, с вхождением в страноведение и повседневную жизнь, отношение к китайским сановникам и местному населению менялось, однако это произошло не сразу.

¹⁰ Григорьев 2010: 142.

¹¹ Григорьев 2010: 142.

Об Артуре Павловиче Кассини (1835–1919) Григорьев писал, что тот стал «первым иностранным послом в Китае, который вручил свои верительные грамоты непосредственно самому богдыхану. До этого они на довольно будничной церемонии передавались второстепенным китайским чиновникам». И хотя главы дипломатических миссий пытались убедить китайцев, что это не соответствует международному праву, те весьма упорно сопротивлялись. «Для церемонии представления послов был выбран т. н. Вассальный зал, в котором китайский император имел обыкновение принимать губернаторов и прочих чиновников Поднебесной. Это было унижительно для послов и посланников, но на этом пункте китайцы стояли насмерть»¹².

Весьма интересны взаимоотношения русских дипломатов с иностранными дипломатами в Китае, о чем, например, написал в воспоминаниях Ю. Я. Соловьев (приводится в изложении Григорьева):

Ближайшим другом [русского посланника] Кассини в дипкорпусе и навсегда миссии стал французский посланник Жерар. <...> Отношения между русской и французской миссией были чрезвычайно тесными, и дипломаты шутили, что в национальные праздники следовало проводить совместные богослужения русского архимандрита Амфилохия и французского католического епископа Фавье. Если французы в Пекине считались для русских «братьями», то голландцы и бельгийцы — «племянниками». <...> Английская миссия образовывала в Пекине некий антипод. Английская колония группировалась вокруг своего Пекинского клуба. <...> Английская миссия ревниво относилась к успехам российской дипломатии в Китае и находилась с русской миссией в самых неприязненных отношениях. <...> Англичане с присущей им ехидностью постоянно тонко третировали русских. Граф Кассини был, к примеру, чрезвычайно рассержен тем, что Макдональд не поздравил его с коронацией Николая II, а выразил лишь соболезнование в связи с Ходынской трагедией¹³.

И все-таки после трех лет пребывания в стране Соловьев попросился домой. Он полагал, что если задержится еще на некоторое время в Китае, то «его в Министерстве иностранных дел сочтут за знатока этой страны», а продление китайской командировки

¹² Григорьев 2010: 143.

¹³ Григорьев 2010: 148.

на неопределенное время в его планы не входило. Дипломату хотелось познакомиться и с другими странами¹⁴.

Эти заметки о Китае как нельзя более честно передают достаточно авантюристский характер отношений между Российской империей и Китаем рубежа XIX–XX вв. Лишь в начале XX в. Россия по-настоящему стала осознавать, насколько важным и нужным в скором будущем будет это дальневосточное направление ее внешней политики. Дипломаты и переводчики описывали в мемуарах и воспоминаниях свои представления о стране, ее политике и нравах. Церемониал аудиенций, китайский особый этикет, субординация среди чиновничества, внешние признаки китайской «табели о рангах» — по расцветке халатов, по шарикам на шапочках, по высоте подошвы башмаков и туфель. Определяли статус китайского чиновника по разным признакам, в том числе — по количеству слуг, обслуживающего персонала чиновника, его кортежа, убранства повозки или паланкина. Благодаря высоко развитому церемониалу в Китае наши дипломаты рано поняли, что такое дипломатические привилегии и неприкосновенность в этой древней восточной стране.

Среди основных сфер российско-китайских отношений следует особо выделить три: политическую, военно-техническую и экономическую. На протяжении четырех веков российско-китайского взаимодействия отношения между двумя народами испытывали волны интереса, любопытства, изучения, восхищения, разочарования, неприятия, непонимания. Лишь немногие из россиян и китайцев изучали языки друг друга, единицы понимали многопластность китайской культуры. В большинстве случаев россияне не вникали в реалии местной жизни, слишком были заняты борьбой за выживание на основе традиционной русской культуры, стремясь в основах и ценностях этой культуры найти опору для своего существования. Здесь немалую роль сыграли представители русского духовенства, священники, которые несли бремя беженства в инокультурном и инодуховном Китае. Китайцы также были заняты собой: боролись за отмену экстерриториальности, вели внутреннюю гражданскую войну, преодолевали разобщенность, бедность, низкую бытовую культуру, учились жить бок о бок с западной цивилизацией, осознавали необходимость изучения западной культуры и языков.

---

¹⁴ Григорьев 2010: 151.

Позволю себе пространно процитировать статью из газеты «Харбинский вестник», опубликованную в 1907 г. и подписанную псевдонимом «Козьма Прутков». В ней корреспондент задавался вполне уместным вопросом, почему россияне не считают нужным знать китайский язык и интересоваться китайской культурой:

О китайцах <...> мы знаем только то, что они живут в фанзах, спят на канах¹⁵ и носят косу¹⁶. <...> То, что составляет душу народа, в чем выражается его национальный гений, его мысль, вся его жизнь, — язык китайцев мы не знаем совсем. Прожив по несколько лет в Китае, мы из всего китайского языка усваиваем несколько исковерканных слов и наш китайский лексический запас сводится к умению крикнуть “цуба, ходя”, “шанго”, “пухо”¹⁷ и тому подобному. Между тем, как много мы, живущие в Китае, выиграли бы, сколько нового интереса мы получили бы от жизни здесь, как сильно и много выиграло бы здесь русское дело вообще, если бы мы знали хоть немного китайский язык. Англичане, французы, американцы, немцы и прочие колонизаторы восточного Китая отлично это понимают, и у них почти все живущие подолгу в Китае говорят по-китайски совершенно свободно¹⁸.

Журналист поддразнивал читателя:

“Так что же? — спросит читатель, — вы хотите, кажется, господин фельетонист, заставить нас для усиления интереса к жизни и для душевной бодрости начать ‘штудировать’ китайский язык?”. И да,

---

¹⁵ Фанза (*кит.*) — жилище; Кан (*кит.* трад. 炕, пиньинь: kàng; маньч.: nahān) — лезжанка.

¹⁶ Бянь-фа (*кит.* 辮髮 «косички») — традиционная мужская прическа кочевых народов Великой евразийской степи, в XIX в. в странах Запада и России ошибочно принимаемая за китайскую традицию. Представляла собой чуб или косичку, которая заплеталась на затылке, макушке или висках. См.: Непомнин 2005.

¹⁷ Искаженное кит. 走吧 Zǒu ba (пойдем(те), пошел вон), ходя (компаньон, обращение к китайцу), шанго = хорошо, пухо = плохо и т.д. / Следует отметить, что китайцы считают, что слово «шанго» восходит к русскому разговорному наречию «хорошенько» (ср. хорошо), причем после преобразования и обработки китайцами вторая часть «шенько» получило значение «очень», поэтому появилось выражение «玛达姆上高哈拉少» («Мадам очень хорошая»). Российские ученые считают, что слово «шанго» происходит от китайского слова «genghao», поэтому в словаре русского языка сообщается: «Шанго — хорошо, от китайского genghao — очень хорошо». Этимологию этого слова очень трудно выяснить. См.: Ма На 2015.

¹⁸ «Взгляд и нечто» (Кузьма Прутков) // Харбинский вестник. 1907. 17 I. №935. С. 2–3.

и нет! <...> Разве мы не можем из изучения китайского языка сделать веселый спорт, забаву, увлечение? Разве мы не можем самое изучение не облакать ни в какие однообразные сухие формы, не создавать для этого никаких курсов, никаких лекций, а сделать предметом собственного удовольствия в таком размере, в каком каждый сам это пожелает. Будем учиться китайскому языку от наших боев (слуг. — Л. Ч.), от торговцев, от знакомых китайцев, друг от друга. <...> А цель эта будет одна-единственная: знакомство с китайским языком такими способами, какие каждый сам для себя найдет более удобными, и в таком размере, какой кому под силу, и по желанию¹⁹.

Далее репортер предлагал устройство обществ по принципу хо-рошего знания китайского языка, куда можно будет вступать по собственному желанию (нечто вроде игры «Что? Где? Когда?» на китаеведческие темы).

Что же касается профессиональных востоковедов, или даже тех, кто из практики почерпнул сведения о китайской цивилизации и культуре, — то они обнаружили в Китае те горизонты, те вещи, о существовании которых они не помышляли до близкого знакомства с этой восточной страной. Русскими учеными и энтузиастами-любителями было написано немало работ, не потерявших своей актуальности и сейчас. Работы востоковедов-эмигрантов не попадали в СССР, и потому были утрачены в эмиграции, тем более в условиях двух мировых, российской гражданской и двух гражданских войн в Китае (1915–1927 и 1945–1949 гг.).

Среди таких ученых-энтузиастов можно назвать двух археологов, русских профессионалов, стоявших у истоков современной археологии Китая, — В. Я. Толмачёва и В. В. Поносова. Именно благодаря им сложилась своеобразная харбинская археолого-этнографическая школа.

Владимир Яковлевич Толмачёв (1876–1914) в России известен, прежде всего, как один из первых уральских археологов. В 1900 г. он был принят сразу на второй курс Археологического института, в 1904 г. оказался в действующей армии во время русско-японской войны. Два года боевых действий в Маньчжурии стали не только испытанием, но и первым опытом знакомства с Китаем. Толмачёву удалось собрать небольшую коллекцию древностей (часть хранится в Свердловском краеведческом музее). Вторую половину своей

---

¹⁹ Там же.

жизни Толмачёв провел в Маньчжурии, оказавшись там как офицер царской армии после гражданской войны в Харбине (1922), служил в Правлении КВЖД. Более 13 лет прожил в Северной Маньчжурии; специальное археологическое образование, большой опыт самостоятельной научной работы и полевых археологических исследований дали ему основание приступить к серьезным научным занятиям по исследованию территории, по которой проходила железная дорога. Среди заслуг Владимира Яковлевича следует отметить: открытие первых достоверных сведений по палеолиту Маньчжурии, изучение памятников неолитической культуры в окрестностях г. Хайлар, постановка вопроса о вхождении территории Северо-Восточного Китая в сферу влияния скифо-сибирского культурного мира, изучение одной из столиц чжурчженей в Байчэне. В середине 1930-х гг. Толмачёв переехал в Шанхай. В 1942 г. они с супругой получили советское гражданство и разрешение возвратиться на Родину. По дороге домой Толмачёв умер и был похоронен в Китае.

Владимир Васильевич Поносов (1899–1975) тоже имел опыт археологических исследований, полученный еще до эмиграции. Поступил на экономический факультет Коммерческого института в Киеве; сделал первое археологическое открытие, обнаружив энеолитическую стоянку в своем имении. Дальнейшие исследования вел в предгорьях Южного Урала. С 1922 г. Поносов жил в Харбине, став активным членом Общества изучения Маньчжурского края (ОИМК). После закрытия ОИМК в 1928 г. стал учредителем и членом президиума Клуба естествознания и географии. С 1929 по 1945 г. он руководил Национальной организацией исследователей-пржевальцев. С 1932 г. Владимир Васильевич заведовал отделом этнологии музея. Составил карточный каталог памятников археологии и истории Северной Маньчжурии с планами и кратким описанием, привел в порядок коллекцию предметов ламаистского культа, пополнял коллекции музея своими собственными археологическими находками.

Под его руководством велись раскопки древних городищ в Байчэне и Дунцичэне; открыл ряд памятников эпохи неолита и палеометалла на оз. Цзиньбоху. В середине 1930-х гг. им были проведены исследования в районе Барги и Сунгари. В первой половине 1940-х гг. он первым из исследователей археологии Маньчжурии обнаружил памятники культуры эпохи бронзы, которые известны теперь как культура байцзиньбао. Особого внимания заслуживают собранные

им материалы по этнографии солонов и даур. После 1949 г. Поносов остался в Харбине, в 1957 г. его пригласили во вновь созданный Музей провинции Хэйлуцзян для приведения коллекций в порядок и передачи опыта китайским сотрудникам. Было проведено несколько полевых исследований, во время которых Поносов консультировал китайских археологов по ведению археологических разведок и раскопок. В.В. Поносов написал специальную работу по истории археологического изучения Северной Маньчжурии, где обобщил опыт русских исследований (опубликована в Харбине на китайском языке). Поносов покинул Китай в 1961 г. и переехал в Австралию.

В период с 1917 г. и до середины 1950-х гг. в Китае оказались тысячи и сотни тысяч русских людей — «совершенно разных по общественному положению, занятиям, партийной принадлежности, образованию и традициям. Перед эмигрантами стоял комплекс проблем: социальная и культурная адаптация, определение экономического, политического и правового положения, крушение многих иллюзий и последующая эволюция мировоззрения»²⁰.

Современная Китайская исследовательница Ли Мэн изложила точку зрения китайских исследователей на иностранное присутствие:

Россияне приехали в Северо-Восточный Китай вовсе не как друзья и вовсе не в интересах двух соседних народов <...> живя много лет в одном городе и, не зная языка друг друга, россияне и китайцы не имели возможности взаимно обогатиться в культурном отношении и оставались совершенно чужими²¹.

Далее она пояснила свои слова:

Презрительное отношение россиян к китайцам в Северо-Восточном Китае существовало и до, и после первой волны эмиграции. Так, Юстина Крузенштерн еще маленькой девочкой стала считать, что все китайцы «существуют для того, чтобы сделать нашу жизнь более удобной <...> китайцу можно было сказать «цуба» (пошел вон), а русскому нельзя». А Николай Байков, описывая трудные условия раннего периода постройки КВЖД, пишет так: «Во время дождей <...> чтобы перебраться через море грязи, европейцы часто прибегали к услугам китайцев, изображавших из себя верховых животных». Русская поэтесса-эмигрантка Елизавета Рачинская <...> так

²⁰ Ткаченко 2006.

²¹ Ли Мэн 1999: 98.

описывает китайцев: “Все эти Чжаны, Суны и Ли подавали нам чай в наших по-европейски отделанных и обставленных конторах; всегда успевали вовремя поднести зажженную спичку к сигарете, небрежно вынутой из дорогого портсигара выхоленной рукой хозяина; они никогда не опаздывали доставить нам прямо на квартиру, к утреннему завтраку, в больших корзинах, свежий, еще теплый хлеб, укутанный белоснежными полотенцами; за гроши приносили на плечиках идеально выутюженные и подкрахмаленные летние платья и костюмы. <...> Они были лучшей на свете прислугой”. А Василий Ушанов, сын станционного смотрителя на КВЖД, который родился и вырос в Северо-Восточном Китае, уехал в США в 1922 г. и получил высшее образование на Западе, много лет спустя все еще четко отвечал “да” на вопрос “были ли там [в Китае] классовые различия, ощущение того, что русские выше китайцев?” По его мнению, “китайцы были лишь работниками, вот и все”²².

Одним из выдающихся переводчиков и преподавателей китайского языка был ученый-лингвист Г.А. Софоклов, работавший в русско-китайской школе в Ханькоу. В январе 1909 г. посланник в Китае И.Я. Коростовец сообщал министру иностранных дел России А.П. Извольскому о том, что «из открытых ранее русско-китайских школ» наиболее обширна и успешнее всех функционирует школа коммерческих знаний в Ханькоу. Это объяснялось многочисленностью «русского торгового элемента», который нуждался в практическом применении русского языка. Китайцы, проживавшие в Ханькоу и Учане, охотно посещали русско-китайскую школу. «Так, — писал Коростовец, — при ее открытии записалось 300 человек, а в нынешнем году 408 человек». Из-за отсутствия вакансий «оказалось возможным принять лишь 30 человек после двукратного конкурсного экзамена»²³.

Журнал «Вестник Азии» в 1910 г. сообщил об интересном опыте Г.А. Софоклова: под его руководством «учениками школы сделаны извлечения из китайских газет, касающиеся географии, экономического и общественного быта провинции Хубэй». В 1909–1911 гг. под руководством Г.А. Софоклова в Ханькоу выходил политико-экономический журнал «Долина Янцзы»²⁴. Эти усилия русского ученого принесли плоды: в Ханькоу постепенно рос контингент русских лю-

²² Ли Мэн 1999.

²³ ГА ИО. Ф. 25. Оп. 11. Д. 12. Л. 62. Цит. по: Дацьшен 2012б.

²⁴ Дацьшен 2012б.

дей, прекрасно разбирающихся в местных особенностях китайского чайного бизнеса, с другой стороны — настоящую «инострannую школу» проходили китайские переводчики и бизнесмены, «включенные» в русскую культуру и русский язык.

Можно утверждать, что и с приходом советского консульского корпуса в 1924 г. ситуация с имперским отношением к местному населению мало менялась, потребовалось несколько лет на новое осмысление русско-китайских связей. Картина истории и деятельности восточной страны, созданная имперским корпусом дипломатов России, русским населением в Китае первой четверти XX в., имела сугубо имперскую окраску. Россия и ее граждане рассматривали Китай, с одной стороны, как страну древней истории, с другой — считали государство Цинов отсталой в культурном и экономико-техническом отношении феодальной страной, не отвечающей требованиям времени, с архаическими традициями и обычаями, с варварскими законами, феодальной практикой исполнения законов и отсталыми порядками в быту. Развитие тормозили, прежде всего, коррупция и взяточничество. Сопровождалось все это средневековым бытом и родовыми общественными отношениями, пережитками в организации производства, даже в организации новых производств и т.д. Изучая эту страну, необходимо было знание языков (как китайского, так и европейских языков ввиду нахождения в стране иностранного дипломатического корпуса).

Советская страна с самого начала стремилась установить отношения на принципах равноправия и интернационализма. Были провозглашены лозунги «Мир без аннексий и контрибуций», которые на деле должны были означать возврат бывших концессий (в том числе КВЖД), возврат всех спорных территорий (по логике скоро наступающей мировой революции). Так, консул в Харбине писал в центр:

Защита русских интересов и беженцев и до настоящего времени находится в руках старых российских консулов, официально числящихся помощниками комиссара по русским делам. Живут и работают они в старых питерских зданиях, над которыми развеваются русские национальные флаги²⁵.

Правда, в ходе Гражданской войны в Советской России, во время экономической разрухи — вопрос о передаче КВЖД китайцам был

²⁵ ГА РФ. Ф. 5826. Оп. 1. Д. 161. Л. 234–240.

пересмотрен. Дорога давала средства, перевозила грузы. Более того, советская внешняя политика начала разрабатывать и претворять в жизнь тезисы о возврате в социалистическую собственность всех учреждений и сооружений, которые были созданы российской стороной на территориях восточных стран, в том числе Китая. Поэтому вплоть до конфликта 1929 г. новые советские дипломаты пытались претворить в жизнь «принципы новой советской дипломатии» — принципы равноправия и интернационализма (в Китай в диппредставительства шли ноты из Москвы в 1924–1926 гг. с требованиями: «Вы неправильно понимаете нашу политику, у вас имперское отношение к китайцам!»)²⁶. После так называемого переворота Чан Кайши 1927 г. и конфликта 1929 г. таких замечаний не замечено. Риторика советской дипломатии постепенно менялась и приобретала логику «советского имперского проекта»²⁷.

Таким образом, за время смены политического курса с имперского на советский «и обратно» прошло не более 3–5 лет, и при всех благоприятных для Китая намерениях Советской России–СССР ее политическая линия вновь постепенно корректировалась в сторону защиты собственных интересов и советского населения в Китае. Новый контингент советских дипломатов, путешественников, журналистов и ученых, пользуясь накопленными предшественниками знаниями, выработали собственный курс взаимоотношений с восточной страной, руководствуясь новыми политическими принципами и целями внешней политики. Ни один период развития русско-китайских и советско-китайских отношений нельзя отбросить как никчемный, назвать его «лишним» или вредным для развития взаимоотношений наших стран. Опыт изучения, наблюдения, сбора информации и обобщения данных о восточном соседе, на наш взгляд, до сего дня имеет значение, и наследие это обширно и актуально для знатоков и почитателей истории Китая и китайской цивилизации.

Список сокращений

АВП РИ — Архив внешней политики Российской империи, Москва
АВП РФ — Архив внешней политики Российской Федерации, Москва
ГА ИО — Государственный архив Иркутской области, Иркутск

²⁶ АВП РФ. Ф. 100, Ф. 0100. Референтура по Китаю. 1922–1935 гг.

²⁷ АВП РФ. Ф. 01006. Оп. 6. Пап. 112. Д. 2. Л. 3, 38–39.

ГА РФ — Государственный архив Российской Федерации, Москва
КВЖД — Китайская военная железная дорога
РГА ВМФ — Российский государственный архив Военно-морского флота,
Санкт-Петербург

Литература

- Григорьев 2010 — *Григорьев Б.Н.* Повседневная жизнь царских дипломатов в XIX веке. М.: Молодая гвардия, 2010.
- Дацышен 2004 — *Дацышен В.Г.* История русско-китайских отношений 1618–1917 гг.: Учеб. пособие. Красноярск: Изд-во Красноярского гос. педагог. университета, 2004.
- Дацышен 2010 — *Дацышен В.Г.* История Российской духовной миссии в Китае. Гонконг: Православное братство святых Первоверховных апостолов Петра и Павла, 2010.
- Дацышен 2012 — *Дацышен В.Г.* Русские в Ханькоу: из истории российско-китайских отношений второй половины XIX — первой половины XX в. (по архивным и книжным фондам Москвы, Сибири, Дальнего Востока и Китая) // Россия и Китай. Научные и культурные связи (по материалам архивных, рукописных, книжных и музейных фондов) / отв. ред. Н. В. Колпакова. СПб.: Альфарет, 2012. Вып. 2. С. 67–81.
- Дацышен 2014 — *Дацышен В.Г.* Китаеведческое образование в России в 1920-е гг. // Россия и Китай: аспекты взаимодействия и взаимовлияния. Материалы VI заочной Международной научно-практической конференции / под ред. Н.Л. Глазачевой, О.В. Залеской. Благовещенск: Благовещенский государственный педагогический университет, 2014. С. 19–28.
- Дацышен 2015 — *Дацышен В.Г.* История русского Китаеведения, 1917–1945 / науч. ред. О.А. Зимарин. М.: Весь мир, 2015.
- Дацышен 2016 — *Дацышен В.Г.* Изучение истории Китая в Российской империи [Электронный ресурс]: монография / В.Г. Дацышен. М.: Проспект, 2016. URL: <https://rucont.ru/efd/632586> (дата обращения: 17.11.2019).
- Демидова, Мясников 1966 — *Демидова Н.Ф., Мясников В.С.* Первые русские дипломаты в Китае. М.: Наука, 1966.
- Крюков В.М., Крюков М.В. 2015 — *Крюков В.М., Крюков М.В.* Весна и осень революционной дипломатии: первое десятилетие советской политики в Китае. В 2 т. М.: Памятники исторической мысли, 2015.
- Крюков В.М., Крюков М.В. 2017 — *Крюков В.М., Крюков М.В.* КВЖД 1929: взрыв и эхо. М.: Институт востоковедения РАН, 2017.
- Ли Мэн 1999 — *Ли Мэн.* Харбин — продукт колониализма // Проблемы Дальнего Востока. 1999. № 1. С. 96–103.
- Ма На 2015 — *Ма На.* Харбинский русско-китайский пиджин первой половины XX века и его влияние на русский и китайский языки и культуры //

- Филологические науки, вопросы теории и практики. 2015. № 8 (50). Ч. 3. С. 122–127.
- Непомнин 2005 — *Непомнин О. Е.* История Китая: Эпоха Цин. XVII — начало XX века. М.: Восточная литература, 2005.
- Сизова 2015 — *Сизова А. А.* Консульская служба России в Монголии (1861–1917). М.: Наука; Восточная литература, 2015.
- Ткаченко 2006 — *Ткаченко А.* Российская эмиграция в Китае в 1917–1931 гг.: идейно-политический аспект // Глобальные и региональные проблемы современности. Истоки и перспективы: материалы международной научной конференции молодых ученых, Екатеринбург, 29 апреля 2006 г. / сост. К. Ю. Москвина; науч. ред. А. Г. Нестеров. Екатеринбург: Изд-во Уральского университета, 2006. С. 103–106.
- Хохлов 1998 — *Хохлов А. Н.* Китаевед-лингвист Н. Н. Коротков (1908–1993): тернистый путь к вершинам научного творчества // Китайское языкознание. IX Международная конференция. Материалы / ред. В. Д. Подберезская. М.: Институт языкознания РАН, 1998. С. 5–14.
- Хохлов 2002а — *Хохлов А. Н.* Китаист И. М. Ошанин и его служба на дипломатическом поприще в Китае // Китайское языкознание. Изолирующие языки / ред. Е. А. Дмитренко. М.: Институт востоковедения РАН, 2002. С. 288–301.
- Хохлов 2002б — *Хохлов А. Н.* Харбинский китаист Г. А. Софоклов и его метод преподавания китайского языка // Китайское языкознание. Изолирующие языки / ред. Е. А. Дмитренко. М.: Институт востоковедения РАН, 2002. С. 274–287.
- Хохлов 2007а — *Хохлов А. Н.* Л. И. Думан: тернистый путь настоящего ученого. К 100-летию со дня рождения // Общество и государство в Китае: XXXVII научная конференция: к 100-летию со дня рождения Л. И. Думана / отв. ред. С. И. Блюхмен. М.: Институт востоковедения РАН, 2007. С. 5–23.
- Хохлов 2007б — *Хохлов А. Н.* Журналист-китаист В. Н. Рогов в Китае в период антияпонской войны 1937–1945 гг. // Восточный архив. 2007. № 16. С. 56–65.
- Хохлов 2012 — *Хохлов А. Н.* А. Ф. Попов — первый преподаватель русского языка в пекинской школе иностранных языков «Тунвэньгуань» // Восточный архив. 2012. № 1 (25). С. 20–27; № 2 (26). С. 37–43.

References

- Datsyshen, V. G., 2004. *Istoriia russko-kitaiskikh otnoshenii 1618–1917 gg.* [History of Russian-Chinese relations 1618–1917]. Textbook. Krasnoyarsk: Izd-vo Krasnoyarskogo gos. pedagog. universiteta.
- Datsyshen, V. G., 2010. *Istoriia Rossiiskoi Dukhovnoi Missii v Kitae* [History of the Russian Spiritual Mission in China]. Hong Kong: Pravoslavnoe bratstvo sviatykh Pervoverkhovnykh apostolov Petra i Pavla.

- Datsyshen, V. G., 2012. Russkie v Han'kou : iz istorii rossiisko-kitaiskikh otnoshenii vtoroi poloviny 19 — pervoi poloviny 20 v. (po arkhivnym i knizhnym fondam Moskv, Sibiri, Dal'nego Vostoka i Kitaia) [Russians in Hankow: from the history of Russian-Chinese relations of the second half of the nineteenth — the first half of the twentieth century (according to archival and book collections of Moscow, Siberia, the Far East and China)]. In: Kolpakova, N. V., ed. *Rossia i Kitai. Nauchnye i kul'turnye sviazi (po materialam arkhivnykh, rukopisnykh, knizhnykh i muzeinykh fondov)*. Vyp. 2. [Russia and China. Scientific and cultural ties (based on archival, manuscript, book and museum funds). Vol. 2]. Saint Petersburg: Al'faret, pp. 67–81.
- Datsyshen, V. G., 2014. Kitaevvedcheskoe obrazovanie v Rossii v 1920-e gg. [Sinology education in Russia in the 1920s]. In: Glazacheva, N. L., Zalesskaia, O. V., eds. *Rossia i Kitai: aspekty vzaimodeistviia i vzaimovliianiia. Materialy VI zaochnoi Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii* [Russia and China: aspects of interaction and mutual influence. Materials of the VI extramural International scientific-practical conference]. Blagoveshchensk: Blagoveshchenskii gosudarstvennyi pedagogicheskii universitet, pp. 19–28.
- Datsyshen, V. G., 2015. *Istoriia russkogo kitaevedeniia, 1917–1945* [History of Russian sinology, 1917–1945]. Moscow: Ves' mir.
- Datsyshen, V. G., 2016. *Izuchenie istorii Kitaia v Rossiiskoi imperii* [Studying the history of China in the Russian Empire]. Moscow: Prospekt.
- Demidova, N. F., Miasnikov, V. S., 1966. *Pervye russkie diplomaty v Kitae* [The first Russian diplomats in China]. Moscow: Nauka.
- Grigor'ev, B. N., 2010. *Povsednevnaia zhizn' tsarskikh diplomatov v 19 veke* [The daily life of tsarist diplomats in the nineteenth century]. Moscow: Molodaia gvardiia.
- Khokhlov, A. N., 1998. Kitaeved-lingvist N. N. Korotkov (1908–1993): ternisty put' k vershinam nauchnogo tvorchestva [Linguist-sinologist N. N. Korotkov (1908–1993): the thorny path to the heights of scientific creativity]. In: Podberezskaia, V. D., ed. *Kitaiskoe iazykoznanie. IX Mezhdunarodnaia konferentsiia. Materialy* [Chinese Linguistics. IX International Conference. Proceedings]. Moscow: Institut iazykoznanii RAN, pp. 5–14.
- Khokhlov, A. N., 2002a. Kharbinskii kitaist G. A. Sofoklov i ego metod prepodavaniia kitaiskogo iazyka [Harbin sinologist G. A. Sofoklov and his method of teaching the Chinese language]. In: Dmitrenko, E. A., ed. *Kitaiskoe iazykoznanie. Izoliruiushchie iazyki* [Chinese Linguistics. Isolating languages]. Moscow: Institut vostokovedeniia RAN, pp. 274–287.
- Khokhlov, A. N., 2002b. Kitaist I. M. Oshanin i ego sluzhba na diplomaticheskompopriishche v Kitae [Sinologist I. M. Oshanin and his service in the diplomatic field in China]. In: Dmitrenko, E. A., ed. *Kitaiskoe iazykoznanie. Izoliruiushchie iazyki* [Chinese linguistics. Isolating languages]. Moscow: Institut vostokovedeniia RAN, pp. 288–301.

- Khokhlov, A. N., 2007a. L. I. Duman: ternisty put' nastoiashchego uchenogo. K 100-letiiu so dnia rozhdeniia [L. I. Duman: the thorny path of a true scientist. On the centenary of the birth]. In: Bliukhmen, S. I., ed. *Obshchestvo i gosudarstvo v Kitae: XXXVII nauchnaia konferentsiia: k 100-letiiu so dnia rozhdeniia L. I. Dumana* [Society and state in China: XXXVII Scientific conference: on the centenary of the birth of L. I. Duman]. Moscow: Institut vostokovedeniia RAN, pp. 5–23.
- Khokhlov, A. N., 2007b. Zhurnal'st-kitaist V. N. Rogov v Kitae v period antiapon'skoi voiny 1937–1945 gg. [Journalist-sinologist V. N. Rogov in China during the anti-Japanese war of 1937–1945]. *Vostochnyi arkhiv*, 16, pp. 56–65.
- Khokhlov, A. N., 2012. A. F. Popov — pervyi prepodavatel' russkogo iazyka v pekinskoi shkole inostrannykh iazykov "Tunven'guan'" [A. F. Popov — the first Russian language teacher in the Peking foreign language school "Tunven'guan'"]. *Vostochnyi arkhiv*, 1(25), pp. 20–27; 2(26), pp. 37–43.
- Kriukov, V. M., Kriukov, M. V., 2015. *Vesna i osen' revoliutsionnoi diplomatii: pervoe desiatiletie sovetskoi politiki v Kitae* [Spring and autumn of revolutionary diplomacy: the first decade of Soviet politics in China]. In 2 vols. Moscow: Pamiatniki istoricheskoi mysli.
- Kriukov, V. M., Kriukov, M. V., 2017. *KVZHD 1929: vzryv i ekho* [CER 1929: explosion and echo]. Moscow: Institut vostokovedeniia RAN.
- Li Mèn 1999. Harbin — produkt kolonializma [Harbin as a product of colonialism]. *Problemy Dal'nego Vostoka*, 1, pp. 96–103.
- Ma Na, 2015. Harbinskii russko-kitaiskii pidzhin pervoi poloviny 20 veka i ego vliianie na russkii i kitaiskii iazyki i kul'tury [The Russian-Chinese pidgin of Harbin in the first half of the twentieth century and its influence on the Russian and Chinese languages and cultures]. *Filologicheskie nauki, voprosy teorii i praktiki*, 8 (50), 3, pp. 122–127.
- Nepomnin, O. E., 2005. *Istoriia Kitaia: Epokha Tsin. 17 — nachalo 20 veka* [History of China: The Qing Age, from the seventeenth to the beginning of the twentieth century]. Moscow: Vostochnaia literatura.
- Sizova, A. A., 2015. *Konsul'skaia sluzhba Rossii v Mongolii (1861–1917)* [Consular service of Russia in Mongolia (1861–1917)]. Moscow: Nauka; Vostochnaia literatura.
- Tkachenko, A., 2006. Rossiiskaia emigratsiia v Kitae v 1917–1931 gg.: ideino-politicheskii aspekt [Russian emigration in China in 1917–1931: an ideological and political aspect]. In: Nesterov, A. G., ed. *Global'nye i regional'nye problemy sovremennosti. Istoki i perspektivy: materialy mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii molodykh uchenykh, Ekaterinburg, 29 apreliia 2006 g.* [Global and regional problems of the present. Sources and prospects: Proceedings of the international scientific conference of young scientists, Yekaterinburg, April 29, 2006]. Yekaterinburg: Izdatel'stvo Ural'skogo universiteta, pp. 103–106.

Larisa P. Chernikova

PhD, Senior Research Fellow, Institute of Oriental Studies of the RAS, Moscow, Russia. 107031, ul. Rozhdestvenka, 12.
E-mail: info@ivran.ru

A look at China and the formation of the doctrine of relations: distinctive features of the imperial and Soviet cultural policy of interaction

When studying Russian-Chinese relations, many aspects are covered through the prism of state interests. The essay tells how knowledge of China and practical Oriental studies became important corrective elements of the foreign policy of the Russian Empire and later of Soviet Russia / USSR. Here a large role was played by people with professional oriental education, but there were few of these at all times; therefore, part of the information resource was also occupied by the testimony of publicists, scientists, travelers, whose names are quite well known, and we are rediscovering some of the names and achievements of lesser-known people. It can be said that the main information about Ching China (the second half of the nineteenth and early twentieth centuries) came to the Russian press thanks to writers and journalists. Of the most popular, we can recall the travel essays of Ivan A. Goncharov *Frigate 'Pallas'*, the novels of the writer Aleksei S. Novikov-Priboy, the stories of the traveler M. Shcherbakov and many others. For the period from the turn of the nineteenth and twentieth centuries to the turn of the twentieth and twenty-first centuries a gigantic literature has been accumulated on the history of Russian-Chinese relations of different historical epochs, which include memoirs, reports, reports of diplomats and reviewers, impressions of travelers, and a huge number of articles by journalists and reporters on China. In turn, all this information required the generalization, selection and analysis of specialist scientists, who began to create their work from the second half of the nineteenth century to the present day. At different periods of their lives and activities, these people discovered eastern countries for themselves and generously shared knowledge with compatriots. Materials for the essay include archival research, Russian periodicals in China, and published works of oriental scholars, travel notes and memoirs.

Keywords: career and freelance diplomats of Russia—USSR, imperial and Soviet doctrines of foreign policy

ГЛАВА 5

**ЭТНОГРАФИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ
НАБЛЮДЕНИЙ**

Елена Эдуардовна Носенко-Штейн

Доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник, Институт востоковедения РАН, Москва, Россия. 107031, ул. Рождественка, 12. E-mail: nosenko1@gmail.com

А. А. Рафалович и его «Записки русского врача» как историко-этнографический источник

В статье рассматривается жизнь и деятельность А. А. Рафаловича — врача, по поручению министерства внутренних дел России изучавшего причины возникновения чумы на Ближнем Востоке в первой половине XIX в. Основным источником являются написанные Рафаловичем «Записки русского врача, отправленного на Восток» в той его части, где описываются природные условия, климат, численность и занятия населения Сирии, Ливана и Палестины. Прослеживается биография Рафаловича, хотя и указывается, что многие факты до сих пор известны мало и требуют дальнейших исследований. Анализируются его «Записки» как источник по истории медицины, санитарному состоянию, наличию и причинам возникновения инфекционных заболеваний среди местного населения этого региона. Обращается внимание, что А. А. Рафалович, который стал членом этнографического отдела Императорского русского географического общества, уделял внимание численности различных этнических и религиозных групп, населявших Ближний Восток, их занятиям, обычаям и т. п. Подчеркивается, что, будучи крещеным евреем, А. А. Рафалович дистанцируется от бывших единоверцев — евреев Сирии и Палестины, описывая их кратко и сухо и сосредоточиваясь на их численности и устройстве еврейских больниц. В заключении автор делает вывод о большом значении, которое «Записки» Рафаловича имели для медицины того времени, включая изучение климата, топографии, сельского хозяйства, источников воды и пр. для состояния здоровья, для изучения предотвращения распространения инфекционных заболеваний. Сведения, добытые Рафаловичем, могли иметь значение также для нужд российской разведки и были высоко оценены российским правительством.

Ключевые слова: история медицины, этнография, Ближний Восток, Сирия, Палестина, Египет, Россия

В статье предлагается анализ «Записок русского врача», написанных Артемием Алексеевичем Рафаловичем¹, как источника по этнографии ряда стран Ближнего Востока, входивших в первой половине XIX в. в состав Османской империи (расселению, занятиям, обычаям этого региона), а также как источник по истории медицины, топографии и климатологии. Прежде всего это регион, который тогда нередко обозначали как Сирию (в том числе и сам А. А. Рафалович) и который включал территорию Сирии, Палестины и Ливана.

Я выбрала ту часть его «Записок», которая не вошла в его же изданную при жизни книгу (см. о ней ниже; в нее вошло только описание Египта) и которая, таким образом, осталась значительно менее известна читателю. Кроме того, этот регион отличался большой этнической и религиозной пестротой, и потому представляет значительный интерес для этнографических исследований.

Жизнь и труды А. А. Рафаловича известны все еще не достаточно. Особенно это касается истории его семьи, детства и юности. Об этом пишет И. М. Смилянская, специально занимавшаяся этим вопросом². В энциклопедиях и справочниках, в которых помещены статьи о Рафаловиче, встречаются ошибки (например, в статье о нем в «Еврейской энциклопедии» приведены неверные сведения о месте его рождения); в них также много «белых пятен»³.

Артеми́й Алексе́евич (Абрамович) Рафалович родился 13 (26) ноября 1816 г. в Могилеве Подольском (Могилеве на Днестре; в настоящее время находится на территории Винницкой обл., Украина), в еврейской купеческой семье, вскоре после его рождения переселившейся в Одессу. Там его отец, Абрам Рафалович, ставший купцом первой гильдии, в 1830 г. основал торговый дом, превратившийся в одно из крупнейших хлеботорговых предприятий в Одессе. Возможно, Абрам Рафалович принял крещение (об этом

---

¹ Рафалович А.А. Записки русского врача, отправленного на восток (Доктора А.А. Рафаловича) // Сирия, Ливан и Палестина в описаниях российских путешественников, консульских и военных обзорах первой половины XIX века. М.: Наука. 1991.

² Смилянская 1991.

³ Рафалович, Артеми́й Алексе́евич // Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. СПб.: Ф. А. Брокгауз – И. А. Ефрон, 1899. Т. XXVI. С. 375–376; Рафалович, Артеми́й Алексе́евич // Еврейская энциклопедия / под ред. Брокгауза и Ефрона. СПб.: Ф. А. Брокгауз – И. А. Ефрон, 1912. Т. XIII. Стлб. 330–331; Рафалович, Артеми́й Алексе́евич // Русский биографический словарь: В 25 т. / под наблюдением А. А. Половцева. СПб.: тип. Императорской акад. наук, 1910. Т. 15. С. 505–506.

пишет и И. М. Смилянская⁴); это предположение объясняет и имена его сыновей, а также их отчества (см. ниже). Впоследствии династия банкиров Рафаловичей стала одной из крупнейших в городе, где еврейское население быстро увеличивалось⁵. В 1857 г. Абрам Рафалович был возведен в потомственное почетное гражданство.

Брат Артемия Федор Абрамович Рафалович (1818–1882, после принятия православия в 1848 г. — Федор Алексеевич) — купец первой гильдии, банкир, биржевик, землевладелец. В 1837 г. он основал банковскую контору «Федор Рафалович и К°». Другой брат, Анисим Абрамович Рафалович, служил бельгийским консулом в Одессе⁶.

Что касается Артемия, то он в 1830 г. поступил в гимназию при знаменитом Ришельевском лицее. Окончив ее в 1834 г., он в том же году поступил в Берлинский университет, где прослушал курсы естественных наук и медицины. В Берлине он также работал в больницах, особенно интересуясь хирургией, акушерством и инфекционными болезнями. В 1838 г. Рафалович вернулся в Российскую империю и защитил диссертацию при Дерптском (по другим данным — еще и при Берлинском) университете⁷ о причинах возникновения сифилиса («*De syphilide ejusque curatione antiphlogistica, secundum observationes in praxi nosocomiali*») и получил степень доктора медицины. Видимо, тогда же он и принял крещение по православному обряду, скорее всего, чтобы освободиться от налагавшихся в Российской империи на иудеев многочисленных ограничений на проживание, получение образования, профессию и др.⁸ В 1839 г. он вернулся в Одессу, где занялся частной практикой. В 1840 г. доктор был назначен профессором судебной медицины при юридическом отделении Ришельевского лицея и с 1841 г. читал там лекции⁹.

Однако его продолжала интересовать исследовательская работа. Публикации Рафаловича были посвящены различным медицинским вопросам, главным образом, медико-статистическим исследованиям

⁴ Смилянская 1991.

⁵ Подробнее об этом см.: Ципперштейн 1995.

⁶ Смилянская 1991.

⁷ Смилянская 1991; Рафалович, Артемий Алексеевич // Русский биографический словарь.

⁸ См., например: Stanislawski 1987; Klier 1995.

⁹ Рафалович А.А. Вступительная лекция в судебную медицину // ЖМНП. 1842. Ч. XXXVI. С. 60–76.

населения Одессы¹⁰. Он также подробно изучил вопрос, волновавший тогда медиков всего мира, о главных способах борьбы с распространением чумы, которые были известны в то время, и особенно — различные карантинные уставы (собственно, карантин был тогда единственно действенным способом предотвратить распространение инфекции). А. А. Рафалович также читал всю доступную ему литературу по данному вопросу и в конце концов послал в Министерство внутренних дел обстоятельный доклад, посвященный этой проблеме. Там обратили внимание на доклад Рафаловича, в 1845 г. его вызвали в Петербург и предложили принять участие в научной экспедиции, которая отправлялась на Ближний Восток и в Северную Африку для специального исследования причин возникновения и распространения чумы. Рафалович согласился, в январе 1846 г. он был переведен на службу в Министерство внутренних дел и назначен старшим членом этой экспедиции (ему тогда еще не исполнилось 30 лет).

Весной 1846 г. он выехал из Одессы в Константинополь, где пробыл четыре с половиной месяца, а оттуда через Смирну отправился в Египет, где начал изучать арабский язык, так как полагал, что без знания «туземного наречия» невозможно понять причины возникновения и методов лечения чумы. Зимой 1846–1847 гг. Рафалович исследовал Нижний Египет и дельту Нила (где в то время наиболее часто вспыхивала и откуда распространялась чума), весной на верблюдах объездил Палестину, а летом изучал Сирию¹¹. В ходе путешествий он проводил медицинские и географические исследования, особенно продолжая интересоваться устройством карантинных больниц. После этого в конце августа через Бейрут он вернулся в Александрию, а оттуда отправился по Нилу для исследования Верхнего

---

¹⁰ Рафалович А. А. О морских одесских купальнях // Новороссийский календарь на 1842 г., издаваемый от Ришельевского лицея. Одесса: Городская типография, 1841. С. 314–325; *Он же*. Медико-статистические разыскания о влиянии климата и местности Одессы на здоровье ее жителей. Одесса: Городская типография, 1842.

¹¹ В ходе поездки Рафалович вел дневник (на французском языке; его местонахождение неизвестно) и отправлял отчеты МВД; они публиковались в Журнале Министерства внутренних дел. Например: Александрия (Местоположение и климат; Больничные заведения; Общественное здоровье и болезни) // ЖМВД. 1847. Ч. XVIII. С. 494–519; Дельта; Розетт; Дамьят; Образцовые деревни // Там же. С. 481–507; Поездка из Каира в Палестину — Эль-Ариш, Газа, Яфа, Иерусалим // Там же. Ч. XX. С. 145–160; Окрестности Иерусалима; Путь от Иерусалима до Бейрута // Там же. С. 325–339.

Египта и Нижней Нубии. Вернувшись от вторых Нильских порогов опять в Каир, Рафалович пробыл здесь конец 1847 — начало 1848 г., а затем отправился сухим путем снова обследовать местность дельты Нила. Окончив свои наблюдения, Рафалович в середине марта 1848 г. опять вернулся в Александрию и здесь был приглашен участвовать в медицинской консультации относительно здоровья владельца Египта, Мехмеда-паши. Возвращаясь в Россию, он посетил северные берега Африки (Алжир и Тунис), а потом европейские порты (Барселону, Марсель, Геную, Ливорно) для ознакомления с карантинным устройством в этих городах.

После возвращения в Петербург Императорское русское географическое общество в 1849 г. избрало его своим действительным членом, и он сам «приписал» себя к его этнографическому отделу¹². Рафалович был избран делопроизводителем этого отдела и около того же времени стал принимать участие в занятиях отдела статистики. На службе он работал над пересмотром старых карантинных уставов и выработкой нового.

Кроме того, Рафалович был назначен совещательным членом Императорского медицинского совета Министерства внутренних дел, а за успешное исполнение порученного ему дела возведен в чин статского советника и награжден Орденом св. Владимира 4-й степени. Он был оставлен на службе при Министерстве внутренних дел с поручением привести в порядок свои путевые записки и выпустить их в свет отдельным изданием. В 1850 г. вышла его книга «Путешествие по Нижнему Египту и внутренним областям Дельты», с картой и планами (СПб., 1850). Статьи Рафаловича публиковались в разных медицинских, географических и статистических журналах, в том числе «Журнале Министерства внутренних дел», «Записках Императорского русского географического общества», «Отечественных записках» и многих других. Его статьи быстро переводились на иностранные языки. Все это свидетельствовало о высоком качестве его исследований, которые привлекали к себе внимание не только специалистов, но и широкой читающей публики.

---

¹² Рафалович не просто записывал впечатления об обычаях и обрядах местного населения, он проводил также и специальные этнографические исследования, например: Этнографические заметки о жителях Нижней Нубии (Из письма В. В. Григорьеву) // Записки Императорского русского географического общества. 1850. Кн. 4. С. 168–223 (он также составил словарь одного из языков Нубии).

Блестящая карьера оборвалась на взлете: Рафалович умер 3 (16) мая 1851 г. в возрасте 34 лет. Причиной столь ранней смерти был туберкулез, обнаруженный у него еще во время обучения в Берлине. Он похоронен на Волковском кладбище Санкт-Петербурга.

«Записки русского врача» написаны в первую очередь медиком, пытающимся понять причины возникновения и распространения чумы и других инфекционных болезней (прежде всего, сифилиса, что интересовало Рафаловича еще в годы его учебы в Берлине). Но одновременно он оставил в них сведения разного рода. Это географические описания тех мест, по которым он проезжал, их расположение, климат, природные условия, состояние дорог, городов и деревень. В ряде случаев Рафалович уточнял уже имевшиеся данные, например, русла рек, расположение горных цепей и пр. Он также описывал мало или совсем не известные русскому читателю природные явления, например, *хамсин* (очень горячий ветер, длительное время дующий из пустыни и вызывающий резкое повышение температуры воздуха):

В девятом часу начал носить песок, которого до сих пор никакой другой ветер, как ни дул он сильно, не подымал. Это обстоятельство предвестило мне близкое появление так называемого Хамсина (хотя Хамсин арабское слово, значащее пятьдесят, но одни Европейцы дают это название описываемому мною ветру. Туземцы называют это М'рисом), который действительно вскоре стал дуть с неимоверною яростью. Воздух наполнился мелким тонким песком, входившим нам в глаза, рот, нос и уши и проникавшим в сундуки и ящики, закрытые самым тщательным образом; солнце затмилось и как бы потеряло блеск свой; небо приняло красновато-серый цвет, и порывы ветра, сопровождавшиеся сильнейшим визгом и ревом, производили совершенно ощущение, будто он выходил из горячей печи. В этой раскаленной атмосфере путешественника обнимает нестерпимая тоска; кожа горит, но не омочается испариною, пульс становится частым и сжатым, грудь стесняется, рот и горло сохнут, а согрешаящая вода не утоляет мучительной жажды¹³.

Будучи врачом, причем, в первую очередь, врачом-инфекционистом, Рафалович всюду отмечал влияние климата, ветра и особенно качества воды в реках и колодцах на здоровье населения. Так, после

¹³ Рафалович А. А. Записки русского врача. С. 106.

описания Египта, поразившего его крайней нищетой жителей и чудовищной антисанитарией, он нередко сравнивал его с более благоустроенными городами Сирии и Палестины, особенно прибрежными (Яффа, Хайфа), хотя и тут он нередко писал о неопрятности улиц и целых кварталов. Отчеты и впоследствии «Записки» Рафаловича заново и в ряде случаев по-новому открыли для русских читателей этот регион¹⁴. Впечатляет его описание Дамаска: после рассказа о роскоши внутренней отделки богатых домов и великолепии садов, он так характеризует состояние улиц города и здоровья его жителей:

Состояние общественного здоровья не очень удовлетворительно, и болезни, поражающие организм жителей Дамаска, многочисленны. Причины их нигде, может быть, не выставляются столь ясно, как здесь: неопрятность и отсутствие всякой публичной гигиены, умножившаяся бедность, неумеренное употребление фруктов, незрелых или гнилых, и вообще безрассудный выбор пищи, жаркий климат и дурное содержание водопроводных каналов и бассейнов порождают эти болезни. <...> Печей в домах нет, нет и стекол в окнах; сосуды с горячим углем (мангалы), ставимые в комнаты, увеличивают расположение к простуде. <...> Но отвратительнее всего образ чищения отхожих мест: перед домом устраивают из досок или земли род бассейна на мостовой, и в него ведрами вливают полужидкие материи, которые остаются здесь незакрытыми в продолжение нескольких дней, пока чрез испарение жидких частиц нечистоты становятся гуще; тогда их перевозят в корзинах, коими навьючивают ослов, за город¹⁵.

Подобные описания — это свидетельства врача гигиениста, особенно когда он писал о состоянии местных больниц, аптек, госпиталей.

Кроме географических и медицинских сведений, в его «Записках» можно найти и сведения о проживавших там народах, их численности, вероисповедании, занятиях. При этом Рафалович, как это часто делали в то время, смешивал религиозную и этническую принадлежность, говоря о греках, мусульманах, евреях (подразумеваемая иудеев), сирийцах, маронитах и т. п., а также о численности населения того или иного населенного пункта, Рафалович отметил, что

¹⁴ Ben-Arieh 2007.

¹⁵ Рафалович А.А. Записки русского врача. С. 137. Орфография сохранена.

состояние статистики в этих местах неудовлетворительно, и сведения он старался собирать у европейских врачей, миссионеров, дипломатов и пр.:

Трудно определить с точностью число жителей в городах Востока, в коих не записывают ни новорожденных, ни браков, а умирающих только кое-как и где население имеет предубеждение против всех переписей вообще¹⁶.

Его сведения нередко имеют этнографический характер: описания сельскохозяйственных орудий, женских украшений, обычаев. Например, так он описывает заинтересовавшие его способы уборки хлеба в Сирии:

Хлеб, совершенно созревший, покрывал эти равнины, и местами его уже собирали (12/24 апреля), срезывая весьма близко к колосу длинными узкими серпами, привязанными ремнем к локтю работников. Остающиеся на полях сухие стебли служат кормом для многочисленных стад быков, овец, коз, верблюдов и ослов, пасущихся все вместе в пестром разнообразии под тенью старых смоковниц (*sycomorus*)¹⁷.

В других местах он описывал разведение плодовых деревьев, изготовление своеобразной местной керамики и пр.:

Достоин внимания — у всех женщин, старых и молодых, работающих на полях или носящих воду из колодцев, является встреченный мною отсюда сплошь до Бейрута особый головной убор, состоящий из значительного количества серебряных монет, поставленных ребром и окружающих все лицо — от темени до подбородка. Этот обычай, вредный в том отношении, что он обращает в мертвый капитал огромную массу звонкой монеты, доказывает, с другой стороны, умножение способов и достояния земледельцев¹⁸.

(в этом фрагменте он сосредоточивается не столько на описании украшений, сколько на том, что они являются способом аккумуляции богатства местных жителей).

Однако этнография не являлась его специальным интересом, хотя он впоследствии и записал себя в этнографическое отделение Русского

¹⁶ Там же. С. 108.

¹⁷ Там же.

¹⁸ Там же. С. 118.

географического общества. В первую очередь он стремился выполнить задание Министерства внутренних дел, изучая причины возникновения инфекционных болезней и, в частности, отмечая, что в эти регионы (в Сирию и Палестину) чуму и сифилис заносят солдаты и паломники.

Будучи крещеным евреем, Рафалович дистанцировался от бывших единоверцев и избегал подробно писать о них¹⁹. Обычно он упоминал об их численности в том или ином городе (Иерусалиме, Яффе, Хевроне, Дамаске и др.).

В Иерусалиме ныне находится от 13 до 14 000 жителей обоого пола, в том числе около 5 000 мусульман, до 6 000 евреев разных наций, плачущих здесь над развалинами храма своего, коего место занимает состоящий из двух мечетей *Херам-Шериф*. Православных сирийцев — около 1 000, Латинов — не более 4[00] или 500, Армян-Григорианцев — до 150, абиссинцев и коптов, имеющих здесь небольшие монастыри и особые престолы в Церкви Св. Гроба, весьма мало — 15 или 20 душ²⁰.

Здесь характерно, что Рафалович писал о евреях как о *других, культурно чуждых* той группе, к которой он сам принадлежал («плачущих над развалинами Храма своего»); в то же время он различал евреев «разных наций», то есть, по-видимому, выходцев из разных стран (ашкеназов, сефардов, мустарабов и др.)²¹.

Еще более скупо он писал об их занятиях и — в ряду прочего — о санитарном состоянии еврейских кварталов:

В нижней же части (Иерусалима. — *Е.Н.-III*), где находятся базары и Еврейский квартал, [улицы] узки, шумны и весьма неопрятны. Очень часто улицы проходят под домами, держащимися над ними верхом посредством низких сводов. Тут среди лавочек с съестными припасами, неспелыми или гнилыми фруктами, огурцами и битыми баранами и около кожевенных заводов, находящихся в центре города, близ самой Церкви Св. Гроба, толпится население тощее, бледное, оборванное, состоящее, подумаешь, только из нищих²².

¹⁹ Хотя И. М. Смилянская полагала, что он подробно пишет о евреях этого региона, на самом деле его описания крайне сухи, отстраненны (см.: Смилянская 1991). Это характерная черта для недавно перешедших в христианство евреев того времени, см: Endelmann 1987.

²⁰ Рафалович А. А. Записки русского врача. С. 112.

²¹ Goiten 1974; Deshen (ed.) 1982; Juhasz 1990; Бенбасса, Родриг 2001; Фадеева 2002.

²² Рафалович А. А. Записки русского врача. С. 118 (правда, в этом отрывке он описывает население не только еврейского квартала, но и всего Нижнего города).

То же касается и святых мест. Когда он писал о волнении, охватившем его при приближении к Иерусалиму, то это скорее волнение христианина, нежели иудея; иудейские святыни он почти не описывает (справедливости ради, отмечу, что он мало пишет и о прочих святых местах).

Рафалович уделил особое внимание описанию еврейских больниц и больниц для евреев (как, впрочем, устройству других больниц и госпиталей), указывая, что они содержатся хорошо, что пищу в них готовят по еврейским законам (то есть в соответствии с предписаниями кашрута — диетарными законами иудаизма).

Любопытнее больница, открытая пять лет тому назад на Сионской-Горе на иждивение Лондонского общества «для распространения истинного познания Св. Писания между Евреями»²³. В этом фрагменте, как и в немногих других (он всего 12 раз упоминал евреев в своих «Записках», в той их части, где речь идет о Сирии, Палестине и Ливане), также характерна отстраненность автора от бывших единомерцев. Он описал их, пожалуй, более скупой, чем другие этнические и религиозные группы региона, и в этом смысле его «Записки» не дают этнографу богатый материал.

Правда, в «Записках», в отличие от многих писаний крещеных евреев, а также ряда путешественников (паломников и иерархов) отсутствуют нападки на евреев и/или единоплеменников²⁴; Рафалович тут, как и повсюду, сохраняет объективность исследователя. Описания, сделанные Рафаловичем, например, об устройстве еврейских больниц, кратки и сухи; гораздо больше внимания он уделил христианам и мусульманам.

После прочтения «Записок» Рафаловича становится понятным, почему его карьера так стремительно пошла в гору, что нетипично для еврея, даже крещеного в царствование Николая I²⁵. Его отличали точность и беспристрастность, смелость: он ездил, в числе прочего, по довольно опасным местам — опасным не только с точки зрения медицинской (антисанитария, инфекционные болезни), но и с точки

²³ Там же.

²⁴ К таковым, например, принадлежат воспоминания епископа Успенского, написанные позднее; их автор писал о евреях недоброжелательно как о «народе, пошедшем вспять»: Успенский Порфирий. Книга бытия моего. Дневники и автобиографические записки епископа Порфирия Успенского. СПб.: Имп. АН, 1894. Т. 1.

²⁵ Klier 1995.

зрения личной безопасности (многие путешественники, паломники и просто местные феллахи в то время сильно страдали от разбойных нападений бедуинов).

Таким образом, «Записки» Рафаловича представляют собой ценный, объективный и беспристрастный, историко-этнографический источник. Тем более что многие путешественники того времени стремились посетить и описать библейские «древности», памятники Средневековья и т. п., мало обращая внимания на современное им состояние посещаемых стран. Как отметила И. М. Смилянская, именно это в ряде случаев служило основой недооценки деятельности Рафаловича, например, О. И. Сенковским, который в рецензии на его книгу о поездке по Египту иронично писал о «египетской скуке» — о том, что Рафалович описывает места, где нет ничего интересного (подразумевая, в частности, дельту Нила, занятия местного населения, состояние его здоровья и пр., то есть как раз этнографические и медицинские данные); впрочем, в других случаях он оценивал описания Рафаловича достаточно высоко²⁶.

Как многие путешественники (географы, этнографы и др.) того времени, Рафалович собирал сведения, представляющие интерес также для дипломатов, а возможно, и для внешней разведки. В целом его книга, статьи и отчеты пользовались заслуженным вниманием как в России, так и за рубежом. И только ранняя смерть прервала его стремительную карьеру. Многие обстоятельства его жизни ждут дальнейшего изучения.

Список сокращений

ЖМВД — Журнал Министерства внутренних дел

ЖМНП — Журнал Министерства народного просвещения

Литература

Бенбасса, Родриг, 2001 — *Бенбасса Э., Родриг А.* Евреи Леванта. Сефардская община в XIV–XX веках. М.: РГГУ, 2001.

Смилянская 1991 — *Смилянская И. М.* Доктор медицины Артемий Алексеевич Рафалович и его вклад в изучение Сирии // *Сирия, Ливан и Палестина*

---

²⁶ Об О.И. Сенковском и его оценке деятельности Рафаловича подробнее см: Смилянская 1991.

- в описаниях российских путешественников, консульских и военных обозорах первой половины XIX века / Сост. М. Р. Рыженков, И. М. Смилянская. М.: Наука, 1991.
- Фадеева 2002 — *Фадеева И.Л.* Еврейские общины в Османской империи. Страницы истории. М.: Крафт+, 2002.
- Ципперштейн 1995 — *Ципперштейн С.* Евреи Одессы. История культуры. 1794–1881. М.; Иерусалим: Мосты культуры: Гешарим, 1995.
- Ben-Arieh 2007 — *Ben-Arieh Y.* The rediscovery of the Holy Land in the nineteenth century. Jerusalem: Sefer ve-sefer, 2007.
- Endelmann (ed.) 1987 — Jewish apostasy in the modern world / ed. by T. M. Endelmann. New York; London: Holmes & Meyer, 1987.
- Goiten 1974 — *Goiten S. D.* Jews and Arabs. Their contacts through the ages. New York: Schocken books, 1974.
- Deshen (ed.) 1982 — Jewish societies in the Middle East. Community, culture and authority / ed. by Sh. Deshen. Washington: University Press of Anir, 1982.
- Juhasz 1990 — *Juhasz E.* Sephardi Jews in the Ottoman Empire: Aspects of material culture. New York: Israeli Museum, 1990.
- Klier 1995 — *Klier J.* Imperial Russia's Jewish question. Cambridge: Cambridge University Press, 1995.
- Stanislawski 1987 — *Stanislawski M.* Jewish apostasy in Russia: A tentative typology // Jewish apostasy in the modern world / ed. by T. M. Endelmann. New York, London: Holmes & Meyer, 1987. P. 189–204.

References

- Ben-Arieh, Y., 2007. *The rediscovery of the Holy Land in the nineteenth century*. Jerusalem: Sefer ve-sefer.
- Benbassa E., Rodrig A., 2001. *Evrei Levanta. Sefardskaia obshchina v 14–20 vekakh* [Jews of the Levant. Sephardic community from the fourteenth to the twentieth century]. Moscow: RGGU.
- Endelmann, T. M., ed., 1987. *Jewish apostasy in the modern world*. New York; London: Holmes & Meyer.
- Fadeeva, I. L., 2002. *Evreiskie obshchiny v Osmanskoi imperii. Stranitsy istorii* [Jewish communities in the Ottoman Empire. Pages of history.]. Moscow: Kraft+.
- Goiten, S. D., 1974. *Jews and Arabs. Their contacts through the ages*. New York: Schocken books.
- Deshen, Sh., ed., 1982. *Jewish societies in the Middle East. Community, culture and authority*. Washington: University Press of Anir.
- Juhasz, E., 1990. *Sephardi Jews in the Ottoman Empire: Aspects of material culture*. New York: Israeli Museum.
- Klier, J., 1995. *Imperial Russia's Jewish question*. Cambridge: Cambridge University Press.

- Smilianskaia, I. M., 1991. Doktor meditsiny Artemii Alekseyevich Rafalovich i ego vklad v izucheniie Sirii [Doctor of medicine Artemy Alekseyevich Rafalovich and his impact on research of Syria]. In: Ryzhenkov, M. R., Smilianskaia, I. M., ed. *Siria, Livan i Palestina v opisaniyakh rossiyskikh puteshestvennikov, konsul'skikh i voyennykh obzorakh pervoi poloviny 19 veka* [Syria, Lebanon and Palestine as described by Russian travelers, diplomatic and military reviews of the first half of the nineteenth century]. Moscow: Nauka.
- Stanislawski, M., 1987. Jewish apostasy in Russia: A tentative typology. In: Enmann, T. M., ed. *Jewish apostasy in the modern world*. New York; London: Holmes & Meyer, pp. 189–204.
- Tsippershtein, S., 1995. *Evrei Odessy. Istorii kul'tury. 1794–1881* [Jews of Odessa. History of culture. 1794–1881]. Moscow; Jerusalem: Mosty kul'tury: Ge-sharim.

Elena E. Nosenko-Shtein

Dr. Sc., Senior Research Fellow, Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia. 107031, ul. Rozhdestvenka, 12. E-mail: nosenko1@gmail.com

Artemy Rafalovich and his *Essays by Russian Doctor*: Historical and ethnographic source

The author considers the biography of Artemy Rafalovich and his *Essays by a Russian doctor* as a source for ethnography of the population of the Near East in the first half of the nineteenth century. Rafalovich had been sent by the Russian Ministry of Home Affairs to countries under the rule of Ottoman Empire in order to investigate reasons for the emergence and spread of the plague. His *Essays by a Russian doctor who had been sent to the Orient* were the main source for this essay, especially the second part of these *Essays* in which the climate, agriculture, urban centers, and populations of Syria, Palestine and Lebanon are described. The author follows the life of Artemy Rafalovich and stresses that many facts are still not sufficiently researched. Further, the author analyses the *Essays* as a source for the study of the history of medicine, public hygiene in the region, and the reasons for infectious diseases described by Rafalovich. The author also emphasizes that Rafalovich became a member of Ethnographic Department of the Russian Imperial Geographical Society, and during his trips he described the population — ethnic and religious groups of the region — its numbers, activities, customs, and so on. Rafalovich was a baptized Jew, so he distanced himself from the different Jewish groups of the region; he describes their numbers and sometimes the hygiene of Jewish quarters. He was mainly interested in description of Jewish hospitals and pharmacies. The author concludes that *Essays* by Rafalovich were of great importance for medical research in his time, for example by highlighting the influence of climate, water, and food on the public health of the region. Moreover, his topographic descriptions — including clarifications of riverbeds, directions of mountain chains, and so forth — would have been of interest to the Russian intelligence service, and the activities of Artemy Rafalovich were highly regarded by the Russian government.

Keywords: history of medicine, ethnography, Near East, Syria, Palestine, Lebanon, Egypt

Любовь Алексеевна Кирилина

Кандидат исторических наук, старший научный сотрудник,
Институт славяноведения РАН, Москва, Россия. 119334, Ле-
нинский проспект, 32А. E-mail: kirilina.ljuba@rambler.ru

Практиканты общества «Русское зерно» о поездках в словенские земли (1909–1913 гг.)

В статье раскрываются некоторые еще не исследованные страницы истории русско-словенских отношений. На основе материалов российских и словенских архивов в основных чертах реконструируются поездки российских крестьян, стажеров общества «Русское зерно» на практику в словенские земли. Эти поездки осуществлялись с целью изучения ими прогрессивных методов ведения сельского хозяйства, которые впоследствии они смогли бы эффективно применить на родине. Организатором их со словенской стороны был попечитель Общества либеральный политик и жупан Любляны в течение многих лет И. Хрибар. Партии русских практикантов были отправлены в словенские земли в 1909 и 1912 гг., многие из стажеров пробыли за границей один-два года. Главное внимание в работе уделено анализу отзывов русских крестьян об их работе и учебе в чужой стране и их впечатлений о словенцах. Отзывы крестьян о практике в 1909 г. были более благоприятными. Поездка в 1912 г. в силу разных причин оказалась менее удачной. В целом же все практиканты, оставшиеся в словенских землях на длительный срок, приобрели много новых знаний и умений, которые потом с успехом могли применить в России. Словенцы как народ, культурная и экономическая организация их жизни произвели на русских крестьян хорошее впечатление. К тому же это было их первое знакомство с другим миром, с близким по языку словенским народом, его культурой и традициями, что способствовало расширению общего кругозора русских практикантов.

Ключевые слова: общество «Русское зерно», русские крестьяне-практиканты, словенские земли, Иван Хрибар

Статья написана при финансовой поддержке РФФИ в рамках проекта «Дипломаты, публицисты, ученые-путешественники о Восточной, Центральной и Юго-Восточной Европе Нового времени: от наблюдений к знаниям», № 18-09-00346.

Общество «Русское зерно» (1908–1917) было создано в Санкт-Петербурге по инициативе председателя Государственной думы П. А. Столыпина, и его деятельность была призвана способствовать проводившимся в России экономическим реформам¹. Общество оказывало содействие крестьянам-землевладельцам в изучении прогрессивных способов ведения земледелия и ремесла путем их обучения «как в России, так и за границую, преимущественно в славянских странах»². В его Уставе отмечалось, что «долг каждого вернувшегося крестьянина завести у себя образцовое хозяйство, которое служило бы на пользу родине и примером для односельчан»³. Среди покровителей этой организации были вдовствующая императрица Мария Федоровна и другие члены царской семьи, включая императора Николая II. Поддерживал ее и ряд российских государственных деятелей (в их числе и министр иностранных дел Российской империи С. Д. Сазонов⁴), а также политически и экономически влиятельных людей, многие из которых сочувствовали идеям неославизма⁵. Участие российских делегатов в деятельности I съезда неославистов, состоявшегося в 1908 г. в Праге, их знакомство с формами организации земледелия в чешских землях также послужило немаловажным стимулом для создания общества «Русское зерно»⁶.

Отделения общества открылись во многих губернских и уездных городах России, а также за границей, где они возглавлялись членами-попечителями, в обязанности которых входило: распределение русских практикантов по училищам и фермам, помощь в овладении иностранным языком и осуществление контроля за их работой⁷. В словенских областях делами общества стал заниматься Иван Хрибар, горячий сторонник неославизма⁸. Будучи в то время влиятельным политиком и жупаном (градоначальником) г. Любляны⁹, он

¹ Подробнее об экономических реформах П. А. Столыпина см., например: Аврех 1991; Корелин, Шацилло 1995; Тюкавкин 2001.

² Устав общества «Русское зерно» // ЦГИА СПб. Ф. 895. Общество «Русское зерно». Оп. 1. Д. 1. Л. 18–35.

³ Там же.

⁴ Там же. Л. 5

⁵ Фирсов 2002: 178.

⁶ Серапионова 2001.

⁷ Голосенко 1994; Рогатко 2012.

⁸ Подробнее о словенских неославистах см.: Gantar Godina; Кирилина 2011; Чуркина 2017: 420–429.

⁹ Подробнее о деятельности Хрибара-жупана см.: Кирилина 2019.

имел возможность для организации стажировок русских крестьян в словенских землях. Для подбора и отправки практикантов в Обществе составили опросный лист, в котором требовалось указать данные о наличии и местонахождении земли у соискателя, составе его семьи, образовании, вероисповедании, отношении к воинской повинности и т. п. Заполненные листы заверялись местным священником и волостным старшиной. Обычно срок командировки ограничивался девятью месяцами, но некоторым стажерам она продлевалась до двух лет. Поездки практикантов оплачивались благодаря пожертвованиям и субсидиям от уездных земских управ и частных лиц. На каждого человека в среднем выделялось по 100–150 руб.¹⁰

Впечатления русских практикантов о стажировке за границей нашли отражение в отчетах Общества, его «Известиях», в русской прессе, о них можно судить и по их переписке с обществом «Русское зерно» и с попечителем И. Хрибаром. Практиканты предоставляли Обществу отчеты о работе и учебе за границей. Лучшие из них были опубликованы весной 1911 г. в сборнике «Письма крестьян».

Как отмечал один из инициаторов и наиболее активных членов Общества, секретарь его Совета хорватский эмигрант К. Ю. Геруц¹¹, живший в России с 1886 г., наибольший отклик начинания «Русского зерна» встретили «в соседней Австрии» — у чехов, словенцев и хорватов. В пользу посылки практикантов именно к австрийским славянам послужило и то, что к ним «и дорога дешевле, и язык их нам близок, и радушия у них для нас найдется более, чем где-либо в другом месте»¹². Вероятно, языковой фактор при этом сыграл первостепенную роль. В 1909 г. Общество направило в славянские земли Австро-Венгрии для прохождения практики 17 человек, из них шесть в словенские земли, остальных — в Моравию¹³.

Первым русским практикантом, отправившимся в словенские земли в конце февраля 1909 г., стал *Николай Вячеславович Тусков*, восемнадцатилетний сын врача из Воронежской губернии, владелец 84 десятин земли и недоучившийся гимназист. Отец его умер, мать осталась вдовой с семью детьми и решила просить общество «Русское

¹⁰ Устав общества «Русское зерно». Л. 1, 2, 5, 15, 16, 20, 55, 56, 58.

¹¹ Подробнее о деятельности К. Ю. Геруца в России см.: Ошак 1984.

¹² *Геруц К.* Две беседы о «Русском зерне» — обществе для содействия подъему народного хозяйства. Петроград, 1909. С. 4.

¹³ Отчет о деятельности общества «Русское Зерно» за 1909 год. СПб., 1910. С. 5.

зерно» отправить старшего сына и наследника за границу — набраться опыта. «Вся надежда на старшего сына, что он, изучив сельское хозяйство, устроит ферму, этим увеличит доход и даст мне возможность воспитать остальных детей», — писала Е. Л. Тускова К. Ю. Геруцу¹⁴. Вдова оплатила стажировку сына. Он был определен в Постоину, в хозяйство крестьянина Жнидаршича. Вероятно, к крестьянскому труду молодой человек не был привычен, и его отправка за границу вызывала у членов общества сомнения. Геруц писал о нем Хрибару: «Юноша говорит, что не боится никакой самой тяжелой работы <...>. Ясно, что это пустые разговоры и потребуются много времени, чтобы он привык к тяжелому труду»¹⁵. Однако Н. В. Тусков справился с трудностями и практика в Постоине ему понравилась. Секретарь общества Д. П. Мазин писал Хрибару об этом практиканте: «Он прислал мне самое восторженное письмо с описанием, как сердечно Вы отнеслись к нему и как хорошо он устроился»¹⁶.

Первая партия практикантов (Д. А. Чирцов, А. П. Воробьев, Е. К. Веселов, П. В. Клеманов, И. Н. Костров) прибыла в словенские земли в начале апреля 1909 г. Разместили их сначала в образцовых крестьянских хозяйствах в Штирии, потом в Нижней Крайне у помещика Юлия Трео. Словенские хозяева, принимавшие их к себе, обязывались обеспечить своих подопечных жильем и едой, а также заработной платой.

Иван Никанорович Костров (1889 г. р., из Костромской губернии) провел у Трео семь месяцев и, по словам хозяина, был работником, пригодным «для всякого дела, которому всякая работа была радость и который не работал для того, чтобы ему прошел день, но чтобы чему-нибудь научиться», завоевал «почитание и симпатию каждого»¹⁷. В отчете Обществу Костров писал, что рад, что практиканты «познакомились с нашими кровными братьями словинцами и соединились с ними братски во всех отношениях на всю свою жизнь»¹⁸. Затем он продолжил обучение в Моравии, где сначала работал подмастерьем слесаря на фабрике в г. Бланско (ноябрь 1909 г. — июль 1911 г.),

¹⁴ Е. Л. Тускова — К. Ю. Геруцу, [б. м. и г.] // РГИА. Ф. 403. Оп. 2. Д. 23. Л. 4–5.

¹⁵ К. Ю. Геруц — И. Хрибару, [Санкт-Петербург], 14 (27) февраля 1909 г. // RZ NUK. I. Hribar. Zaruščina. Ms. 1411. Мара 35. VIII.2.5. "Russkoje zerno".

¹⁶ Д. П. Марин — И. Хрибару. [Санкт-Петербург], 2 (15) апреля 1909 г. // Ibidem.

¹⁷ Характеристика. Юлий Трео, Мала Вас у Требня, 30 декабря 1909 г. // РГИА. Ф. 403. Оп. 2. Д. 16. Л. 16.

¹⁸ Отчет И. Н. Кострова Обществу «Русское Зерно» // Там же. Л. 28.

а затем механиком-слесарем на машинном заводе в г. Простееве (август 1911 г. — июнь 1912 г.)¹⁹.

Павел Васильевич Клеманов (1889 г. р., из Ярославской губернии), владелец четырех десятин земли, к тому времени уже шесть лет проживавший в Санкт-Петербурге и работавший приказчиком мануфактурного магазина, не был доволен стажировкой у Трео. Он полагал, что тому просто нужны работники, а с интересами русских практикантов он не считается²⁰. Зато жизнь в семье учителя Ловро Томана — человека образованного и прогрессивных взглядов — ему понравилась. Учитель поделился с Клемановым своими планами организовать молочный завод и ссудные кассы для крестьян, а также много времени уделил его обучению словенскому языку. Проведя у Томана всего два месяца, русский практикант научился не только говорить, но и писать по-словенски²¹. Он даже попросил К. Ю. Геруца выразить благодарность Л. Томану от имени общества «Русское зерно» «за его отеческое попечение обо мне»²². Многому научился он и на молочном заводе в деревне Моравче (Верхняя Крайна). Переехав в марте 1910 г. из Крайны в Моравию, Клеманов не захотел там оставаться, так как счел для себя достаточным «обучение в Словении как по полеводству так и по молочному делу», к тому же, по его мнению, «условия тамошнего хозяйства больше подходят к нам чем здешние»²³. О словенцах он отзывался «как о трудолюбивом и веселом народе» и высказал убеждение, что своим прогрессом и благосостоянием они обязаны народным учителям²⁴. «Я многое увидел, чего совершенно не знал, живя в России», — писал Клеманов. Пребывание на чужбине всколыхнуло его патриотические чувства — он заметил, что только на чужбине «можно любить родное русское дорогое и мы здесь зделались патриотами своего руского»²⁵. По возвращении на родину Клеманов при

¹⁹ Там же. Л. 12, 17.

²⁰ П. В. Клеманов — Д. П. Марину, Моравче, 1909 г. // РГИА. Ф. 403. Оп. 2. Д. 15. Л. 26 об.

²¹ П. В. Клеманов — К. Ю. Геруцу, [б. м. и г.] // Там же. Л. 19–20.

²² П. В. Клеманов — К. Ю. Геруцу, [б. м. и г.] // Там же. Л. 10–11.

²³ П. В. Клеманов — Обществу «Русское Зерно», б. м., 27 марта 1910 г. // Там же. Л. 5. Пунктуация и орфография сохранены.

²⁴ П. В. Клеманов — Обществу «Русское Зерно», дер. Григорово, 19 апреля 1910 г. // Там же. Л. 36–37.

²⁵ П. В. Клеманов — Д. П. Марину, Моравче, 1909 г. // Там же. Л. 25, 27 об.

содействии Комиссии по устройству практикантов получил место у князя Оболенского в Тамбовской губернии²⁶.

Алексей Прохорович Воробьев (27 лет, крестьянин Тверской губернии), в последние годы — рабочий швейной фабрики «Торнтон» в Санкт-Петербурге, характеризовался Обществом как «один из самых лучших» кандидатов. Возможно, потому что в течение трех лет, с 1906 г., он был слушателем сельскохозяйственных курсов Барташевича на Васильевском острове²⁷. Воробьев провел в Крайне 11 месяцев: два месяца он учился в Любляне садоводству и огородничеству, четыре месяца занимался плетением из вербы, два с половиной месяца полевыми работами, 2 месяца обучался в маслобойне. Затем, по его собственным словам, попросил И. Хрибара отправить его «в более культурный край», Моравию, что тот и организовал. В докладе обществу Воробьев очень подробно описал особенности сельского хозяйства и скотоводства в словенских землях, затронув и другие характерные черты жизни словенцев: деятельность их кредитных обществ, почты, пожарных дружин, прекрасное состояние дорог. Он отметил, что 80 % словенцев грамотны, но их школы «сравнительно с Моравой еще мало развиты». Охарактеризовал он словенцев как «народ трудолюбивый и честный», «весьма религиозный», не унывающий, несмотря на тяжелый труд. На праздниках у словенцев музыка и веселье, «ни скандалов, ни крика не услышишь, повсюду вежливость и уважение»²⁸.

Ефим Кондратьевич Веселов (28 лет, крестьянин Костромской губернии) являлся владельцем 14 десятин земли. Поехал на практику он за счет средств Общества, провел семь месяцев в Крайне, затем уехал в Моравию. В письме к К. Ю. Геруцу он описывал неподдельный интерес и теплоту, с которой словенцы встретили русских: «Мы стараемся приобрести симпатии среди словенцев и нам это вполне удается». «Нас везде встречают с большим уважением с криками “*Živio Rusi*”. Угощают вином, поют словинские песни, а мы им русские. Наши песни им очень нравятся». Нас «обнимают, цилуют и называют нас братья Руси». По его словам, многие словенские крестьяне захотели на следующее лето принять к себе русских учеников. Практиканты тоже старались не ударить в грязь лицом: учили словенский язык, устраивали «экскурсии» для

²⁶ Выписка из протокола заседания Комиссии по устройству практикантов общества «Русское зерно», 29 марта 1910 г. // Там же. Л. 6.

²⁷ РГИА. Ф. 403. Оп. 2. Д. 13. Л. 1, 2.

²⁸ Доклад А. П. Воробьева Обществу «Русское Зерно» // Там же. Л. 55–60.

популяризации «Русского зерна»²⁹. В феврале 1910 г., уже из Моравии, Веселов прислал Обществу отчет о своем пребывании в словенских землях, который настолько понравился Геруцу, что он предложил издать его отдельной брошюрой³⁰, что и было сделано. Веселов писал, что хочет рассказать о том, «как умно хозяйничают на своих крошечных усадьбах родные нам по крови, духу и наречию трудолюбивые, добросердечные, гостеприимные и сердечные братья словинцы». Прежде всего он отметил, что сельское хозяйство здесь «на очень высокой степени развития в сравнении с Россией», описал облик словенских деревень: каменные домики, ухоженные сады, тщательно обработанная земля, хороший скот. Подробно остановился и на специфике земледелия и скотоводства. Особое впечатление произвели на Веселова «дружность и взаимопомощь» крестьян: «Многому, очень многому можно поучиться нашему русскому крестьянину у здешнего». В конце отчета Веселов выразил надежду, что все практиканты по возвращении «станут первыми лучшими хуторянами», и призвал всех вступить в общество «Русское зерно». Также он выдвинул предложение губернским и уездным земским управам — ежегодно посылать за свой счет по два-три человека за границу³¹.

Одним из самых перспективных практикантов был *Дмитрий Александрович Чирцов* (26 лет, крестьянин Архангельской губернии) — он окончил четырехклассную гимназию, изучил бухгалтерию и умел печатать на пишущей машинке, а также прослушал двухгодичный курс лекций при Императорском сельскохозяйственном музее. Он был очень заинтересован в заграничной поездке и обосновал ее необходимость в письме Обществу:

Я уроженец далекого сурового и голодного севера, где борьба за существование человека с природою, в особенности, в сельском хозяйстве, должна быть очень интенсивною и со знанием агрономии. А в округе нет ни школы, ни земства, ни агрономов, ни благоустроенных хозяйств³².

²⁹ Е. К. Веселов — К. Ю. Геруцу, Мала Вас, 22 (4) августа 1909 г. // РГИА. Ф. 403. Оп. 2. Д. 12. Л. 2–5.

³⁰ Там же. Л. 6.

³¹ Благодарственное письмо крестьянина Костромской губ., Кологривскаго уезда Ефима Веселова, посланного обществом «Русское Зерно» за границу на практику для изучения земледелия. СПб., 1910. С. 3–14.

³² Д. А. Чирцов — в совет общества «Русское зерно», [б. м.], 28 марта 1909 г. // РГИА. Ф. 403. Оп. 2. Д. 25. Л. 5. Орфография сохранена.

Чирцов провел в словенских землях восемь месяцев (с перерывом — с августа 1909 по март 1910 г. он проходил практику в Хорватии) и за это время изучил молочное дело, сыроварение, маслоделие, а также стажировался в городском питомнике Любляны. Как человек образованный он составил наиболее полный и интересный отчет о пребывании в словенских землях, опубликованный, хоть и не полностью, в сборнике «Письма крестьян». Он писал, что Крайна «занимает пространство не более любого нашего уезда», и проживают в ней всего 500 тыс. чел. Местность гористая, почва плохая. Однако жители «живут хорошо». «Словенцы очень трудолюбивый, сердечный, общительный, а главное честный народ. Здесь воровство и пьянство считаются большим позором, и эти случаи — явление редкое».

Чирцова — единственного из всех практикантов — заинтересовала судьба словенского народа. Судя по его отчету, он симпатизировал австрийским славянам и неприязненно относился к немцам (эти пассажи, естественно, не были опубликованы). Позже, в 1911 г., в письме к Геруцу Чирцов рассказал, что пишет большую книгу воспоминаний о своей поездке и хотел бы отдать ее Обществу, но боится, «что там вычеркнут мою тенденцию против немцев; от этого смысл потеряется»³³. Он напомнил, что «в старое время Крайна была свободна и управлялась воеводою, теперь же входит в состав Австрии», хотя вся она заселена словенцами. Они славяне, и их язык «похож на старославянский»³⁴. Говоря о штирийских словенцах, он подметил: «Живя постоянно среди немцев и ведя с ними постоянную борьбу за свою национальность, они несколько с внешнего вида онемечились, но в сердце и языке остались верными себе». В каждой деревне, писал он, ежегодно отмечали праздник св. Кирилла и Мефодия, которых чтут «как славянских учителей»³⁵. «Нельзя сказать, чтобы сельское хозяйство в Крайне находилось на высокой ступени развития», но если будет впредь развиваться так быстро, то скоро догонит Германию, Данию, Швейцарию. 30 лет назад Крайна была «как наша матушка Русь»³⁶, но теперь достигла большого прогресса. Это произошло, как считал Чирцов, благодаря тому, что в словенских землях было

³³ Д. А. Чирцов — К. Ю. Геруцу, Ежово, 6 марта 1911 г. // Там же. Л. 43.

³⁴ Письма крестьян. СПб., 1911. С. 163–164.

³⁵ Доклад Д. А. Чирцова «Моя поездка за границу» // РГИА. Ф. 403. Оп. 2. Д. 25. Л. 72–72 об.

³⁶ Письма крестьян. С. 164.

«введено обязательное обучение», «построены прекрасные каменные школы», «народ стал совершенно развитой». «Деревни — что наши губернские города, во многих есть водопровод, электричество. Велосипед — самая обычная вещь у крестьянина». По мнению русского практиканта, словенцам помогло выбраться из плохой жизни и кооперативное движение, он отметил, что «почти каждое село имеет ссудно-сберегательную общественную кассу, много также молочных и других подсобных обществ». Подытоживая свой рассказ, Чирцов отметил:

Иногда нам стыдно за себя, что мы приехали учиться к этому маленькому, живому народу, который, еще к тому, находится под политическим игом немцев. <...> Если бы мы больше знали об них, больше интересовались ими, то мы не только могли бы у них многому поучиться, но еще нашли бы для себя довольно порядочный рынок для сбыта наших кустарных изделий³⁷.

Чирцов, по-видимому, произвел хорошее впечатление на словенцев. Когда он вернулся в апреле 1910 г. из Хорватии в словенские земли, И. Хрибар рекомендовал обществу «Русское зерно» продлить ему практику, поскольку он «с большим вниманием изучает молочное дело и сыроварение». Комиссия по устройству практикантов не возражала, оговорив только, что «никаких расходов на него она производить не может», только оплатит дорогу домой³⁸. Когда Чирцов вернулся на родину, Общество похлопотало и о его трудоустройстве: ему предложили командировку для управления имением В. Н. Попова-Веденского в г. Кадникове Вологодской губернии. Вероятно, на этом месте он не остался, поскольку вскоре Общество обратилось в Северное сельскохозяйственное общество с просьбой рекомендовать Чирцова «на должность мастера по молочному делу и сыроварению»³⁹.

³⁷ Письма крестьян. С. 165–166.

³⁸ И. Хрибар — Обществу «Русское Зерно», [Любляна], 17 апреля 1910 г. // РГИА. Ф. 403. Оп. 2. Д. 25. Л. 10–10 об.; Комиссия по устройству практикантов общества «Русское зерно» — И. Хрибару, [Санкт-Петербург], 4 апреля 1910 г. // Там же. Л. 11.

³⁹ Выписка из протокола заседания Комиссии по устройству практикантов, [Санкт-Петербург], 9 октября 1910 г. // Там же. Л. 22; Общество «Русское Зерно» — в Северное сельскохозяйственное общество, [Санкт-Петербург] // Там же. Л. 36.

Все шесть человек, поехавших в 1909 г. на практику в словенские земли, остались довольны. Все они провели за границей один-два года, побывав по несколько месяцев в Штирии и Крайне, а также в Моравии или Хорватии. Именно эта первая партия практикантов оставила наиболее полные и подробные сообщения о своей заграничной жизни. Конечно, не все проходило гладко, были и трудные моменты. Практиканты считали, что Общество недостаточно заботится о них. Так, П. Клеманов писал, что все они поизносились, «приходится терпеть и насмешки» со стороны словенцев. «Вы пишете, что здесь нужно высоко держать флаг России», но нам не платят, на нас смотрят «как на представителей России»⁴⁰, а купить новую одежду питомцам не на что. Резче всех высказался в письме к Обществу Дмитрий Чирцов: за 11 месяцев, проведенных за границей, он «не имел никаких сведений от Общества», не видел, «что Общество заботилось об нас, как оно обещало при отъезде». На письма и просьбы практикантов не было ответа. «Если я провел за границей почти год, то не благодаря заботам нашего Общества, а исключительно симпатиям небольшого, но энергичного народа словенцев, да собственной своей помощи». Далее последовало предупреждение: если Общество будет так же плохо заботиться о питомцах, то «мы можем потерять те симпатии, которыми мы пользовались здесь до сих пор»⁴¹.

В целом, несмотря на все недостатки организации первой заграничной практики питомцев, Общество высоко оценило результаты их поездки. В его отчете за 1909 г. упоминалось, что их пребывание за границей «принесло пользы даже более, чем можно было ожидать», и особо было отмечено «сердечное братское участие» к русским «наших братьев-славян»⁴². По возвращении на родину практиканты представили Крестьянской комиссии общества свои отчеты, а также полученные ими аттестаты от хозяев или от учреждений, где проходили учебу⁴³.

Поездка русских крестьян в словенские земли в 1912 г., к сожалению, оказалась не такой удачной. Возможно, отчасти это связано

⁴⁰ П. В. Клеманов — Д. П. Марину, Моравче, 1909 г. // РГИА. Ф. 403. Оп. 2. Д. 15. Л. 27 об.

⁴¹ Д. А. Чирцов — Обществу «Русское Зерно», [б. м.], 22 марта 1910 г. // Там же. Оп. 2. Д. 25. Л. 7–7 об.

⁴² Отчет о деятельности общества «Русское Зерно» за 1909 год. С. 5–6.

⁴³ Отчет о деятельности общества «Русское Зерно» за 1912 год. СПб., 1913. С. 18.

с тем, что попечителя Хрибара к тому времени сняли с поста жупана, и, пристраивая русских крестьян, он мог опереться уже только на свои личные связи. К тому же, ни он, ни Общество не просчитали как следует, насколько удачен тот или иной вариант размещения стажеров.

Следующая партия питомцев общества «Русское зерно» отправилась в словенские земли в феврале 1912 г. Всего было 12 практикантов, десять из них послали в имение словенского помещика К. Майера, предложившего самые выгодные условия: он обещал выплачивать практикантам за работу с 1 марта по 1 ноября по 25 крон в месяц (остальные хозяева предлагали по 5–10 крон! — Л.К.), а «самых способных» оставить у себя и на зиму⁴⁴. М. О. Крыжевича Хрибар разместил в хозяйстве учителя Ф. Горичана, А.К. Стасевича — в поместье Ф. Сагая. Судя по письмам словенских крестьян Хрибару, они полагали, что, принимая к себе русских практикантов, получают дешевую рабочую силу. Но все оказалось не так просто и выгодно. Русские крестьяне стремились научиться новым методам хозяйствования, но только тем, которые потом смогут применить у себя на родине. Начались трения. Уже в начале марта 1912 г. К. Майер с горечью писал Хрибару: «Разочарование велико, юношей я получил, но они приехали сюда только учиться, а не работать, во всяком случае, не выполнять нашу работу, поскольку виноградников у них нет». Он попросил Хрибара приехать и забрать практикантов, так как, «по всей видимости, они хотят вернуться»⁴⁵. Но практиканты, все десять человек, сами отправились в Любляну, не дожидаясь приезда Хрибара. Тот был обижен. «Мне поведение питомцев, препровожденных к госп. Маеру, очень неприятно»⁴⁶, — писал он Обществу, подчеркивая, что эта семья прекрасно к ним отнеслась. Однако у русских крестьян сложилось другое впечатление. Они писали, что у Майера виноград, коровы и свиньи, «полевых злаков никаких не сеет». Изучение этих отраслей им пользы не принесет, поскольку среди них практиканты «из таких губерний, где виноград совсем не произрастает». Приняли их не как практикантов, «а как рабочих, приехавших на заработки», и условия жизни предложили плохие: чердак, стены каменные...

⁴⁴ К. Майер — И. Хрибару, Випава, 18 декабря; 29 декабря 1911 г., 15 января 1912 г. // RZNUK. I. Hribar. Zapuščina. Ms. 1411. Мара 35. VIII.2.5. "Russkoje zerno".

⁴⁵ К. Майер — И. Хрибару, Випава, 5 марта 1912 г. // Ibidem.

⁴⁶ И. Хрибар — О.П. Дмитриевой, [б. м.], 13 марта 1912 г. // РГИА. Ф. 403. Оп. 2. Д. 185. Л. 52.

Сквозь их дует ветер и дождь заливает, пол дырявый, в помещении от свиней вонь и наградили нас в изобилии свиными вшами. <...> В помещении не было ни стола, ни скамейки, ни освещения, ни отопления, чтобы осушится от дождя, когда приходились с работы мокре⁴⁷.

В связи с этим неприятным инцидентом, возникшим из-за общей непродуманности ситуации, Комиссии по устройству практикантов пришлось извиниться перед Хрибаром «за беспокойство, причиненное <...> практикантами общества»⁴⁸. А Хрибар был вынужден срочно подыскивать для русских крестьян другие места. И. И. Климука и В. Ф. Леденёва он пристроил в Горичане, В. И. Старожука-Гвардеолиста, А. И. Воробьева, И. А. Куценко, С. В. Палия — в сельскохозяйственную школу в Грме, а практикантов Охотного, Чередника, Овчарова и Литовченко по согласованию с чешским попечителем Общества Л. Ф. Ридлем отправил в Моравию⁴⁹.

В других хозяйствах, где разместили практикантов, также не все складывалось гладко. *Антоний Константинович Стасевич* (24 года, крестьянин Виленской губернии, католического вероисповедания, арендатор) был квалифицированным работником, до поездки он пять лет прослужил управляющим в поместье г-жи Е. П. Самокиш-Судковской (хутор «Езерки»). Она сама обратилась к Обществу с просьбой послать его на практику за границу «почувствовать сельскому хозяйству», чтобы потом он смог стать помощником агронома, передавать свои знания русским крестьянам и сделать ее хутор «образцовым». Хозяйка охарактеризовала своего протеже как «очень способного», честного и трудолюбивого человека. Она подчеркнула, что обучила его русской грамоте и «полевому и огородному хозяйству» и выразила готовность оплатить его зарубежную стажировку⁵⁰. Стасевич отзывался о своем словенском хозяине Ф. Сагае как о человеке «очень хорошем и любезном», но при этом жаловался на то,

⁴⁷ В. И. Старожук-Гвардеолист, А. И. Воробьев, С. В. Палий, И. А. Куценко — Крестьянской комиссии общества «Русское зерно», Ново Место, 11 (24) марта 1912 г. // Там же. Д. 213. Л. 13.

⁴⁸ О. П. Дмитриева — И. Хрибару, 05 (18) марта 1912 г. // Там же. Д. 185. Л. 56.

⁴⁹ И. Хрибар — Обществу «Русское Зерно», [б. м.], 12 марта 1912 г. // Там же. Л. 49–50.

⁵⁰ Е. П. Самокиш-Судковская — обществу «Русское Зерно», [б. м. и г.] // Там же. Д. 214. Л. 1.

что не узнал у него ничего нового. «Здесь нет никаких машин. Которые есть, то мне знакомы», — писал он Хрибару. Сад «запущен до невозможности», земледелие обыкновенное, «в домашних вещах беспорядок». Работу приходилось выполнять давно известную: «чистить лошадей и конюшню, рубить дрова, возить мусор и т. п.». «Я здесь не как практикант, а как обыкновенный рабочий, который приехал только на заработки», — подытожил он свой рассказ. Не желая терять времени, Стасевич обратился к Хрибару с просьбой послать его на обучение в сельскохозяйственную школу, а если не получится, то взять его на работу «на дачу» Хрибара, поскольку крестьянскую работу он знает всю⁵¹.

Хрибар помог русскому практиканту. В сентябре 1912 г. он сообщил обществу «Русское зерно»: «Стасевича посчастливилось мне поместить самым лучшим образом»⁵². А в ноябре с удовлетворением констатировал, что этот его подопечный «хорошо изучил земледелию и скотоводству». Уже вскоре ему доверили руководить другими работниками. Он обращался с ними, судя по всему, жестко. «Многие работники здесь меня называют каким-то словом “Худич”⁵³. С работниками я не церемонюсь, если что не хорошо»⁵⁴, — писал он Хрибару. Хозяин, помещик Штахлер из села Кранихсфельд (ныне — Раче) в Штирии, дал ему превосходную характеристику: «Мы остались чрезвычайно довольны его трудолюбием, распорядительностью и примерным поведением». Он даже предложил Стасевичу постоянную работу в своем поместье в качестве помощника управляющего⁵⁵, но тот не согласился. По настоянию г-жи Самокиш-Судковской⁵⁶ Стасевич вернулся в Россию уже в конце октября, и судьба его после заграничной стажировки сначала складывалась самым благоприятным образом. Он устроился управляющим в богатое имение «Рябово» под Санкт-Петербургом на очень хороших условиях (жалование 50 руб. в месяц, обеспечение продуктами и четырехкомнатная

⁵¹ См. два письма А. К. Стасевича И. Хрибару, б. м. [весна–лето 1912 г.?] // RZ NUK. I. Hribar. Zaruščina, Ms. 1411. Мара 35. VIII.2.5. “Russkoje zerno”.

⁵² И. Хрибар — обществу «Русское зерно», [б. м.], 14 ноября 1912 г. // Ibidem.

⁵³ «Черт» (слов.).

⁵⁴ А. К. Стасевич — И. Хрибару // РГИА. Ф. 403. Оп. 2. Д. 214. Л. 17.

⁵⁵ Удостоверение, выданное землевладельцем Штахлером А. К. Стасевичу, Кранихсфельд, 30 октября 1912 г. // РГИА. Ф. 403. Оп. 2. Д. 214. Л. 45.

⁵⁶ ЦГИА СПб. Ф. 895. Оп. 1. Д. 1. Л. 20.

квартира с электричеством). Стасевич не забыл своего словенского попечителя. В марте 1913 г. он писал ему: «Благодарю Вас в душе каждый день. Дай Вам Бог то, чего Вы только желаете для себя», а через два месяца, сообщая о своей будущей свадьбе, попросил у Хрибару благословения⁵⁷.

Максим Онуфриевич Крыжевич (26 лет, крестьянин Витебской губернии, арендатор), мог отчасти оплатить свою поездку за границу и просил отправить его в Германию⁵⁸, но попал в Штирию, где сначала проходил практику в хозяйстве учителя Ф. Горичана, изучая «земледовство, молочное дело и сыроварение». Он хорошо отзывался как о самом хозяине, так и о благоустроенности его поместья⁵⁹. Затем он побывал в разных местах: в июле учился сыроварению в Скаручне и Шкофье Локе, а в августе даже провел несколько дней в поместье К. Майера, изучая виноградарство. Но, в отличие от первых побывавших там практикантов, остался доволен. Вероятно, хозяева учли свои ошибки: поселили его не на чердаке, а в комнате, показали свои сады и виноградники и разрешили попрактиковаться в палисаднике⁶⁰. В письме Обществу Крыжевич поделился своими впечатлениями о словенцах: «Здесь люди чисты, высоконравственны, религиозны! А посему этот грязный “промысел” — воровство почти что отсутствует». «Хорошо, умно живут словенцы», и большие груженики⁶¹. После поездки к Майеру Крыжевич немного поработал в городском саду Любляны, но вернуться затем к Горичану не захотел, решив, что там ему уже «положительно нечему учиться». И вообще далее оставаться в словенских землях отказался. «Я здесь не видел правильного скотоводства <...> и образцового хозяйства», которое хотел бы завести у себя в деревне⁶², — писал он Хрибару. Он поехал на две недели в Моравию, и уже в сентябре 1912 г. вернулся домой.

⁵⁷ А. К. Стасевич — И. Хрибару, [б. м.], 9 марта; 9 мая 1913 г. // RZ NUK. I. Hribar. Zaruščina. Ms. 1411. Mara 35. VIII.2.5. “Russkoje zerno”.

⁵⁸ М. О. Крыжевич — обществу «Русское Зерно», [б. м.], 15 апреля 1911 г. // РГИА. Ф. 403. Оп. 2. Д. 200. Л. 1.

⁵⁹ М. О. Крыжевич — обществу «Русское Зерно», открытка б. м. и г. // Там же. Л. 15.

⁶⁰ М. О. Крыжевич — И. Хрибару, [б. м.], 2, 21, 23 июня; 3 июля; 4 августа 1912 г. // Там же. Л. 20, 23, 24, 26, 30.

⁶¹ М. О. Крыжевич — обществу «Русское Зерно», [б. м.], 18 (5) марта 1912 г. // Там же. Л. 16.

⁶² М. О. Крыжевич — И. Хрибару, [б. м.], 30 июля 1912 г. // Там же. Л. 38.

Иван Иосифович Климук (21 год, крестьянин Гродненской губернии) и Василий Федорович Леденёв (18 лет, крестьянин Воронежской губернии, из зажиточной семьи — у отца его было 18 десятин земли в собственности, деньги на поездку ему выделила уездная земская управа⁶³) по возвращении из поместья Майера несколько месяцев провели в сельскохозяйственной школе в селе Горичане близ Люблины. По словам Леденёва, школа произвела на них «громадное впечатление». Особенно он отметил «порядок во всем и образцовую чистоту»⁶⁴. Обязанностью стажеров был уход за скотом, условия содержания которого поразили русских крестьян: «Хлевы устроены образцово; полы и ясли цементные, окна большие, в потолках устроены хорошие вентиляторы, а в полах проведены трубы для стока жижи»⁶⁵. Однако, когда скот выпустили на пастбища, Хрибар, по просьбе практикантов, перевел их в начале июля в образцовую молочную ферму в Логатце⁶⁶. Там они на практике изучили молочное дело и сыроварение и посетовали на то, что теорию им не преподавали. Они писали Обществу:

Мы очень довольны и считаем великим счастьем, что удостоились быть питомцами у «ОРЗ» и имели возможность поучиться у наших братьев славян, которые нас во всем далеко опередили⁶⁷.

В сентябре Леденёв обратился к Хрибару с просьбой похлопотать, чтобы Общество оставило его на зиму в какой-нибудь сельскохозяйственной школе, поскольку за время практики он, к сожалению, «ничего не узнал о сельском хозяйстве»⁶⁸. Однако Комиссия по устройству практикантов решила по-другому: оставить Леденёва и Воробьева на несколько месяцев в Санкт-Петербурге для обучения их в Сельскохозяйственном музее⁶⁹. В конце октября Леденев вернулся на ро-

⁶³ См.: РГИА. Ф. 403. Оп. 1. Д. 207. Л. 1–2.

⁶⁴ В. Ф. Леденев — обществу «Русское Зерно», [б. м.], 4 марта 1912 г. // Там же. Л. 8.

⁶⁵ В. Ф. Леденев — обществу «Русское Зерно», [б. м.], 17 мая 1912 г. // Там же. Л. 11.

⁶⁶ И. Хрибар — обществу «Русское зерно», [б. м.], 14 сентября 1912 г. // РГИА. Ф. 403. Оп. 1. Д. 185. Л. 66–67.

⁶⁷ В. Ф. Леденев, И. И. Климук — Обществу «Русское Зерно», [б. м.], 10 ноября 1912 г. // Там же. Д. 207. Л. 14.

⁶⁸ В. Ф. Леденев — И. Хрибару, [б. м.], 17 ноября 1912 г. // Там же. Л. 15.

⁶⁹ Там же. Л. 18.

дину и два месяца посещал в музее лекции, однако доучиться ему не удалось — уездная земская управа больше денег на него не выделила⁷⁰. Климук высказал Хрибару горячее желание выучиться слесарному делу⁷¹, и попечитель отправил его на фабричный завод братьев Кнотек в Ичине (Моравия), где он стал изучать «фабричные и земледельческие орудия»⁷². Климук был очень доволен как условиями проживания в Ичине, так и работой на фабрике, и зарплатой, о чем неоднократно сообщал в письмах И. Хрибару⁷³ и обществу «Русское зерно»⁷⁴.

В земледельческую школу в Грме близ г. Новое Место были направлены четыре русских стажера: *Алексей Иванович Воробьев* (25 лет, крестьянин Рязанской губернии), *Исаак Александрович Куценко* (22 года, крестьянин Херсонской губернии), *Семён Власович Палий* (20 лет, крестьянин Донской области) и *Владимир Ильич Старожук-Гвардеолист* (23 года, крестьянин Подольской губернии). А. И. Воробьева рекомендовала отправить за границу председательница Кустарной комиссии Общества Е. Н. Половцова, охарактеризовав его как «толкового, трезвого, хорошего крестьянина», стремящегося выучиться «обработке земли машинами»⁷⁵. А Старожук получил личную рекомендацию от княгини С. М. Волконской, в имении которой он обучался два года⁷⁶.

Сначала русским крестьянам понравилось в школе. Так, в марте Старожук в письме выразил Хрибару «сердечное русское спасибо» за устройство на практику в Грме и пожелание остаться там до октября⁷⁷. Однако вскоре практиканты стали проявлять недовольство. С. Палий уже в марте жаловался, что ему нет никакой пользы от практики, поскольку в Крайне «природные условия обработки почвы

⁷⁰ Там же. Л. 25.

⁷¹ И. И. Климук — И. Хрибару, [б. м. и г.] // Там же. Д. 196. Л. 28.

⁷² И. Хрибар — Обществу «Русское зерно», [б. м.], ноябрь 1912 г. // RZ NUK. I. Hřibar. Zarušćina Ms. 1411. Мара 35. VIII.2.5. "Russkoje zerno".

⁷³ И. И. Климук — И. Хрибару, Ичин, 3 ноября 1912 г. // Ibidem.

⁷⁴ И. И. Климук — обществу «Русское зерно», Ичин, 5 (18) ноября 1912 г. // ЦГИА СПб. Ф. 895. Оп. 1. Д. 3. Л. 6, 6 об.

⁷⁵ Е. Н. Половцова — О. П. Дмитриевой, [Санкт-Петербург], 1 декабря 1911 г. // РГИА. Ф. 403. Оп. 2. Д. 183. Л. 3–3 об.

⁷⁶ Опросный лист Старожука-Гвардеолиста // Там же. Д. 213. Л. 1.

⁷⁷ В. И. Старожук-Гвардеолист — И. Хрибару, [б. м.], 12 марта 1912 г. // Там же. Л. 8.

совсем не подходящие» для него, и просил Хрибара отправить его «к хорошему хозяину» в Моравию, а если не получится, то обратно в Россию⁷⁸. Он вернулся домой уже в июне, недовольный своей поездкой⁷⁹. Алексей Воробьев и Исаак Куценко также высказали претензии:

Нам не дают практической науки, а больше работы. <...> Как на волах, так и на нас работают. <...> Хорошая здесь практика; вместе с арестантами работаем, которые приходят из Нового Места. Здесь есть чему научиться, но только нам не дают.

Практиканты попросили Хрибара дать им «полезную работу» или отправить домой в Россию⁸⁰. Вероятно, к их мнению присоединялся и Старожук. Во всяком случае, Обществу пришлось написать письмо рекомендовавшей его княгине Волконской с извинениями за его неудачную практику, объяснив недовольство Старожука тем, что «он по своему умственному развитию стоит несравненно выше развития деревенского обывателя»⁸¹.

Выход из сложившейся ситуации предложили сами стажеры, осознавшие, что полноценного обучения в школе без знания словенского языка у них не будет. Поэтому они попросили Хрибара походить перед директором школы, чтобы их зачислили «в штат практикантов» и выразили желание выучить язык и на зиму поступить в школу «для изучения теории». А для этого необходимо, чтобы Общество выслало им три русско-словенских словаря⁸². И Общество, и Хрибар пошли навстречу. В августе 1912 г. В. Старожук, И. Куценко и А. Воробьев стараниями Хрибара были зачислены в школу в Грме на обучение на зимнем курсе, оплачивалось оно из средств общества «Русское зерно»⁸³. Председательница Крестьян-

⁷⁸ С. Палий – И. Хрибару, Ново Место, 12 марта 1912 г.; С. Палий – И. Хрибару, [б. м. и г.] // RZ NUK. I. Hribar. Zapuščina. Ms. 1411. Мара 35. VIII.2.5. “Russkoje zerno”.

⁷⁹ С. В. Палий – И. Хрибару, [б. м.], 19 мая 1912 г. // РГИА. Ф. 403. Оп. 1. Д. 106. Л. 17.

⁸⁰ А. И. Воробьев, И. А. Куценко – И. Хрибару, [б. м.], 10 июня 1912 г. // RZ NUK. I. Hribar. Zapuščina. Ms. 1411. Мара 35. VIII.2.5. “Russkoje zerno”.

⁸¹ Общество «Русское зерно» – С. М. Волконской, [Санкт-Петербург], 24 мая 1912 г. // РГИА. Ф. 403. Оп. 2. Д. 213. Л. 19.

⁸² В. И. Старожук, А. И. Воробьев, И. А. Куценко – И. Хрибару, [б. м.], 12 апреля 1912 г. // Там же. Л. 15–16.

⁸³ Дирекция крайнской крестьянской школы в Грме – Хрибару, [Грм], 21 августа 1912 г. // RZ NUK. I. Hribar. Zapuščina. Ms. 1411. Мара 35. VIII.2.5. “Russkoje zerno”.

ской комиссии О. А. Дмитриева в связи с этим попросила Хрибару выдать им деньги на покупку школьной одежды («как Ваши ученики носят») и узнать, какие учебники следует купить⁸⁴. Однако Воробьев и Старожук хотели обучаться в школе только теории, от прохождения практики они отказались. Поскольку директор школы на это не согласился, они уехали в Любляну, откуда в ноябре 1912 г. Хрибар отправил их назад в Россию. Впрочем, как оказалось впоследствии, их обучение в словенских землях все же было бесполезным. В 1913 г. Старожук в письме к Хрибару упомянул, что, работая теперь «в большом имении», он «кое-что порекомендовал, что видал в школе»⁸⁵.

В результате учиться в Грме остался один Куценко⁸⁶. Вероятно, ему учеба в ней принесла большую пользу, так как родом он был с юга. Он хорошо выучил словенский язык и успешно закончил курс обучения. Впрочем, возвращение его в Россию было связано со скандалом. В начале декабря 1913 г. Хрибар писал Обществу:

Директор школы на Грме пишет мне, что Исаак А. Куценко влюбился в девушку из школьной прислуги, что намеревается — дурак! — перейти на католическое вероисповедание, потом найти себе в Словении службу и наконец жениться на споменутой девушке. Так как Вы послали его в школу с совсем иным намерением, прошу Вас онемогучить ему его затею и потребовать от него, чтобы взялся за дело реформ в русской деревне⁸⁷.

Общество приняло необходимые меры⁸⁸. Вскоре Куценко вернулся в Россию.

Итак, из 12 практикантов, поехавших в 1912 г. в словенские земли, четверо в скором времени были отправлены в Моравию, шесть человек прервали практику и вернулись на родину летом–осенью того же года. В целом общие впечатления от пребывания в словенских

⁸⁴ О. П. Дмитриева — И. Хрибару, Люцерна, 12 августа 1912 г. // *Ibidem*.

⁸⁵ В. Старожук — И. Хрибару, Саратовская губерния (имение Елань), 1913 г. // *Ibidem*.

⁸⁶ И. Хрибар — обществу «Русское зерно», [б. м.], сентябрь 1911 г. // *Ibidem*.

⁸⁷ И. Хрибар — обществу «Русское Зерно», Любляна, 3 декабря 1913 г. // РГИА СПб. Ф. 403. Оп. 2. Д. 185. Л. 87–87 об.

⁸⁸ Общество «Русское Зерно» — И. Хрибару, [Санкт-Петербург], 3 декабря 1913 г. // Там же. Л. 88.

землях у них оказались хуже, чем у первой группы практикантов (1909), хотя многие из них впоследствии упоминали в письмах о том, что знания, полученные ими в словенских землях, все же пригодились на родине.

Посетив в июле 1912 г. во время инспекционной поездки и словенские земли, О. П. Дмитриева пришла к такому выводу:

В общем, культура земледелия уступает моравской и, на мой взгляд, едва ли целесообразно посылать туда крестьян на практические занятия; можно ограничиться работой в кооперативных молочных школах, с чем согласился и И. Ф. Грибарь⁸⁹.

В качестве главной причины досрочного возвращения крестьян с заграничной практики Дмитриева упомянула «тоску их по родине». И высказала сомнения в целесообразности отправлять крестьян за границу на длительный срок — ведь они прочувствуют «весь комфорт западноевропейской жизни», а затем вернуться «в скромную серую обстановку родного села», и неизвестно, как ее снова воспримут⁹⁰. А к концу года, когда уже началась Первая Балканская война, Общество приняло решение о том, что «при создавшемся политическом положении, в ближайшее время представляется затруднительной массовая посылка крестьян в земли австрийские и балканских государств» и будет целесообразно размещать их в пределах Европейской России⁹¹. Так что эта поездка русских практикантов в словенские земли оказалась последней.

Общество и в дальнейшем старалось не упускать из виду своих питомцев. Оно вело с ними переписку, следило за их успехами, при необходимости помогало им с трудоустройством, а подчас оказывало и материальную поддержку их перспективным начинаниям. Так, в октябре 1910 г. после смерти одного из учредителей Общества — профессора В. М. Володимирова была назначена стипендия его имени «для одного из лучших практикантов общества, оставляемого за границей более одного года»⁹², а в мае 1912 г. было решено

---

⁸⁹ Доклад о поездке в Прибалтийский край, в Моравию и Крайну по делам общества «Русское Зерно» председательницы Крестьянской комиссии О. П. Дмитриевой // Известия «Русского зерна». СПб., 1913. Вып. 1. С. 29.

⁹⁰ Там же. С. 29, 34–35.

⁹¹ Отчет о деятельности общества «Русское Зерно» за 1912 год. С. 17.

⁹² Отчет о деятельности общества «Русское Зерно» за 1910 год. СПб., 1911. С. 12.

учредить для поощрения наиболее инициативных бывших учеников «ежегодное отчисление в размере 1000 рублей на выдачу этим лицам особых премий». Эти «стольпинские» премии, названные так в честь погибшего в 1911 г. в результате террористического акта П. А. Столыпина, выдавались не деньгами, а «различными сельскохозяйственными предметами»⁹³.

Некоторые из практикантов, прошедших практику в словенских землях, получили материальную поддержку Общества. Так, Е. К. Веселов написал Обществу в октябре 1910 г., что хочет открыть мастерскую «для выработки дешевых и практичных крестьянских веялок, сеялок и др.», а также для починки орудий, и попросил выдать ему беспроцентную ссуду 500 руб. О. П. Дмитриева выделила ему эту ссуду⁹⁴. В ноябре 1913 г. обратился к Обществу за помощью и А. П. Воробьев, купивший 13 соток земли и планировавший ввести на своем участке прогрессивные методы хозяйствования. Получив от уездной земской управы «лучшие рекомендации» Воробьева как человека трезвого, трудолюбивого и знающего сельское хозяйство, в апреле 1914 г. Крестьянская комиссия постановила выдать ему натурой премию 250 руб.⁹⁵ Переписка Воробьева с Обществом по этому поводу продолжалась вплоть до начала Первой мировой войны. Получил ли он в конце концов свою премию, неизвестно. А вот Чирцов, вероятно, не оправдал возлагавшихся на него надежд, либо испортил отношения с Обществом, поскольку характер имел строптивый и независимый. Во всяком случае, в получении премии ему отказали. В 1913 г. он написал Обществу о том, что в связи со смертью отца ему пришлось в августе 1912 г. вернуться домой к матери. Он хочет усовершенствовать хозяйство и просит присудить ему премию как единственному представителю Общества в Архангельской губернии⁹⁶. В июле 1914 г. он получил ответ от Крестьянской комиссии: прошение

⁹³ Отчет о деятельности общества «Русское Зерно» за 1912 год. С. 20.

⁹⁴ Е. К. Веселов — обществу «Русское Зерно», [б. м.], 24 октября 1910 г. // РГИА. Ф. 403. Оп. 2. Д. 12. Л. 19, 26; Е. К. Веселов — в Совет общества «Русское Зерно», Санкт-Петербург, 16 ноября 1910 г. // Там же. Л. 26.

⁹⁵ А. П. Воробьев — обществу «Русское Зерно», [б. м.], 23 ноября 1913 г. // Там же. Д. 13. Л. 48; Агрономический отдел Стар. У. З. У — обществу «Русское Зерно», [б. м.], 15 апреля 1914 г. // Там же. Л. 98; Общество «Русское Зерно» — А. П. Воробьеву, [Санкт-Петербург], 4 апреля 1914 г. // Там же. Л. 47.

⁹⁶ Д. А. Чирцов — обществу «Русское Зерно», село Саяла, 15 июня 1913 г. // Там же. Д. 25. Л. 85–87 об.

отклонено, так как премии выдаются только тем, кто «улучшил свое хозяйство по примеру виденного за границей и послужил примером для односельчан»⁹⁷. Отказали в оказании материальной помощи и А. Н. Воробьеву, обратившемуся в июне 1915 г. к Обществу с просьбой дать ему «безвозмездно или в рассрочку на 2 года» 150 руб. на покупку машины для корчевания пней⁹⁸.

В целом можно сказать, что этот опыт экономического и культурного взаимодействия русских и словенцев, несмотря на некоторые шероховатости, оказался плодотворным. По отзыву Хрибара, «работой и поведением большинства этих русских государственных стипендиатов их работодатели были очень довольны». Главную же пользу от приезда русских крестьян на практику в словенские земли Хрибар видел в том, что благодаря им словенские крестьяне узнали больше о русском народе, о котором им практически ничего не было известно, а русские узнали о словенцах, их жизни и культуре⁹⁹. Русским крестьянам поездка за границу принесла не только практическую пользу от приобретения новых знаний и умений. Знакомство с языком, традициями, жизненным укладом близкого по языку словенского народа способствовало и общему расширению кругозора практикантов.

Список сокращений

РГИА – Российский государственный исторический архив, Санкт-Петербург
ЦГИА СПб – Центральный государственный исторический архив Санкт-Петербурга
RZ NUK – Rokopisna zbirka Narodne in univerzitetne knjižnice v Ljubljani

Литература

Аврех 1991 – Аврех А.Я. П. А. Столыпин и судьбы реформ в России. М.: Политиздат, 1991.
Голосенко 1994 – Голосенко И.А. Петр Столыпин и социология Огюста Конта // Социологический журнал. 1994. № 4. С. 81–94.

---

⁹⁷ Крестьянская комиссия общества «Русское Зерно» – Д. А. Чирцову, [Санкт-Петербург], 19 июля 1914 г. // Там же. Л. 18.

⁹⁸ А. Н. Воробьев – обществу «Русское зерно», [б. м.], 20 июня 1915 г. // Там же. Д. 183. Л. 32–34.

⁹⁹ Hribar I. Moji spomini. I. Del. Ljubljana: Slovenska matica, 1983. S. 223.

- Кирилина 2011 — *Кирилина Л.А.* Словенские неослависты и их отношение к России // Австро-Венгрия. Центральная Европа и Балканы (XI–XX вв.) / отв. ред. С. А. Романенко. СПб.: Алетейя, 2011. С. 428–441 (Российско-австрийский альманах. Вып. 4.).
- Кирилина 2019 — *Кирилина Л.А.* Жупан Иван Хрибар и модернизация Любляны // *Historia Provinciae* — Журнал региональной истории. 2019. Т. 3. № 2. С. 627–671. DOI: 10.23859/2587-8344-2019-3-2-3
- Корелин, Шаццлло 1995 — *Корелин А.П., Шаццлло К.Ф.* П. А. Столыпин. Попытка модернизации сельского хозяйства России // Деревня в начале века: революция и реформа / общ. ред. Ю. Афанасьев. М.: РГГУ, 1995.
- Рогатко 2012 — *Рогатко С.А.* Несостоявшийся исход. Тайна Аргентинской комиссии и убийство П.А. Столыпина // Московский журнал. 2012. № 10. С. 50–59.
- Серрапионова 2000 — *Серрапионова Е.П.* Культурно-экономическое общество «Русское зерно» в начале XX века // Славянский альманах 2000. М.: Индрик, 2001. С. 168–181.
- Тюкавкин 2001 — *Тюкавкин В.Г.* Великорусское крестьянство и столыпинская аграрная реформа. М.: Памятники исторической мысли, 2001.
- Фирсов 2002 — *Фирсов Е.Ф.* Югославяне К. Геруц и Л. Тума — создатели и меценаты славянских культурных обществ в прежней России // Югославянская история в Новое и новейшее время / под ред. Г. Ф. Матвеева и Л. В. Кузьмичевой. М.: Издательство Московского городского объединения архивов, 2002. С. 177–185.
- Чуркина 2017 — *Чуркина И.В.* Россия и славяне в идеологии словенских национальных деятелей XVI в. — 1914 г. М.: Институт славяноведения РАН, 2017.
- Gantar Godina 1994 — *Gantar Godina I.* Neoslavizem in Slovenci. Ljubljana: Znanstveni inštitut Filozofske fakultete, 1994.
- Kirilina 2016 — *Kirilina L.A.* Ivan Hribar in društvo «Rusko zrno» // Monitor ISH, Revija za humanistične in družbene vede. Ljubljana: Alma mater Europaea — Institutum Studiorum Humanitatis, Fakulteta za podiplomski humanistični študij, 2016. Št. 18. No. 1. S. 123–139.
- Očak 1984 — *Očak I.* Krunoslav Heruc, pobornik hrvatsko-ruskih veza potkraj XIX i na početku XX stoljeća // Historijski zbornik. 1984. XXXVII. S. 139–163.

References

- Avrekh, A.Ya., 1991. *P.A. Stolypin i sud'by reform v Rossii* [P.A. Stolypin and the destinz of reforms in Russia]. Moscow: Politizdat.
- Churkina, I. V., 2017. *Rossia i slaviane v ideologii slovenskikh natsional'nykh deiatelei 19 v. — 1914 g.* [Russia and the Slavs in the ideology of Slovenian

- national activists from the nineteenth century to 1914]. Moscow: Institut slavianovedeniia RAN.
- Gantar Godina, I., 1994. *Neoslavizem in Slovenci*. Ljubljana: Znanstveni inštitut Filozofske fakultete.
- Golosenko, I. A., 1994. Petr Stolypin i sotsiologija Ogiusta Konta [Peter Stolypin and the sociology of Auguste Comte]. *Sotsiologicheskii zhurnal*, 4, pp. 81–94.
- Firsov, E. F., 2002. Iugoslaviane K. Geruts i L. Tuma — sozdateli i metsenati slavianskikh kul'turnykh obshchestv v prezhnei Rossii [Southern Slavs K. Geruc. and L. Tuma — the creators and patrons of the Slavic cultural societies in the old Russia]. In: Matveev, G. F., Kuz'micheva, L. V., eds. *Iugoslavijskaia istoriia v novoe i noveishee vremia* [Modern and contemporary Southern-Slavic history]. Moscow: Izdatel'stvo Moskovskogo gorodskogo ob'edinennia arkhivov, pp. 177–185.
- Kirilina, L. A., 2011. Slovenskie neoslavisty i ikh otnoshenie k Rossii. In: Romanenko, S. A., ed. *Avstro-Vengriia. Tsentral'naia Evropa i Balkany (11–19 vv.)* [Austria-Hungary, Central Europe and the Balkans (from the eleventh to the nineteenth century)]. Saint Petersburg: Aleteiia, pp. 428–441 (Rossiisko-avstriiskii al'manakh, 4.)
- Kirilina, L. A., 2016. Ivan Hribar in društvo “Rusko zrno” [Ivan Hribar and the society “Russkoe Zerno”]. *Monitor ISH, Revija za humanistične in družbene vede*. Ljubljana: Alma mater Europaea — Institutum Studiorum Humanitatis, Fakulteta za podiplomski humanistični študij, 18/1, pp. 123–139.
- Kirilina, L. A., 2019. Zhupan Ivan Hribar i modernizatsia Liublani [Zhupan Ivan Hribar and Modernization of Ljubljana]. *Historia Provinciae — Zhurnal regional'noi istorii*, 3, 2, pp. 627–671. DOI 10.23859/2587-8344-2019-3-2-3.
- Korelin, A. P., Shatsillo, K. F., 1995. P. A. Stolypin. Popytka modernizatsii sel'skogo khoziaistva Rossii [P. A. Stolypin: an attempt in modernisation of agriculture in Russia]. In: Afanas'ev, Iu., ed. *Derevnia v nachale veka: revoliutsiia i reforma* [Village in the early twentieth century: revolution and reform]. Moscow: RGGU.
- Rogatko, S. A., 2012. Nesostoiavshiisia iskhod. Taina Argentinskoi komissii i ubiistvo P. A. Stolypina. [The failed exodus. The secret of the Argentinian Commission and the assassination of P. A. Stolypin]. *Moskovskii zhurnal*, 10, pp. 50–59.
- Očak, I., 1984. Krunoslav Heruc, pobornik hrvatsko-ruskih veza potkraj 19 i na početku 20 stoljeća. *Historijski zbornik*, XXXVII, pp. 139–163.
- Serapionova, E. P., 2001. Kul'turno-ekonomicheskoe obshchestvo “Russkoe zrno” v nachale 20 veka [Cultural-economic society “Russkoe Zerno” in the early twentieth century]. *Slavianskii al'manakh 2000*, pp. 168–181.
- Tiukavkin, V. G., *Velikorusskoe krest'ianstvo i stolypinskaia agrarnaia reforma* [Great-Russian peasantry and Stolypin agrarian reform]. Moscow: Pamiatniki istoricheskoi mysli.

Lyubov A. Kirilina

PhD, Senior Research Fellow, Institute of Slavic Studies, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia. 119334, Leninsky Prospekt, 32A. E-mail: kirilina.ljuba@rambler.ru

Interns of the “Russian Grain” company on their trips to Slovenian lands (1909–1913)

This essay reveals some yet unexplored pages in the history of Russian-Slovenian relations. Based on materials in the Russian and Slovenian archives, the main features of the trips of Russian peasants, who were trainees of the Russian grain company, to practice in Slovenian lands are reconstructed. These visits were carried out with the aim of studying progressive methods of agriculture, which they would then be able to effectively apply at home. The organizer from the Slovenian side was the liberal politician and long-term *župan* (lord mayor) of Ljubljana, Ivan Hribar. Parties of Russian interns were sent to Slovenian lands in 1909 and 1912 and many of the trainees stayed abroad for one or two years. The main focus of this study is the analysis of the feedback of Russian peasants about their work and study in a foreign country and their impressions of the Slovenes. Reviews by the Russian peasants who were dispatched in 1909 were more favourable than those sent on the 1912 trip, which was for various reasons less successful. In general, the trainees who remained in the Slovenian lands for a long time acquired a lot of new knowledge and skills, which could then be successfully applied in Russia. Slovenes as a people, their culture, and their economic organization made a good impression on the Russian peasants. In addition, it was the peasants' first encounter with another world, and being close to the Slovenian people in language, culture, and traditions contributed to the expansion of their common horizons.

Keywords: the “Russian Grain” company, Russian peasants-interns, Slovenian lands, Ivan Hribar

Георгий Николаевич Энгельгардт

Кандидат исторических наук, научный сотрудник, Институт славяноведения РАН, Москва, Россия. 119334, Ленинский проспект, 32А. E-mail: georgi.engelhardt@gmail.com

От Крымской войны до Дейтона — устойчивость различий стратегических ориентаций боснийских общин

В статье рассматриваются долгосрочные внешнеполитические ориентации народов Боснии и Герцеговины — бошняков, хорватов и сербов — с точки зрения российских дипломатов. Сравнительный анализ основан на первом русском исследовании «Босния, Герцеговина и Старая Сербия» (1859) А. Ф. Гильфердинга, первого русского консула в Сараеве, и на современных документах из Архива внешней политики Российской Федерации за 1995–1998 гг. Целью исследования является анализ высказываний их боснийских контрагентов — представителей всех трех основных этнических групп с целью выявления долгосрочных внешнеполитических ориентиров бошняков, сербов и хорватов и их эволюции с середины XIX до начала XXI в. И тогда, и сейчас российские дипломаты сообщали о базовых различиях во внешнеполитической ориентации бошняков, хорватов и сербов БиГ. Все боснийцы вне зависимости от этнической принадлежности практически единодушно заявляли, что бошняки ориентируются на Турцию, хорваты — на Запад, сербы — на Россию. основополагающие предпочтения непосредственно определяли действия боснийских политиков. Для России это означало, что лидеры РС старались использовать любую возможность сотрудничества с Москвой, в то время как руководство бошняков и хорватов отвергали любые предложения России. Тем не менее, эти долгосрочные стратегии претерпели за последние полтора века некоторые изменения. А. Ф. Гильфердинг отмечал преимущественно конфессиональную идентичность боснийцев. В конце 1990-х гг., однако, боснийцы уже воспринимали себя сквозь этническую призму, религиозный же фактор оказался подчинен этническому. Заметно изменение внешних центров притяжения для боснийских общин: а) для бошняков наряду с традиционной Турцией теперь упоминается и арабский мир, а также Запад, прежде всего США, сыгравшие главную роль в поддержке Сараева в ходе гражданской войны 1992–1995 гг. и выступающие основным гарантом сохранения единой БиГ; б) хорватов распад Австро-Венгрии заставил обратить взоры на Загреб, а из держав Запада — прежде всего на Германию; в) для сербов сохранившаяся ориентация на Россию уступила первенство общесерб-

ским интересам, ориентация прежде всего на Сербию (в конце 1990-х гг. — на Союзную республику Югославию). Тем не менее, эволюция эта носит частный характер и не меняет фундаментальных отличий устремлений боснийских общин, практически исключая проведение сколько-нибудь последовательной единой и приемлемой для всех внешней политики. Практическим следствием отмеченной разнонаправленности является повышенная чувствительность политической сцены БиГ к обострениям противоречий между значимыми для ее общин внешними центрами силы.

Ключевые слова: Босния и Герцеговина (БиГ), дейтонская Босния, Республика Сербская, русско-боснийские отношения, русско-сербские отношения, долгосрочные внешнеполитические ориентации

Исследуя внешние оценки балканских реалий¹, полезно сопоставить тексты об обществе одной и той же страны, отделенные друг от друга значительной временной дистанцией. Такое сравнение позволяет выделить как фундаментальные константы, своего рода «традиции», так и понять формы и степени их эволюции по ходу исторического развития. Эта статья посвящена Боснии и Герцеговине (БиГ), стране, выделяющейся на фоне соседей по региону (в массе своей государств мононациональных) прежде всего фактическим отсутствием преобладающей этнической группы. В более ранних работах я уже рассматривал другие аспекты характерного для БиГ постоянного межобщинного соперничества², в данной статье анализируется фиксация внешними (в данном случае — русскими) наблюдателями внешнеполитических устремлений трех основных общин страны: бошняков (до 1993 г. — мусульман), сербов и хорватов.

Для работы использованы две основные группы источников. Отправной точкой сравнения служит первое русское подробное описание Боснии и ее жителей, данное в 1859 г. видным отечественным славистом А. Ф. Гильфердингом (1831–1872) в его знаменитой книге «Босния, Герцеговина и Старая Сербия». Наиболее детально деятельность первого русского консула в Сараеве рассмотрена в прекрасной работе К. В. Мельчаковой³. Написанная хорошим ли-

¹ Автор весьма признателен Л. Ю. Пахомовой за ценные советы при подготовке настоящей работы.

² Энгельгардт 2015; Энгельгардт 2017; Энгельгардт 2019. Также см., например: Кецмановић 2007; об эволюции бошнячко-турецких отношений см: Bandžović 2014.

³ Мельчакова 2019.

тературным стилем книга Гильфердинга — классические записки ученого путешественника, открывающие доселе малоизвестную страну широким слоям его образованных читателей. Вторая (и основная) группа текстов относится ко второй половине 1990-х гг. и представляет собой материалы из фондов Архива внешней политики Российской Федерации — прежде всего фондов российского представительства (с 1998 г. — посольства) в Сараеве (Ф. 933), московской референтуры по БиГ (Ф. 896), а также посольства РФ в Белграде (Ф. 202). Это классическая рабочая переписка дипломатов (записи бесед, аналитические записки и/или обращенные к Москве послания боснийских политиков), в отличие от книги Гильфердинга предназначенная не широкому, а весьма узкому кругу профессионалов — руководству и коллегам. В целях данного исследования внимание обращалось прежде всего на фиксацию в этих документах высказываний боснийских политиков о внешней политике БиГ и о внешнеполитических ориентирах бошняков, сербов и хорватов. В отличие от публицистики в СМИ эти высказывания по природе своей адресовались напрямую конкретным дипломатам (через их посредство — их политическому руководству) и предполагали известную степень доверительности и потому достоверности.

Говоря о политических или, точнее, внешнеполитических ориентирах боснийских общин, Гильфердинг сделал следующее наблюдение:

Вся политика босняка, будь он мусульманин, католик или православный, все равно, заключается в одном убеждении: что братья по вере составляют один народ и должны помогать друг другу. Это убеждение в Боснях неискоренимо: даже мусульмане Боснийские, сколько им не твердили в последнее время о невмешательстве иностранцев во внутренние дела Турции, о том, что “султан есть полный хозяин в своем доме”, все-таки не могут никак понять, чтобы какое-либо государство могло не заступаться за своих единоверцев⁴.

Этому выводу он предпослал изложение своей беседы с помещиком Мухарем-бегом из Ситницы, расположенной между Яйце и Бая Лукой в Боснийской Краине. Собеседник ему «понравился, он

---

⁴ Гильфердинг А.Ф. Босния, Герцеговина и Старая Сербия. СПб.: Тип. Императорской Академии Наук, 1859. С. 385.

принадлежит к числу людей, которых в землях просвещенных называют оригиналами <...>, но все-таки видно, что он себе на уме»⁵. Примечательно, что, пытаясь выяснить у нового консула, как именно Россия собирается помогать своим единоверцам в Боснии, Мухарем-бег не только не ставил под вопрос естественность таких устремлений: «вашего миллета (т. е. ваших единоверцев. — Г.Э.) у нас множество, гораздо больше, чем шокцев (католиков)⁶», но, говоря о Венгерской кампании 1849 г.: «мы часто дивились, каким образом ваш “король” стал помогать немцам: ваш “король” серб (то есть православный), а немец — шокац»⁷. Признавая консула «московом», Мухарем-бег, как видим, одновременно вполне мог называть русского императора «сербом» и прямо удивлялся возможности неконфессиональной (то есть в строгом смысле государственной) политики.

Насколько фундаментальным оказалось влияние османской системы миллетов на современное боснийское общество, было ли оно вытеснено периодом австрийского правления 1878–1918 гг. и эпохой двух Югославий (1918–1941 и 1945–1991 гг.), по крайней мере, в сфере внешнеполитических ориентаций жителей этой «Югославии в миниатюре»? Ответ на эти вопросы дают ряд хранящихся в Архиве внешней политики Российской Федерации материалов референтуры по Югославии МИД РФ и представительства (с 1998 г. — посольства) России в Сараеве.

Представительство было новой структурой, созданной по свежим следам конфликта, — соглашение об установлении двусторонних дипломатических отношений на уровне представительств было подписано в апреле 1995 г., а российское представительство в БиГ начало работу с января 1996 г.⁸, то есть в момент вступления в силу Дейтонских соглашений. Следует отметить, что представительство Республики БиГ (то есть властей Сараева, мусульманской общины республики) работало в Москве с 1992 г.

⁵ Там же. С. 384.

⁶ Там же. С. 386. Шокцы — один из этнонимов славян-католиков Боснии, Словении, Баната и Бараньи, вытесненный с середины XIX в. хорватской идентичностью. К началу XXI в. с принятием этой идентичности шокцами Воеводины практически полностью завершен процесс ассимиляции этой этнической группы в состав хорватской нации.

⁷ Гильфердинг А. Ф. Босния, Герцеговина и Старая Сербия. С. 385.

⁸ Нога МИД РФ № 311/1едн МИДу БиГ от 29 января 1996 г. // АВП РФ. Ф. 896. Оп. 4. Д. 1. П. 3. Л. 1.

С 1 января 1998 г. представительство РФ в БиГ было преобразовано в действующее по настоящее время посольство РФ⁹. Первыми после более векового перерыва назначенными в Сараево на постоянную работу российскими дипломатами оказались глава представительства Я. Г. Герасимов и первые секретари — А. С. Ботяновский и В. И. Полянин¹⁰. Сама миссия стала также первым российским представительством в новом государстве — независимой Боснии и Герцеговине. Вернее, в Боснии и Герцеговине, оказавшейся под внешним международным управлением в итоге распада Югославии и последовавшей за ним трехлетней гражданской войны.

Рассмотрим зафиксированные в документах взгляды боснийских политиков на внешнеполитическую линию как страны, так и их «собственной» этнической общины. Примером такого развернутого изложения взглядов стало письмо министра иностранных дел Республики Сербской Алексы Бухи послу РФ в Белграде Г. С. Шикину от 13 сентября 1995 г. с просьбой передать «Вашему правительству весьма важную дипломатическую инициативу, способную оказать существенное конструктивное влияние на успешное завершение мирных переговоров по бывшей Боснии и Герцеговине»¹¹. Непосредственным поводом для нее А. Буха указал принятие на женевской встрече 8 сентября 1995 г. трех принципов боснийского урегулирования, в число которых входило признание РС в качестве элемента будущего устройства БиГ¹². Написанный на английском языке текст, в котором отсутствует одна страница, обосновывал необходимость создания международной организации православных стран, причем обосновывал это вполне прагматической потребностью РС во внешней поддержке.

Необходимость письма А. Буха мотивировал так:

Четыре года кровавой гражданской, межрелигиозной и межэтнической войны заставили народ Республики Сербской осознать, что

---

⁹ Нота МИД РФ № 32-н/Зед МИДу БиГ от 29 декабря 1997 г. // Там же. Оп. 5. Д. 1. П. 4. Л. 10.

¹⁰ Verbal Note of the Diplomatic Mission of the Russian Federation to Bosnia and Hercegovina to the diplomatic Missions and International Organizations represented in Sarajevo, Bosnia and Hercegovina. 29 April 1996 // АВП РФ. Ф. 933. Оп. 1. Д. 1. П. 1. Л. 12–13.

¹¹ Aleksa Buha — H. E. Gennady Shikin, Ambassador Plenipotentiary and Extraordinary. 13 September 1995 // АВП РФ. Ф. 202. Оп. 56. Д. 6. П. 240. Л. 17–18.

¹² Там же. Л. 17.

исламские и католические страны априори поддержали наших врагов, тогда как мы оказались в одиночестве. Этот исторический императив побуждает нас найти подобающий ответ. Идущие уже три недели бомбардировки НАТО поставили сербский народ на грань уничтожения. Необходимо предотвратить повторения этого в отношении любого из православных народов. <...>

В гражданской войне в бывшей Боснии и Герцеговине православный народ — сербский народ стал жертвой неспровоцированного и неслыханного давления католического/протестантского (так в тексте. — Г.Э.) и исламского миров, поддерживающих и проводящих геноцидную (геноцидальную?) кампанию бомбардировок народа и всей территории Республики Сербской. При этом так называемая Контактная группа исламских стран признана и принята в качестве партнера в мирных переговорах по бывшей Боснии и Герцеговине.

Мое правительство искренне считает, что для защиты этой части православного мира православным странам следует решительнее вмешаться в мирный процесс и немедленно создать Контактную группу православных стран по переговорам о бывшей Боснии и Герцеговине. Налицо все исторические, политические и духовные условия для этого, равно как и имеются и правовые основы. Таким образом православные страны смогут показать свой существенный интерес к судьбе разоренных и находящихся под угрозой регионов православного мира, равно как и способствовать созданию конструктивной атмосферы установления справедливого и рационального (так в тексте. — Г.Э.) мира в бывшей Боснии и Герцеговине.

Это также создаст основы для последующего весьма необходимого сотрудничества и организации православных стран для защиты православной цивилизации, ее политических и культурных традиций, во имя укрепления глобального мира, сотрудничества и взаимопонимания.

Умоляю Вас информировать ваше правительство об этой инициативе моего правительства, равно как и информировать о ней остальные православные страны Европы, Азии и Африки¹³.

С одной стороны, такое обращение в Москве не могли не воспринять иначе, чем крик отчаяния руководства боснийских сербов, отнесенного на обочину переговорного процесса бомбовыми и артиллерийскими ударами НАТО августа-сентября 1995 г. Окончательно этот факт был зафиксирован согласием руководства РС передать

---

¹³ Там же. Л. 17–18.

руководство мирными переговорами президенту Сербии С. Милошевичу¹⁴, согласием, вырванным угрозой немедленного военного разгрома армии РС и полного коллапса республики. Учитывая весьма сложные отношения Р. Караджича и его сторонников (к числу ближайших из них относился и Алекса Буха) с тогдашним руководством МИД РФ, равно как и политические воззрения А. В. Козырева, возглавлявшего ведомство с 1991 по начало 1996 г., неудивительно, что никакого хода инициатива А. Бухи не получила. Характерно, что и посольство РФ в Белграде не особо торопилось исполнить просьбу отчаяния из Пале (на тексте письма отмечено, что оно ушло в Москву только 18 сентября, то есть через пять дней после его получения)¹⁵.

Тем не менее само обращение главы МИД РС служит прекрасным примером подхода боснийских общин к международным делам, их стремления заручиться внешней поддержкой в межобщинном конфликте, тем более в условиях наличия такой поддержки у соперников. В контексте сложившейся после распада СССР и советского блока однополярной системы международных отношений идеи Бухи сильно обгоняли время:

Наши народы принадлежат к общей цивилизации православных народов. Эта связь не только создает духовную близость наших народов, но и связывает их судьбы. Это порождает их неопровержимую общность их интересов, потребность в максимальном сотрудничестве и усилении взаимосвязей православных народов, в том числе и для их совместного и гармоничного участия в международных отношениях¹⁶.

Примечательно, что такой подход выглядит куда более органично в условиях многополярного мира начала XXI в., в котором возрастает влияние «цивилизационных» блоков и альянсов.

Частным примером отношений внутри новосозданного боснийского государства служит записка об одном из заседаний арбитража по спорному району Брчко, сообщающая о «большой заинтересованности» сербской делегации «во встрече с российскими представителями до начала заседания (то есть вечером 7 января)».

¹⁴ Подробнее см.: Никифоров 1999; Holbrooke 1998; Вуйович 2019; Chollet 2005.

¹⁵ АВП РФ. Ф. 202. Оп. 56. Д. 6. П. 240. Л. 17.

¹⁶ Там же.

Даже незначительная деталь — способы связи с делегациями РС и Федерации БиГ: «найти их можно через посольство СРЮ в Риме или через представителя РС в Белграде Данилу Дурсуна» и «связаться с делегацией Федерации можно через посольство БиГ в Риме» — красноречиво показывает степень отторжения боснийскими сербами формально «своего» государства БиГ и об их стремлении заручиться внешней поддержкой своих жизненных интересов¹⁷.

Интересную картину дает и ряд бесед российских дипломатов весной 1998 г. Так, замминистра иностранных дел БиГ Драган Божанич (следует отметить, что практически наравне с лидерами РС и членом Президиума БиГ Момчило Краишником этот политик в конце 1990-х гг. был одним из основных сербских контактов сотрудников сараевской миссии) в беседе с послом Ф. Ф. Сидорским 13 марта 1998 г. отметил:

На сегодняшний день у МИД БиГ нет и не может быть единой позиции по большинству как региональных, так и международных проблем. Мусульмане выступают с позиций мусульманской солидарности и интересов исламского мира, хорваты — в русле внешнеполитической линии Хорватии и стран НАТО, боснийские сербы — в поддержку СРЮ и за тесное сотрудничество с Россией. (отчеркнуто в документе. — Г.Э.). Дdiamетрально расходятся позиции ФБиГ и РС по таким проблемам, как расширение НАТО, определение стороны, несущей ответственность за развязывание вооруженного конфликта на территории бывшей Югославии, признания правопреемственности СРЮ и в вопросе сукцессий. Последним примером резкого расхождения позиции РС и ФБиГ стали события в Косово. Федерация, проводя линию на развал СРЮ, однозначно встала на сторону албанцев¹⁸.

Он подчеркнул, что сербы относились к боснийскому государству как к «неизбежному злу» и готовы «содействовать существованию БиГ как независимого государства» лишь «при строгом соблюдении заложенной в Дейтонских соглашениях схемы государственного устройства БиГ, то есть сохранения двух равноправных

¹⁷ Представительство РФ в БиГ — МИД РФ. О заседании Арбитража по Брчко в Риме, 6 января 1997 г. // АВП РФ. Ф. 933. Оп. 2. Д. 2. П. 2. Л. 4.

¹⁸ Из дневника Ф. Ф. Сидорского. Запись беседы с заместителем министра иностранных дел БиГ Д. Божаничем 13 марта 1998 г. // АВП РФ. Ф. 896. Оп. 6. П. 5. Д. 1. Л. 30.

энтитетов ФБиГ и РС. Только при условии учета этой реальности, коренных интересов трех государствообразующих народов, проживающих в Боснии — мусульман, сербов и хорватов, — и конечно, отказа мусульман от имеющихся у них претензий на господствующую роль в государстве возможно успешное продвижение по пути создания общепоснийских институтов власти, способных полноценно функционировать»¹⁹.

Представлявший в МИД БиГ «сербскую квоту» Д. Божанич в беседах с представителями России постоянно исходил из примата общесербских интересов над какими-либо иными:

Боснийские сербы без особого восторга восприняли Дейтонские соглашения, но в условиях отсутствия другой альтернативы приняли эти соглашения и готовы искренне работать. <...> Вместе с тем боснийские сербы, хотя об этом никто официально не говорит, хотели бы жить в одном государстве со всеми сербами (подчеркнуто карандашом. — Г.Э.). Но сейчас, с учетом сложившейся политической ситуации это невозможно осуществить. Присоединение к Сербии на обозримую перспективу вряд ли может быть реализовано, исходя из нынешней обстановки в регионе и в мире в целом²⁰.

Примечательно, что именно с этой точки зрения Божанич рассматривал и внутривосточный кризис 1997–1998 гг. в РС: хотя сам он относился к выдвинутым СДП, но в беседах с российскими дипломатами высоко оценивал главного политического противника своей партии, нового премьер-министра республики Милорада Додика:

С приходом к власти правительства М. Додика политика республики в рамках БиГ стала более гибкой, но не менее просербской, чем ранее. Проявляемая сейчас новым правительством большая кооперативность с международным сообществом в отношении имплементации Дейтонских соглашений, позволила снять многие ранее выдвигавшиеся обвинения Запада в адрес РС, позволила открыть канал экономической и финансовой помощи республике. Вместе с тем возникают опасения в отношении того, удастся ли М. Додика сохранить разумный баланс между кооперативностью и обеспечением государственности РС²¹.

¹⁹ Там же. Л. 31.

²⁰ Там же.

²¹ Там же. Л. 33.

Так, в разговоре с Н. Е. Новожиловым 18 июня 1998 г., оценивая встречу Б. Н. Ельцина со С. Милошевичем по косовскому вопросу, Божанич «отметил, что проблема Косово имеет мощное влияние на настроения сербов не только в Югославии, но и в РС. Любое негативное развитие событий в этом районе, как, например, военное вмешательство НАТО, способно привести к серьезному обострению обстановки и укреплению экстремистских сил, что, по его мнению, может отразиться и на результатах сентябрьских выборов. Высоко оценивая сам факт встречи Б. Н. Ельцина со С. Милошевичем, Божанич выразил надежду, что в ходе встречи российское руководство осознало опасность возможного военного поражения сербов со стороны НАТО, которые «являются в Европе последней занозой в теле НАТО перед российскими рубежами». Югославия, по его словам, «является для Запада полигоном и в случае успеха следующей мишенью будет Россия, где будут использоваться те же методы, что и в Югославии»²².

Завершающие слова боснийско-сербского дипломата очевидно выражают как его позитивное отношение к России как «просербскому фактору», так и неприкрытую враждебность к НАТО.

Эти взгляды он подтвердил и в беседе 8 июля, «высоко оценив деятельность в Белграде и Приштине Н. Н. Афанасьевского»²³, подчеркнув, что лишь благодаря российской позиции удалось, если не полностью устранить, то, по крайней мере, значительно задержать опасность военного вмешательства НАТО». Надежды Божанича, что «России удастся выстоять на защите сербских, это означает и российских, интересов»²⁴ отражали то, что общесербские проблемы он ставил выше боснийских, и стремление заручиться российской поддержкой для их разрешения. Такой позиции он придерживался и осенью 1998 г. в беседе с Н. Е. Новожиловым:

---

²² Из дневника Н. Е. Новожилова. Запись беседы с заместителем министра иностранных дел Биг Д. Божаничем 18 июня 1998 г. // АВП РФ. Ф. 896. Оп. 6. П. 5. Д. 1. Л. 83.

²³ Николай Николаевич Афанасьевский (1940–2005) — заместитель министра иностранных дел РФ в 1994–1999 гг., курировавший блок югославских проблем (боснийское урегулирование, косовский кризис 1998–1999 гг.).

²⁴ Из дневника Н. Е. Новожилова. Запись беседы с заместителем министра иностранных дел Биг Д. Божаничем 8 июля 1998 г. // АВП РФ. Ф. 896. Оп. 6. П. 5. Д. 1. Л. 90.

[Он особо подчеркнул] важность для сербского народа факта приезда в Белград в эти критические для страны дни министров иностранных дел и обороны России. Он, как и некоторые другие функционеры в РС, абсолютно убежден, что возможные удары по Сербии будут иметь самые серьезные последствия для РС, и для всего дейтонского процесса в БиГ²⁵.

Похожие мнения российские дипломаты слышали и от других сербских собеседников. Ф.Ф. Сидорский в отчете о беседе с министром гражданских дел и коммуникаций БиГ Спасое Албияничем специально отметил: «Заслуживают внимания его оценки как серба, занимающего пост министра БиГ, нынешней ситуации в стране». А оценка эта также сводилась к констатации детерминированности блокирования политического развития страны межобщинным противостоянием:

По его словам, руководство мусульман по-прежнему пытается проводить линию на установление доминирующего положения бошняков над сербами и хорватами, на создание унитарного государства. Эта линия не может иметь реальных перспектив, учитывая национальные, религиозные, культурные и другие различия трех государственнообразующих народов — мусульман, сербов и хорватов²⁶.

Развернутое объяснение ориентации боснийских сербов на Россию дал сопредседатель Совета министров БиГ Боро Босич:

Роль России в БиГ. Политическое и военное присутствие России в БиГ имеет весьма важное значение для мирного урегулирования и стабилизации обстановки в стране. Для боснийских сербов это присутствие является фактором, вселяющим в них уверенность в том, что права РС в рамках БиГ не будут ущемлены, что урегулирование будет проходить в строгом соответствии с положениями Дейтонских соглашений и без каких-либо попыток их ревизии. Кроме того, присутствие России оказывает благотворное влияние на происходящий сейчас в РС процесс консолидации политических сил, выступающих с более реалистических позиций в вопросах взаимодействия с ФБиГ и международным сообществом в интересах имплементации

²⁵ Из дневника Н.Е. Новожилова. Запись беседы с заместителем министра иностранных дел БиГ Д. Божаничем 7 октября 1998 г. // Там же. Л. 103.

²⁶ Из дневника Ф.Ф. Сидорского. Запись беседы с министром гражданских дел и коммуникаций БиГ Спасое Албияничем 25 марта 1998 г. // Там же. Л. 35.

Дейтонских договоренностей в полном объеме. Роль России в боснийском урегулировании трудная и деликатная, особенно, как отметил Б. Босич, принимая во внимание сохраняющиеся противоречия и разногласия между различными политическими силами в РС²⁷.

Развивать отношения с Россией стремились не только отцы-основатели СДП, создавшей Республику Сербскую, и ее функционеры, которых западные дипломаты обычно называли тогда «группой Пале», «сторонниками Р. Караджича» и «националистами». В противовес им уже с 1996 г. Запад начал поиск и создание «новых лиц», «новых политиков», не отягощенных причастностью к гражданской войне и готовых к работе по преодолению национализма и построению единой и анациональной Боснии. В конце 1990-х гг. главным «новым лицом» и «новой надеждой» международного сообщества на сербской политической сцене стал лидер Партии независимых социал-демократов Милорад Додик, в начале 1998 г. утвержденный премьер-министром РС при мощной поддержке структур внешнего управления БиГ.

Однако уже тогда, в 1998 г., на пике своего политического романа с США и их партнерами М. Додик активно выражал интерес к развитию отношений с Россией:

Премьер-министр РС поинтересовался возможностью открытия в Бая Луке отделения Посольства РФ в БиГ. Он отметил, что на сегодняшний день в Бая Луке функционируют такие представительства США, Великобритании, Франции и Германии, а вопрос об открытии отделения Посольства Греции находится в стадии согласования. По его словам, народ и руководство РС заинтересованы в скорейшем учреждении российского дипломатического представительства в Бая Луке и не только для того, чтобы сбалансировать присутствие в РС западных стран, но прежде всего с точки зрения содействия развитию всесторонних связей и сотрудничества России и Республики Сербской²⁸.

Вообще записи бесед с Додиком конца 1990-х гг. заметно отличаются от аналогичных отчетов о встречах с лидерами Пале — Момчило Краишником, Алексой Бухой, сербскими министрами в центральных

²⁷ Из дневника Ф. Ф. Сидорского. Запись беседы с сопредседателем Совета министров БиГ Боро Босичем 25 марта 1998 г. // Там же. Л. 37.

²⁸ Из дневника Ф. Ф. Сидорского. Запись беседы Ф. Ф. Сидорского с премьер-министром Республики Сербской М. Додиком 15 июня 1998 г. // Там же. Л. 71–72.

органах БиГ. В них нет долгих сетований на проблемы сербов, на давление Запада и происки бошняков. Вместо этого господствует прагматизм, выраженный акцент на конкретные вопросы:

Во время пребывания в Москве М. Додик рассчитывает на беседы с Е. М. Примаковым и Ю. М. Лужковым (между правительством Москвы и Республикой Сербской подписано соглашение о сотрудничестве, и у премьер-министра РС имеются конкретные вопросы для обсуждения в рамках этого соглашения), а также на встречи с руководством “Газпрома” (проблемы поставок газа в РС), Минэкономки и Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова²⁹.

Как же оценивали перспективу российско-боснийских отношений представители других общин страны? Весьма ясно в апреле 1998 г. их сформулировал замминистра внешней торговли БиГ хорват Никола Грабовац, сообщивший российскому послу Ф. Сидорскому:

В БиГ три основных народа в своих экономических отношениях ориентируются на разные страны и регионы мира: бошняки — на мусульманские государства, сербы на Югославию, восточноевропейские страны и Россию, хорваты — на Хорватию и страны Запада. По его мнению, это нормальное явление, отражающее исторически сложившиеся традиции и распределение сфер влияния на территории бывшей Югославии. Как сказал собеседник, эту реальность вряд ли удастся изменить в БиГ в обозримом будущем³⁰.

Фактическое заявление в отсутствие интересов боснийских хорватов к отношениям с Россией никак не смягчал отмеченный послом факт «неоднократных посещений» СССР Н. Грабовцем. Несколько другими словами оценивал внутреннюю атмосферу в МИД БиГ замдиректора департамента международного сотрудничества хорват Желько Еркич в беседе с советником-посланником А. В. Ткаченко и советником И. А. Калабуховым. Представитель БиГ утверждал, что его коллеги «сербы категорически отказываются сотрудничать в том, что может нанести ущерб интересам Югославии». Ж. Еркич отметил, что так как «СРЮ и БиГ находились в состоянии войны и есть

²⁹ Из дневника Ф. Ф. Сидорского. Запись беседы Ф. Ф. Сидорского с премьер-министром Республики Сербской М. Додиком 14 мая 1998 г. // Там же. Л. 67–68.

³⁰ Из дневника Ф. Ф. Сидорского. Запись беседы с заместителем министра внешней торговли БиГ Н. Грабовцем 16 апреля 1998 г. // Там же. Л. 54.

проблемы, требующие решения. Это и вопросы сукцессии, и участие СРЮ в международных организациях, и острая региональная ситуация». Он апеллировал к «влиянию, которое РФ имеет на боснийских сербов». Сами сербы, по его словам, считают, что у них с Россией «особые отношения», поэтому она должна стимулировать их на более активное участие в создании единой Боснии, в деятельности совместных институтов. Еркич сослался на пример в работе МИД БиГ, когда сербским сотрудникам направляются проекты документов, приглашения участвовать в зарубежных визитах, однако многое остается без ответа. Этим вносятся элементы дезорганизации, создается множество препятствий, которые при наличии доброй воли можно спокойно преодолевать³¹.

Бошняцкая сторона, как правило, избегала любых форм сближения с РФ, например, министр образования ФБиГ Ф. Ризванбегович отклонил предложение министерства общего и профессионального образования России о направлении учебников русского языка для боснийских школ из-за их несоответствия национальной образовательной программе («необходимо, чтобы в этих учебниках говорилось то, что близко нашим ученикам (названия рек, гор, имена и обычаи)»). Примечательно, что министр при этом просил прислать российские учебники как основу «для разработки наших программ»³².

В отчете о беседе с одним из лидеров бошняцкой общины президентом ФБиГ Эюпом Ганичем 17 апреля 1998 г. Сидорский отметил, что, несмотря на «теплые воспоминания Э. Ганича» о его «неоднократных поездках в Россию в середине 1980-х годов, где он <...> занимался научной работой в МГУ, Бауманском институте и Институте информации в Москве, а также в Академгородке в Новосибирске», и на то, что он «учил русский язык в школе, активно общался на русском языке во время пребывания в России», «предпочел беседу вести на английском»³³. В ходе же самой беседы Ганич про-

³¹ Из дневника А. В. Ткаченко, И. А. Калабухова. Запись беседы с советником мининдел БиГ, заместителем директора департамента многостороннего сотрудничества МИД БиГ Ж. Еркичем 29 июня 1998 г. // АВП РФ. Ф. 896. Оп. 5. Д. 1. П. 4. Л. 86–88.

³² Federacija BiH, Federalno ministarstvo obrazovanja, nauke, keukture i sporta – Ministarstvu vanjskih poslova BiH Broj. 03-68-4623/26 Sarajevo, 12. septembra 1997 // Там же. Л. 30.

³³ Из дневника Ф. Ф. Сидорского Запись беседы с президентом ФБиГ Э. Ганичем 17 апреля 1998 г. // АВП РФ. Ф. 896. Оп. 6. П. 5. Д. 1. Л. 56–59.

сил Москву оказать давление на Белград как для решения в пользу бошняков проблемы района Брчко (передачи спорной зоны под контроль центральных властей Сараево), так и по вопросу Косова:

[Он] вызывает серьезную озабоченность у руководства ФБиГ, поскольку может иметь самые негативные последствия для Боснии, региона и всего европейского континента. Россия <...> могла бы повлиять на Белград в плане более гибкого и конструктивного подхода к решению этой проблемы на основе предоставления Косово автономии³⁴.

Скептически оценивал перспективы выработки единой внешней политики БиГ и бошняцкий замглавы МИД Хусейн Живаль. В беседе с российским послом тот отметил:

Он сам не представляет, как министерство будет формировать позицию БиГ по многим международным вопросам, если решения должны приниматься на основе консенсуса трех основных руководителей министерства, у каждого из которых может быть особая позиция, диктуемая национальными и религиозными интересами представляемого им народа. По этим причинам МИД не в состоянии сформулировать общепоснийскую позицию, например, по проблеме Косова. Очевидно, такая ситуация будет складываться и в отношении других, прежде всего региональных проблем³⁵.

Даже те немногие бошняцкие дипломаты, кто проявлял интерес к развитию отношений с Россией делали это в парадигме соперничества с сербами. Так, посол по особым поручениям МИД БиГ Хасан Дервишбегович, говоря весной 1998 г. о «растущем интересе к России с ее огромным экономическим, научно-техническим и культурным потенциалом, неограниченными возможностями рынка <...> настойчиво проводил мысль, что в БиГ надежным партнером России являются бошняки, а не сербы с их непредсказуемым к ней отношением, которое он, сравнивая с поведением ревнивой жены, образно охарактеризовал как «люблю и ненавижу». По его мнению, «России на Балканах по примеру США необходимо найти ключ к мусульманскому

³⁴ Там же. Л. 56–57.

³⁵ Из дневника Ф.Ф. Сидорского. Запись беседы с заместителем министра иностранных дел БиГ Х. Живалем 31 марта 1998 г. // Там же. Л. 47–48.

фактору, активно использовать его в своей политике»³⁶. Но и Дервишбегович признавал очевидное:

На фоне активизации сотрудничества БиГ с европейскими и мусульманскими странами, являющимися важным источником получения финансовой помощи и кредитов, связи с Россией по существу находятся на начальной стадии. Этому направлению уделялось недостаточно внимания: с опозданием установлены дипломатические отношения, открыты посольства, осуществляются конкретные шаги по налаживанию двустороннего сотрудничества³⁷.

Вызванные межобщинными противоречиями проблемы в работе структур второй автономии БиГ, объединявшей бошняков и хорватов Федерации, еще ранее отмечал в отдельной записке советник представительства Н. Е. Новожилов:

Исполнительная власть в Федерации способна функционировать лишь тогда, когда внутри правительства применяется принцип “разделения власти”, т. е. министр (хорват или мусульманин в зависимости от министерства) сам принимает решение в своей области. Но опять же, это возможно лишь до той степени, когда не затрагиваются интересы второй стороны. Как только “ущемляются” чьи-то интересы, подключаются СМИ и начинается скандал, парализующий практически всю работу правительства. В качестве примера можно назвать <...> ноты протеста МИД БиГ, направленные в свое время Хорватии, подписанные зам. мининдел Живалем, о которых Я. Прлич³⁸ сказал, что он о них ничего не знает и что это не МИД, а Живаль направил ноты³⁹.

По мнению дипломата:

В основе всех проблем функционирования совместных федеральных органов Федерации БиГ в целом скрывается взаимное недоверие и подозрительность хорватской и мусульманской сторон,

---

³⁶ Из дневника А. В. Ткаченко. Запись беседы с послом по особым поручениям МИД БиГ Х. Дервишбеговичем 8 мая 1998 г. // Там же. Л. 77–78.

³⁷ Там же. Л. 77.

³⁸ Ядранко Прлич (р. 1959 г.) – министр иностранных дел БиГ в 1996–2001 гг., хорват. В 2013 г. осужден Международным уголовным трибуналом по бывшей Югославии и приговорен к 25 годам заключения.

³⁹ Н. Е. Новожилов – Н. Н. Афанасьевскому, А. Г. Аксененку. К вопросу о проблемах в Федерации БиГ. 3 ноября 1997 г. // АВП РФ. Ф. 933. Оп. 2. Д. 4. П. 2. Л. 123.

взаимная неуступчивость и нежелание идти на компромиссы. Единственным фактором, заставляющим искать пути решения проблем, по сути дела является постоянное давление международного сообщества, в первую очередь США, и угроза прослыть “некооперативными в имплементации Дейтоносского соглашения”. Характерно, что обострение или смягчение проблем в Федерации напрямую зависит от “силы нажима” на хорватскую и мусульманскую стороны (в отличие от РС, где давление международного сообщества часто имеет прямо противоположный эффект).

Приводя обширный список конкретных проблем, разделявших бошняков и хорватов, Новожилов тем не менее сделал вывод, что «несмотря на разнообразие их существа, все они имеют один общий знаменатель — национальный вопрос»⁴⁰.

С конца 1990-х гг. прошло уже более 20 лет, но современный бошняцкий исследователь внешней политики БиГ Ясмин Муянович описывал политическую карту страны как этническую фрагментацию, приведшую к «перманентному господству нескольких националистических политических блоков, каждый из которых помимо безжалостного удержания власти в своих уделах имеет категорически несовместимое видение внутренней и внешней политики БиГ»⁴¹. Он выделил бошняцкую Партию демократического действия,

<...> все более тяготеющую к турецкой Партии справедливости и развития как к идеологическому и стратегическому партнеру в продвижении своего видения БиГ как прежде всего <...> национального государства бошняков, <...> сербских националистов из СНСД, поддерживающих тесные связи с Белградом и Москвой для защиты автономии Республики Сербской, <...> хорватских националистов из Хорватского демократического содружества (ХДС), ориентированного на Загреб как своего защитника и покровителя как на региональном, так и на европейском уровне и мечтающего урвать себе автономию по примеру сербов с их РС.

Некоторым отличием от описанных ранее традиционной боснийской тройственной модели является введенный автором четвертый, «гражданский» элемент, представленный сараевскими партиями, «способными представить “общербоснийский” подход». Правда, и сам автор вынужден признать, что ряд недостатков дейтонской

⁴⁰ Там же. Л. 122.

⁴¹ Mućanović 2019: 164–165.

конституции никак не дает этим «силам прогресса» привлечь симпатии избирателей⁴².

Приведенные данные позволяют сделать ряд выводов о долгосрочных традициях внешнеполитической ориентации основных боснийских общин, равно как и об известной их эволюции к началу XXI в.

Прежде всего, для внешнеполитической ориентации бошняков, сербов и хорватов и в середине XIX в., и 150 лет спустя характерна их принципиальная разноразнонаправленность. И А. Ф. Гильфердинг, и российские дипломаты, и их боснийские собеседники, независимо от этнического происхождения практически в унисон утверждают, что бошняки смотрят прежде всего на Турцию, хорваты — на Запад, а сербы — на Россию, причем эти фундаментальные ориентации непосредственно влияют на практические решения политиков (в случае России речь шла как о стремлении лидеров РС использовать любую возможность для сотрудничества с Москвой, так и о столь же постоянном уклонении бошняков и хорватов от предложений взаимодействия).

Конечно, 150 лет исторического развития неизбежно повлияли и на внешние устремления боснийских общин. Если А. Ф. Гильфердинг застал преимущественно конфессиональную идентификацию, его собеседники воспринимали себя как представителей прежде всего конфессиональных общин, то в конце 1990-х гг. собеседники российских дипломатов в Сараеве представляли прежде всего этнические общины, и конфессиональный фактор ими упоминается, но играет уже явно подчиненную роль.

Также заметно изменение внешних центров притяжения для боснийских общин:

- для бошняков наряду с традиционной Турцией теперь упоминается и арабский мир, а также Запад, прежде всего США, сыгравшие главную роль в поддержке Сараева в ходе гражданской войны 1992–1995 гг. и выступающие основным гарантом сохранения единой БиГ;
- для сербов сохранившаяся ориентация на Россию уступила первенство общесербским интересам, ориентация прежде всего на Сербию (в конце 1990-х гг. — на Союзную республику Югославию);
- хорватов распад Австро-Венгрии заставил обратить их взоры на Загреб, а из держав Запада — прежде всего на Германию.

---

⁴² Mujanović 2019: 165.

Тем не менее, эволюция эта носит частный характер и не меняет фундаментальных отличий устремлений боснийских общин, практически исключая проведение сколько-нибудь последовательной единой и приемлемой для всех внешней политики. Практическим следствием отмеченной разнонаправленности является повышенная чувствительность политической сцены БиГ к обострениям противоречий между значимыми для ее общин внешними центрами силы, неизбежно осложняющие отношения и между их боснийскими симпатизантами.

Список сокращений

АВП РФ — Архив внешней политики Российской Федерации
БиГ — Босния и Герцеговина
РС — Республика Сербская
СДП — Сербская демократическая партия
СНСД — Союза независимых социал-демократов
СРЮ — Союзная Республика Югославия
ФБиГ — Федерация Боснии и Герцеговины

Литература

- Вуйович 2019 — *Вуйович Н.* Последний рейс из Дейтона. Переговоры за закрытыми дверями / пер. с серб. А. А. Силкина. М.; СПб.: Нестор-История, 2019.
- Мельчакова 2019 — *Мельчакова К. В.* Босния и Герцеговина в общественно-политической жизни России в 1856–1875 гг. М.: Индрик, 2019.
- Никифоров 1999 — *Никифоров К. В.* Между Кремлем и Республикой Сербской (Боснийский кризис: завершающий этап). М.: Институт славяноведения РАН, 1999.
- Энгельгардт 2015 — *Энгельгардт Г. Н.* Босния и Герцеговина // Центральная и Юго-Восточная Европа. Конец XX — начало XXI в. Аспекты общественно-политического развития. Историко-политологический справочник / редкол.: К. В. Никифоров (отв. ред.), Е. Л. Валева, Э. Г. Задорожнюк и др. М.; СПб.: Нестор-История, 2015. С. 76–106.
- Энгельгардт 2017 — *Энгельгардт Г. Н.* Навязываемая интеграция и механизмы ее обхода в политической практике Боснии и Герцеговины // Вынужденное соседство — добровольное приспособление в дипломатических и международных отношениях в Центральной и Юго-Восточной Европе XVIII–XXI вв. / редкол.: М. Ю. Дронов, А. А. Леонтьева, О. В. Хаванова (отв. ред.). М.; СПб.: Нестор-История, 2017. С. 314–328.

- Энгельгардт 2019 — *Энгельгардт Г.Н.* Референдум о Дне Республики Сербской — политический ответ на манипуляции в сфере исторической политики // Центральноевропейские исследования 2018. 2019. Вып. 1(10). С. 143–163.
- Кецмановић 2007 — *Кецмановић Н.* Немогућа држава: Босна и Херцеговина. Београд: Филип Вишњић, 2007.
- Bandžović 2014 — *Bandžović S.* Bošnjaci i Turska. Deosmanizacija Balkana i muhadžirski pokreti u XX stoljeću. Sarajevo: Amos Graf, 2014.
- Chollet 2005 — *Chollet D.* The Secret History of Dayton U.S. Diplomacy and the Bosnia Peace Process 1995. National Security Archive Electronic Briefing Book. No. 171. URL: <http://www.gwu.edu/~nsarchiv/NSAEBB/NSAEBB171> (дата обращения: 14.10.2019).
- Holbrooke 1998 — *Holbrooke R.* To end a war. New York: Random House, 1998.
- Mujanović 2019 — *Mujanović J.* A Strategic Review of BiH's Bilateral Relations with the Major Powers // Bosnia and Herzegovina's foreign policy since independence / ed. by J. Hasić, D. Karabegović. London: Palmgrave Macmillan, 2019. P. 163–183.

References

- Bandžović, S., 2014. Bošnjaci i Turska. Deosmanizacija Balkana i muhadžirski pokreti u XX stoljeću. Sarajevo: Amos Graf.
- Chollet, D., 2005. The secret history of Dayton U.S. Diplomacy and the Bosnia peace process 1995. *National Security Archive Electronic Briefing Book* 171. URL: <http://www.gwu.edu/~nsarchiv/NSAEBB/NSAEBB171> (accessed: 14.10.2019).
- Engelhardt, G.N., 2015. Bosniia i Gertsegovina [Bosnia i Herzegovina]. In: Nikiforov, K.V. (Ed.-in-chief), Valeva, E.L., Zadorozhnyuk, E.G. et al., eds. *Tsentrāl'naia i Iugo-Vostochnaia Evropa. Konets 20 — nachalo 21 v. Aspekty obshchestvenno-politicheskogo razvitiia. Istoriko-politologicheskii spravochnik* [Central and South-Eastern Europe. The late twentieth — the early twenty first century. Aspects of social and political development. Historical and political manual]. Moscow; Saint Petersburg: Nestor-Istoriia, pp. 76–106.
- Engelhardt, G.N., 2017. Naviazivaemaia integratsiia i mekhanizmy ee obkhoda v politicheskoi praktike Bosnii i Gertsegoviny [Imposed integration and the techniques of bypassing it in political practice of Bosnia and Herzegovina] In: Dronov, M.Yu., Leontyeva, A.A., Khavanova, O.V. (Ed.-in-chief), eds. *Vynuzhdennoe sosiedstvo — dobrovol'noe prisposoblenie v diplomaticheskikh i mezhnatsiona'lnykh otnosheniyakh v Tsentrāl'noi i Iugo-Vostochnoi Evrope 18–21 vv.* [Constrained neighbours — free-will adaptation in the diplomatic and inter-national relations on Central and Eastern Europe from the eighteenth

- to the twenty-first century]. Moscow; Saint Petersburg: Nestor-Istoriia, pp. 314–328.
- Engelhardt, G. N., 2019. Referendum o Dne Respubliki Serbskoi — politicheskii otvet na manipuliatsii v sfere istoricheskoi politiki [The referendum on Republika Srpska's National Day — a political response to the abuse of historical policy]. In: *Tsentral'noevropeiskie issledovaniia*, 2018, 1 (10), pp. 143–163.
- Holbrooke, R., 1998. *To end a war*. New York: Random House.
- Kecmanović, N., 2007. Nemoguća država: Bosna i Hercegovina [Impossible state: Bosnia and Herzegovina]. Belgrade: Filip Višnjić.
- Mel'chakova, K. V., 2019. *Bosniia i Hertsegovina v obshhestvenno-politicheskoi zhizni Rossii v 1856–1875 gg.* [Bosnia and Gertsegovina in Russian social-political life, 1856–1875]. Moscow: Indrik, 2019.
- Mujanović, J., 2019. A strategic review of BiH's bilateral relations with the major powers. In: Hasić, J., Karabegović, D., eds. *Bosnia and Herzegovina's foreign policy since independence*. London: Palmgrave Macmillan, pp. 163–183.
- Nikiforov, K. V., 1999. *Mezhdú Kremlem i Respublikoi Serbskoi (Bosniiskii krizis: zavershaiushchii etap)* [Between the Kremlin and Republika Srpska. The Bosnian crisis: final stage]. Moscow: Institut slavianovedeniia RAN.
- Vujović, N., 2019. *Poslednii reis iz Deitona. Peregovory za zakrytymi dveriami* [The last flight from Dayton. Talk behind the closed doors], translated by A. A. Silkin. Moscow, Saint Petersburg: Nestor-Istoriia.

Georgi N. Engelhardt

PhD, Research Fellow, Institute of Slavic Studies, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia. 119334, Leninsky prospect, 32A. E-mail: georgi.engelhardt@gmail.com

Bosnian ethnic communities' long-term foreign policy affiliations: from the Crimean War to Dayton

The essay treats the long-term patterns of Bosnia and Herzegovina's (BiH) constituent peoples' (Bošnjaks, Croats, and Serbs) foreign policy orientations as seen by Russian diplomats. Comparative analysis is based on the first Russian study of the area, *Bosnia, Herzegovina and Ancient Serbia* (1859) by Alexander F. Gilferding, first Russian Consul in Sarajevo, as well as on contemporary documents of the Archives of Foreign Policy of the Russian Federation from 1995 to 1998. The object of this study is to investigate the descriptions of their Bosnian counterparts from all three main ethnic groups in order to find out long-term patterns and their evolution from the middle of the nineteenth to the early twenty-first centuries. In both the middle of the nineteenth and at the dawn of the twenty-first centuries, Russian diplomats reported on fundamental differences in the foreign policy orientations of BiH's Bošnjaks, Croats, and Serbs. Their Bosnian counterparts, regardless of their ethnic origin, almost unanimously stated that the Bošnjaks were looking towards Turkey, the Croats towards the West, and the Serbs towards Russia. These fundamental sympathies directly influenced Bosnian politicians' actions. For Russia, it meant that Republika Srpska's leaders were eager to use every possibility to cooperate with Moscow as well as the near-total neglect of Russian propositions by Bošnjak and Croat leaders. Nevertheless, these long-term patterns have evolved over the last 150 years. Alexander Gilferding recorded the predominantly confessional identity of Bosnians. In the late 1990's however, Bosnians perceived themselves primarily ethnically, with the religious factor somewhat subordinated to ethnicity. Furthermore, there is a visible evolution of foreign policy orientation for Bosnian peoples: (a) the Bošnjaks, along with the habitual attraction to Turkey, are now drawn to the wider Arab world and the US, inasmuch as their support was crucial during the Bosnian War of 1992–1995 and for the maintenance of BiH's very existence; (b) the Croats no longer gravitate towards Vienna, but to Zagreb and Germany; and (c) the Serbs are drawn to pan-Serb interests, with a predominant orientation towards Serbia (FRY of the late 1990s), which has become more important than their still existing penchant

---

for Russia. However, even such an evolution does not alter the fundamental differences between BiH's constituent peoples' aspirations that effectively exclude any coherent and widely accepted foreign policy. Therefore, the Bosnian political scene is extremely sensitive towards tensions between the global centres to which its constituent peoples gravitate.

Keywords: Bosnia and Herzegovina, Dayton's Bosnia, Republika Srpska, Russian-Bosnian relations, Russian-Serb relations, long-term foreign policy affiliations

Анна Константиновна Александрова

Кандидат исторических наук, научный сотрудник, Институт славяноведения РАН, Москва, Россия. 119334, Ленинский проспект, 32А. E-mail: anna.k.aleksandrova@gmail.com

История Греции в современном российском нарративе (на примере книги Н. Ниссен «Греческая мозаика: История. Люди. Путешествия»)

В статье рассматривается история Греции в российском нарративе начала XXI в. В качестве примера выбрана книга Натальи Ниссен «Греческая мозаика: История. Люди. Путешествия» (издана в 2013 г.). Жанр книги можно обозначить как собрание очерков, посвященных Греции, связанных общей сюжетной нитью — жизнью и путешествиями иностранки в этой стране. Автор несколько лет прожила в Греции на рубеже XX–XXI вв. Она путешествовала по стране со своим другом, греческим историком Яннисом, и рассказывала читателям об увиденном и о его истории. Н. Ниссен — историк и журналист, что позволяет отнести ее красочное и поэтическое, но в то же время насыщенное фактическим материалом описание истории и культуры Греции к своего рода «квалифицированной публицистике». При этом в книге господствует устоявшийся в России нарратив, согласно которому греки — это добрый, гостеприимный, переживший множество страданий народ, неразрывно связанный со своим древним и очень богатым прошлым. Несмотря на фундаментальное знание истории Греции и глубокое погружение в ее повседневную жизнь, автор осталась во власти сложившихся представлений об этой стране, что помешало ей объективно оценить все аспекты греческой жизни, в том числе и негативные.

Ключевые слова: Греция, культура Греции, нарратив, российско-греческие отношения

На протяжении последнего тысячелетия между Россией и Грецией существовали и существуют прочные политические, экономические и культурные связи, их объединяет общая религия. В сознании двух народов неизбежно сформировался достаточно сложный комплекс устойчивых представлений друг о друге¹. С течением време-

---

¹ Подробнее см: Соколовская (ред.) 2018.

ни, по мере социальных и политических изменений в обеих странах представления эти менялись, эволюционировали, но трансформации эти коснулись в первую очередь деталей и специфики восприятия отдельных аспектов «братской», «родственной» культуры, основа же их оставалась и остается неизменной. В рамках одной статьи невозможно, конечно, проследить все изменения взаимного восприятия России и Греции за много столетий существования двухсторонних отношений, поэтому ограничусь рассмотрением относительно небольшого периода конца XX — начала XXI в., неизбежные же сравнения с идеями и взглядами предшествующих эпох носят тезисный характер.

В данной статье рассматривается образ Греции и ее истории, а также ее отношение к России в современном российском нарративе. В качестве примера (отнюдь не единственного²) была выбрана книга Натальи Ниссен «Греческая мозаика: История. Люди. Путешествия» (2013)³.

Жанр книги определить непросто. Формально это собрание очерков, посвященных Греции, связанных общей сюжетной нитью — жизнью и путешествиями иностранки в Греции. Это и пересказ греческой мифологии, и курс лекций по истории Греции, и путеводитель. Впрочем, этот путеводитель весьма поэтичен, содержит множество отступлений, а сама структура повествования позволяет, пусть и с некоторой натяжкой, отнести книгу Н. Ниссен к жанру путевых заметок, травелогов.

Автор — историк и журналист, то есть здесь мы имеем дело с «квалифицированной публицистикой», которая должна по возможности отходить — и действительно отходит — от стереотипов и устоявшихся представлений, от намеренной экзотизации образа иной культуры. С другой стороны, полностью избежать влияния господствующего нарратива автор, естественно, не может. Для публицистического произведения это неизбежно и вполне естественно, в отличие от академических публикаций, где зачастую встречаются элементы того же господствующего нарратива⁴. В последние годы, после начала финансово-экономического кризиса в Греции, этот нарратив обогатился

² См. также, например: Никулин 2014.

³ Ниссен Н. Греческая мозаика: История. Люди. Путешествия. 2-е изд. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2018. 496 с.

⁴ Petrakis 2012.

новыми деталями⁵. С одной стороны, в представлении и общественности, и отдельных представителей экспертного сообщества греки оказались сегодня ленивым народом, стремящимся решить свои проблемы за чужой счет⁶; с другой — Греция стала беззащитной жертвой хищнической неолиберальной политики Евросоюза⁷.

Автор несколько лет прожила в Греции на рубеже XX–XXI вв. Она путешествовала по стране со своим другом Яннисом — греческим историком, и рассказывает читателям об увиденном — и о его истории. «Исторический» контекст книги неизбежен. И это неудивительно при описании страны, основное богатство которой — именно ее история (во всяком случае, это так с точки зрения русских и европейских наблюдателей — то есть мы и сами не претендуем на объективность, оставаясь во власти устоявшегося нарратива). Описываемые исторические события (зачастую локального характера) по большей части являются общеизвестными⁸, однако удивляет своей необычностью угол зрения автора на эти хрестоматийные сюжеты. Этого невозможно добиться без глубокого знания истории и без погружения в культуру народа. Так, автор провела убедительные параллели между современностью и падением Константинополя в 1453 г., актуализируя это событие и делая его чуть ли не злободневным⁹. Н. Ниссен доходчиво и убедительно рассказала о «славянской» странице истории Греции¹⁰ — а ведь эта тема, наравне с периодом османского владычества, до сих пор остается болезненной для многих греков, считающих себя наследниками античных эллинов.

Автор не скрывала пристрастного отношения к описываемым событиям. Н. Ниссен почти всегда занимала сторону греков, о каком бы периоде их истории ни шла речь. Такая позиция вполне соответствует духу русского филэллинства¹¹. Но это не покровительственное филэллинство XIX в. — с немалой толикой имперских замашек и уж по меньшей мере со стремлением расширить за счет греков сферу политического влияния России; тогда значительной частью русских

⁵ Malakos 2013; Kitromilides 2013; Catsambas 2016.

⁶ Zirinis 2010: 79.

⁷ Milios, Sotiropoulos 2010; Kitromilides 2016.

⁸ Ср., например: Петрунина 2010.

⁹ Ниссен Н. Греческая мозаика. С. 245–254.

¹⁰ Там же. С. 377–386.

¹¹ Янници 2013.

«чужеземцев» отмечалось невежество и непросвещенность греков, а значит, по их мнению, греки стояли на ступень ниже, чем они сами, были людьми «второго сорта»¹². Теперь речь шла о попытке «подружиться» на равных условиях. «Чужеземец» уже не пытается дистанцироваться от культуры, внутри которой он оказался, как, например, Печорин, который, несмотря на восхищение кавказцами, всегда видел огромную пропасть между их миром и своим — миром русского офицера и дворянина¹³. Насколько эта попытка успешна — другой вопрос. Пытаясь, осознанно или просто в силу профессиональной квалификации, избежать одной крайности, автор невольно ударяется в другую. Сложившийся набор представлений об иной культуре неизбежно препятствует действительному погружению в нее: автор чуть ли не идеализирует греков, практически лишая их отрицательных черт.

Поменялось отношение «чужеземцев» и к Древней Греции. Раньше связь между жалкими греческими деревушками (одной из них, по сути, были и Афины два столетия назад) и прекрасной античностью была для сторонних наблюдателей неочевидной. Отсюда — массовый вывоз в «настоящую», «культурную», «цивилизованную» Европу древнегреческих памятников культуры. Участники этого процесса были уверены, что таким образом они не грабят страну, а спасают памятники прошлого от разграбления местными «варварами». Многовековая история Греции, с конца античности до XIX в., канула в пропасть между метрополией и колонией, центром и периферией, просвещенностью и невежеством. Сегодня «чужеземец» понимает, что население любой страны, имеющей древнюю историю, живет вплотную и неразрывно с прошлым и с его памятниками. При этом «туземец» может не знать, чем так ценен памятник, из обломков которого построена его хижина, и стоящий рядом с «благородными» руинами жилой дом — это не варварство и неуважение к прошлому, а исторически сложившаяся действительность.

Между описаниями мест и связанных с ними исторических событий автор вставила бытовые сценки, в которых выступила как повествователь и героиня книги. Греческие обычаи и нравы невозможно

---

¹² См., например: *Шуф В.* На Востоке. Записки корреспондента о Греко-турецкой войне. СПб., 1897.

¹³ Эткинд 2016: 179–183.

понять без погружения (по мере возможности) в повседневную жизнь греков, и одновременно здесь важен взгляд именно «чужеземца», взгляд со стороны. Первое и самое, пожалуй, важное для «чужеземца» качество греков — это гостеприимство. В бесчисленных греческих кафе всегда рады новому посетителю. Приехавшая из России чужестранка стала родной не только для владелицы квартиры, которую она арендовала, но и для хозяек всех соседних домов. Встреча на улице со знакомыми всегда оборачивается 20-минутным разговором о здоровье близких и о повседневных делах. Гостей провожают долго, порой со слезами на глазах, набив их сумки всевозможными вкусами собственного приготовления.

Автор предпочла не говорить об отрицательных чертах греков и «непарадных» сторонах жизни в Греции — повсеместной бедности, лени, грязи. Таким образом, свойственная данному нарративу идеализация сделала поэтическое описание современной Греции однобоким и пристрастным, страна предстала в романтическом образе, хоть и с поправкой на XXI в. Характер экзотизации несколько изменился, но сама она никуда не исчезла. Показателен тут и выбор жанра и структуры книги: путевые заметки о путешествиях по странам Востока всегда были неизбежно связаны именно с конструированием специфического образа экзотической страны. Автор такого текста сам ставит себя в положение все того же Печорина, пусть сегодня и гораздо более благожелательного. В оправдание автора можно сказать, что первое предложение в книге звучит так: «Эта книга — признание в любви»¹⁴. Безусловно, книга такого жанра и не может претендовать на объективность, и способность автора признать этот факт и не пытаться обмануть читателя мнимой правдивостью рассказа заслуживает высочайшей похвалы. Тем не менее, выбор структуры повествования, расстановка акцентов, набор описываемых черт *другого*, в общем, выбор языка этого признания свидетельствует о глубокой укорененности давно устоявшихся способов говорить и думать о Греции, от которых автор отойти не в состоянии.

Важно, что в роли «чужеземца» в книге выступает именно русский человек: русских греки всегда выделяли и выделяют среди остальных иностранцев. Здесь мы наблюдаем, как удачно русский нарратив — причем не только современный — пересекается с греческим,

---

¹⁴ Нуссен Н. Греческая мозаика. С. 8.

и в данном случае это вполне закономерно и обусловлено исторической действительностью. Между греками и русскими — единоверцами — всегда существовали прочные связи, причем как на официальном уровне, так и на уровне человеческих взаимоотношений. Мы привыкли думать, что русские, хоть формально и остаются «чужеземцами», на самом деле давно являются для греков «родными»¹⁵.

Итак, публицистика Натальи Ниссен создала хоть и многогранный, но романтический и почти лишенный отрицательных черт, а потому не вполне достоверный образ современной Греции, который неразрывно связан с ее прошлым. Времена и международная обстановка меняются, меняется и отношение к грекам — теперь это люди из другой страны, но не из другого мира. Однако прежней остается суть российского нарратива: единоверцы-греки — это добрый, гостеприимный, щедрый, много переживший и страдавший народ, помнящий свою древнюю и очень богатую историю. Этот нарратив господствует в книге Н. Ниссен, и, несмотря на фундаментальное знание истории Греции и глубокое погружение в ее повседневную жизнь, автор осталась во власти сложившихся представлений об этой стране, что помешало ей объективно оценить все аспекты греческой жизни, в том числе и негативные.

Литература

- Никулин 2014 — *Никулин А.* Острова невезения. М.: Paulsen, 2014.
- Соколовская (ред.) 2018 — 1000 лет вместе: ключевые моменты истории России и Греции / отв. ред. О. В. Соколовская. М.: Институт славяноведения РАН, 2018. DOI: 10.31168/0401-5.
- Петрунина 2010 — *Петрунина О. Е.* Греческая нация и государство в XVIII–XX вв.: очерки политического развития. М.: КДУ, 2010.
- Эткинд 2016 — *Эткинд А.* Внутренняя колонизация. Имперский опыт России. М.: Новое литературное обозрение, 2016.
- Янницы 2005 — *Янницы Ф.* Греческий мир в конце XVIII — начале XX вв. по российским источникам (к вопросу об изучении самосознания греков). СПб.: Алетейя, 2005.
- Янницы 2013 — *Янницы Т. К.* Эллинизм и филэллизм в России: прошлое, настоящее и будущее // Современная Греция в мировой экономике и политике / отв. ред. Ю. Д. Квашнин. М.: ИМЭМО РАН, 2013. С. 159–163.

---

¹⁵ Янницы 2005.

- Catsambas 2016 — *Catsambas Th.* The Greek economic crisis: Myths, misperceptions, truths, and realities // *Mediterranean Quarterly*. 2016. Vol. 27. No. 1. P. 55–70. DOI: 10.1215/10474552-3488060.
- Kitromilides 2013 — *Kitromilides Y.* Stories, fables, parables, and myths: Greece and the Euro crisis, toward a new narrative // *Journal of Economic Issues*. 2013. Vol. 47. No. 3. P. 623–638.
- Kitromilides 2016 — *Kitromilides Y.* The conundrum of Greece and the Eurozone: puzzles, paradoxes and contradictions // *Panoeconomicus*. 2016. Vol. 63. Issue 2 (Special Issue). P. 175–194. DOI: 10.2298/PAN1602175K.
- Malakos 2013 — *Malakos T.* Greece facing herself: The past and present as fate // *Journal of Balkan and Near Eastern Studies*. 2013. Vol. 15. Iss. 1. P. 1–15. DOI: 10.1080/19448953.2013.766080.
- Milios, Sotiropoulos 2010 — *Milios J., Sotiropoulos D.P.* Crisis of Greece or crisis of the euro? A view from the European “periphery” // *Journal of Balkan and Near Eastern Studies*. 2010. Vol. 12. Issue 3. P. 223–240. DOI: 10.1080/19448953.2010.506806.
- Petrakis 2012 — *Petrakis P.* The Greek economy and the crisis: Challenges and responses. Berlin; Heidelberg: Springer-Verlag, 2012. DOI: 10.1007/978-3-642-21175-1.
- Zirinis 2010 — *Zirinis Y.* Die griechische Krise als Paradigma // *Europa 2010 — Das Ende der Solidarität?* / Hrsg. von H. Jankowski, K. Bohr-Jankowski. München: Herbert Utz Verlag, 2010. S. 75–82.

References

- Catsambas, Th., 2016. The Greek economic crisis: Myths, misperceptions, truths, and realities. *Mediterranean Quarterly*, 27 (1), pp. 55–70. DOI: 10.1215/10474552-3488060.
- Etkind, A., 2016. *Vnutrennaia kolonizatsiia. Imperskii opyt Rossii* [Internal Colonization: Russia's Imperial Experience]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie.
- Iannitsi, F., 2005. *Grecheskii mir v kontse 18 — nachale 20 vv. po rossiiskim istochnikam (k voprosu ob izuchenii samosoznaniia grekov)* [The Greek world from the late eighteenth to the early twentieth centuries according to Russian sources (on the question of the Greek self-consciousness)]. Saint Petersburg: Aleteia.
- Iannitsi, T.K., 2013. Ellinizm i filellinizm v Rossii: proshloe, nastoiashchee i budushchee [Hellenism and philhellenism in Russia: Past, Present and Future]. In: Kvashnin, Iu.D., ed. *Sovremennaia Gretsii v mirovoi ekonomike i politike* [Modern Greece in the world economy and politics]. Moscow: IMEMO RAN, pp. 159–163.
- Kitromilides, Y., 2013. Stories, fables, parables, and Myths: Greece and the Euro crisis, toward a new narrative. *Journal of Economic Issues*, 47(3), pp. 623–638.

- Kitromilides, Y., 2016. The conundrum of Greece and the Eurozone: Puzzles, paradoxes and contradictions. *Panoeconomicus*, 63(2), pp. 175–194. DOI: 10.2298/PAN1602175K.
- Malakos, T., 2013. Greece facing herself: The past and present as fate. *Journal of Balkan and Near Eastern Studies*, 15(1), pp. 1–15. DOI: 10.1080/19448953.2013.766080.
- Milios, J., Sotiropoulos, D. P., 2010. Crisis of Greece or crisis of the euro? A view from the European “periphery”. *Journal of Balkan and Near Eastern Studies*, 12(3), pp. 223–240. DOI: 10.1080/19448953.2010.506806.
- Nikulin, A., 2014. *Ostrova nevezeniia* [Islands of misfortune]. Moscow: Paulsen.
- Petrakis, P., 2012. *The Greek economy and the crisis: Challenges and responses*. Berlin; Heidelberg: Springer-Verlag. DOI: 10.1007/978-3-642-21175-1.
- Petrunina, O. Ye., 2010. *Grecheskaia natsiia i gosudarstvo v 18–20 vv.: ocherki politicheskogo razvitiia* [Greek nation and state from the eighteenth to the twentieth century: Studies in political history]. Moscow: KDU.
- Sokolovskaya, O. V., ed., 2018. *1000 let vmeste: kliuchevye momenty istorii Rossii i Gretsii. Sb. statei* [1000 years together: key points in the history of Russia and Greece. Collection of papers]. Moscow: Institut slavianovedeniia RAN. DOI: 10.31168/0401-5.
- Zirinis, Y., 2010. Die griechische Krise als Paradigma. In: Jankowski, H., Bohr-Jankowski, K., eds. *Europa 2010 — Das Ende der Solidarität?* München: Herbert Utz Verlag.

Anna K. Aleksandrova

PhD, Research Fellow, Institute of Slavic Studies, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia. 119334, Leninsky Prospekt, 32A. E-mail: anna.k.aleksandrova@gmail.com

**Greece and its history in *The Greek mosaic: History, people, travels* by Natalia Nissen:
A contemporary Russian narrative**

The essay examines the contemporary Russian narrative on Greece and its history using *The Greek mosaic: History, people, travels* by Natalya Nissen as an example. The book is a collection of essays linked by a common plot thread – the life and travels of a foreigner in Greece. The author had spent considerable time living in Greece, and had travelled extensively accompanied by her friend, Yannis, a Greek historian, documenting both her travels and the historical backgrounds of the locations she visited. Nissen is a professional historian as well as a journalist, and her writing can certainly be considered “qualified” journalism at the very least, since the author has far more familiarity with the subject than an average travel writer. Despite that, the book is still influenced by the predominant Russian narrative about Greece, portraying the Greeks as kind, hospitable people, closely linked to the rich and fascinating history of their country. This prevents the author from presenting an accurate picture of the country and leads to her ignoring any and all negative social trends influencing contemporary Greek society, despite all her knowledge and the depth of cultural analysis.

Keywords: Greece, Greek culture, narrative, Russian-Greek relations

A Stranger's Gaze: Diplomats, Journalists, Scholars — Travellers between East and West from the Eighteenth Century to the Twenty-First

Edited by Olga Khavanova (Editor-in-Chief); Anna Leontyeva, Ksenia Melchakova

This collective monograph deals with the evolution of, and growing complexity in, the collection and analysis of information about the peoples and countries of East and West from the dawn of modernity to the present day. Chapters of the monograph reconstruct the biographies and careers of the main actors involved in cross-cultural dialog, such as diplomats, journalists, and scholars, who contributed to the accumulation of knowledge about political systems, methods of economic management, warfare, and the cultural achievements of the peoples of East and West. Furthermore, it explores the contribution of diplomatic and consular services to the collection, accumulation, and scrutiny of information regarding natural conditions, economics, population, social and political systems, and culture. Special attention is paid to the impact of journalism on public opinion and the spread of trustworthy and unreliable information.

Научное издание

ВЗГЛЯД ЧУЖЕЗЕМЦА.

Дипломаты, публицисты, ученые-путешественники
между Востоком и Западом в XVIII–XXI вв.

Утверждено к печати Ученым советом Института славяноведения РАН
(Протокол № 3 заседания Ученого совета
ФГБУН Института славяноведения РАН от 11.06.2020).

Корректор *В. И. Сайфутдинова*
Оригинал-макет *Л. Е. Голод*
Обложка *П. К. Донской, И. А. Тимофеев*

Подписано в печать 03.09.2020. Формат 60×90^{1/16}
Бумага офсетная. Печать офсетная. Усл.-печ. л. 23,5
Тираж 500 экз. Заказ № 2005

Издательство «Нестор-История»
197110 СПб., Петрозаводская ул., д. 7
Тел. (812)235-15-86
e-mail: nestor_historia@list.ru
www.nestorbook.ru

Отпечатано в типографии
издательства «Нестор-История»
Тел. (812)235-15-86